

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Труды, вып. 13

ПРОБЛЕМЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Дооктябрьский
период

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД · 1972

Редакционная коллегия:

Н. Е. НОСОВ (отв. редактор),
С. Н. ВАЛК, В. С. ДЯКИН

п 45 882

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий том «Трудов» Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР состоит из двух разделов: один из них посвящен проблемам крестьянского землевладения при феодализме, второй — проблемам политического и экономического развития России в эпоху капитализма.

Судьбы крестьянского землевладения при феодализме привлекают все большее внимание в исторической науке. Изучение различных форм крестьянского землевладения открывает широкие возможности для пристального рассмотрения внутренней структуры феодального общества. В настоящем сборнике проблема крестьянского землевладения рассматривается в разных аспектах. Коллективная статья Д. И. Раскина, И. Я. Фроянова и А. Л. Шапиро посвящена вопросам типологии форм крестьянского землевладения в России в XIV—XVII вв. Н. Е. Носов рассматривает вопрос об общих тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. и роли в этом процессе черносопного крестьянского землевладения. Статьи Ю. Г. Алексеева и А. И. Конанева посвящены проблемам конкретной истории черносопного землевладения: первая — в центральной Руси XV в., вторая — в Подвинье XVI в.

В своей совокупности указанные исследования дают широкий и разносторонний материал по истории крестьянского землевладения в период развитого феодализма в России в XV—XVII вв. Следует, правда, отметить, что по ряду поднимаемых в статьях вопросов их авторы стоят далеко не всегда на одинаковых позициях. И это не случайно, поскольку сама проблема крестьянского землевладения при феодализме является в настоящее время одной из наиболее дискуссионных в советской историографии. Цель же настоящих статей не подведение итогов (для этого нужны еще дополнительные исследования), а активное участие в дискуссии.

Статьи второго раздела посвящены истории российского самодержавия в конце XIX—начале XX в., его развитию, отношению с господствующими классами — дворянством и буржуазией — и политическому краху. Естественно, что в статьях, вошедших в данный сборник, рассматривается лишь ограниченный круг вопросов

этой исключительно сложной и большой темы. Основное внимание в сборнике уделено слабо изученным вопросам внутренней политики царизма и ее классовой направленности.

Статьи второго раздела можно разбить на три группы. В одной из них в центре внимания находятся проблемы взаимоотношений царизма и дворянства, проблемы политической борьбы «в верхах» в связи с проектами государственных реформ конца XIX—начала XX в. В. Г. Чернуха посвятила свою статью изучению политической борьбы вокруг проектов реформ местного управления в 70-е годы XIX в. Ю. Б. Соловьев освещает полемику в русской печати конца XIX в. о роли и месте дворянства в политическом строе России в условиях острейшего кризиса «верхов». В статье В. С. Дякина исследуются существо и причины провала задуманной Столыпиным местной реформы.

Вторая группа статей посвящена некоторым аспектам взаимоотношений царизма и буржуазии. Т. М. Китанина изучает политику Витте по вопросу хлебной торговли, ее место и роль в его общих экономических и политических планах. В статье Л. Е. Шопелева освещается политика царизма в конце XIX—начале XX в. в области акционерного учредительства.

Особое место занимают статьи В. Н. Гинева и Р. Ш. Ганелина. Статьи посвящены политике буржуазных и мелкобуржуазных партий России во время Февральской революции, показывают провал их политических замыслов. В. Н. Гинев касается аграрного вопроса, одного из коренных вопросов русской революции. Он показывает, как руководство эсеров перед лицом революционизации крестьянства шаг за шагом отступает от собственной программы. Политическая борьба по вопросу о провозглашении России республикой составляет содержание статьи Р. Ш. Ганелина.

Редакция выражает надежду, что публикуемые статьи, написанные в значительной степени на новых архивных и печатных материалах, привлекут к себе внимание специалистов, а поднятые в сборнике дискуссионные проблемы заинтересуют и широкие круги научной общественности.

Редакция приносит благодарность В. В. Мавродину, К. Н. Сербининой, Г. В. Абрамовичу, Б. В. Анапичу, Л. С. Семенову, а также всем другим товарищам, принимавшим участие в обсуждении и рецензировании настоящего сборника.

Д. И. РАСКИН, И. Я. ФРОЯНОВ, А. Л. ШАПИРО

О ФОРМАХ ЧЕРНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ XIV—XVII вв.

Прежде всего о заглавии: собственность и владение — несовпадающие понятия. Когда мы озаглавили статью термином «землевладение», мы имели в виду и собственность, и владение, имели в виду и процесс их взаимоперехода. XIV—XVII вв. избраны в статье потому, что это классическая пора феодализма, когда он уже сложился, а капиталистический уклад в его недрах еще не оформился.

При феодализме, кроме господствующей феодальной земельной собственности, предполагающей получение собственником отработочной, продуктовой или денежной ренты от державших землю крестьян, существовало землевладение, основанное на применении труда рабов (страдников на пашне); существовало и основанное на применении личного труда мелкое вотчинное землевладение черных крестьян, а также некрестьян. При феодализме сохранялись остатки общинной собственности на землю и появились зачатки буржуазной собственности, предполагающей использование наемного труда для производства сельскохозяйственных товаров. Эти разновидности земельной собственности различались по своей социально-экономической природе, и правильнее считать их не формами, а типами земельной собственности.

Типы земельной собственности феодального общества могли приобретать разную форму. Классическая феодальная земельная собственность выступала в безусловной (вотчина) и условной (поместье) форме; она была то личной (семейной), то корпоративной, то государственной. Мы уже не говорим о существенных различиях между крупной, средней и мелкой собственностью.

В настоящей статье мы попытаемся охарактеризовать лишь формы черного крестьянского землевладения и будем обращаться к землевладению частных светских и духовных феодалов лишь постольку, поскольку оно оказывало действительное влияние на черносошную деревню.

Наиболее ранним типом крестьянского землевладения является тот, который ведет нас к первобытнообщинным истокам. При этом следует иметь в виду, что родовой строй — это не только архаика, уцелевшая от первобытных времен, но и жизнь, продолжающаяся в рамках средневековья. Ф. Энгельс указывал: «... родовой строй может продолжать существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме в виде маркового строя и даже на некоторое время восстанавливаться в более слабой форме в позднейших дворянских и патрицианских родах, и даже в родах крестьянских».¹ Следовательно, поиски родовых рудиментов в средневековой Руси надо вести по двум направлениям: по линии территориальной общины, во-первых, и крестьянских родов, во-вторых.

Древний род распадался не на малые семьи, состоящие из отца, матери и детей, а на большие семейные союзы, объединявшие родителей и взрослых семейных сыновей или неразделенных братьев с женами, детьми, зятями, внуками. Иногда большая семья включала более широкий круг родственников, а также лиц, не связанных с главой семьи родственными узами.

Новгородские писцовые книги конца XV—начала XVI в. сохранили данные о типе и степени распространенности в это время больших семей в Северо-Западной Руси. Здесь резко преобладали крестьянские дворы из одной малой семьи, хотя встречались и такие, в которые входили две (а иногда и больше) малые семьи. В Деревской пятине среднее число семейных мужчин на двор было незначительным — 1.1. В Водской и Шелонской пятинах оно было более высоким (1.4—1.6), а в северных (заонежских) погостах достигало 1.7.² Здесь дворы с двумя, тремя и даже четырьмя неразделенными семьями не были редкостью. Такие семьи нередко упоминаются и в актовом материале, относящемся к Северо-Восточной Руси.³

Быть может, на севере в XIV в. еще сохранялись семьи, включающие в свой состав более широкий круг родственников, чем братья и племянники. В таком смысле толкует Л. В. Данилова купчую на Разуев остров (не ранее 1359 г.), где один из продав-

цов — Гошук стоял у печати «отто всего племени» продавцов.⁴ А. Я. Ефименко упоминает о разделе семьи, состоявшей из 12 детей, племянников и двоюродных братьев, и о семье из шести взрослых мужчин. Можно привести известия о других неразделенных семьях. Но А. Я. Ефименко полагала, что их можно считать «чистым типом» настоящей южнославянской задруги и что они являлись господствующим типом крестьянского хозяйства до присоединения Новгородской земли к Москве. Мы сейчас отлично знаем, что господствующим типом тогда было хозяйство малой семьи, а встречающиеся неразделенные семьи по своим размерам, как правило, были меньше обычной южной задруги. Это, конечно, не значит, что у восточных славян крупных семейных общин-задруг не было вовсе. Однако в рассматриваемое время о них уже говорить не приходится или почти не приходится. Речь, очевидно, должна идти не о задруге, а о большой отцовской семье.⁵

В XV—XVI вв. в сочетании с господствующим трехпольем в лесной полосе была широко распространена подсека, которая требовала больших трудовых усилий на расчистку земли. Но нельзя связывать устойчивость большой отцовской семьи только с подсечным земледелием. В Шелонской пятине, где подсека несомненно играла меньшую роль по сравнению с Деревской, большие семьи встречались значительно чаще, чем в этой последней. Даже в конце XIX в. большие семьи и вообще всякие многосемейные дворы имели определенные преимущества. В. И. Ленин отмечал, что «масса расходов в большесемейном дворе сокращается (на постройки, на домашнее обзаведение и хозяйство и пр. и пр.)».⁶

⁴ ГВНП, № 106; Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 267. Впрочем, возможно, племя состояло из четырех братьев. 4 человека по-имени названы в купчей грамоте.

⁵ М. М. Ковалевский говорит о задругах, насчитывавших целые десятки и сотни семей (М. М. Ковалевский. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879, с. 75. См. также записки К. Маркса, сделанные при изучении этой книги. — Советское востоковедение, 1958, № 3, с. 5). А. Я. Ефименко тоже пишет о задругах, в которых было до ста человек, но она полагала, что в некоторых местах имелись задруги, насчитывавшие по 20 человек и даже меньше (А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни. Вып. I. М., 1884, с. 57). Современный исследователь М. О. Косвен количественный состав семейной общины рассматривает исторически. В древнейшие времена, в эпоху патриархата, она доходила до 300 человек. Позднее, с расходом первобытнообщинного строя, семейная община уменьшилась до 40—70 человек. В условиях классового общества семейная община превратилась в особый тип большой семьи, которую М. О. Косвен именует отцовской. Последняя, по его мнению, состояла из 15—40 человек. При этом надо учитывать, что отцовская семья и задруга — разные формы семейной общины (М. О. Косвен. 1) Семейная община. — Советская этнография, 1948, № 3, с. 8, 18, 21; 2) Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 49, 65, 71).

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 127.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 169.

² Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Под ред. А. Л. Шапиро. Л., 1974, с. 322.

³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. II. М., 1956, № 229, 290, 293, 305, 333, 337, 374, 418 (далее — АСВР, т. II); Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. III. М., 1964, № 13, 48, 163, 172, 173 (далее — АСВР, т. III); Ю. Г. Алексеев. 1) Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.—Л., 1966, с. 18; 2) Черная волость Костромского уезда. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967, с. 73.

Большие семьи привлекают наше внимание в той мере, в какой они воздействовали на развитие поземельных отношений, и постольку, поскольку именно в недрах большесемейных объединений, воспринявших родовые традиции, вырабатывались принципы, определявшие понятие «вотчина». Термином «вотчина» (отчина) первоначально обозначалось только унаследованное от отца имущество. Нередко он употреблялся вместе с термином «дедина» в противопоставление купле и другому приобретенному не по наследству имуществу, т. е. первоначально термин «вотчина» был уже понятием «аллода».

В источниках XIV—XVI вв. наследственные владения черных крестьян, как и наследственные владения своеземцев, бояр или князей, именуются вотчинами. Но это не значит, что можно ставить знак равенства между этими типами землевладения. Необходимо строго различать три типа вотчин:

- а) вотчина черного крестьянина, на которую распространяются волостные разruby повинностей и власть волости;
- б) вотчина мелкого землевладельца, который не подвластен волости, не участвует в волостном тягле и сам обрабатывает свою землю (сюда относится значительная часть своеземцев);
- в) вотчина землевладельца, в которой сидят так или иначе зависимые от него и выплачивающие ему ренту люди; это уже феодальная вотчина.

В современной исторической литературе земельные владения черных крестьян XIV—XVI вв. обычно не называются вотчинами, и это находит себе оправдание в том, что вотчина черного крестьянина очень сильно отличается от вотчинного владения некрестьян, и особенно феодалов. Но не следует забывать, что люди XIV—XVI вв. именовали наследственные земли тем самым термином, которым они обозначали привилегированные земельные владения.⁷

Наследственные, как и купленные черными крестьянами, земли, а также земли, освоенные ими в результате заимки, являлись в XIV—XVI вв. объектом купли-продажи, залога и вклада в монастырь; они носили на себе явные черты аллодиального владения. А. И. Копанев привел многочисленные факты продажи и завещания земель Кирилло-Белозерскому монастырю в XIV—XV вв. людьми, которых он с полным основанием считает волостными крестьянами.⁸ О продаже волостными крестьянами XIV—XVI в. своей земли в центральных районах страны сообщают

⁷ О крестьянской вотчине на севере в нашей литературе пишется недостаточно. Нельзя считать обоснованным представление о крестьянской вотчине как продукте распада общины (см.: Л. В. Данилова. Очерки..., с. 236—237, 240—241), поскольку крестьянин-вотчинник оставался в то же время крестьянином-общинником, волощанином.

⁸ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, с. 33—155.

Ю. Г. Алексеев и А. Д. Горский.⁹ От XV в. до нас дошло немало известных и об аллодиальном владении северных крестьян. Около 1445 г. боярин Яков Дмитриевич купил у княжеостровских крестьян «у Филиповых детей у Баишина у Осея у Григория треть села Баишина, отчины Филипова, орамы земли, и пожни, и притеребы, и ловища всякие без вывета».¹⁰ По словам одной купчей середины XV в., крестьянин Матвей Урван Леонтьевич купил у своего племянника Василия Мартушова «землю, отчины его участок».¹¹

Приведенные факты — лишь малая толика документальных подтверждений существования крестьянского аллода на Русском Севере.

Но признавая, что чернососные крестьяне являлись носителями аллодиальных прав на землю, мы не можем забывать, что, поскольку речь идет о крестьянской вотчине XIV—XV вв., а отчасти и XVI в., в ней проявлялись черты, отражавшие правовые нормы, характерные для большой семьи. И несмотря на то что господствующее положение большой семьи в это время было решительно утрачено, отпечаток ее порядков в области землевладения еще зрим и осязаем. Он ощутим в праве преимущественной покупки родичами земель, являющихся наследственным достоянием, и в праве родового выкупа отошедших на сторону, в чужие руки, земель.

Право черных крестьян на вотчинные земли сохранялось, даже если вотчинник временно их покидал. Когда «вотчин» возвращался, он вступал в свои права. Вероятно, поэтому князья, щедрой рукой одарившие духовных и светских землевладельцев, старались жаловать те пустоши, у которых не было вотчиней, способных «наступить» на пожалованные земли. Об этом мы судим исходя из текста тарханной и несудимой грамоты вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого, выданной игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию. В ней сказано, что отец Андрея, великий князь Василий Васильевич, дал монастырю «свое пустоши, у которых пустошей вотчинчов нет».¹² Любопытный эпизод, отразивший обиденную практику прерогатив «вотчинча» на заброшенные земли, сохранила правая грамота (около 1462—1469 гг.), врученная настоятелю Саввина Сторожева монастыря Варлааму. «Тягался Семянко с Ивашкой Такорем, став на межи на суховерховской». Речь держал перед судьями первым Семянко, жалуясь на Ивана, который «поорал селище», землю городскую, его двора выть. Отвечая судьям, Ивашко стал доказывать, что

⁹ Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв., с. 67; А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 137.

¹⁰ ГВНП, № 149.

¹¹ Там же, № 159.

¹² АСВР, т. II, № 192.

спорная земля принадлежит монастырю. Судьи спросили Семянко: «Коль давно, как вы отведали, што Ивашко вашу землю делает городскую, твоего двора выть?». Семянко ответил: «Тому, господине, шестой год». Последовал новый вопрос: «О чем же ты не искал на Ивашке в ту шесть лет, што Ивашко делает вашу землю городскую, твоего двора выть?». И Семянко так рек: «Потому есмь, господине, не искал на Ивашки тое земли в ту шесть лет, — не вереме нам было, господине, — татарове у нас были, господине, да ждали есмь, господине, вочича».¹³

Когда волость отдавала запустевшие земли кому-либо в пользование, она оговаривала возврат «вотчичу», «буде таковой» объявится. Осенью 1594 г. крестьяне Утмановской волости дали какому-то Федору Семенову Подгорбунскому пустошь на реке Паданге, заброшенную «лет пятьдесят и больше», успевшую порастить «лесом большим в бревно». Несмотря на значительный срок, волостной мпр все еще не исключал появления «вотчича», которому новый владелец должен уступить ее.¹⁴ Замечательный по выразительности материал запечатлела наказная память устюжского воеводы М. И. Спешнева в Шаскую волость, где излагается содержание челобитной некоего устюжанина Максимки Шадрикова, а в ней говорится, что «в прошлых де годах владел ... в той Шаской волости деревнею Курденгою лет дватцать и болши дядя его родной Семен Шадриков, и государевы всякие подати платил, и от болши подати покинул впусе съ пасианым хлебом, и тою деревнею владеют Родка Леонтьев Попов, да Гурейко Алексеев, да Самко Чебыкин, да Безсонко Чебыкин же, да Семейка Митюков». Далее оказалось, что Семейка Митюков свою часть, четверть деревни, отдал «за свой вклад, а Родко Попов тое же полчети деревни продал в Троецкой монастырь игумену Ионе з братьею; да Гурейко продал племяннику своему Безсонку Чебыкину пол-чети, и тою деревнею владеет силно». Итак, вотчину Семена Шадрикова растащили по кускам, однако он «благословил тою деревнею» своего племянника «Максима з братьею», который и вчинил иск. На распросе ответчики Семенка Паптелеев, Родка Леонтьев, Самилко Логинов показали, что деревня Курденга «Семейки Шадрикова вотчинная; и в прошлые де годы тою деревнею Семейка покинул впусе, а мирские люди Шаской волости тою деревнею отдали им крестьяном по жеребьям до вотчинника ... и оне ... те ж свои жеребьи отдали Троецкого монастыря, что на Гледене, игумену Ионе з братьею до вотчинника ж, и данные им в том дали». Максим Шадриков выиграл дело. «И воевода Михайло Иванович Спешнев да Орефа Башмаков, того их судново дела слушав, приговорили и велели тою деревнею Курден-

гою владеть по своим писменным креностем и по благословенной исцу Максимку Шадрикову з братьею, а ответчиком Семейке Паптелееву с товарищи, и Троецкого монастыря игумену Ионе з братьею, и Семейке Моисееву Мартемьянову отказали и вперед в ту деревню вступатца не велели, потому что та деревня вотчинная исца Максимка, а им ответчиком игумену Ионе дана до вотчинника».¹⁵

«Вотчичи» возвращали себе земли, не только заброшенные родичами, но и проданные, а также данные и закладные. В этих случаях срабатывало право родового выкупа,¹⁶ столь привычное людям XV—XVII вв., что оно нашло оформление в законодательстве: впервые — в Судебнике 1550 г., затем в Судебнике 1589 г., который отвел ему несколько статей, продемонстрировав тем его жизненный характер.¹⁷

Являлось ли участие родичей в наследовании и право родового выкупа в XIV—XVI вв. результатом косной традиции, простым анахронизмом, или эти правовые феномены вызывались потребностями жизни и были связаны с условиями крестьянского производства и семейного быта? Мы думаем, что, отвечая на этот

¹³ РИБ, т. XII, с. 208—209.

¹⁶ «А кто выиде отчинник той земли, и он даст три рубли, а отчиной володее» (ГВНП, № 298); «А будет Игнатьевым детем до земли, а куну у них будут свои, ино дають куну святому Николи, а земля им...» (ГВНП, № 226); «А хто буде моего роду, или племени, или братьи, или зятю, или дочерей, или внуцать, а хто имеет мое старцево Григорьева продаше подвигивати, дадут святому Николе 50 сьрков белки да корову попользък с приплодом» (ГВНП, № 155); «А понадобитца та земля дочерям моим или родником моим, и они бы дали святому Егорию сорок алтын денег» (РИБ, т. XIV, с. 1); «А взоцнет Федот Некрас да Василий, да Иван Патрекеевы дети тою земли искати, ино на них великого князя судьям десять рублей московскую» (РИБ, т. XIV, с. 6); «А выкупят у нас отчичи землю, ино та земля старосты и всем волощанем отдати и даная грамота выдати, а двory монастырские сняти» (РИБ, т. XIV, с. 32); «А выищце вочич, и волощаном приходу святого Егорна денги зяти три рубли святому Егорию в дом, а земля ему отдать» (РИБ, т. XIV, с. 32); «А выступит вотчич каков с выкупом да выкупит у нас деревню, куплю батка нашего, и святому Георгию отступитись тою земли безденежно» (РИБ, т. XIV, с. 36).

¹⁷ Памятники русского права. Вып. IV. М., 1956, с. 256—257, 434—435. Почему Судебник 1497 г. игнорировал родовой выкуп и лишь царский Судебник стал толковать о нем? Этот вопрос беспокоил еще дореволюционных историков. В. И. Сергеевич советовал строго различать бытовой (обычный) выкуп, относящийся ко временам «очень почтенной старины», и указный выкуп, бывший повведением XVI в., право на который закон предоставил некоторым лицам. По обычному же праву никто не обладал правом выкупа. Следовательно, «указный выкуп далеко расходится с обычным. Он предписывает совершенно новые правила, с предшествующей практикой несогласные» (В. И. Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910, с. 533—543). Тут все поставлено с ног на голову, ибо процесс протекал обратным порядком: от неограниченного права выкупа родовых вотчин через постепенное ограничение в рамках законодательства к полной его отмене.

¹³ АСВР, т. III, № 56.

¹⁴ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. II. М., 1912, с. 8.

вопрос, следует заменить формулу «или—или» формулой «и—и». Право наследования родичей и право родового выкупа пришли в XIV—XVII вв. из тех далеких времен, когда большая семья еще была господствующей ячейкой семейной и производственной организации.¹⁸ А держались они потому, что породившая их большесемейная организация не отмерла полностью к XIV—XVII вв. и поддерживалась экономическими условиями севера и некоторых других районов обширной территории Русского государства.

А. И. Копанев, который изучил многие сотни купчих грамот черпососных крестьян Подвиги за XVI в., очень редко встречал факты родового выкупа. Значительно чаще он обнаруживал в грамотах заявления о том, что земля продается «впрок», «в век», «одерень», «без выкупа». На этом основании он сделал вывод о «ничем не ограниченной мобилизации крестьянских земель».¹⁹

Но, во-первых, самое повторение в грамотах таких формул свидетельствует о том, что право выкупа еще не умерло и что покупатели земли должны были защищать свою «куплю» от посягательства лиц, которые могли бы воспользоваться этим правом. Во-вторых, купчие на крестьянские земли сохранились главным образом в фондах монастырей, а когда срабатывало право родового выкупа, родичи вместе с землей возвращали себе купчие грамоты.²⁰ Поэтому в монастырских архивах сведения о выкупе и не могли быть широко представлены. Наконец, в-третьих, следует обратить внимание на то обстоятельство, что формуляры купчих «впрок», «в век», «одерень» и «без выкупа» еще не означали, что выкуп исключается начисто и земля безвозвратно уходит из рук семьи; мы думаем, что при оценке этих выражений следует проявлять осторожность.²¹

¹⁸ Следует, впрочем, сказать, что родовой выкуп не так уж древен. Право родового выкупа сложилось тогда, когда продажа земли стала обыденным явлением, что произошло сравнительно поздно. Оно как бы синтезирует старые порядки, скрепленные родовыми узами, и новые, связанные с превращением земли в товар, выступая, таким образом, в качестве нового этапа в развитии обычного права.

¹⁹ А. И. Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI в. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 1967, с. 447—451.

²⁰ См.: ГВНП, № 139; АЮ, № 86.

²¹ «Се выкупил, — читаем в грамоте первой четверти XV в., — Онъдрон Левонтьевич у Омаса у Микулина тою на Летной стороне, отцину свою, межю Лахтою и Онесиме тонями, из дерну и з дерною грамотою» (ГВНП, № 139). Инок Чухченемского монастыря Григорий продал обители свое село «в век», что отнюдь не мешало его родственникам то «продавать подвигивати». Нужно было лишь вернуть братии полученную Григорием сумку (ГВНП, № 155). В купчей каргопольца Ивана Межниковна на участок земли близ Турчасовского посада сказано: «Се из Андрей Нечай Иванов сын Дураков, своим сыном с Никитою, продали есмь

К осторожности обязывает и то, что в законодательстве право выкупа занимает видное место. Еще в XVII в. правительство занимается вопросами регламентирования этого права, причем источники указывают не на единичные случаи, а на распространенные практики родового выкупа. В 1625 г. из Соли Вычегодской запрашивали Москву, следует ли отказывать по делам о родовом выкупе за давностью продажи и заклада. «Приходят многие люди, а приносят старые закладные и духовные (на деревни и пожни) лет за 40 и за 50, и за 70, и болши, а у иных отцы и дядья и братья закладывали, а бьют нам челом на выкуп. А за сколько лет по тем закладным судить и на выкуп давати», царского указа нет. Из Устюжской чети ответили, что срок давности по таким делам не должен превышать 40 лет. «А будет за сорок лет перешло, хотя один месяц ... суда и деревень и пожен и ипкахих угодей на выкуп не давати».²²

Как видим, в XVII в. дела о родовом выкупе на Русском Севере возбуждали «многие люди» и правительство считало законными претензии родичей, если они не затягивали слишком свои иски. Но право выкупа ограничивалось не только сроком исковой давности. Мы знаем случаи, когда царь запрещал предъявлять иски о выкупе на земли, попавшие к привилегированным землевладельцам.²³ И все же право родового выкупа не могло остановить процесс мобилизации земельной собственности в русской черпососной деревне в XVI в. Труды А. И. Копанева и Н. Е. Носова показывают, что в руках богатой верхушки посада и черной волюсти в это время сосредоточивались значительные земельные владения, а деревенская беднота лишалась значительной части своих земельных имуществ.²⁴ Видимо, в XVI в. право родового выкупа действовало реже, чем в предшествующие столетия, тем более что большая семья на Русском Севере уже стала явлением сравнительно редким.

Ивану Федорову сыну Межникову ... владения своего, по сотной по оброчной, подобии земли, Панкратовскую ... обжу земли Кошуевскую и с двором ... Да ему есмь продали Осиачевские деревни ... А продали есмь ему в дернь, без выкупа. А взяли есмь у Ивана на той всей земли, и на дворе, и на всем сгоды тех деревень сорок рублей денег Московскую ... А добуду из Нечай сыном своим, сорок рублей денег на Покров святей Богородицы лета 7070-седмаго, и нам Ивану дати под те деревни та сорок рублей денег на Покров же святей Богородицы ... а Ивану отдати ся купчая нам назад и деревни» (АЮ, № 86).

²² С. Б. Веселовский. Акты писцового дела. Т. I. М., 1913, с. 396—399.

²³ Чтобы избавить Троице-Гледенский монастырь от необходимости возвращать вновь приобретенные земли, царь дал в 1633 г. грамоту о нераспространении права выкупа на его земельные купли (РИБ, т. XII, № 82).

²⁴ А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в. — В кн.: Академику В. А. Грекову ко дню 70-летия. М., 1962, с. 151—155; Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 249—283.

Поскольку для земельного владения черных крестьян XIV—XVI вв. были характерны ограничения права отчуждения, охранявшие интересы родственников, его можно определить как аллод раннего типа.²⁵ Эти ограничения в XVI в. выступали все реже и отходили на задний план.

Источники донесли до нас известия об ограничениях в праве отчуждения земель, которые в изучаемое нами время устанавливала (или, во всяком случае, иногда устанавливала) черная волость. В 1551 г. Филимон Григорьев сын купил у Ульяны Пименовой дочери и у ее детей землю. В купчей сказано, что это была «земля волостная Ростовския волости (Холмогорской епархии), куды ходил топор и плуг, и соха, и коса, и серп». У купчей грамоты «сидели» староста и волостные крестьяне, и, очевидно, по их настоянию было введено требование к покупателю «земли не продать и мимо волощан».²⁶ Таким образом, права черных крестьян — аллодистов — в некоторых случаях ограничивались в интересах волости.

Община-волость, как и члены большой семьи — родичи, не создала непреодолимых препятствий для земельной мобилизации в XVI в. Но нельзя говорить о том, что с этого времени развивается неограниченное право крестьянской земельной собственности. На эволюцию поземельных прав черносошных крестьян, особенно начиная с последней четверти XVI в., решающее влияние оказывало крепостническое государство.

Но прежде чем перейти к рассмотрению вопроса об эволюции форм собственности в XVII в., надлежит вернуться к тезису об отсутствии в XIV—XVI вв. права земельной собственности у черносошных крестьян и у черной волости и о наличии этого права только у государства.

С. М. Каштанов пишет, что «распоряжение земельными наделами и даже право отчуждения их не служит решающим признаком собственности».²⁷ Это верно, но отчасти, поскольку бывает отчуждение и отчуждение. Если земля уходит в руки такого же, как и продавец, волостного крестьянина, то в этом случае еще можно думать, что существенных перемен в отношениях собственности не произошло. Но если она продается какому-нибудь част-

²⁵ Это вид аллода в последнее время довольно подробно исследовал А. Я. Гуревич. См.: А. Я. Гуревич. 1) Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы. — Вопросы истории, 1968, № 4, с. 92—94; 2) Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, с. 26—62.

²⁶ РИБ, т. XIV, с. 50—51.

²⁷ С. М. Каштанов, Ю. Р. Клокман. Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX в. — История СССР, 1967, № 5, с. 163.

ному крупному землевладельцу и делается частной собственностью его, то это уже явное нарушение владельческих прав, ежели считать князя безраздельным собственником черных земель. Мы не хотим сказать, что государство равнодушно взирало на такого рода сделки, расплывавшие волостные земельные богатства. Князья стараются контролировать утечку черных земель. Феодальные землевладельцы покупают их «с доклада» тнунам и волостелям, добиваются княжеского разрешения на покупку.²⁸ Но это отнюдь не означало бесправия волости и волощан.

О соотношении прав волости и государства на черные земли в России XV в. говорят современники, прибегая к трем формулам, которые можно истолковать так, что эти земли были либо волостные, либо великого князя и волости, либо великокняжеские. Частичный анализ их предпринял А. Д. Горский.²⁹ Отталкиваясь от последней формулы, он подчеркивал, что утверждения о принадлежности черной земли великому князю исходят от самих крестьян.³⁰

Однако не менее показательна и первая формула, и именно потому, что мысль о принадлежности земли волости высказывали не только крестьяне, но и сам великий князь. В жалованной грамоте митрополиту Фотию великий князь Василий Дмитриевич называет деревню Яковлевскую волостной, и только.³¹ А вот заявление крестьян: «А та земля, господине, — ставовая Михайловского стапу»;³² «Тот, господине, луг волостной Аргуновские волости».³³ Вторая формула имеет следующий вид: «То, господине, селище Кровопусковское земля великого князя волостная Мишутинская»;³⁴ «То, господине, деревни Мясово, да Медведево, да Хламово и пустоши Паршина, да Никитино — земля великого князя

²⁸ «Се яз князь великий Василей Дмитриевич ослободил есми отцю своему Фотию митрополиту киевскому и всея Руси купити в Талпе деревню Яковльскую волостную» (АФЗХ, т. I, № 226); «Се яз князь Андрей Дмитриевич, пожаловал есми монастыря святые Богородицы игумена Кирила старца ... велел ему есми купити деревни давшие у Серка, да у Тимошки, да у попа у Павла, Окуловскую деревню, да третью деревеньку у Клима у Жеребцова Харламовскую деревню». (АСВР, т. II, № 45); «Святые дела Троицы, се яз, князь великий Василей Васильевич ... дал есми им в дом в Гороховце пустошь Городинскую и с луги ... да к тому есми им ослободил купити своих земель черных тяглых на десять сох» (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. I. М., 1952, № 200 (далее — АСВР, т. I)).

²⁹ А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян, с. 131—133 (Частичный потому, что сведения, называющие владельцем черной земли лишь одну волость, автором опущены).

³⁰ Там же, с. 131.

³¹ АФЗХ, т. I, № 226.

³² АСВР, т. I, № 582.

³³ АФЗХ, т. I, № 140.

³⁴ АСВР, т. I, № 430.

нашие волости Шуктовские»; ³⁵ «То, господине, пустоши великого князя наши волости Южские». ³⁶ Наконец, третья формула гласит: «... те селница Алтыново и Дубровка — земли великого князя»; ³⁷ «В том, господине, селце на Поёмесье жил христианин Якуш Карач, а сказывал, господине, мне, кое то земля великого князя». ³⁸

Мы не думаем, что какую-либо из этих формул можно игнорировать как не существенную или не отражающую поземельные отношения в черной волости XIV—XV вв. Землей владели и распоряжались своей властью и в своем интересе и князь, и волость, и крестьяне-аллодисты. Их правомочия часто переплетались. В приведенных формулах отражался переходный характер землевладения XIV—XV вв.: от безраздельного права общины и общинников на землю через разделенную собственность к ликвидации крестьянской земельной собственности. В XV в. неограниченная собственность общины отошла в прошлое, ³⁹ но черные крестьяне еще не были экспропрированы и делили право собственности с великим князем, олицетворявшим государство. Поэтому собственность на черные земли в России XV в. мы считаем разделенной собственностью волости и волостных крестьян и государства. ⁴⁰

³⁵ АСВР, т. II, № 288.

³⁶ Там же, № 333.

³⁷ АФЗХ, т. I, № 125.

³⁸ АСВР, т. I, № 540. Л. В. Черепнин толкует формулу «земли волостные» как земли, тянущие к волости (А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 217). По нашему мнению, нельзя ставить знак равенства между выражениями «земли волостные» и «земли, тянущие к волости, ступу, погосту». Первое выражение, имея более емкий смысл, свидетельствует прежде всего о принадлежности земель волости.

³⁹ Еще в XV в. можно встретить чернокунцев, основные повинности которых заключались в «почлегах», т. е. в «корме» наместника и его людей, когда они приезжали (Аграрная история Северо-Запада России, с. 224). Но эта форма эксплуатации, типичная для XI—XII вв., была в XV в. пережитком. «Ночлеги» нельзя, конечно, идентифицировать с рентой, как нельзя и землю этих чернокунцев считать землей князя.

⁴⁰ О разделенной собственности при феодализме см. подробнее: А. Л. Шапиро. О природе феодальной собственности на землю. — Вопросы истории, 1969, № 12, с. 70—71. Л. В. Черепнин считает, что сама мысль о возможности разделенной собственности на землю феодального государства в лице князя, с одной стороны, и черной волостной общины и крестьян-волоцан, с другой, уязвима теоретически, поскольку частновладельческие и государственные крестьяне выступали в XIV—XVI вв. только в качестве владельцев земли, а не ее собственников (А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма, с. 214). Этим в сущности стирается различие между типами земельной собственности при феодализме. А ведь аллодиальный и общинный типы земельной собственности долго сохраняются рядом с господствующим феодальным. Мы считаем необоснованным утверждение Л. В. Черепнина о том, что в XII в. крестьянские земли превратились в государственные и крестьяне, следовательно, полностью потеряли право земельной собственности (там же, с. 153).

От XVII в. до нас также дошел большой актовый материал, свидетельствующий о том, что черные крестьяне продавали свои земельные угодья, завещали и делили их, отдавали в приданое, закладывали, дарили, меняли, вкладывали в монастыри. Как и в XV—XVI вв., крестьяне именовали свои участки вотчинами, а себя — вотчинцами. Как и раньше, крестьянин сохранял право на свой участок и тогда, когда временно оставлял его пустовать. В этом случае волостной сход отдавал пустующие площади тем, кто хотел им воспользоваться, но только до возвращения вотчина. ⁴¹

Но широкие масштабы запустения наносили урон государственным интересам, и правительство широко использовало свои владельческие права прежде всего в отношении запустевших земель. «К XVII в., — писал М. М. Богословский, — установился определенный порядок пожалования незапаятых земель в тяглое владение или в оброчное пользование. Крестьяне обращались в Москву в соответствующий приказ с челобитием, в котором называли участок, который хотели использовать, сообщали, что это „место пустое“, „черный лес“, и добавляли обычно: „без твоего, государева, указу разчищать и распахивать не смеем“. После расследования челобитчик получал участок». ⁴² В 1620—1630-е годы писцы призывали жильцов на запустевшие участки и предоставляли им льготу, а если не находилось людей, согласившихся сесть на тяглый участок, отдавали его на оброк. То же самое делали воеводы и подьячие. А в случае возникновения поземельных конфликтов вопрос решался в центральных правительственных инстанциях в Москве.

К началу 1630-х годов относится интересное дело, характеризующее соотношение прав на землю черного крестьянина и государственной власти. Крестьянин Рязовской волости Каргопольского уезда Миша Халевин бил челом государю по поводу деревни Нестеровской, которая «исстаря была за отцом его Мишиным за Демкою». Деревня эта по писцовым книгам числилась пустою и была дана крестьянину Харке, который пахал «ис тягла пол чети выти пашни» и из оброку «выть без пол-пол-пол чети выти».

Миша Халевин не считал свои наследственные права на землю достаточным основанием, чтобы требовать ее возвращения, и подкреплял претензии еще и тем, что Харка пашет в той деревне наездом. Наследственный владелец не только обязался полностью платить повинность с тяглого надела, обрабатываемого Харкой, он предлагал также взять оброчные земли «из наддачи», т. е. за

⁴¹ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере. Т. I. М., 1909, с. 53—54.

⁴² Там же, с. 57.

более высокую сумму, чем платил Харка. Правительство считалось с наследственными правами черных крестьян. Поэтому было велено «сискать старожилы и окольные люди», жили ли в той деревне отец и брат Халевины. Однако установления этого факта было мало для возврата земли Халевиному. Предписывалось отдать ему землю отца лишь при условии, что за ним «нигде двора земли нет», а пользующийся сейчас участком крестьянин пашет наездом и владеет двором и землею, «опричь того» спорной деревни.⁴³ Из дела видно, что наследственные права черного крестьянина уже отступили перед все возрастающей поземельной властью государства.

В 1633 г. двинский черныи крестьянин Семен Клементьев был челом на посадского человека Павлова, который «по ложному челобитью» получил на оброк из наддачи купные земли Семена. Так как у жалобщика были купчие и закладные земляные крепости и его владельческие права были закреплены государевыми оброчной и указной грамотами 1622 г., он выиграл дело. Однако он мог вступить в свои права только при условии, что будет платить в казну, кроме старого оброка, наддачу, поступавшую от незаконно пользовавшегося землею Павлова.⁴⁴

Если крестьяне не в силах были тянуть тягло со своих земель, они просили дать им оброчную грамоту, что существенно облегчало им бремя повинностей. Но оброчные земли могли попасть в чужие руки «из наддачи». Вот почему каргопольский крестьянин Иван Томилов, взявший на оброк свои же наследственные земли, купленные еще его дедом, просил, чтобы ему разрешено было пользоваться ими «без перекупки». Соответствующее разрешение было дано.⁴⁵

Как справедливо отметила З. А. Огризко, при столкновении в XVII в. записей в писцовых книгах с купчими правительственные агенты все чаще отдавали предпочтение первым.⁴⁶

К первым десятилетиям XVII в. относятся правительственные указы, ограничивающие свободную мобилизацию черных земель. Около 1624 г. царским указом велено было устюжанам «посадским людям и волостным крестьянам заказ учинити крепкой, чтоб они впред в монастыри деревень своих и всяких угодей без нашего указа не продавали, и у вотчинных бы своих деревень, санных покосов и пожень и иных никаких угодей в монастыри и к церквям, и иным никаким людям не продавали и не закладывали».

⁴³ ЦГАДА, ф. 137 (Новгород), № 23, л. 93 об.—96.

⁴⁴ Там же, л. 131—136.

⁴⁵ Там же, л. 13—15.

⁴⁶ З. А. Огризко. Влияние феодально-крепостнической системы на развитие хозяйства черносошных крестьян в XVII в. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 1968, с. 438—440.

Было также запрещено посадским «прожиточным» людям и волостным крестьянам покупать и брать в заклад земли «у своих братьев у крестьян».⁴⁷ Аналогичный запрет был наложен и на сделки продажи и заклада черных земель в Сольвычегодском уезде.⁴⁸

Этот запрет вызвал протест со стороны заправлявших посадскими и волостными делами богатеев. Из Устюга на имя государя пошло челобитие от земских судей, старост, целовальников, «посадских людей и волостных крестьян», которые писали, «что де у них изстари ведется, что на посаде и в волостях деревни и угодья друг другу продавали и покупали и закладывали». 12 мая 1624 г. грамота из Устюжской чети предписывала вновь разрешить посадским людям и волостным крестьянам «меж себя деревни свои продавати и покупати и в заклад давати тутошним тяглым людям». В то же время подтверждался запрет продавать землю монастырям и нетяглым людям и отчуждать угодья от одной деревни к другой.⁴⁹ Такая же грамота была в 1624 г. послана в Соль Вычегодскую.

Запрещение продажи и заклада черных земель церквям, монастырям, подьячим, торговым людям гостинной сотни и другим нетяглым людям было к середине XVII в. распространено на всем Поморье. А в Каргопольском уезде и в Заонежских погостах были даже запрещены земельные сделки между черносошными крестьянами.⁵⁰

239 статья X главы Уложения 1649 г. ограничивала право крестьян на свободные расчистки в лесах. Как указывает З. А. Огризко, статья 235 X главы Уложения сближала черные земли с дворцовыми, а статья 28 XVII главы, предусматривавшая сдачу черносошным крестьянам государственных земель на оброк, исключала их из числа возможных покупателей.⁵¹

Поскольку речь идет об актах продажи и вклада в монастырь крестьянских имуществ, можно отметить, что в XVII в. сравнительно часто фигурирует не окультуренная пашня, а свежие расчистки и «присадная» земля. Еще чаще в грамотах называется не пашня, а пожни, рыбные и другие промысловые угодья. Может быть, отягченная возросшими повинностями «живущая» и учтенная писцовыми книгами пашня в XVII в. была объектом поземельных сделок реже, чем в предшествующие столетия.

Анализ переписей XVII в. покажет, происходила ли в это время дальнейшая концентрация земельных имуществ в руках

⁴⁷ С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, т. I, с. 278.

⁴⁸ М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. I, с. 59.

⁴⁹ С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, т. I, с. 279.

⁵⁰ М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. I, с. 59.

⁵¹ З. А. Огризко. Влияние феодально-крепостнической системы, с. 439—440.

богатых крестьян и посадских на Русском Севере, или, наоборот, землевладение стало более уравнительным. Пока этот вопрос остается открытым.

В результате падения Новгородской независимости и присоединения к Москве других русских территорий при Иване III возникли две новые формы землевладения: государевы поместные земли и государевы оброчные земли. В разряд последних перешло значительное количество владычных, боярских и отчасти монастырских волосток. На территории Новгородских пятин хозяйственная инициатива оброчных крестьян была менее скована, а размеры повинностей — несколько ниже, чем крестьян помещичьих. Но по сравнению с повинностями, которые до 1470-х годов отбывали крестьяне на землях, еще не ставших полной собственностью светских и церковных феодалов (чернокуские и кормленские волости), повинности оброчных крестьян, установленные Иваном III, были более высокими.⁵²

На Севере повинности государевых оброчных крестьян, как это установил А. И. Копанев,⁵³ тоже были значительно выше повинностей чернокуских. Но к середине XVI в. сборы с чернокусов были подтянуты до уровня повинностей оброчных крестьян, что привело к более активному вмешательству правительственных агентов в жизнь черной деревни. У правительства чаще возникали потребности для вмешательства в дело распоряжения чернокускими землями (особенно в случае их запустения или неисправной уплаты повинностей).⁵⁴

⁵² Аграрная история Северо-Запада России, с. 84, 224, 231. В Новгородских пятинах государевы оброчные земли являлись фондом, за счет которого производилось в XVI в. поместное верстание.

⁵³ См. с. 106.

⁵⁴ Вместе с тем оброчные крестьяне приблизились к чернокусам, поскольку исчезли отмеченные А. И. Андреевым различия в их правовом положении.

Оброчные крестьяне именовали свои участки земель великого князя, а своего владения или посилья; уступая свой участок, они заключали не купчую, а отступную грамоту, а деньги при этом брали не за землю, а за посилье, т. е. за труд, вложенный в дело окультуривания земли (А. И. Андреев. Отступные грамоты. К истории крестьянского землевладения на севере в XVI в. Пг., 1916, с. 25). А. И. Андреев связывал формулу «земля великого князя, а моего владения» лишь с оброчной землей, сделки над которой фиксируют отступные грамоты. Признание верховной собственности великого князя, выраженное в такого рода формулах различных актов, присуще, однако, и черным землям как черной волости центральных районов (что видно из правых грамот и других актов XV—начала XVI в.), так и Северу. Н. Н. Покровский показал, что разные клаузулы отступных, посильных и купчих грамот перекрещиваются, часто совпадают; иногда сделки над оброчной землей оформляются купчими, а над черной — отступными (Н. Н. Покровский.

Особенностью землевладения на Русском Севере была разбросанность угодий. На лесистых и болотистых просторах трудно было отыскать участки, удобные для земледелия. Лучшие из них отличались наиболее благоприятными для хлебопашества почвами, были расположены на южных склонах и не так подвержены ранним заморозкам и т. д. Очень разнились и сенокосные угодья. К тому же участки находились на разном расстоянии от деревни.

В силу этих причин при семейных разделах приходилось выделять каждому участнику дележа доли-лоскуты в каждом из сортов угодий. Раздел был делом очень сложным, произвести его без ошибки было далеко не всегда возможно. Видимо, поэтому при разделе устанавливались доли каждого участника дележа — то, что А. Я. Ефименко именует идеальными долями. «Дележ, — пишет эта замечательная исследовательница, — не разбивал целого бесповоротно. Каждый соучастник дележа мог найти, что реальный участок, доставшийся ему, не соответствует его праву, его идеальной доле, и мог требовать передела, уравнивания».⁵⁵

К тому же при разделе общего семейного имущества некоторые земли, рыбные ловли, гумна, овины, да и движимое имущество не делились и оставались в общей собственности.⁵⁶ В праве на строго определенную долю в этой неразделенной части имущества, как и в праве на передел уже разделенной земли в соответствии с той же идеальной долей, и заключается суть долевого землевладения. Только так следует понимать слова А. Я. Ефименко о том, что большая семья, дробясь и делясь, продолжала «смотреть на себя, со стороны поземельных отношений, как на нечто целое, до дележа — простое, после дележа — сложное». Быть может, А. Я. Ефименко не очень точно выразилась, когда писала, что «каждый участник дележа получал не определенный кусок земли, который бы он мог выделить из целого; а лишь право на известную долю в каждом из лоскутов, полей и угодий, входящих

Купчие, давшие и меновые грамоты как источник к истории черносопного землевладения России XIV—первой четверти XVI в. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 88—90). Разделяя тезис Н. Н. Покровского, что распрощание идеи верховной собственности великого князя может быть прослежено во всех видах купчих грамот, мы считаем, что, несмотря на все изменения, отклонения и перекрещивания, отступные грамоты своим происхождением связаны с оброчной землей. Большинство отступных, по крайней мере до середины XVI в., связано с государевыми оброчными землями; зачастую это устанавливается совершенно точно. (Так, например, земля на Солотковом острове отступной И. Мурашева Пимену Истома Пятунину 1540 г. названа в великокняжеской грамоте 1542 г. «великого князя деревни оброчные» — Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. Пб., 1922, № 87, 96). Слияние различных видов грамот отражает сближение и последующее слияние государевых оброчных и чернокуских земель. С середины XVI в. оброчные крестьяне начинают составлять купчие и распоряжаться землей как чернокусы. Это хорошо показывает А. И. Копанев (см. с. 103—137).

⁵⁵ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I, с. 220.

⁵⁶ Там же, с. 221.

в деревню». ⁵⁷ Из этого и некоторых других мест «Исследований народной жизни» можно сделать вывод о том, что при разделе земли не размежевывались и участники дележа не получали строго отграниченных лоскутов и кусков земли. На самом деле такое размежевание производилось.

Возьмем дельную 1640 г., которая приведена А. Я. Ефименко. В ней сообщается, что шестеро братьев поделили «промежь собою и полюбовно хлебом и солью и слободою и долгом и деньгами и платнем и кузью серебряным и медным и деревянным судовым и всяким житейским запасом и скотом всем без вывета, и деревнею тяглыми и оброчными землями и дворами и всеми хоромы и подворными землями и всем без остатка ... В дворовом поле Шумилу досталась полоса с верхнего края, от Шумила досталась Третьяку полоса, от Третьяка досталась Завьялу полоса, от Завьяла досталась Шестому полоса, от Шестого досталась Луки полоса. В поженном поле да и в закрапках что за тем полем Шумилу досталась полоса с верхнего края, от Шумила досталась Третьяку полоса, от Третьяка досталась Максиму полоса, от Максима досталась Завьялу полоса, от Завьяла досталась Шестому полоса, от Шестого досталась Луки полоса ... В малом поженном полце Шумилу досталась полоса с верхнего края, от Шумила досталась Третьяку полоса ... В прилуком поле да и с закрапкою от дороги и в лесу Шумилу досталась полоса с верхнего края...» ⁵⁸ А. Я. Ефименко отсюда заключает: «Итак, при раздроблении печница, каждый участник дележа имел право на участие в каждом поле каждой смены». ⁵⁹ Это несомненно так. Но бесспорно и то, что право на участие в каждом из сортов угодий здесь есть право получения при разделе отдельных полос, отрезанных от каждого вида угодий.

Вот раздельная Василия и брата его Маковей на отчину отца их Прокофия: «Се розделишася Василь з братом своим с Маковеем живот и отчину отца своего Прокофия по половинам. И досталась Василию 3 села земли: Иудино седеенье, да Созоново седеенье, да Михалкино седеенье. А Маковей досталась против того 3 села земли: Василево седеенье, да Елизарово седеенье, да Опапьино седеенье. И положили по премежи себя межю роскладную: из роскладной межи, из олшяга, да у вересовину, из вересовине да в сухии дуб на ручьи, из дуба да в ель, из ели посеред Василева репища, да в дуб огорелей, из дуба дрянъ в мостища, из мостища дрянъ на валища да во Твеку реку». ⁶⁰ Если бы Василий или Маковей вздумали продать поделенную вотчину, то они предложили бы покупателю размежеванную землю. Но вместе с размежеванной землей при долевом землевладении уступалась и

идеальная доля, т. е. право на передел, если бы обнаружилось, что реальный участок не совпадает с установленной при разделе долей.

В межевой 1522 г. братья Никифор и Игнат обмениваются угодьями, среди которых называются и горная земля, и луговая, и пожни, «и припольки и с закрапками и со всеми угодья, где што ни есть, без вывета, што ся достало ... от братьи своей в делу». ⁶¹ Тут же указывается: «А межи тем землям по их по делным грамотам по старым межам, и с рыбными ловищи и с перевесницами». ⁶² Василий Тимофеев сын Хлопин продал церковному старосте и всем крестьянам Ростовской волости «землю свою в Зепововской деревне в обже с четвертью четверть земли, горную и луговую и орамую, и пожни, и путики, и перевесы, и с рыбными ловищи, со всем без вывета, куда ходил мой Васильев плуг и соха, и коса, серп и топор». ⁶³ Ясно, что это — реальные угодья, которые, кстати, Василий Хлопин получил «з делу ... от братьи своей и от племянников и от племянниц». ⁶⁴ Согласно раздельной записи Саввы Фомина Юши, составленной в ноябре 1527 г., «земли досталось Науму да Якову от двора вверх по Юре, а Науму от самого двора, а Якову от Наумова двора вверх по Юре ж; а поженъ Науму досталось под дворы с Яковым по половинам да пожни против Ивакина, да другая тут же, да пожня против Ивового наволока, да Ивовой наволоки; а Якову досталось под двором полпожни, с Наумом пополам, да Березничной наволоки, да в Рожнях половина пожни. А Максиму досталось горной земли от долгово плеса; а поженъ в Томкине наволоке половина да пожня под Осиновым борком, да в Рожнях половина, верхней конец, да на Ивовой пожни ложек с нижнего конца от Наумова до Валивой наволоки. А Михаилу досталось с горной земли от двора нижней конец до Максимовы земли до половины Фомкина наволока, да вверх от Зарадной ямы, да Острой наволоки, да Ивокин наволоки, да на Ивовом наволоке закрапка с нижнего конца». ⁶⁵

Весьма примечательна купчая от 5 января 1532 г. на шестой жеребей деревни на Каде-реке у моря, приобретенный Иваном Опцыфоровым у собственного отца — старца Арсения. О том, что это был точно обмежеванный жеребей, свидетельствует отвод земель, произведенный при продаже. ⁶⁶

С долевым землевладением мы встречаемся на общих землях, частично сохранявшихся, когда семья распадалась. Наряду с поделенными землями оставался земельный фонд, находившийся в коллективной собственности. На долю в этом фонде имели равное

⁵⁷ Там же с. 367.

⁵⁸ Там же, с. 219—220.

⁵⁹ Там же, с. 220.

⁶⁰ ГВНП, № 324.

⁶¹ РИБ, т. XII, с. 2.

⁶² Там же, с. 3.

⁶³ Там же, с. 40—41.

⁶⁴ Там же, с. 41.

⁶⁵ РИБ, т. XIV, с. 17.

⁶⁶ Там же, с. 30—31.

право разделившиеся родственники. То, что А. Я. Ефименко именвала идеальной долей, заключалось, таким образом, не только в право передела разделенной между членами семьи земли, но и в право на долю в общих землях, оставленных нетронутыми при разделе. Эти доли неразделенного имущества могли отчуждаться.⁶⁷

Как и право родового выкупа, право на передел разделенного имущества кажется пережитком старых представлений о прочих правах большой семьи. Однако выше уже говорилось, что мысль о господстве большой семьи в Новгородской земле до ее присоединения к Москве решительно опровергается источниками. Поэтому право на перераспределение однажды разделенной между братьями или другими родственниками земли не имело всеохватывающего характера. Недаром А. Я. Ефименко доказывала действительность этого права актами XVII в., в которых соучастники дележа обижались «лишними землями друг друга не уравнивать».⁶⁸

Долевое землевладение с правом на передел выделенных участков и с сохранением неразделенной части имущества также не было всеобщей формой земельной собственности в XVI—XVII вв., как не было таковой в Новгородской республике и земельное владение большой семьи.

Долго сохранявшееся, благодаря неравноценности разбросанных участков на Русском Севере, долевое землевладение, как и родовой выкуп, не могло сдерживать земельную мобилизацию в среде черносошного крестьянства.⁶⁹

Своеобразной заменой большесемейных организаций как производственных единиц являлось складничество. Союз складников возник не по прихоти, а вследствие хозяйственных нужд, о чем свидетельствует большое число известных, рассказывающих о совместной работе складников по подъему новин, подготовке

⁶⁷ Об отчуждении долей неподеленной земли источники говорят ясно и определенно: «Се яз Левонтей Васильев сын Овдья купил есмь у Василья у Левонтьева сына у Паюсова треть земли Истоцкие в Яхренго Степановск да и Головинские, да и озера, да Истока; а та треть Истоцкие земли вся с Павлом с Карповым сыном не в розделе» (РИБ, т. XIV, с. 1—2. Купчая датирована 25 марта 1511 г.).

⁶⁸ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, в. 1, с. 221.
⁶⁹ Одним из основных источников по истории долевого землевладения на Русском Севере несомненно являются веревные книги, на которые обратила внимание А. Я. Ефименко. Но, как это было показано другим исследователем веревных книг — П. И. Ивановым, книги эти далеко не однородны. В некоторых из них описывается подворное, и в частности возникшее в результате раздела, земельное имущество семьи. А в других, наоборот, описываются земельные владения соединившихся семей — складников (П. И. Иванов. Перемская веревная книга 1781 г. М., 1913, с. 12—13, 63—64 и др.).

которые для земледелия было сподручнее более или менее значительному количеству работников.⁷⁰ Но складнические объединения способствовали также борьбе крестьян против притязаний крупных привилегированных владельцев.⁷¹

Обработанная усилиями складников новина представляла собой «вопчую землю»,⁷² которая могла быть поделена между совладельцами. Крестьянин Шведеницкой волости Кузьма Кротов рассказывает, что жег он со складником своим Несговором Поповым новину «и, выжегши, ту новину и розделили повытно...».⁷³ В явке некоего Коробицы и других на складника Замятню говорится: «А мы, господа, того Замятню Ярасимова, складника своего, по сю пору по вся дни зовем земель вопчих по той Слудной деревне делити и иных складников, заплных и полевых и всяких пашен...».⁷⁴ В купчей Митрофана Петрова упоминается Омелян Андреев, деливший со складником Гуляем «подворную землю и полевую орамую и не орамую, пашенную и не пашенную...».⁷⁵ В явке Ивана Никитина, датированной 1643 г., дележ земли преподносится как вполне естественная и привычная вещь: «... во 149 году сек я сирота с ними (складниками, — авт.) новину вместе повытно... и с тое новины меня сироту сильно сослали и землю со мной не делили ж, и хлеб-жито с тое земли сняли; и в нынешнем в 151 году тое земли со мною не делят же: владеют сильно».⁷⁶ Надо заметить, что насилия были весьма распространены во взаимоотношениях складников.⁷⁷ Игра эгоистических инстинктов, неправды, чинимые над слабым, подрывали складнические союзы, толкая складников к разделу. В первую очередь

⁷⁰ «Деелось, господа, в прошлом во 113 году, жгли, господа, мы новину», — доносит один складник (РИБ, т. XIV, с. 557); «Сек я, Бориско, с складники своими Лукиские деревни новину за рекою за Кокшепго...» (РИБ, т. XIV, с. 654); «Во 149 году сек я сирота с ними (складниками, — авт.) новину вместе повытно...» (РИБ, т. XIV, с. 736); «В нынешнем, государь, во 155 году, мая в 26 день, сек яз Михайко новину с складники своими...» (РИБ, т. XIV, с. 742); «... да в новину в сечную, кою новину сек Иван с племянником и складником...» (РИБ, т. XIV, с. 876). Судя по источникам XVII в., складничество долго держится в угодьях и промыслах, требующих больших сил для освоения и эксплуатации: островные земли, рощисты, соляные промыслы, рыбные ловли и др.

⁷¹ Например, складная запись 1608 г. Пантелея Кошкова «с товарищи» о владении землею у дер. Лыняникова и «стоянии» «вопче» против Троице-Гледенского монастыря за эту землю (Акты Устюжской епархии, № 8. РИБ, т. XIV, с. 832—834).

⁷² РИБ, т. XIV, с. 570, 661, 672, 832—833.

⁷³ Там же, с. 557.

⁷⁴ Там же, с. 681.

⁷⁵ Там же, с. 1188.

⁷⁶ Там же, с. 736.

⁷⁷ О раздорах и ссорах между складниками памятники свидетельствуют нередко. См.: РИБ, т. XIV, с. 571, 572—573, 579, 580, 590, 591, 602, 612, 691—694, 695, 712, 714, 756, 768—769, 788, 919.

делились, вероятно, пашни, и каждый из совладельцев получал свою часть земли. О таких землях источники говорят: «А пашенная земля то е четверти деревни с складники за межами». ⁷⁸ В отличие от пашенных угодий санные покосы часто в межи не клались и эксплуатировались «по переменам», «по годам» ⁷⁹ или оставались общими; в таком случае складники делили совместно скошенное сено по копнам. ⁸⁰ Кроме общих пожень, оставались и «вопчие» пашни. ⁸¹ Возможно, что неразделенная, «вопчая», пашня поступала в пользование складников попеременно. Во всяком случае известен пример, когда складник Михайло Ногаев пашню пахал чужую перемену. ⁸² В документах также упоминаются общий телятник и поскотина, гумно, овин, огород и поле. ⁸³ Но встречается и коллективное хозяйствование, простирающееся до полного единения в рамках одной семьи, чтобы «пить и есть вместе и платье и обувь держать ... из вопчего живота ... своя деревня ... пахать, сеять и орать вместе же за-едино и в промыслы ходить и посылать из вопчего живота». ⁸⁴ Таким образом, складничество не было чем-то невозмутимо монотонным, оно не возникало по раз установленному шаблону, а варьировалось в зависимости от обстоятельств.

Мы не усматриваем в складничестве того, что склонна была видеть А. Я. Ефименко, не считаем складничество обломком первобытнообщинных отношений. Но оно несомненно являлось формой землевладения и землепользования, типичной для докапиталистических отношений. Складывались не капиталы, а трудовые усилия. В случаях, когда усилий семьи было недостаточно, а средств для найма рабочей силы не было, такая форма в земледелии и промыслах наряду с хозяйственной деятельностью больших неразделенных семей была вполне естественна.

Конспектируя книгу М. М. Ковалевского «Общинное землевладение», К. Маркс подчеркнул, что в Индии встречалась «общинная пахота в одних местностях и лишь общинные угодья (как лес, пастбища и т. д.) в других». ⁸⁵ Общинная эксплуатация земли — явление сравнительно редкое и в Индии, где дольше сохранились

⁷⁸ РИБ, т. XII, с. 432.

⁷⁹ «а косим мы санные покосы по переменам...» (РИБ, т. XII, с. 218); «Те две пожни косим с складники, переменяются погодио...» (РИБ, т. XII, с. 431); «...и впрядь потому ж с складники косить переменною те ж пожни по годам» (РИБ, т. XII, с. 450); «...а ти нам пожни косити по годам» (РИБ, т. XIV, с. 3).

⁸⁰ РИБ, т. XIV, с. 763—764.

⁸¹ Там же, с. 570, 672.

⁸² РИБ, т. XII, с. 218.

⁸³ РИБ, т. XIV, с. 801—803, 839—840, 923.

⁸⁴ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I, с. 222.

⁸⁵ Советское востоковедение, 1958, № 3, с. 4, 10.

древнейшие формы землевладения. Но и в Индии, как и в средневековой Германии, Англии и Франции, где «пахотная, а часто и сенокосная земля находятся в частной собственности различных членов общины», так называемые угодья «остаются их общей собственностью». Характерно, что М. М. Ковалевский употребил слово «достояние», а К. Маркс предпочел слово «собственность».

На Руси в XIV—XVI вв. общинное владение угодьями тоже сохранялось, хотя в то же время поскотины, лес, топи и охотничьи угодья становились объектом купли-продажи аллодистов. ⁸⁶ Новгородско-псковские источники XIV—XV вв. довели до нас отдельные известия об общинном владении сенокосными, лесными, рыбными угодьями, «мхами», «прикремами» и другими землями. В XV в. «все шужжане» дали землю церкви Николая, все рожитчане владели мхами, на которые покушался монастырь. От XIV или XV в. до нас дошла псковская купчая, фиксирующая куплю земли «у всего погоста у сельских смердов». ⁸⁷

В Северо-Восточной Руси и на Севере поземельные права были присущи черной волости. Ее природа и поземельный строй — дискуссионные темы в новейшей историографии. Спорным, во-первых, является вопрос о том, тождественна ли волость общине. Ю. Г. Алексеев, Г. Е. Кочин, И. И. Смирнов утвердительно отвечают на данный вопрос, ⁸⁸ а С. М. Каштанов — отрицательно. ⁸⁹ Большие разногласия вызывает и интерпретация отношений волостных крестьян к земле. В трудах А. Д. Горского и Л. В. Черепнина черные земли квалифицируются как разно-

⁸⁶ Покотина и другие угодья часто лежали поблизости однодворной деревни и находились в исключительном пользовании двора. В таких случаях в купчей определялись границы пахотных (и иногда сенокосных) угодий и добавлялось: «со всем, что к той деревне потягло».

⁸⁷ ГВНП, № 309, 348; Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты, М., 1966, с. 59—60.

⁸⁸ Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв., с. 22—23; Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства, М.—Л., 1965, с. 373; И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси. История СССР, 1962, № 2, с. 148—152.

⁸⁹ С. М. Каштанов, Ю. Р. Клокман. Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX в., 161—162. Вряд ли можно признать обоснованным сомнения С. М. Каштанова относительно того, что термин «мир» — община, встречающийся в источниках XVI—XVII вв., существовал и в XIV—XV в. Ведь «мир» употребляется уже в «Русской правде». Почему же термин XI и XVI вв. должен исчезнуть в XIV—XV вв.? С. М. Каштанов считает, что трудно допустить существование мирских изб в деревнях, состоявших всего из одного двора. Но ведь однодворные деревни объединялись в «десятки» и «станы», что является прослеживается по Новгородским писцовым книгам XV в.

Характерно, что в период Новгородской независимости в чернокупских волостях можно проследить остатки старой дофеодальной системы обложения свободных общин, существенно отличавшейся от обложения в феодальных вотчинах. — См. Аграрная история Северо-Запада России, с. 55—57.

видность феодального землевладения, где собственником выступает государство в лице великого князя. Крестьянам же принадлежит право владения пмп.⁹⁰ Ю. Г. Алексеев, Г. Е. Кочин, И. И. Смирнов рассматривают черных крестьян в качестве свободных собственников, объединенных в общины-волости. Но, признавая за крестьянами право собственности на черные земли, они по-разному толкуют внутриволостные поземельные отношения. Г. Е. Кочин под волостными землями и угодьями понимает собственность общинную, коллективную, а не частную собственность отдельных крестьян.⁹¹ По словам же Ю. Г. Алексеева, «на территории волости в маленьких деревнях по одному и по двое живут мелкие, непривилегированные «волостные люди великого князя» — аллодисты, относящиеся к волости как часть к целому. Аллод волостного человека — результат распада древней общинной собственности на землю и в то же время — последний остаток этой собственности. Являясь собственностью владельца, который может им распоряжаться по усмотрению, аллод вместе с тем не перестает быть частью волостной общинной территории, с которой он тесно связан как своим происхождением, так и хозяйственным отношением (совместное пользование угодьями)».⁹²

Волость XIV—XVI вв. выступает как активная сила в поземельных отношениях. Она выкупала отошедшие к другим землевладельцам земли,⁹³ сдавала волостные земли в аренду.⁹⁴

⁹⁰ А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян, с. 158—161; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 182—183.

⁹¹ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси..., с. 386.

⁹² Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв., с. 23.

⁹³ «Се яз, князь Михаил Андреевич, пожаловал есмь отца своего игумена Касьяна Кирилова монастыря з братьею. Что у них заложил пожитю Бренько, да другую пожитю им заложил Семен Попов за Марьевою речкою, а Бренько заложил остров пожитю ниже Городка на Березничном озере, и яз пожаловал старосту городецкого и всех хрестыян, велел есмь им те пожити у игумена Касьяна Кирилова монастыря з братьею выкупити, что будет в каболах писано в Бреньковой, да в Семеновой, и они им те денги дадут, а пожити возмуть к волости, да владеют теми пожитями хрестыяне, а игумен Касьян з братьею боле того в те пожити не вступается» (АСВР, т. II, № 112); «Се яз, князь Михаил Андреевич, пожаловал есмь отца своего игумена Касьяна Кирилова монастыря з братьею. Что дала Дрокия жена по своему мужи в Кирилов монастырь на сорокоуст пожитю на реце на Шохсе у Попжи, и яз пожаловал заболотцких хрестыян, освободил есмь ту пожитю выкупити, и заболотцкие хрестыяне дадут в Кирилов монастырь игумену Касьяну з братьею полтину поугородскую за сорокоуст, а пожитю возмуть к волости, да владеют тою пожитиею хрестыяне. Да что дала Онань старица Настасья Юрьева да жене его, а своей внуке Марьи пожитю на реце на Шохсе на Взводе у Попжи за рубль наугородской, и заболотцкие хрестыяне ту пожитю выкупят, дадут рубль наугородской, а пожитю возмуть себе» (АСВР, т. II, № 141).

⁹⁴ АСВР, т. I, №№ 340, 538, 539; АСВР, т. II, № 404, 484; АФЗХ, т. I, № 103.

Волость обладала очень существенным правом наделять пришлых крестьян землей.⁹⁵ Обращаем внимание на одно известие источника, свидетельствующее о практике выдачи общинными властями грамот крестьянам на пользование угодьями: «И Родюка да Нестерик тако рекли: Дали нам, господине, ту землю становити Михайловского стану и грамоту нам, господине, на ту землю дали».⁹⁶ Г. Е. Кочин привел интересный факт, когда «мир» отнял у крестьянина расчищенный им без мирского разрешения участок.⁹⁷

Право выдачи грамот пришлым людям, поселяющимся на волостной территории, принадлежало и великому князю.⁹⁸ Однако бывало и так, что не он прямо жаловал грамотой новых поселенцев, а волость по его почину: «По грамоте великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, доложу Данилова тиуна Кобыка сямского волостеля, се яз, сошкой сямской Сидор, поговоря есмь с людьми добрыми с сямлены, з болшими и с меншими — з Доманем с Копытовым сыном, да с Иваном с Воробьевым, да с Юркою с Трофимовым, да с Миткою с Колькиным, да с Липком, дали есмь Фоминным детям Афонке да Ивашку пустошь Гридкину под двор на двенадцать лет; а учнут жити, в ту двенадцать лет не надобе им великого князя дань, ни волостелевы кормы, ни города не ставят, ни ям, ни вытны розрубы в столец не тянут ни во что».⁹⁹

Право волости на отвод земли сочеталось и переплеталось с захватным правом. Расчищенные большой или малой крестьянской семьей земли становились в черпососной деревне их наследственным владением. В черных волостях древней и средневековой Руси, как и в Сибири и на окраинах Европейской России в XVII—начале XX в., действовало захватное право (*jus primi occupantis*).

В купчих, меновных, вкладных грамотах и других актах XIV—XV вв. постоянно встречаются формулы: «куды топор, и коса, и соха ходила», «куды соха, и серп, и коса, и топор ходил», «куды ис тое деревни соха ходила, и куде топор ходил», «куда секира ходила или куда коса ходила». Вряд ли можно усомниться в том, что эти и подобные формулы могли возникнуть лишь при наличии широких массивов еще не занятых под пашню и другие сельскохозяйственные угодья земель и при условии

⁹⁵ АСВР, т. I, № 397, 523, 340; АСВР, т. II, № 285, 336, 338.

⁹⁶ АСВР, т. I, № 582.

⁹⁷ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси..., с. 386.

⁹⁸ «А мне, господине, дал князь великий ту землю осенесь о Покрове святых богородицы. А се, господине, великого князя грамота поред тобою» (АСВР, т. II, № 400).

⁹⁹ АСВР, т. II, № 293.

пользования этими землями на полном или ограниченном захватном праве.¹⁰⁰

Когда земли займщиков входили в соприкосновение (коса с косой или топор с топором сходились), производился отвод (розвод) и определялась межа. Но формула «куда топор, соха и коса ходила» настолько глубоко вошла в практику, что она иногда повторяется даже в случаях обмежеванных земель. Так, в купчей 1420—1430-х годов указана «межа земли от Шишкина врага от Мопнина по огороде», однако тут же фигурирует и формула «куда коса...».¹⁰¹

Можно назвать и другие случаи сочетания в грамоте этой формулы с обозначением межи.¹⁰²

На основании экспедиционных исследований, проводившихся в последние десятилетия XIX и в начале XX в. в Сибири и в северных районах Европейской России, А. А. Кауфман писал о займках в лесной полосе: «В лесу просторно, соседей нет, ни с кем сталкиваться не приходится, паши где хочешь и сколько хочешь; владей „куда топор, соха и коса ходят“».¹⁰³ А. А. Кауфман явно преувеличивает, когда сравнивает сибирских крестьян-займщиков с робинонами на необитаемых клочках земли. Ведь он сам признает, что займщики входили в состав общины. Обобщая результаты сибирских исследований, А. А. Кауфман приходит к выводу, что, освоив известную территорию, община резервирует пользование ею только за своими членами — их она допускает, посторонних лиц она не допускает до занятия земли в черте освоенной ею территории.¹⁰⁴

¹⁰⁰ Займка как основание прав черного крестьянина на землю удостоверяется источниками XIV—XVI вв. Так, в 1475—1476 гг. возник земельный спор между крестьянами деревни Фокиной и Белозерским монастырем. Крестьяне доказывали свои права тем, что они секли лес и косили спорную пожню: «А косили, господине, ту пожню еще отец наш Ермола и дед наш Остафей» (АСВР, т. II, № 229). Крестьяне выиграли дело у влиятельного монастыря.

Бывало и так, что в диком, никому не принадлежавшем лесу расчистку производили крестьяне, подвластные частному феодалу. В этом случае займка попадала во владение последнего. В 1492 г. возник спор из-за полянки между черным и монастырским (Белозерского монастыря) крестьянами. Монастырский крестьянин говорил: «Яз ту полянку посек лес дичь, да пахал 12 лет». Рядом лежали земли, пожалованные Белозерскому монастырю «без отвода». Займка в диком лесу позволила монастырю распространить власть на землю, освоенную его крестьянином (АСВР, т. II, № 287).

¹⁰¹ АСВР, т. II, № 63.

¹⁰² По мнению Н. Н. Покровского, эта формула в центре России уже в XV в. была шаблоном. См.: Н. Н. Покровский. Купчие, данные и меновые грамоты... с. 79.

¹⁰³ А. А. Кауфман. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908, с. 245.

¹⁰⁴ Там же, с. 262—263. Особенно резко выражен взгляд на займщиков как на робинонов у близкого к народникам историка и экономиста

Говоря о волости XIV—XVI вв., отметим, что община нередко допускала в свою среду посторонних людей, но при непеременимом условии отбывания повинностей. Это, конечно, не нарушало ее земельных прав.

На основании богатого этнографического материала М. М. Ковалевский утверждал, что «начиная с охотничьих племен и переходя к тем, у которых появилось уже пастушество и земледелие, земля первоначально принадлежала племенам и составлявшим его тотемистическим группам и родам». Займка производилась задругами, неразделенными или малыми семьями из этой племенной и земельной собственности.¹⁰⁵

Очевидно, займки необязательно производились по отводу волости. Там и тогда, где и когда свободных земель было много, производилась и вольная займка, причем займщик не становился при этом Робинзоном, а входил в подчинение волости. Таким образом, поземельные права черной волости и волощан нельзя противопоставлять друг другу. Они дополняли друг друга и переплетались, создавая пеструю картину правовых отношений.

В тесной связи с землевладением черной волости находилась церковная земельная собственность на Севере. Ее возникновение и рост во многом обязаны доброй воле волостного мира. Даже постройка храма была делом рук волости, которая подражала для этого «церковных мастеров», от плотника до богомаза включительно.¹⁰⁶ Набожность волостных людей проявлялась не только в строительстве церкви, но и в материальном ее обеспечении, состоявшем «или в виде отводимой церкви и причту земли, или в виде денежной руги, заменявшейся, впрочем, иногда натуральной повинностью, например обязанностью прихожан распахивать миром определенное количество церковной земли».¹⁰⁷ В складывании церковного землевладения волостной мир принимал самое деятельное участие. Он не останавливался на единовременной выдаче земель вновь сооруженной церкви, но и в дальнейшем расширял ее владения за счет волости.¹⁰⁸ Если земли покупались,

К. Р. Качоровского. См.: К. Р. Качоровский. Русская община. СПб., 1900, с. 99, 111.

¹⁰⁵ М. М. Ковалевский. Социология. т. II. СПб., 1910, с. 134.

¹⁰⁶ М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. II, с. 24—25.

¹⁰⁷ Там же, с. 36.

¹⁰⁸ «Се аз содкой шведеницкой Ефим Марков сын Кобелева, да яз десятицкой Брага Иванов сын Васильева, да яз десятицкой Коробица Некрасов, да яз десятицкой Павел Кондратьев сын Худиков... да и все христиане Шведеницкие волости дали есмь в дом великому чюдотворцу Николаю и преподобному Семйону ко храму в Тарнаской городок поженку Маслянку на реке на Кокшенге... А сено с тое поженки с Маслянки косити, а подати за нее не давати никому: а што с тое поженки

то и тогда волостные крестьяне не были простыми наблюдателями, выступая участниками сделки. Так, видно, повелось издревле. Во всяком случае мы располагаем соответствующими данными, восходящими к середине XV в., т. е. к периоду Новгородской независимости. «Се купи, — значит в купчей, — Константин Федоров сын, и староста Княжестровской волости, и вси княжестровцы церковными купами святой Богородицы у Харитона у Родионова сына у Захарки село земли на Княжестрове: орамой земли, и пожни, и двор, и дворище по старым межам, чем владел отец их, и топя, и лес на Лявленской стороны, межа по Верхнему ручью. А дали на том селе княжестровцы Харитону и сыну его Захарьи полсема рубли серебра, а попопонка полтретьяцать пузов жита семянного». ¹⁰⁹ В данном примере земля приобретает на «церковные куны». И позднее, когда совершались аналогичные сделки, в купчих отмечалось: купля произведена на деньги, взятые из церковной казны. ¹¹⁰ Но нередко волостной мир на собственные средства покупал земли для своей приходской церкви. ¹¹¹ Имуществом церковным, движимым и недвижимым, заведовал староста, избираемый приходом. Он был обязан вершить всякие дела с общего приговора: «А что купит или продаст, или половников рядит, то все с мирского совету». ¹¹² М. М. Богословский отмечал, что субъектом права на церковное имущество «являлся не приход в смысле приходского общества, а самый храм, в котором с непонятно уже нам теперь живостью воображения олицетворялся и с которым отождествлялся тот святой, чье имя храм носил. ¹¹³ С формальной точки зрения, может быть, это и так. Но в повседневном быту возникали казусы, несовместимые с идеальным взглядом, по которому «имущество приходской церкви строго отличалось от имущества волости». ¹¹⁴ Известны случаи, когда волость называла церковные земли волостными, распоряжалась ими, вызывая неудовольствие властей предрядящих. ¹¹⁵

а году на год царю государю и великому князю Борису Федоровичю всея Руси подати идет, и та подати в казну миром платити» (РИБ, т. XIV, с. 165—166. Данные датируются 1604 г.).

¹⁰⁹ ГВНП, № 164.

¹¹⁰ РИБ, т. XIV, с. 49—50, 78—79, 87, 121 и др.

¹¹¹ «Се из Гаврило Фоми сын, староста церковной, да Перферей Степанов сын, сошкой, и во всех крестьян место Заостровские волости Архангельского приходу, купили есмь у Онофрея у Иванова сына у Некраса землю его восьмую долю» (РИБ, т. XIV, с. 89; см. также с. 37—40, 162, 163).

¹¹² РИБ, т. XII, с. 829 (см. также с. 821, 822).

¹¹³ М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. II, с. 36.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ В одной грамоте царя Бориса от 29 августа 1600 г., отравленной в Устюг, сказано: «...назвали дей (крестьяне Воинокурского стана, — авт.) Успенья пречистые Богородицы домовую деревню Ворок своего Вои-

Распоряжаясь церковными землями, черная волость сдавала их в аренду («спразга») или принимала половников, обязанных церкви рентой. ¹¹⁶ Однако до поры до времени этими доходами, вне зависимости от их характера, распоряжалась черная волость в лице своих выборных представителей.

Высшие иерархи понимали, что для наведения желаемого порядка в церковном хозяйстве необходимо отставить мирских людей от распоряжения церковным имуществом и заместить их священниками. На эту радикальную меру первым пошел преосвященный Афанасий Холмогорский. ¹¹⁷ Реформами 80-х годов XVII в. было положено начало разрушению старого характера отношений между церковью и волостью. «Эти реформы 1680-х годов, — писал М. М. Богословский, — лишали северный приход его самоуправления, его земского характера, придавали ему значение церковно-бюрократической областной единицы, в которой и причт, и хозяйственное управление организуется сверху, епископской властью. Мир устранился от живого участия в церковных делах, и земская жизнь разобщалась с церковной». ¹¹⁸ Вместе с этим, добавим мы, церковная собственность теперь уже не формально, а реально отделялась от собственности волостной.

Окончательная экспроприация этой корпоративной черносотенной собственности произошла в XVIII в. В 1725 г. епископ устюжский Боголеп жаловался Синоду на злоупотребления церковных старост и просил предоставить ему право верховного управления и контроля над церковной собственностью, что и было предоставлено решением Синода ему и всем архиереям. ¹¹⁹

докурского черного стану, а того не сказали, что та деревня пречистые Богородицы домовая, и отдали де ту деревню на лоту протодьякону Титу Шиганову на шесть лет, а взяли дей у протодьякона Тита под ту деревню Борок четыре рубли денег; а та деревня пречистые Богородицы домовая, а не Воинокурского стану черных деревень» (РИБ, т. XII, с. 142).

¹¹⁶ Исходя из этого, З. А. Огизко, которая посвятила церковному землевладению на Русском Севере специальную статью, охарактеризовала его как феодальное по преимуществу (З. А. Огизко. Землевладение севернорусских волостных церквей в XVII в. — История СССР, 1961, № 3, с. 74—75 и 80).

¹¹⁷ Афанасий предписал: «При сем же повелехом во всей нашей области оный дунетленный вред исправить с волею всеятейшего государя патриарха: и впредь у всякой церкви быть тою церкви священнику у всяких церковных вещей и потреб старостою да с ним, того прихода людей по выбору, мирскому человеку в товарищах ради хранения и собрания церковной казны и ради послушания, и ничего им без нашего архиерейского благословения по правилу святых Отец не деяти и по дружбе не расточати» (РИБ, т. XIV, с. 473; М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. II, с. 46).

¹¹⁸ М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. II, с. 46.

¹¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 6, д. 357 (1725 г.); Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Т. V, СПб., 1881, с. 290—291.

Одним из трудных и пока нерешенных вопросов является возникновение на Русском Севере земельных переделов. А поскольку они пришли в черносошную деревню из светских, церковных и дворцовых вотчин, необходимо обратиться к этим последним. Здесь высокие повинности и запустение приводили к переходу от раскладки тягла по земле к разверстке земли по тяглу.

Писцовые книги 1580-х и 1620—1630-х годов и обыскные книги 1590-х годов рисуют картину сокращения тяглых наделов крестьян во много (иногда в десятки) раз по сравнению с первой половиной XVI в. При этом нередко крестьяне вместо заброшенной тяглой земли обрабатывали «лешие» участки, которые трудно было обнаружить и обложить, или брали землю на оброк, по договору, из посноповой оплаты (часто шестой сноп), а порой за фиксированную плату.

Если крестьяне стремились сократить облагаемый земельный надел и таким образом «избыть» тягла, то землевладелец, наоборот, стремился учесть трудовые и хозяйственные ресурсы крестьянина и соответствующим образом увеличить его тягло и тяглый надел. Организация обложения крестьян, которая хорошо прослеживается по материалам крупных светских, церковных и дворцовых вотчин XVII в., отражает эти стремления феодалов. Здесь господствовала повитная система обложения владельческими повинностями. Вотчинная администрация или мирские власти устанавливали «семьянистость и прожиточность» каждого крестьянского хозяйства и соответственно определяли его тягло (выраженное обычно в вытах и долях выти и реже — в обжах и долях обжи).

Земельный надел должен был точно соответствовать вытному тяглу (у крестьянина, сидевшего на чети выти, непременно должен был быть надел, вдвое меньший, или, точнее, вдвое менее доходный, чем у крестьянина, сидевшего на полувыти).¹²⁰ Поэтому производились «надбавки» и «сбавки» земли в пределах вотчины или ее части. Данные о приведении земельного надела в соответствии с вытным тяглом до нас дошли уже от XVI в. Так, в касающейся дворцовых крестьян платежной книге 1588 г. говорится: «И дано на выть середние земли до семи десятин и худые земли по 8 десятин, и с теми десятины, что даны для посопного хлеба. Сена крестьяном дано на живущие выти по 30 и по 40 копны, ... и лесу крестьяном дано на выть по две десятины с полудесятиною». В соответствии с этой нормой предусматривался передел: «А землями и луги, и лесом, и всякими угодьями верстатися

крестьяном меж себя самим полосами или десятинами на всякую выть поровну, а не через землю, чтоб в крестьянх меж себя спору и брани не было ни которыми делы. А на пустые выти прикащику и старостам, и целовальникам, и всем крестьяном, селчаном и деревенщиком, называть жилцов на льготу: от отцов детей, от дядь племянников, или кто не буди заволостной».¹²¹ В других дворцовых волостях также полагалось на выть по 6 десятин доброй, 7 — средней и 8 — худой земли «с тою десятиною, которая дана пахать для посопного хлеба». В сотной 1583 г., относящейся к Владимирскому уезду, читаем: «А верстатися крестьяном и нашия делить меж себя полюбовно и ровно».¹²² Если земли тут было много (а в 1580-х годах и в этом районе ее было много), каждый крестьянин получал столько вытной земли, сколько он в состоянии был отягивать.

Переводя или «перезывая» крестьян и устанавливая им тягло, землевладелец также иногда требовал от общины наделения новоприходца соответствующим участком, что могло приводить к перераспределению наделной земли. Так, в 1652 г. переведенный из другой деревни на пустой участок в село Ивановское крестьянин боярина Морозова Михаил Козел жаловался, что ивановские крестьяне не выделили полностью положенный ему «осмак».¹²³

Прибавка и убавка угодий производилась в разных селениях Иверского монастыря в 1669, 1670, 1672, 1674, 1679 гг. (в Щученской волости, село Рахино, Яжелбицах и др.).¹²⁴ Есть известия о частичных переделах и в дворцовом селе Шаморга Шацкого уезда при царе Алексее Михайловиче.¹²⁵

Б. Д. Греков подробно охарактеризовал применение системы развычивания с частичными переделами на Русском Севере, используя документы Соловецкого монастыря. Так, в 1611 г. монастырские власти заново положили в обжи крестьян своей Сумской волости и переделали в соответствии с новым обожным окладом «орамую и кошебную землю».¹²⁶

¹²⁰ Временник ОИДР, т. XI, с. 23.

¹²¹ С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, т. I, с. 4.

¹²² Акты хозяйства боярина Морозова. Ч. II. М.—Л., 1945, с. 29—30. Нам представляется, что при нынешнем состоянии вопроса следует проявлять большую осторожность в оценке связи между известными фактами перераспределения земли в частновладельческих вотчинах XVII в. и развитием там поземельной общины. Приведение земельного надела в соответствие с вытным окладом проводилось по приказу вотчинника как прикащиками, так и выборными старостами.

¹²³ Архив ЛОИИ СССР, ф. 181, карт. 48, д. 2, сст. 62, 45, 58; карт. 23, д. 1, сст. 52; карт. 25, д. 16, сст. 35; карт. 38, д. 2, сст. 54; карт. 44, д. 14, сст. 36; карт. 34, д. 9, сст. 12.

¹²⁴ Н. Куплевасский. Состояние сельской общины в XVII в. на дворцовых землях и на землях духовных и светских владельцев. Киев, 1877, с. 13.

¹²⁵ Б. Д. Греков. Что такое обжа. — Известия АН СССР, 1926, № 10—11, с. 1026.

¹²⁶ А. Л. Шапиро. Переход от повитной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960. Киев, 1962, с. 207 сл.

К тому же времени (1612 г.) относится использованная А. Я. Ефименко веревная книга, рисующая совершенно иную систему обложения крестьян: волость самым детальным и скрупулезным образом измеряла земли, принадлежавшие крестьянским дворам, и в соответствии с размерами их земельных владений определяла тягло.¹²⁷ Такая система обложения не предполагала земельных переделов. Нам известно, что определение тягла по земельному владению, без «черного дела» (передела), практиковалось в черносошной деревне и в XVIII в.¹²⁸ Но, как отмечал М. М. Богословский, в XVII в. на Севере уже раздавались голоса, требующие передела земли по тяглу, причем это было как настоянием бедной массы, так и пожеланиями правительства.¹²⁹ Противодействие богатой верхушки деревни и посад было столь значительным, что правительство долго не решалось на крутую ломку. В XVII в. в черносошной деревне переделы наблюдаются только при доле владении и складничестве.¹³⁰

Лишь в XVIII—XIX вв. общинное землевладение с уравнительными переделами прочно вошло в быт северной черносошной деревни и подворное аллодальное землевладение было полностью подорвано. Это, конечно, не значит, что общинной земельной собственности не существовало здесь ранее. Мы видели, что черная волость распоряжалась различными земельными угодьями и выморочными участками с древних времен. Но пахотными угодьями община стала на черносошном Севере распоряжаться значительно позже, чем в монастырских, светских и дворцовых вотчинах.

По вопросу о происхождении переделов на землях, не принадлежавших помещикам, в дореволюционной литературе велись дискуссии. Не имея здесь возможности остановиться на всей историографии этого важного вопроса, отметим спор, который перед самым 1917 г. вели А. А. Кауфман и М. А. Дьяконов. Оба автора считали, что практика переделов пришла на смену вольной заимке тогда, когда возникло земельное утеснение. Но, по мнению А. А. Кауфмана, в переходе к общинному землевладению фискальные интересы правительства и вообще административные

меры играли третьестепенную роль.¹³¹ М. А. Дьяконов, наоборот, поддерживал старую, чичеринскую, концепцию возникновения переделов из фискальных потребностей государства.¹³²

Мы уже видели, что развитие земельных переделов самым существенным образом связано с владельческими и государственными податями, поэтому никак не можем согласиться с А. А. Кауфманом, отодвигающим условия обложения на задний план. Но если все сводить к подобным интересам землевладельцев и государства, вряд ли можно объяснить, почему в одних случаях эволюция идет в сторону общинного, а в других — в сторону личного землевладения. М. А. Дьяконов говорил: «Немало усилий потрачено в литературе на решение этого вопроса. Но по сей день не найдено бесспорного ответа».¹³³ Это сказано было в 1916 г., но, к сожалению, и сейчас бесспорного решения вопроса в науке не найдено.

В поисках, которые несомненно будут предприняты советскими историками, рядом с эволюцией системы обложения владельческими и государственными повинностями первостепенное место должно быть отведено развитию производства и производственных отношений. Н. Е. Носовым и А. И. Копаевым ярко показано выделение в XVI в. на Севере богатой верхушки, сосредоточившей в своих руках немало земельных угодий, которое, однако, не привело к возникновению крупного земледельческого хозяйства, к возникновению более прогрессивных форм сельскохозяйственного производства. Крупное землевладение Амосовых, Прощелькиных и других северных богачей основывалось на мелком хозяйстве их половников. А последнее оставалось на том же экономическом уровне, что и хозяйство самостоятельных владельцев. Если бы это было не так, общинная форма землевладения вряд ли могла бы одолеть подворную.

Мы полагаем, что общинно-передельное землевладение победило на Севере в XVIII—XIX вв. потому, что капиталистические отношения не укоренились там сколько-нибудь прочно. В противном случае и государству не были бы выгодны переделы, и беднота не смогла бы добиться их введения.¹³⁴

А. А. Кауфман и многие другие исследователи XIX—начала XX в. считали, что общинное землевладение в условиях постепен-

¹²⁷ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I, с. 212 сл.

¹²⁸ Интересное описание вервления в это время см. в кн.: П. И. Ионов. Пермская веревная книга, с. 248—249.

¹²⁹ М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. I, с. 190—191.

¹³⁰ Правда, Н. В. Устюгов указывает на случай попытки земельного передела в 1660 г. у крестьян Андреевского стана Двинского уезда, которые просили «сровнять ораны земли и пожженные сениные покосы — добрые и середине, и худые — против иных волостей, чтоб никому в землях в переделе лишние тягости не было» (см.: Н. В. Устюгов. К вопросу о земельных переделах на Русском Севере. — Исторический архив, 1950, т. 5, с. 44). Думный дяк Алмаз Иванов запретил поравнение, указывая, что «такова образа, чтоб по челобитью одного стану и без государева указу позволить вервить и землю ровнять не бывало». Здесь, очевидно, речь идет не о переделе земли, а о вервлении с целью переверстки тягла.

¹³¹ А. А. Кауфман. Русская община, с. 257.

¹³² М. А. Дьяконов. Отзыв о сочинении проф. А. А. Кауфмана: «Русская община в процессе ее зарождения и роста». Пг., 1916, с. 90.

¹³³ Там же, с. 74.

¹³⁴ То же можно сказать и о случаях победы маломочных над прожиточными в монастырских вотчинах. Нам известны случаи, когда после перехода вотчины из дворцового ведомства во владение Иверского монастыря по челобитью маломочных назначались земельные переделы. В них были заинтересованы монастырские власти. Архив ЛОИИ СССР, ф. 181, карт. 25, д. 16, сст. 33; карт. 23, д. 1, сст. 52; карт. 34, д. 9, сст. 10, 12; карт. 44, д. 14, сст. 36, 43; карт. 48, д. 2, сст. 58—59, 60.

ного земельного утеснения побуждало там, где крестьянам было присуще убеждение в том, что земля ничья, божья, государева и каждый имеет равное право черпать из нее средства существования.

Мы полагаем, что крестьянская идеология должна приниматься во внимание, когда речь идет о трансформации общины и введении общинных переделов. Но при этом надлежит учитывать противоречивость крестьянских взглядов на земельное владение и условия, в которых те или иные взгляды возникали и удерживались.

Нам кажется, что в условиях древней дофеодальной общины сложились представления о праве каждого общинника на землю, которое материализовалось в старинном обычае отвода земель всем членам общины, пожелавшим и способным ее обрабатывать. К. Р. Качоровский, изучавший взгляды крестьян в конце XIX в., говорил, что им бесспорно было присуще представление о праве на земледельческий труд.¹³⁵ М. А. Дьяконов не отрицает этих воззрений, но считает, что их не существовало в Древней Руси. Кто из монастырских детенышей, бобылей, захребетников, вольных гулящих людей претендовал на равное с другими право получить участок земли, спрашивает он.¹³⁶ Но, во-первых, эти люди очень часто претендовали на землю и получали ее у общинных властей. А, во-вторых, они сами появились довольно поздно. Вряд ли можно отрицать право членов черной волости, их детей, внуков, зятьев, даже приемных на земельный отвод. Во всяком случае такой отвод, как мы видели, производился.

Наряду с правом на труд на земле, которое, вероятно, возникло в глубокой древности, у черносошных крестьян, занимавших большими или малыми семьями свободные земли, сложилось представление о праве на освоенную их трудом и окультуренную ими землю. Наблюдатели крестьянской жизни XIX—XX вв. называли его «трудовым правом» и отметили столкновение «трудового права» и «права на труд», или, иначе говоря, столкновение людей малоземельных, стремившихся вложить труд в обработку земли, и многоземельных, старавшихся удержать в своих руках землю, уже освоенную их трудом.

Можно также добавить, что в черной волости уже в XIV—XVI вв. в представлениях крестьян окрепли взгляды на правомочность владения купленной или приобретенной другими законными способами землей, даже если эти владения далеко выходили за рамки трудовых возможностей крестьянина. Богатая часть крестьянства отстаивала правомерность только последнего представления. Но ни в XVII, ни в XVIII, ни в XIX в. оно не в силах было вытравить в сознании крестьянской массы старинные идеи трудо-

вого права и права на труд. Это обстоятельство должно быть учтено при решении сложного вопроса о причинах победы общинно-переделного землевладения на русском черносошном Севере.

Одной из форм держания земли являлась крестьянская аренда. И хотя она не может быть отнесена к формам землевладения, нам хотелось бы на ней остановиться, так как арендная форма держания соприкасается с такими формами, которые приходится относить к владению землей.

Арендные договоры между землевладельцем и крестьянином уже с древних времен отмечаются в источниках рядом с тяглом, которое в одностороннем порядке налагается господином, и рядом с соглашениями, по которым крестьянин, добровольно садясь на землю, превращается в тяглеца. В дореволюционной историографии имела широкое хождение теория, согласно которой до полного закрепощения крестьян они все были вольными арендаторами. Заслугой Б. Д. Грекова и других советских историков является критика этой концепции. Средневековые крестьяне были не арендаторами, а тяглецами, на них распространялись те или иные формы внеэкономического принуждения.

Но это не значит, что арендные отношения вовсе не встречались в средневековой Руси. В «наим» крестьяне уже в XIV—XV вв. брали различные угодья: пашни, сенокосы, леса, топи.¹³⁷ Арендные отношения сплетались в сложную сеть взаимосвязей между волостными крестьянами и феодальными вотчинниками, между частновладельческими крестьянами и черной волостью. Иногда крестьяне брали на оброк земли у своего собственного вотчинника, иногда — у правительственных учреждений. С развитием помещичьего землевладения арендные отношения устанавливались между крестьянами и помещиками, которые не сами хозяйствовали на вновь полученных землях.¹³⁸ Не чем иным, как обыденностью арендных операций, следует объяснить установление общепринятых цен за каждую десятину определенного вида угодий.¹³⁹

¹³⁷ АСВР, т. I, № 340, 397, 431, 538, 588, 593, 607; АСВР, т. II, № 404; АСВР, т. III, № 208; АФЗХ, т. I, № 103, 140; РИБ, т. XII, стр. 57; РИБ, т. XIV, с. 90.

¹³⁸ «Пожалован он, Михайла, помещьем в Володимирском уезде половиною селца Мещерок, а велено Михайлу на той пустоши селитца, и двор ставить, и пашня розпахивати. И он, Михайла, ту пустошь отдал в наем боярина Степана Васильевича крестьяном Описнику Ефиму да Оношко Давыдову, а взял на той пустоши наиму полтретья рубли» (АФЗХ, т. III, № 108).

¹³⁹ «...и ты Б. Василью Соболеву у Федора у Шинкина велел взяти за ту пашню наем по розчету за чистую землю за десятину по тамошней цене, почему чистая земли неоранные крестьяне десятину наимуют, а за

¹³⁵ К. Р. Качоровский. Русская община, с. 179, 239.

¹³⁶ М. А. Дьяконов, ук. соч., с. 77.

Особенно широкое распространение сдача земли на оброк за фиксированную денежную плату или из пятого снопа (или шестого) получила в последнюю треть XVI в., когда разоренные крестьяне забрасывали переобремененную податями тяглую землю. Аренда имела для крестьян то преимущество, что объем платежей был фиксированным и относительно невысоким. А феодалы и государство вынуждены были сдавать земли в аренду, чтобы они не лежали впусте. Но они старались перевести эти земли в тягло и оговаривали иногда срок аренды «до тяглица». Аренда владельческими крестьянами земель (у своего вотчинника и вне его владений) была распространена и в XVII в. весьма широко. У нас есть данные о такой аренде в вотчинах Безобразова, Одоевского, Морозова, Волыньских,¹⁴⁰ в вотчинах Троице-Сергиева,¹⁴¹ Спасо-Прилуцкого,¹⁴² Кирилло-Белозерского,¹⁴³ Иверского,¹⁴⁴ Покровского Суздальского,¹⁴⁵ Спасо-Евфимьевского¹⁴⁶ и Соловецкого монастырей.¹⁴⁷

В вотчинах боярина Б. И. Морозова в иных случаях земли и угодья арендовались одним крестьянином, в других же — миром. Так, в селе Косые на пустошах пашню и луга косят «крестьяне же села Косые и деревни Ларионовой».¹⁴⁸ В селе Реброве Галицкого уезда оброк за мельницу берется у старосты и у крестьян,¹⁴⁹ мельница в Князем на оброке у крестьян этой деревни,¹⁵⁰ крестьяне (без указания — кто) берут 56 пустошей в оброк в Волоколамском уезде.¹⁵¹ Там же сказано о пустошах, ловлях и

переложную землю, что Федор розпахивал ко сту седмому году, против чистые же земли за десетину» (АФЭХ, т. III, № 165).

¹⁴⁰ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М., 1929, с. 108, 169—170; Ю. Арсеньев. Ближний боярин кн. Никита Иванович Одоевский и его переписка с галицкой вотчиной. ЧОИДР, 1903, кн. I, с. 63—64, 110—111; Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. I. М.—Л., 1940, с. 12, 17, 23—25 сл.; ГБЛ, ф. 57 (Волыньские), карт. 2, №№ 43, 47, 54.

¹⁴¹ Переписные книги Троице-Сергиева монастыря — В кн.: Памятники социально-экономической истории Московского государства XVI—XVII вв. М., 1929, с. 273.

¹⁴² Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.—Л., 1950, с. 161—162.

¹⁴³ Н. М. Катаев и А. И. Кабанов. Описание актов собрания гр. А. С. Уварова. М., 1905, с. 377—378.

¹⁴⁴ Акты Иверского Святозерского монастыря. СПб., 1878, № 19, 25, 30, 37, 78, 102, 129, 153, 175.

¹⁴⁵ Н. М. Катаев и А. И. Кабанов. Описание актов собрания гр. А. С. Уварова, с. 258, 269.

¹⁴⁶ Там же, с. 290, 465.

¹⁴⁷ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII в. Пермь, 1927, с. 174—175.

¹⁴⁸ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. I, с. 11.

¹⁴⁹ Там же, с. 23—25.

¹⁵⁰ Там же, с. 36.

¹⁵¹ Там же, с. 39—40.

мельницах в селе Старое Покровское Нижегородского уезда.¹⁵² 29 пустых дворов в селе Сергач на оброке у крестьян дер. Ключевой,¹⁵³ рыбные ловли, бобровые гоны и мельницы сданы из оброка крестьянам отдельных деревень, тянущих к селам Знаменскому и Покровскому в Арзамасском уезде,¹⁵⁴ то же — в селах Уварово,¹⁵⁵ Городня¹⁵⁶ Тверского уезда. В других же случаях упоминаются конкретные крестьяне, арендующие рыбные ловли, перевозы, мельницы, борти, покосы.¹⁵⁷ Трудно выяснить в каждом случае, арендуют ли ту или иную пустошь крестьяне всем миром или лишь группа крестьян. Но показательно, что и в последнем случае мир в такой аренде бывает заинтересован и челобитье идет от имени старосты и всех крестьян.¹⁵⁸

Посмотрим теперь, какую картину представляет село, в котором лишь часть крестьян арендует пустую землю. Возьмем село Благовещенское Переяславского уезда Троице-Сергиева монастыря в 1612 г. Всего в селе 15 дворов, из них один пашет $\frac{1}{8}$ пустоши на льготе. Из остальных дворов 5 во главе со старостой берут пустошь на оброк, 9 — не берут. Соотношение тяглой и оброчной запашки выглядит так: у старосты было $\frac{1}{2}$ выти оброчной и $\frac{1}{4}$ выти тяглой земли; у 4 крестьян — по $\frac{1}{4}$ выти оброчной и по $\frac{1}{8}$ выти тяглой земли; у 9 крестьян, не бравших оброчной земли, — по $\frac{1}{4}$ выти тяглой.¹⁵⁹

Когда речь идет о непосредственной связи наличия оброчной земли с благосостоянием крестьянского двора, следует быть чрезвычайно осторожным. Но мы можем выделить тенденцию в крестьянской аренде, явно связанную с расслоением крестьянства. Это прослеживается по многим конкретным арендным договорам.¹⁶⁰ Зачастую богатые крестьяне стремились перехватить землю у менее зажиточных, пользуясь практикой оброка «из наддачи». Так, например, крестьянин деревни Баскакова И. Степанов жаловался вотчиннику князю Одоевскому на своего односельца: «Держал я, сирота твой, на откупу многие годы помесную пустошь костромитина Федора Волкова, и расчистил я, сирота твой, на той пустоши под пашню многою землю, а ныне, государь, твое мою откупную пустошь перекупил у меня того ж села Покровского, деревни Базеева крестьянин Иван Киприянов. А ту, государь, нестары деда и отцы наши пустошь держали на откупу, а ныне, государь, он, Иван, хотя нас, сирот твоих, изгнать

¹⁵² Там же, с. 43—44.

¹⁵³ Там же, с. 46.

¹⁵⁴ Там же, с. 69.

¹⁵⁵ Там же, с. 70.

¹⁵⁶ Там же, с. 82.

¹⁵⁷ Там же, с. 57, 90 и далее.

¹⁵⁸ Например, челобитье о мельничной аренде. Там же, с. 123.

¹⁵⁹ Памятники социально-экономической истории Московского государства, XVI—XVII вв., с. 273.

¹⁶⁰ А. Н. Сахаров. Русская деревня в XVII в. М., 1966, с. 122—123.

и ту пустошь перекупить, а мы, государь, тою пустошью и сыты». Вотчинник постановил не велеть ответчику перекупать, если та пустошь у истца из «урочных лет не вышла».¹⁶¹ Богатые крестьяне, тяготясь рамками тяглого хозяйства, забрасывали свои тяглые участки, арендуя землю на стороне. Одной из обязанностей приказчика, как отметил еще А. С. Лаппо-Данилевский, было наблюдать, чтобы сильные крестьяне своих участков впусто не писали и не пахали пашен на стороне у других владельцев. Такая же забота возлагалась и на писцов в черных землях: «А будет которые крестьяне пашню пашут на сторонах, наймут у монастырей и у всяких людей мимо государевых земель, и свои будут у них в государевых черных землях пашни лежать впусте, и тех людей в том подавать на прежния поруки с записями, чтоб им впредь свою тяглую пашню пахать всю, а впусте ее не положить... а на сторонах им пашни мимо своих пашен пахать не велеть, чтоб государевы земли впредь впусте не были и лесом не поросли». Исключение делалось лишь для «изможных людей», сполна пахующих тяглую пашню.¹⁶²

За индивидуальной арендой мог стоять и наем рабочей силы. Если, например, крестьянин Иосифова Волоколамского монастыря Петр Проппин оброчил у Иверского монастыря рыбную ловлю на Ильмене «зимою ловить неводом шестнадцати человеки, а летом ловить четырьмя неводами, по четыре человека в неводу» за 16 руб. в год, то следует полагать, что он пользовался наемной силой.¹⁶³ Но на арендованных пахотных угодьях применения крестьянами-арендаторами наемного труда в XVII в. не заметно.

По документам XVII—начала XVIII в., относящимся к крупным вотчинам, видна другая тенденция. Крестьянский мир, часто вопреки стремлениям отдельных своих членов, стремится приписать себе монопольное право на использование не входящих в тяглую землю угодий на более выгодных, чем тягло, условиях аренды. Такой вид внутривотчинной аренды означал ведение крестьянского хозяйства на сравнительно выгодных условиях и зачастую был необходимым фактором воспроизводства этого хозяйства. Власть Иверского монастыря указывает отдать в оброк рыбные ловли «нашим же крестьяном или сторонним охочим людям, как бы нашей казне было прибыльнее».¹⁶⁴ Государственные угодья также отдавались в оброк «из наддачи».¹⁶⁵ Но в некоторых монастырских вотчинах хорошо прослеживается борьба крестьян

против передачи на сторону за большой оброк земель и угодий, брать которые крестьяне считали своим правом и своей монополией. Так, в 1662 г. крестьяне Шученской волости Иверского монастыря жаловались властям на строителя, что он, «не устояв в своем слове, рыбные ловли озера отдал на сторону Петрашке Жигалову, а нам отказал, и тем нас всех запер».¹⁶⁶

В первой половине XVIII в. аренда земель и угодий миром, по крайней мере в монастырских вотчинах, широко распространена. Так, если в XVII в. в Иверском монастыре аренда была как мирская, так и групповая и индивидуальная,¹⁶⁷ в первую треть XVIII в. есть тенденция к преобладанию аренды мирской.¹⁶⁸ Такие же явления наблюдаются и в бывших вотчинах Троице-Сергиева монастыря, приписанных вместе с Иверским к Александровскому монастырю.¹⁶⁹ В документах Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря в 1646 г. упоминается об аренде сенокосов монастырскими крестьянами, без указания на мирской характер аренды. В 1730 г. об аренде мельницы говорится как об аренде всеми крестьянами, а описание монастырских вотчин 1762 г. указывает на мирскую аренду рыбной ловли на р. Нерли, пустых земель и сенокосов, которыми «они ж, села Санина и деревнями все крестьяне, довольствовались».¹⁷⁰

Вотчинники, естественно, стремились, чтобы крестьяне брали землю прежде всего у них. Но крестьяне иногда арендовали пустоши на стороне.¹⁷¹ Для крестьянского хозяйства между этими двумя видами аренды не было существенной разницы, так как и та и другая позволяла поддерживать нормальное воспроизводство

¹⁶⁶ Акты Иверского Святоозерского монастыря, № 153.

¹⁶⁷ Старорусский крестьянин П. Слегов (Акты Иверского Святоозерского монастыря, № 78), группа крестьян Черенчицкого погоста, группа крестьян дер. Загорья (Архив ЛОИИ СССР, ф. 181, карт. 40, д. 6, сст. 65; карт. 12-а, д. 22; карт. 47, д. 22, сст. 38).

¹⁶⁸ Крестьяне с. Боровичи арендовали пустоши у посторонних помещиков миром и в 1670, и в 1727 г. Архив ЛОИИ СССР, ф. 181, карт. 25, д. 16, сст. 93—94; ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 1, д. 3 (1716 г.), л. 57—58; д. 50-а (1716 г.), л. 20 об.—21.

¹⁶⁹ В с. Медна арендовали миром многие пустоши, оброк с них составлял 47 руб. (окладные сборы 178 руб. 5¼ коп.); так же оброчили пустоши и угодья крестьяне сел Кошелева, Щанова (в 1715 г. последние просили на оброк покосы, в 1725 г. отказались от них), Присеки, Борисоглебского, разных деревень села Прилуки. ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 4, д. 198 (1726 г.), л. 16—20, 23; д. 62 (1726 г.), л. 3—4; д. 236 (1725 г.), л. 18—27; д. 195 (1728 г.), л. 1—4; д. 137 (1728 г.), л. 11—12; д. 312 (1728 г.), л. 129—130.

¹⁷⁰ И. М. Катаев и А. И. Кабанов. Описание актов собрания гр. А. С. Уварова, с. 290, 320—324.

¹⁷¹ Воспринимая указания на «земельную скудость» как причину крестьянской аренды, следует иметь в виду, что для крестьян играло роль не столько абсолютное, сколько относительное малоземелье — недостаток в земле, которой они могли бы пользоваться на более выгодных условиях.

¹⁶¹ Ю. Арсеньев, ук. соч., с. 110—111.

¹⁶² Тотемский писцовый наказ 153 г. Цит. по: В. Седашев. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси XVII в. М., 1912, с. 62.

¹⁶³ Акты Иверского Святоозерского монастыря, № 175.

¹⁶⁴ Там же, № 19, 25.

¹⁶⁵ Пункты 25, 27 и 35 Валуевского писцового наказа. В. Седашев, ук. соч., с. 152—156.

крестьянского хозяйства при более низкой, сравнительно с тяглой землей, норме отчуждения прибавочного продукта. Есть некоторые указания на то, что с «посторонних помещиковых земель» крестьяне села Боровичи платили в монастырь восьмой сноп.¹⁷² Но, видимо, такой порядок не был повсеместным. Важно, что вотчинник в известных случаях вынужден был не препятствовать крестьянам поддерживать и укреплять свое хозяйство арендой на стороне.

Поскольку речь идет об оброчных арендуемых крестьянами черных землях, следует отметить, что арендаторы стремились обратить их в свое наследственное владение и иногда это им удавалось.

И. Е. НОСОВ

О ДВУХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

В XV—XVI вв.

(К постановке вопроса)¹

Крупное землевладение — основа феодального строя. Так было в период становления и развития феодализма в большинстве европейских государств, по крайней мере до XV—XVI вв. Дальнейшая история европейского континента таит в себе серьезные перемены. В наиболее развитых европейских странах уже с XVI в., с развитием промышленности и городов, явно заметны тенденции к «обуржуазиванию» феодальной собственности, в других еще побеждает феодальная реакция. Последний процесс нередко трактуют как «рефеодализацию». Я не уверен, что это определение правильно. Но я согласен с теми исследователями, которые

¹⁷² ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 4, д. 25 (1727 г.), л. 1 об.

¹ В основе настоящей статьи лежит мой доклад по вопросам истории феодального землевладения в России XV—XVI вв. на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде в августе 1970 г. Статья непосредственно связана и с другой моей работой — «Русский город и русское купечество в XVI столетии. (К постановке вопроса)» (в кн.: Исследования по истории социально-политической истории России. Л., 1971, с. 152—177). Цель обеих статей — показать на примере как русской аграрной истории, так и, особенно, истории русского города борьбу двух тенденций в развитии социально-экономического строя России XV—XVI вв., а именно феодально-крепостнической (по преимуществу дворянской) и буржуазной (крестьянско-посадской). Эта проблема очень сложна и крайне слабо разработана в советской и зарубежной историографии. Поэтому, предлагая в порядке дискуссии свое решение поставленных в статье вопросов, я стремился привлечь внимание исследователей на необходимость их дальнейшего аналитического изучения. Именно это мне хочется подчеркнуть.

подчеркивают особую роль в этом процессе «нового» дворянства.²

В отношении русской истории обычно принято считать (во всяком случае подобное мнение господствует в новейшей историографии), что процесс зарождения новых буржуазных связей не затронул аграрного строя России XV—XVI вв., в которой именно в этот период утверждаются такие феодальные институты, как поместная система и крепостничество. А это в свою очередь тормозит рост русской промышленности и городов — основных социальных ячеек нового общественного уклада.

Этот вывод неочевиден, конечно, далеко не только историографической традицией, как правило, акцентирующей внимание на особом пути развития России, но и рядом объективных факторов экономического и политического порядка.

В данной статье я остановлюсь лишь на двух, по-моему, наиболее кардинальных вопросах русской аграрной истории XV—XVI вв., а именно на происхождении поместной системы, с одной стороны, и судьбах черной волости — с другой. Заранее отмечу, что предлагаемую мной трактовку вопроса я рассматриваю только как одно из возможных решений этой большой, сложной и дискуссионной темы.

На рубеже XIV—XV вв. феодальное землевладение Северо-Восточной Руси достигло весьма высокой степени развития, хотя его формы, применительно к отдельным районам, довольно существенно различались между собой. Но в целом — и в этом, пожалуй, солидарны все советские и зарубежные исследователи аграрной истории России — на Руси в этот период господствовало крупное вотчинное землевладение, представленное владениями великих и удельных князей, а также боярскими и церковными землями. Главным противником феодального землевладения были общинные и крестьянские земли, входившие в состав черных волостей. Даже позднее, в конце XV—начале XVI в., черным волостям принадлежали огромные массивы земель.

В то же время общее знакомство со структурой феодального землевладения в России, как она сложилась к началу XV в., дает основание говорить о двух основных путях его развития — московском, характерном для земель Великого Московского княжества и соседних ему княжеств Воляско-Окского междуречья (по позднейшей терминологии, земель Замосковского края), и повгородском, характерном для Северо-Запада и Севера Руси (земли

² Е. Топольский. Рефеодализация в экономике крупных землевладений в Центральной и Восточной Европе. Доклад на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде 10—14 августа 1970 г. М., 1970.

Новгородской республики, ее поморских колоний и Псковщины. Для Москвы типичны развитая феодальная иерархия, сочетание крупного княжеского землевладения (домениальных владений великих и удельных князей) с боярскими землями при условии ограничения владельческих прав боярства даже на родовые вотчины; для Новгорода и Пскова — отсутствие княжеского землевладения и нахождение основных вотчинных земель в безраздельной собственности самого боярства. Значительно шире на новгородских землях — это убедительно показывают исследования Л. В. Даниловой и В. Н. Бернадского по истории Новгорода XV в. — и практика владения землей купечеством и горожанами.³ На московских же землях, наоборот, — тенденция к корпоративной замкнутости феодальной земельной собственности по преимуществу лишь в руках княжеских вассалов, несущих военную службу (бояр и дворян).

Отсюда, наконец, и различия в судьбах крестьянского землевладения. В центральных районах Северо-Восточной Руси (и в первую очередь на землях Великого Московского княжения) крестьянская земельная собственность ограничивается значительно более радикально, чем на новгородских землях, и сохраняется по существу только на территории черных волостей. И хотя социально-экономическое развитие крестьянства XIV—XV вв. там и тут проходит примерно с одинаковой интенсивностью, результаты его для судеб московской и новгородской деревни были отнюдь не адекватны. Разложению старой сельской общины сопутствует и развитие института «своеземцев» (полукрестьян-полufeодалов). И тут тоже своя тенденция. Во всяком случае на новгородских землях этот институт получил значительно большее развитие, чем в центре, а в Поморье даже превратился (правда, уже в начале XVI в.) именно в ту социальную среду, в которой наиболее рано зарождаются буржуазные связи.

Таковы основные черты феодального землевладения Северо-Восточной Руси примерно до середины XV в., когда по мере объединения русских земель вокруг Москвы и образования Русского централизованного государства все более явственно выступают тенденции к распрощанию и на новгородские земли московских порядков. Обуславливалось это не только политическими причинами (успехами московской политики), но и причинами экономическими.

³ Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961. О землевладении в новгородских двинских колониях см.: Н. Н. Покровский. К истории крупного светского землевладения в Двинской земле XV—XVI вв. — Вестн. Моск. ун-та, ист.-фил. сер., 1956, № 2. Интересный материал по этим вопросам приводится и в коллективном труде «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в.» (Л., 1971).

Дело в том, что, как показано в работах советских медиевистов по истории социально-экономических предпосылок образования Русского централизованного государства (Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, М. Н. Тихомирова, П. П. Смирнова, Г. Е. Кочина, А. М. Сахарова и особенно Л. В. Черепнина и его учеников), примерно с конца XIV в. почти на всей территории России имеет место сперва медленный, а потом все более интенсивный экономический подъем. Восстанавливается сельское хозяйство, в котором окончательно утверждается трехполье, растут города, ремесло, активизируется внутренняя и внешняя торговля, причем уже в XV в. это особенно сильно сказывается на московских землях — центре Великороссии. Все это требовало большей мобильности и свободы частного землевладения, расширения прав продажи и купли земель, изменения форм и характера эксплуатации крестьянства. В то же время господствующая в центральных районах страны сословно-иерархическая структура земельной собственности сковывала этот процесс, вернее, придавала ему тот характер, который в первую очередь отвечал потребностям великокняжеской власти и служилого сословия (бояр и дворян), в среде которых все большее место занимают держатели не родовых, а служилых вотчин. Стремясь максимально усилить военную мощь государства, а тем самым и свою власть, великие московские князья не только не расширяют права вотчинников, но, наоборот, стремятся ограничить крупное вотчинное землевладение и даже более — начинают практиковать раздачу княжеских земель служилым людям в поместья, т. е. во временное держание за военную службу; населяющие же поместья крестьяне становятся «крепки земле».

Так, в «своих интересах» и «своими руками» решали широкие слои русских феодалов (особенно дворянство) проблему встраивания аграрного строя России в новую экономику.

Указанная земельная практика, как достаточно наглядно показывают хотя бы работы С. Б. Веселовского,⁴ зародилась еще

⁴ Имеется в виду известная монография С. Б. Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» (М.—Л., 1947), в которой автор специально рассматривает вопрос о зарождении в России поместной системы. Интересный материал о поместном землевладении приводится и в исследовании С. Б. Веселовского «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.» (М.—Л., 1936). Из позднейших наиболее крупных работ, непосредственно касающихся возникновения и развития поместной системы в отдельных районах России, укажем монографии А. И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.» (М.—Л., 1951) и Ю. Г. Алексеева «Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.» (М.—Л., 1966), содержащие материалы по землям Русского Севера — Белозерскому краю (А. И. Копанев) и Московского центра — Переяславскому уезду (Ю. Г. Алексеев). Наконец, следует особо отметить и уже указанный коллективный труд — «Аграрная история Северо-Запада России», в котором приводятся обобщенные данные писцовых книг о становлении поместной системы на территории Новгородской (включая Поддубье) и Псковской земель.

в середине XV в., но приобрела массовый характер лишь с конца века, когда после взятия Новгорода Иван III произвел конфискацию земель новгородского боярства и раздал их наряду с новгородскими оброчными землями московским боярам и дворянам в качестве поместий. В XVI в. поместное землевладение широко насаждается Василием III и Иваном IV на тверских, рязанских и московских землях, а потом и в центральных районах страны за счет преимущественно дворцовых и вотчинных земель (конфискуемых у удельных князей и бояр). Церковные земли избежали подобных массовых изъятий, хотя вопрос об их секуляризации дважды стоял на церковных соборах — в 1503 и 1551 гг. Но наибольшего размаха этот процесс достиг в годы опричнины (1564—1572 гг.), когда Иван IV провел массовую конфискацию княжеских и боярских вотчин и передал их в поместья дворянам, а главное, почти полностью ликвидировал волостное землевладение в центральных районах страны. Черные земли пошли в раздачу помещикам, частью — в монастыри, в руках которых в середине XVI в. была сосредоточена уже почти $\frac{1}{3}$ всех частновладельческих земель. Так, поместья и монастыри «съели» крупную светскую вотчину, а заодно и большинство черных волостных земель. Поместная система, казалось бы, восторжествовала, преуспевала и монастырская вотчина.

Подобное «наступление» поместной системы большинством исследователей феодальной России XVI в. трактуется как явление экономически неизбежное и в конечном счете прогрессивное. Впервые в наиболее развернутом виде мысль о «государственной необходимости» поместной системы (а равно и крепостничества) была высказана С. Ф. Платоновым⁵ и развита рядом его учеников (в частности, С. В. Рождественским⁶). Как дворянский «аграрный переворот» XVI в. (переход от натурального к товарному хозяйству) трактовал победу поместной системы в России и М. Н. Покровский, хотя и подходил к ее оценке с принципиально иных (антикрепостнических) позиций.⁷ Позднее в совет-

Что касается общей оценки образования и тенденций развития поместного землевладения как новой основной формы феодальной собственности периода образования Русского централизованного государства, то в наиболее развернутом виде она дана Л. В. Черепнинным в статье «Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века)» (Вопросы истории, 1953, № 4, с. 60 сл.) и развита применительно к концу XV в. в его известной монографии «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках» (М., 1960, с. 178—194).

⁵ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, с. 120—121, 125, 137.

⁶ С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897.

⁷ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Т. I. ОГИЗ, 1933, с. 161—176, 232. Ср.: М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. I и II. М.—Л., 1934, с. 53—64. С переходом от «господствующего» в России XVI в. «натурального сельского

ской историографии 40—60-х годов тезис о «дворянской революции» XVI в. был снят, но сам факт введения поместной системы и сейчас характеризуется большинством исследователей как явление прогрессивного плана. Именно такая точка зрения проводится в трудах Б. Д. Грекова, И. И. Полосина, И. И. Смирнова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, Р. Г. Скрынникова, В. И. Корецкого, З. К. Янколь и до сего времени является, пожалуй, наиболее распространенной в историографии по истории феодальной России.⁸ Примерно так же оцениваются в новейшей историографии подобные же замечания — укрепление фольварка — поместья — и в аграрном строе других стран Восточной Европы XVI в.⁹

В обоснование этой точки зрения обычно ссылаются на то, что помещики, а они уже в XVI в. представляли в своем большинстве землевладельцев «средней руки», более активно, чем крупные светские вотчинники в лице князей и бояр, приспособливали свое хозяйство к новым экономическим условиям и в первую очередь

хозяйства к меновому¹⁰ связывает развитие поместного землевладения и А. А. Рожков (см.: А. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899, с. 469, 471, 472—478). О поместной системе с крестьянской барщиной как особой форме товарного хозяйства, утвердившейся с XVI в., пишет также Б. Н. Тихомиров (Б. Н. Тихомиров. Проблемы вторичного закрепощения крестьян и крестьянский выход. Историк-марксист, 1932, № 3, с. 122—131).

⁸ Б. Д. Греков. 1) Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.—Л., 1940, с. 31—32; 2) Крестьяне на Руси, кн. 2. М., 1954, с. 43—62; 3) Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958, с. 147—155; И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963, с. 34—52, 129—132; И. И. Смирнов. 1) Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1949, с. 36—38 и сл.; 2) Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958 (Введение и гл. 8 и 9); Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века), с. 60—61; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 81—82, 90; Р. Г. Скрынников. 1) Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и первой половине XVI в. — Учен. зап. Леп. гос. пед. ин-та им. А. Н. Герцена, 1957, т. 150, вып. 1, с. 3—37; 2) Рост барской запашки и развитие барщины на новгородских поместных землях в 50—70-х гг. XVI века. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. Н. Герцена, 1959, т. 188, с. 279—293; В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970, с. 21, 25, 30—32 и сл.; З. К. Янколь. О некоторых вопросах «второго издательства» крепостного права и социально-экономическое развитие барщинного поместья в России. — Исторические записки, 1965, № 78.

⁹ Б. Д. Греков. Перестройка сельского хозяйства и судьба крестьян в Европе XVI века. — Известия АН СССР, сер. ист. и филос. Т. V, № 1, 1948; С. Д. Сказкин. Основные проблемы т. II «второго издания» крепостничества в средней и восточной Европе. — Вопросы истории, 1958, № 2; В. В. Дорошенко. 1) Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. Рига, 1960; 2) «Модель» аграрного строя Речи Посполитой XVI—XVII вв. — В кн.: Ежегодник аграрной истории Восточной Европы за 1965 г. М., 1970; Zs. P. Pach. The Role of East-Central Europe in international Trade (16th and 17th centuries). Etudes Historiques. 1970 (Изд. АН Венгрии).

к развивающимся рыночным связям. Они активнее заводят барскую запашку и тем самым повышают производство товарного хлеба, а главное, добиваются государственного закрепощения владельцев крестьян, которые все чаще переводятся с оброка на барщину. Отмечается в историографии и значение поместной системы в хозяйственном освоении новых целинных земель, особенно на юге страны. Последний фактор Л. В. Черепнин считает даже одним из главных для России XVI в.¹⁰ Трудно оспаривать указанные положения. Многочисленные исследования советских ученых по аграрной истории XV—XVI вв. действительно дают материал, подтверждающий указанные тенденции поместного хозяйства XVI в. Правда, с одной существенной оговоркой. О сравнительно широком развитии барщины на поместных землях, а следовательно, о массовом переводе крестьян с оброка на барщину можно говорить лишь с последней трети XVI в.¹¹

Но сейчас важно выяснить другое: действительно ли барщина и крепостной труд были явлением прогрессивным по сравнению с оброчной системой, тем более что по мере развития в стране рыночных связей уже в XV в. заметна тенденция к повседневной замене натурального оброка денежным. Думается, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, особенно в теоретическом плане. Дело в том, что барщинное хозяйство поместного типа,

¹⁰ Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века), с. 60.

¹¹ Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899, с. 195, 200—201. Мнение же Р. Г. Скрынникова и В. И. Корецкого, разделяемое в последнее время многими советскими медиевистами (именно эта точка зрения зафиксирована и во II томе академического издания «Истории СССР»), что барщина была широко распространена на поместных землях, особенно Северо-Запада Руси, еще в начале XVI в., не подтверждается новейшими исследованиями (Р. Г. Скрынников. 1) Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и первой половине XVI в.; 2) Рост барской запашки и развитие барщины на новгородских поместных землях в 50—70-х гг. XVI века; В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в., гл. I). Критику этой точки зрения см. в докладе Г. В. Абрамовича «Новгородские писцовые книги как источник по истории барщины в поместном хозяйстве XVI в.» (Тезисы докладов и сообщений XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970, с. 58—60) и в историографическом очерке В. М. Панейха «Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, перспективы изучения (по поводу книги В. И. Корецкого)» (История СССР, 1972, № 1, с. 158—160). Эти наблюдения Г. В. Абрамовича и В. М. Панейха в своей экономической части, казалось бы, совпадают с уже высказывавшимися ранее мнениями отдельных советских исследователей, что в России «развитие крепостничества предшествовало широкому распространению барщинного хозяйства», а само поместье XVI в. носило первоначально преимущественно потребительский, а не товарный характер и в этом смысле существенно отличалось от барщинного крепостного хозяйства XVIII—XIX вв. (Л. В. Данилова. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России. — В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962, с. 56 сл.).

а главное, сопутствующее ему закрепощение крестьянства (кстати, последнее отнюдь не обязательно для всякого барщинного хозяйства, которое может использовать и наемный труд, — все зависит от конкретных экономических условий развития той или иной страны), хотя и сузило для землевладельцев, казалось бы, прямые экономические выгоды — наиболее быстрое и эффективное получение товарного хлеба (это и делало его в глазах помещиков особенно притягательным), в плане широкой экономической перспективы было более консервативным, чем по преимуществу господствовавшая на территории крупных феодальных латифундий система денежных рент. Барщина — это уже достаточно показала и доказала советская и зарубежная марксистская историография — приводила к разорению индивидуального хозяйства крестьян, подрывала заинтересованность крестьянина в повышении производительности своего труда и товаризации его результатов. А известно, что именно интенсивность развития мелко-товарного крестьянского хозяйства обычно приводит к более прогрессивным формам зарождения в недрах феодальной экономики новых буржуазных связей. Не случайно поэтому, как это наглядно видно на примере исследований Б. Д. Грекова (имеется в виду проведенное им капитальное исследование хозяйства Новгородского Софийского дома¹²) и особенно историко-экономических работ по истории XVI—XVII вв. С. В. Бахрушина,¹³ что наибольшей товаризации сельское хозяйство этого времени достигло в тех районах Северо-Восточной Руси, где господствовало черносошное крестьянское землевладение, а также на территориях крупных церковных или дворцовых (княжеских) сел, в которых наиболее широко применялась как форма феодальной эксплуатации не барщина, а денежная рента. В отношении крестьянского промыслового хозяйства — и это тоже уже достаточно убедительно доказано в советской историографии (например, в работах С. В. Бахрушина, Н. В. Устюгова, А. И. Копанева, Р. Ю. Мюллер, Л. В. Даниловой, К. Н. Сербиной) — преимущества, в экономических условиях XV—XVII вв., и денежной ренты, и свободного волостного землевладения еще более разительны.

Что же касается вопроса о хозяйственном кризисе и разорении крупных боярских сеньорий, то и тут тоже далеко не все ясно. Так, еще Б. Д. Греков в своем капитальном исследовании «Крестьяне на Руси» указывал, что «теоретически» совсем не обязательно разорение боярства в качестве следствия роста товарно-денежных отношений. Наоборот, «должно быть как раз обратное: бояре, как и вообще крупные землевладельцы, со всеми

¹² Б. Д. Греков. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. — Летопись занятий Археографической комиссии, вып. 33. Л., 1926.

¹³ С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. I. М., 1952; т. II, М., 1954.

их возможностями скорее и более успешно могли бы приспособиться к новым общественным условиям». И как на пример Б. Д. Греков ссылается на монастыри.¹⁴ Действительно, большинство русских монастырей именно в XV—XVI вв. превращается в крупнейших землевладельцев (достаточно назвать хотя бы Троице-Сергиев монастырь, который имел гигантские вотчины, расположенные в более чем 50 уездах страны), хозяйство которых не только процветает, но и носит уже в известной мере товарный характер, а сами монастыри, во всяком случае наиболее крупные из них, выступают перед нами не только как богатейшие землевладельцы, но одновременно и как ростовщики, купцы и промышленники (владельцы соляных и иных промыслов и торгов).

Но, констатируя преуспеяние монастырей, Б. Д. Греков резко противопоставляет им положение крупных боярских сенъорий. «Положение московских бояр», по его мнению, со второй половины XV в. «делалось все более критическим». Бояре не могли, как полагает Б. Д. Греков, перестроить свое хозяйство и не могли удовлетворить свои все возрастающие потребности в деньгах. Последнее положение Б. Д. Греков, правда, не раскрывает на анализе хозяйства боярских сенъорий, а лишь приводит перечень бояр и князей, которые пользовались монастырским денежным кредитом. И хотя из этих примеров он и делает вывод, что «ростовщический капитал» «сыграл роковую роль» «по отношению к разоряющейся знати», самих причин и фактов этого разорения ему показать не удалось.¹⁵ Сами же по себе выборочные примеры денежных кредитов не могут служить доказательством экономического разорения (хозяйственного кризиса) боярских сенъорий. Во всяком случае примеров займа денег у монастырей (и не просто займа, а под залог своих земель) средними и мелкими феодалами, и в том числе помещиками, можно привести еще больше. Но не делаем же мы из этого вывода о кризисе в XV—XVI вв. средней или мелкой вотчины.

Еще более остро вопрос о распаде крупного княжеско-боярского землевладения в XIV—XVI вв. поставил С. Б. Веселовский, автор крупнейшего в советской историографии специального исследования по истории феодального землевладения в Северо-Восточной Руси. С. Б. Веселовский проделал исключительно ценную в источниковедческом плане работу: попытался на основании дошедших до нас данных о земельных вкладах в монастыри восстановить судьбы боярского землевладения XIV—XV вв. Установив факт массовых боярских земельных вкладов в монастыри, а также купли, обмена и других монастырских акций по увеличению своих владений, он так же, как и Б. Д. Греков, пришел к мысли о распаде вотчинного боярского землевладения еще

до введения на Руси поместной системы (уже в конце XIV—середине XV в.). Но в отличие от Б. Д. Грекова он видит в этом не экономические причины, тем более причины, связанные с ростом рыночных связей в стране в XV—XVI вв., а лишь следствие земельной «экспансии» монастырей (активно скупающих вотчинные земли) и пагубной для удельной княжеско-боярской Руси системы наследования (кстати, почти ничем не отличающейся от земельного права в Западной Европе), которая, по его мнению, по мере роста тех или иных боярских семей приводила к дроблению и распаду их земельных владений.¹⁶ Естественно, что только этой причиной объяснить судьбы феодального землевладения невозможно, равно как нельзя согласиться с С. Б. Веселовским в его попытках выводить внутренний строй боярщины из феодального иммунитета, предоставляемого тем или иным землевладельцам великими или удельными князьями, а не рассматривать вотчинный режим в первую очередь и в основном как следствие и продукт внутреннего социально-экономического развития крупного землевладения, в котором главным элементом являются взаимоотношения между феодалами и крестьянами. На это указывал А. Е. Пресняков, который еще в 1927 г., разбирая исследование С. Б. Веселовского о феодальном иммунитете (дело в том, что Веселовский подошел к изучению феодального землевладения именно от феодального иммунитета, видя в последнем главный правовой источник происхождения и самого феодального землевладения¹⁷), писал, что, к сожалению, в «глубину народной жизни» (народного хозяйства) исследование С. Б. Веселовского не входит, а «углубить выяснение вопроса о происхождении вотчинного режима и довести его до желаемой законченности может только изучение внутренних распорядков боярщины в том направлении, в котором идут ... исследования Б. Д. Грекова, выясняющего то перерождение землевладельческого хозяйства, которое можно определить как переход от хозяйства феодального к крепостническому и которым определялась вся изучаемая С. Б. Веселовским эволюция вотчинного режима».¹⁸

Со времени указанных замечаний А. Е. Преснякова, одного из крупнейших русских исследователей начала XX в., прошло уже более 40 лет. И надо признать, что изучение феодального землевладения и хозяйства России XV—XVI вв. в советской науке действительно пошло в основном по пути, намеченному Б. Д. Грековым, давшему наиболее плодотворные результаты особенно

¹⁴ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, гл. 7 и 8. О влиянии наследственного права на дробление боярских вотчин, см. там же, с. 50—55.

¹⁷ С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. Л., 1926.

¹⁸ А. Е. Пресняков. Вотчинный режим и крестьянская крепость. — Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 34. Л. 1927, с. 190.

¹⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2, с. 53—54.

¹⁵ Там же, с. 54—58.

после того, как Б. Д. Грековым и его учениками был применен марксистский метод в изучении указанных процессов. Именно на основе марксистской методологии советскими учеными достигнуты основные научные успехи в глубоком и всестороннем изучении истории сельского хозяйства, землевладения и истории крестьянства XIV—XVI вв. (я имею в виду, помимо работ самого Б. Д. Грекова, исследования М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, И. И. Смирнова, Г. Е. Кочина, А. Л. Шапиро, Р. Г. Скрынникова, Р. Б. Мюллер, Л. В. Даниловой, А. И. Копанева, А. Д. Горского, Ю. Г. Алексеева, В. И. Корецкого и др.).¹⁹ Советские исследователи полагают, что крепостничество — лишь одна из форм феодализма, а не социальный строй, противостоящий ему, как это обычно истолковывается в современной зарубежной историографии (это мнение разделял, как мы видели, и А. Е. Пресняков). Указанные выводы, особенно последний, и заставляют несколько по-иному взглянуть на факт перехода в XVI в. от старого вотчинного хозяйства к крепостному поместью, поскольку накопленные советскими исследователями данные по этим вопросам далеко не всегда укладываются в указанную выше общую схему этого процесса.

Так, наиболее значительный и ценный материал (я имею в виду писцовые книги) о переходе от крупного боярского хозяйства к поместной системе сохранился по Новгородской земле конца XV—XVI вв. И вот, характеризуя прогрессивность ликвидации новгородских боярщин, обычно ссылаются на то, что их упразднение и замена поместной системой не только не привели к хозяйственному кризису, но наоборот: по «новому письму» конца XV в. (по сравнению с положением «по старому письму» — при существовании боярщины) по всем новгородским пятинам произошло даже увеличение числа крестьянских дворов, что свидетельствует об общем подъеме экономического развития новго-

¹⁹ Из новейших работ хочется еще раз особо отметить коллективный труд группы ленинградских историков-аграрников (А. Л. Шапиро, Г. В. Абрамовича, Ю. Г. Алексеева, Ю. С. Васильева, А. И. Копанева, Н. Н. Масленникова, Р. Б. Мюллер, Т. Н. Осминского, К. Н. Сербиной, З. А. Тимошенковой и И. Я. Фроилова), осуществленный под руководством А. Л. Шапиро, по изучению сельского хозяйства Северо-Запада России конца XV—XVI вв., и не только в том, уже вышедший из печати, но и завершаемый авторами II том (середина XVI—начала XVII в.). Что касается известной монографии Д. П. Маковского «Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в.» (Смоленск, 1963), то, несмотря на новизну и оригинальность этой работы, ее источниковедческая обоснованность имеет ряд существенных недостатков. В частности, Д. П. Маковский крайне слабо использует основной источник по истории сельского хозяйства XVI в. — писцовые книги. И вообще приемы работы Д. П. Маковского над источниками XV—XVI вв. зачастую носят не аналитический, а выборочно-иллюстративный характер, что, естественно, снижает научную значимость этого в целом весьма интересного исследования.

родских земель после присоединения к Москве.²⁰ А отсюда вывод — поместная система экономически эффективнее боярских сеньорий.

Думается, что подобный вывод нуждается в уточнении, и довольно существенном. Дело в том, что (и это достаточно убедительно показано в исследовании хотя бы Г. Е. Кочина, специально посвященном истории сельского хозяйства Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.) крупное московское и новгородское вотчинное (боярское) хозяйство XV в., как правило, не являлось «организационной формой хозяйства», а базировалось в своей основе на мелком крестьянском хозяйстве, которое велось крестьянами, проживающими на территории боярщины, их же инвентарем и в производственном отношении по существу совершенно самостоятельно. Оно было связано с собственно боярским хозяйством (в целом весьма небольшим и использующим преимущественно холопский труд) лишь оброчной системой и сравнительно ограниченным кругом боярских отработок (косьба сена, участие в боярской охоте, поставка подвоя для перевозок оброчного хлеба, молотба и некоторые «урочные» повинности).²¹ Иначе говоря, бояр-

²⁰ Н. Ф. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области в XVI в. По писцовым книгам. Киев, 1915, с. 14—19.

²¹ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII—начала XVI в. М.—Л., 1965, с. 366—369. Полагаю, что Г. Е. Кочин прав, когда, рассматривая взгляды Б. Д. Грекова на боярскую сеньорию XIV—XV вв., указывает, что «развитие Б. Д. Грековым положения о крепости крестьян боярщины-сеньории и об осуществлении сеньором-феодалом всей полноты власти как государя и как хозяина — руководителя не только собственного боярского хозяйства, но и крестьянских хозяйств в деревнях и селах принадлежащей ему вотчины решительно расходится с ясными массовыми показателями источников о крестьянских и владельческих хозяйствах Новгородской земли и Северо-Восточной Руси». И даже более, ссылаясь на проведенные им широкие обследования многочисленных источников по аграрной истории России конца XIII—начала XVI в. («Мы с особым вниманием, — отмечает автор, — изучили сведения писцовых книг, уставных грамот, сотных, выписей из писцовых книг, акты, рисующие крестьянские и владельческие хозяйства, их связь друг с другом и взаимоотношения»), Г. Е. Кочин вообще считает, что «утрата крестьянскими хозяйствами, расположенными в волостях и селах крупных боярщин, самостоятельности была неестественна; она противоречила бы интересам самих феодалов» (т. е. боярства) (там же, с. 429—424). Что касается применения в боярском хозяйстве барщины, то в этом вопросе Г. Е. Кочин, наоборот, солидарен с Б. Д. Грековым, отмечавшим, что интенсивный рост и барской запашки, и барщины наблюдался лишь в XVI в. (Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2, с. 528—531, 534, 537—545, 587—598). Мнение же Л. В. Черепнина, А. П. Пяликова и А. Д. Горского, полагающих, что барщина была широко распространена в вотчинном боярском хозяйстве уже в XIV—XV вв., Г. Е. Кочин считает ошибочным (там же, с. 328—330, 352—353). Дело в том, что указанные авторы считают (цитирую Л. В. Черепнина), что «господствующая» в исторической литературе точка зрения Б. Д. Грекова «о преобладании в XIV—XV вв. в феодальном хозяйстве Руси ренты продуктами над другими формами эксплуатации крестьян» должна быть «пересмотрена»: «устанавливается значительно больший удельный вес барщины в феодальном хозяйстве рассматриваемого периода, чем думал Б. Д. Греков» (Л. В. Черепнин. Образование

ское вотчинное хозяйство выступило не как организующее начало над крестьянским хозяйством тех или иных феодальных владений, а лишь как искусственная (скорее социально-политическая, чем экономическая) надстройка над ними, которая их не только не упразднила, но, наоборот, была заинтересована в их развитии в целях получения с них оброка. Поэтому так легко и экономически безболезненно для сельского хозяйства произошла ликвидация старых боярщин и так прогрессивно первоначально (до утверждения новой поместно-крепостной системы) было это для крестьянства. Какие это давало для него экономические преимущества, видно по судьбам бывших новгородских боярщин в Поморье, крестьяне которых, превратившись после «свода» своих бывших владельцев в черных крестьян, добивались исключительных успехов в сельскохозяйственном и промышленном развитии. Но это развитие идет уже по новому — пробуржуазному, а не феодальному пути: происходит социальная дифференциация в деревне, скупка земель богатыми, использующими в своем хозяйстве в качестве наемных работников половников и обедневших соседей-волоцан, складывание крестьянских торговых и промышленных капиталов.

Но именно этот процесс и был резко заторможен, а потом, с конца XIV в., и вообще приостановлен на поместных землях, новые владельцы которых из числа как бывших бояр, так и поднимающегося дворянства уже сами стремятся активно вмешиваться в ведение хозяйства на своих землях, заводят барскую запашку, а для ее обработки все более используют не только холопский, но и крестьянский труд. Барщина начинает вытеснять

русского, централизованного государства, с. 227, 230, — курсив мой, — Н. Я.; ср.: А. П. Пьянков. Формы феодальной ренты в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. — Учен. зап. Могилев. гос. пед. ин-та, 1954, вып. 1, с. 3—30; А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., с. 234—243). Новейшие исследования не подтверждают необходимость и правильность подобного «пересмотра». Это видно уже из проведенного в настоящее время сплошного статистического обследования Новгородских писцовых книг конца XV — начала XVI в. (Аграрная история Северо-Запада России, т. I), содержащих сведения о 61 000 крестьянских хозяйств (= «дворов») и убедительно показывающих, что в данном вопросе правы сторонники не «пересмотра», а старой, «господствующей», говоря словами Л. В. Черепнина, точки зрения — В. Д. Греков и Г. Е. Кочин, причем, и это хочется подчеркнуть, даже их точка зрения должна быть уточнена (если строго следовать данным «старого письма») в сторону уменьшения размеров и значения крестьянской барщины на новгородских вотчинных землях до их присоединения к Москве. До XVI в. — писцовые книги показывают это достаточно наглядно — барская запашка, как правило, обрабатывалась не крестьянами, а холопами, да и вообще даже в крупных боярщинах ее доли была очень невелика. Весьма интересные наблюдения о широком использовании холопского труда в барском хозяйстве XV—XVI вв. приводятся в монографии Е. И. Козычевой «Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.)» (М., 1971).

оброк, складываются экономические условия для крепостного права, процесс «государственного утверждения» которого был явно ускорен кризисными явлениями в феодальной экономике России конца XVI в.; потребности государства (усиление налогового гнета) его стимулировали, как бы предвосхищали потребности поместного дворянства в государственном закреплении за их имениями владельческого крестьянства. Отсюда и происходит обычно столь смущающее исследователей России XVI в. опережение крепостничеством законодательством его экономического базиса.

Так по-разному дворянство и крестьяне приспособляли свое хозяйство к новым экономическим условиям, к условиям зарождающегося в России XV—XVI вв. товарно-денежного рыночного хозяйства. Дворяне — и в этом их поддерживало растущее самодержавие — стремились утвердить в своих поместьях барщинно-крепостную систему и максимально ограничить крестьянское землепользование; крестьяне, наоборот, добивались закрепления за ними права земельной собственности на свои земли, максимального сокращения феодальных повинностей и права на ведение свободного мелкотоварного фермерского хозяйства. И хотя в России XVI в. победил не второй, а первый путь аграрного развития, оба они в конечном счете были следствием тех серьезных сдвигов в экономическом развитии страны, которые характерны для большинства европейских стран XV—XVI вв. Другое дело, что в Западной Европе XVI в. в силу более благоприятных экономических условий ее развития эти процессы протекали значительно более интенсивно, а главное, дали иные политические результаты.

Что касается хода этого процесса в России, то для его результативности решающее значение имел вопрос о судьбах черного волостного землевладения как той социально-экономической ячейки, которая в условиях продолжающейся крестьянской колонизации и укрепления Московской Руси непосредственно противостояла и феодальному землевладению, и крепостничеству и в недрах которой наиболее рано и наиболее отчетливо проявились черты зарождавшегося в русской деревне нового, раннебуржуазного уклада.

Итак, русская община и феодализм. Феодальный синтез или социально-экономический антипод?

Уже почти полтора столетия в русской и зарубежной историографии идет спор о происхождении и судьбах русской общины. Трудно назвать хотя бы одно крупное исследование по аграрной истории феодальной Руси, автор которого не определил бы в той или иной степени своего отношения к этой проблеме. Большое внимание уделяет этому вопросу и марксистская историография,

внесшая по существу решающий вклад в разработку этой важнейшей проблемы.

Поэтому, устраняя историографический момент (это предмет особого и большого разговора), необходимо, хотя бы в общих чертах, определить постановку вопроса о русской общине («черной волости») в советской историографии на сегодняшний день. Речь будет идти о волости XV—XVI вв.

В настоящее время среди исследователей русского феодализма уже нет спора о том, создана ли волость Московской Руси самим государством в тягло-административных целях (как считали в XIX в. сторонники русской государственной школы в лице Б. Н. Чичерина и его русских и западных последователей) или истоки ее происхождения надо искать еще в древнерусской верви (сельской территориальной общине). Советские медиэвисты — в работах академика Б. Д. Грекова и его школы — уже давно показали и доказали связь древнерусской верви X—XI вв. с черной волостью позднейшего периода. Эти выводы приняты и большинством западных славистов. Спор идет о другом. Что происходило с крестьянским землевладением (а следовательно, и русской общиной) по мере укрепления в России феодализма? Иначе говоря, сохранили ли черные крестьяне право земельной собственности (и если сохранили, то в каком виде) или утратили его?

Мнения исследователей по этому поводу пока расходятся, и расходятся весьма существенно. Ряд советских исследователей, исходя главным образом из теоретических соображений, отрицает применительно к XV—XVI вв. общинную (а тем более частную) земельную собственность крестьян, проживавших на черных землях. Эти исследователи считают, что в период развитого феодализма, а в России об этом можно говорить, как полагает большинство советских специалистов, по крайней мере с XIII в., вся земля могла принадлежать только феодалам, крестьяне же вообще не имели (и не могли иметь в силу самого существа феодального строя) права собственности на землю.²²

²² При этом обычно ссылаются на замечания К. Маркса о классовом (монопольном) характере феодальной земельной собственности (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 159; т. 25, ч. II, с. 166), исключая, как полагает ряд ученых (например, С. Д. Сказкин, Л. В. Черепнин, С. Ф. Поршнев), возможность теоретически допустить существование при развитом феодализме наряду с феодальной (господствующей) собственностью других видов земельной собственности, например, частной крестьянской собственности на землю. Я не разделяю этих взглядов. Социально-экономическая многоукладность, по моему мнению, не противоречит господству в тот или иной период определенного способа производства, например, феодального или буржуазного, и именно с этим сталкивается исследователь экономики России почти на всем протяжении ее истории, особенно на переходных этапах. Да и вообще поиски «чистых» социально-экономических и правовых форм для земельной собственности феодального периода, где земельные отношения столь переплетены с отношениями политическими, представляется мне задачей неправомерной.

Так, по мнению одного из крупнейших специалистов в этой области Л. В. Черепнина, в наиболее развернутом виде изложенному им в капитальном труде «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.», «верховным собственником» всех земель на территории княжеств Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. являлся великий или удельный князь, что, как он полагает, и выражает формула княжеских договоров — «тобе знати своя отчина (вотчина), а мне знати своя отчина (вотчина)». Все же остальные виды земельных владений на Руси выступают по отношению к княжеской собственности как ей подчиненные и от нее зависимые в соответствии с существовавшим тогда сословно-иерархическим характером феодального землевладения. Таких категорий земельных держаний в пределах княжеских «вотчин» Л. В. Черепнин называет три: «черные земли», находящиеся в пользовании крестьянских общин, непосредственно эксплуатируемых государством; дворцовые земли, раздаваемые княжеским слугам, обслуживающим дворцовое хозяйство, обычно в условное держание; земли, принадлежащие отдельным феодалам — светским и духовным. Только в этом смысле «черная земля» и «противопоставляется», как полагает Л. В. Черепнин, «земле боярской и церковной». Иначе говоря, черные общинные земли рассматриваются по этой концепции лишь как «разновидность» феодальной земельной собственности, а само государство — как княжеская вотчина.²³ Правда, последнего вывода сам Л. В. Черепнин не делает, но он неотвратим, если толковать государственную

²³ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., с. 182—183. Когда эта статья была уже в производстве, вышло из печати новое исследование Л. В. Черепнина «Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.» (А. Н. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, с. 126—251), в котором автор развивает указанный взгляд на характер феодального землевладения, а также отвечает своим оппонентам, в первую очередь И. И. Смирнову (о взглядах последнего на черное землевладение см. выше). К сожалению, в данной статье я лишен возможности специально остановиться на этой новой, крайне интересной работе Л. В. Черепнина. Правда, мое положение облегчено тем, что авторская концепция феодальной собственности сохраняется в этой новой работе Л. В. Черепнина по сравнению с его монографией почти без изменений. Что же касается указанного отождествления понятий «феодальное государство» и «княжеская вотчина», то в новом исследовании Л. В. Черепнина оно подчеркнуто уже самими названиями отдельных разделов: например, общий раздел — «Княжеская вотчина» (имеются в виду «великие» и «удельные» княжества XIV—XV вв.), подразделы — «Княжеская „отчина“ как государственная территория», «Разновидность земельной собственности в пределах княжеской „отчины“», «Расчлененный характер феодальной собственности», «Иерархическая структура земельной собственности». Причем Л. В. Черепнин неоднократно отмечает в качестве одного из главных доказательств данной концепции, что именно своей «отчиной» (отцовским наследством) называли подвластные им земли сами

территорию как феодальную собственность князя-сюзерена (= короля). Не случайно А. Д. Горский, развивая взгляды Л. В. Черепнина, прямо пишет, что «по своему классовому характеру собственность частных феодалов на частновладельческие земли и собственность великого князя как представителя класса феодалов в целом на черные земли — явления принципиально однородные».²⁴ «Я согласен с точкой зрения А. Д. Горского, — замечает по этому поводу Л. В. Черепнин, — и аналогичный взгляд развиваю в ряде своих работ, особенно в книге „Образование Русского централизованного государства“».²⁵

С развернутыми возражениями Л. В. Черепнину выступил, как известно, И. И. Смирнов. Он полагает, что указанная выше стандартная формула княжеских договоров (а именно она является исходной правовой базой всего построения Л. В. Черепнина) отнюдь не решает вопроса о природе черных земель, «ибо как „верховный собственник всей территории данного княжества“ (формулировка Л. В. Черепнина, — И. И.) князь является собственником и земель, принадлежащих отдельным феодалам, — боярских вотчин и вотчин монастырей», а их Л. В. Черепнин все же признает собственниками своих земель. По мнению же И. И. Смирнова, «монополю-сословный характер собственности на землю» «не исключал возможности наличия в феодальный период и других форм собственности. К их числу относится общинная собственность на землю». Характеризуя самую эту общинную собственность, И. И. Смирнов говорит о «тождестве» земельных отношений «типа» шотландского клана и русской крестьянской общины XIV—XV вв. Борьбу же феодалов за захват и освоение общинных земель И. И. Смирнов считает одной из основных тенденций развития феодализма с момента его зарождения. Он решительно возражает против «снижения» роли и значения борьбы чернососного крестьянства за землю, которая, по его мнению, приобрела особую силу именно в XV—XVI вв., «до борьбы... за сохранение одной из „разновидностей феодальной земельной собственности“ и только».²⁶

великие и удельные князья XIV—XV вв. (там же, с. 195—196). Но неужели и современные исследователи должны считать, как это делали в XIX в. сторонники государственной школы Соловьева—Чичерина, всю территорию Русского государства собственностью его правителей — великих и удельных князей?!

²⁴ А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 153—161 (курсив мой, — И. И.). В введении к книге А. Д. Горского дается и обзор мнений русских и советских ученых по вопросу о крестьянской земельной собственности на территории черных волостей рассматриваемого периода (с. 12—18).

²⁵ Л. В. Черепнин. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв., с. 211.

²⁶ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. — История СССР, 1962, № 2, с. 148—152.

Точку зрения И. И. Смирнова в основном разделяют и такие советские ученые, как Г. Е. Кочин, А. И. Копанев и Ю. Г. Алексеев — авторы специальных монографических исследований по истории феодального землевладения и аграрных отношений в России XIV—XVI вв., хотя по ряду вопросов между ними и имеются отдельные расхождения. А. И. Копанев считает реальными собственниками земель самих черных крестьян,²⁷ Г. Е. Кочин и Ю. Г. Алексеев делают большой акцент на общинном землевладении.²⁸ Особенно показательны в этом отношении взгляды Ю. Г. Алексеева, изложенные им в монографии, посвященной изучению аграрной и социальной истории Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.

По мнению Ю. Г. Алексеева, «процесс феодализма (становление феодального общества) включает в себе два ряда тесно связанных и взаимно обусловленных явлений: разложение общины — основной ячейки дофеодального общества... и развитие антипода этой общины — феодальной вотчины». Считая этот процесс главной движущей силой развития феодализма, Ю. Г. Алексеев полагает, что период «развитого феодализма» наступает

²⁷ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., с. 190. А. И. Копанев рассматривает чернососное землевладение XV—XVII вв. как своеобразный синтез частной (в основном) и общинной крестьянской земельной собственности. «Мы имеем, — пишет он, — многочисленные факты продажи, обмена и записания в монастыри волостными крестьянами своих земель. Это указывает на то, что крестьяне владели землей на правах частной собственности. Но несомненно также, что часть волостных земель была в общем владении всех крестьян волости — в распоряжении мира» (там же, с. 190). В теоретическое обоснование этого вывода убедительно подкрепляемого автором активным материалом по Белозерскому краю XV—XVII вв., А. И. Копанев ссылается на замечания В. И. Ленина к труду Каутского «Аграрный вопрос»: «Форма кр[естьянского] з[емле]вл[а]д[е]ния — компромисс м[ежду] общинным и частным з[емле]вл[а]д[е]нием...» (Ленинский сб., 19, с. 31). В последующих своих исследованиях, касающихся истории крестьянства Двинского края конца XV—XVI вв., А. И. Копанев развивает указанную точку зрения на чернососное крестьянское землевладение, подтверждая ее многочисленными данными крестьянских частных актов.

²⁸ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII—начала XVI вв., с. 369—375 и сл.; Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв., с. 3—6, 13—41. Указанную точку зрения в основном разделяет и А. Н. Сахаров. «Привлекательность точки зрения И. И. Смирнова, Г. Е. Кочина, Ю. Г. Алексеева и других представителей ленинградской школы, — указывает он, — состоит в том, что она расширяет наши представления о русском крестьянстве: оно предстает перед нами не только пассивной стороной, закрепощенным классом, эксплуатация которого усиливалась со времен «Русской Правды» и до XIX в., но и в качестве самостоятельной исторической силы. До XVI в. на Руси преобладали свободные земледельцы — к такому выводу приводят работы последних лет, и это позволяет нам иначе, чем прежде, взглянуть на исторический путь русского крестьянства в целом» (А. Н. Сахаров. О диалектике исторического развития русского крестьянства. — Вопросы истории, 1970, № 1, с. 28 (курсив мой, — И. И.).

только тогда, когда феодальная вотчина окончательно поглотит свободную крестьянскую общину как «дофеодальный» социальный организм. Иначе говоря, о «развитом феодализме» в России, по его мнению, можно говорить только с конца XVI в., кануна «нового периода» русской истории. «Уничтожение черной волости» в центре страны во второй половине XVI в., — пишет по этому поводу Ю. Г. Алексеев, — конечный этап аграрной истории раннего русского феодализма. С исчезновением волости к концу XVI в. земля стала на практике, как и в теории, монопольной собственностью класса феодалов. История землевладения в дальнейшем превращается в борьбу за землю и рабочие руки между отдельными прослойками класса феодалов.²⁹

Нам представляется, что указанная концепция А. Г. Алексеева³⁰ ставит его в несколько двойственное положение в отношении оценки общинного землевладения. Если И. И. Смирнов считает, что монопольно-сословный характер феодальной собственности «не исключал наличия в феодальный период (а не только в период становления феодализма, — Н. Н.) и других форм собственности», то для Ю. Г. Алексеева общинная собственность — «ячейка дофеодального общества» (ипородное тело феодализма), только уничтожение которой и утверждение монопольной собственности класса феодалов на земли знаменуют «развитый» феодализм. Но об этом и пишет Л. В. Черепнин, выдвигая тезис о монополии феодальной собственности на землю как обязательном условии развитого феодализма. Другое дело, что подобный порядок утвердился в Северо-Восточной Руси, по Л. В. Черепнину, по крайней мере уже с XII в. и охватывал волостные земли как особый вид феодальной собственности, а по Ю. Г. Алексееву, — только с конца XVI в. и, как правило, означал вообще упразднение черных волостных земель как дофеодального социального организма.

²⁹ Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв., с. 3—4, 225. Эта же точка зрения, хотя и в более смягченном виде в сторону сближения с взглядами И. И. Смирнова, излагается Ю. Г. Алексеевым и в его последующих исследованиях, посвященных истории русского крестьянства XV—XVI вв., например в исключительно интересных работах автора «Черная волость Костромского уезда XV в.» (в кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. М.—Л., 1967) и «Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в.» (с. 71—103 настоящего сборника).

³⁰ Эта концепция в своей основе очень близка взглядам А. И. Неусыхина на характер феодализма в Западной Европе в период раннего средневековья (см.: А. И. Неусыхин. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964), но, правда, с существенной разницей. А. И. Неусыхин относит эти процессы (борьбу разлагающейся общины и растущей и укрепляющейся феодальной вотчины) только к раннему европейскому средневековью, а Ю. Г. Алексеев распространяет их на всю историю феодальной России, по крайней мере до XVII в.

Иную, по тоже в известном смысле промежуточную, позицию в дискуссии между Л. В. Черепниным и И. И. Смирновым занял А. Л. Шапиро. В какой-то мере его точка зрения нашла отражение и в указанном выше труде ленинградских аграрников по истории сельского хозяйства Северо-Западной России конца XV—XVI в. (хотя единства взглядов по вопросам черпососного землевладения у авторов данного издания явно нет).

А. Л. Шапиро, как и известный советский юрист академик А. В. Венедиктов, — сторонник теории «разделенной феодальной собственности»,³¹ поскольку эта теория, с его точки зрения, наиболее полно выражает «монопольный» характер феодальной земельной собственности. По его мнению, «в черной волости XIV—XVI вв. мы встречаемся с разделенной собственностью феодального государства в лице князя, с одной стороны, и волостной общины вместе с крестьянами-володцанами — с другой», причем все три стороны (великий князь, община и крестьяне) являются обладателями прав земельной собственности в «расщепленном» виде. Крестьяне имеют право пользоваться и распоряжаться своими участками (и даже их продавать), община — распоряжаться волостными угодьями, великий князь — «законно» передавать те или иные черные земли феодалам.³²

В каком реальном соотношении находились эти «черты», «части» и «элементы» земельной собственности на черные земли, которыми обладали указанные их собственники — контрагенты, А. Л. Шапиро не говорит, а ограничивается лишь общей формулировкой, что, по его мнению, «присущая некоторым видам земельной собственности разделенность, или расщепленность, хорошо объясняет природу землевладения русской черной волости XIV—XVI веков»³³ (хотя — полагаю — частное право владения и распоряжения землей, которым обладал крестьянин, вряд ли равнозначно праву государственных конфискаций и передаче тех или иных черных земель феодалам). Что же касается теории, то важно подчеркнуть, что А. Л. Шапиро, как и Л. В. Черепнин, рассматривает черные земли лишь как разновидность феодальной

³¹ Взгляды А. В. Венедиктова на феодальную земельную собственность, и в том числе на общинную собственность крестьянства XV—XVII вв., изложены в вводных разделах его капитального труда «Государственная социалистическая собственность» (М.—Л., 1948). В то же время основной недостаток концепции А. В. Венедиктова с точки зрения исторической состоит в том, что он сформулировал общее юридическое понятие собственности применительно к собственности социалистической (государственной и кооперативно-колхозной) и распространил его как бы в обратной проекции на предшествующий период, и в том числе на земельную собственность феодального периода. Я не уверен в правомерности подобного «теоретического монизма».

³² А. Л. Шапиро. О природе феодальной собственности на землю. — Вопросы истории, 1969, № 12, с. 70—71.

³³ Там же, с. 71.

собственности (единой или разделенной — это уже вопрос подчиненный).

Итак, сторонники отнесения черных волостных земель к разновидности феодальной собственности по существу признают черную волость лишь как административно-тяглый орган, промежуточную инстанцию между князем как верховным собственником земли и черным крестьянином как ее пользователем. Иначе говоря, отводят ей в жизни Московской Руси XV—XVI вв. лишь роль местного института по обеспечению княжеского управления и сбору феодальной ренты, поскольку при этой концепции именно так расцениваются государственные налоги с черных крестьян. Да и вообще приравливание (вернее, отождествление) государственных налогов к феодальной ренте и есть, наряду с тезисом о «монопольном» характере феодальной земельной собственности, одна из методологических основ данной концепции.³⁴

Естественно, что подобная трактовка чернососного землевладения в конечном счете резко снижает и самую роль черных волостей в жизни России, хотя и рассматривает их как органическую и вполне феодальную часть феодального строя.

Во второй концепции все по-иному. Община-волость — реальный собственник черных земель, антипод феодализма, а следовательно, и господствующей при нем феодальной земельной собственности; постоянный объект насильственного и экономического феодального «освоения», движущая сила развития средневекового

³⁴ Л. В. Черепнин. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности, с. 225—227. Таких же взглядов придерживается ряд советских исследователей, например А. Д. Горский, С. М. Каштанов, Ю. Р. Клокман (А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., с. 232—235; С. М. Каштанов, Ю. Р. Клокман. Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX века. — История СССР, 1967, № 5, с. 163—164). Указанная точка зрения непосредственно связана с так называемой теорией «государственного феодализма», которая последнее время получила столь широкое распространение среди историков феодальной России. Не случайно поэтому Л. В. Черепнин, возражая Н. И. Смирнову, который, как уже отмечалось, считает феодальной собственностью на землю только вотчинное и помещное землевладение и исключает из нее черное волостное землевладение, прямо указывает, что «с этим никак нельзя согласиться, ибо тогда пришлось бы совершенно отказаться от постановки проблемы „государственного феодализма“, так убедительно разработанной (на основе марксистско-ленинской методологии) Н. М. Дружининым для России XVIII в.» (Л. В. Черепнин. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности, с. 223—224). Думается, что в свете новейших исследований по истории русского чернососного крестьянства XV—XVI вв. от применения подобной теории к рассматриваемому периоду действительно придется отказаться. Она явно не соответствует реальному положению чернососного крестьянства XIV—XVI вв. Ведь даже сам Л. В. Черепнин вынужден признать, что «„черные“ крестьяне XIV—XV вв. и государственные XVIII в. — социальные категории разных исторических эпох и было бы неправильно подходить к ним с единым мерилом» (там же, с. 224).

общества. Сам же «идеальный» феодальный порядок, а именно положение, когда общинные земли уже полностью захвачены феодалами, стали феодальной собственностью, в данной концепции (в отличие от первой) мыслится лишь как теоретическая презумпция, которая на практике допускает и иные исторические вариации, а главное, существование наряду с феодальной земельной собственностью и собственности нефеодальной.

Если не касаться вопроса о правомерности сравнения русской крестьянской волости XV—XVI вв. с германской маркой или шотландским кланом (институтами значительно более архаичными, чем черная волость рассматриваемого периода), то надо сказать, что последняя (вторая) точка зрения дает возможность более исторически, а следовательно, и более реально понять динамику развития аграрного строя феодальной России как борьбу двух начал — крестьянского и феодального.

Другое дело, что само понятие общинного крестьянского землевладения применительно к XIV—XVI вв. отнюдь не тождественно общинному землевладению на заре феодализма. И даже более, в период развитого феодализма, а на Руси, по моему мнению, о нем можно говорить во всяком случае уже с XIII в., реальной базой волостного землевладения (как и самих черных волостей) все в большей и большей степени становится не общинная, а частная собственность черных крестьян на занимаемые ими земли. Об этом писал еще Н. П. Павлов-Сильванский, хотя и толковал сам этот процесс далеко еще не с марксистских позиций, поскольку само понятие феодализма для него — в основном лишь политическая надстройка, характерная для развитого средневекового общества.³⁵ Большой документальный материал по истории чернососного землевладения был собран русскими дореволюционными исследователями-аграрниками начала XX в. В принципе не отрицал права собственности черных крестьян на занимаемые ими земли и Б. Д. Греков. В своем известном труде «Крестьяне на Руси» он писал, что даже в XVI—XVII вв. в России «продолжался процесс присвоения феодалами крестьянских земель» (имея в виду именно черные земли, которые до этого, по его мнению, были не феодальными).³⁶

Но особенно наглядный и максимально конкретный материал в подтверждение подобной трактовки дают новейшие исследования советских ученых по истории чернососного крестьянства Русского Севера XVI—XVII вв. (имею в виду работы Н. В. Устюгова, Р. Б. Мюллер и, особенно, А. И. Копанева). Их исследования, как и тысячи известных теперь ученым крестьянских частных актов конца XV—XVI в., ясно показывают, что черные крестьяне

³⁵ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.

³⁶ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2, с. 139, ср. с. 168—169.

уже в это время имели реальное право продавать, покупать, менять, передавать по наследству, закладывать «по кабалам» и совершать любые иные операции со своими землями.³⁷

И не только имели это право, но и широко им пользовались, как правило, без всяких санкций со стороны и волостных, и кня-

³⁷ Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. — История СССР, 1961, № 6; Р. В. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947; А. И. Копанев. 1) Куростровская волость во второй половине XVI в. (Из истории подвинского крестьянства). — Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М., 1952; 2) К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. Весьма важное значение для изучения истории северного черносошного крестьянства XVI в. имеют и такие публикации А. И. Копанева, как «Куростровские столбы XVI в.» (в кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР, вып. I. Вологда, 1970) и «Платежная книга Двинского уезда 1560 г.» (в кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР, вып. III. Вологда, 1970). К работам А. И. Копанева примыкает и статья Ю. С. Васильева «Кадомская волость. Важского уезда в середине XVI в.» (в кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР, вып. I) и его же обзор Важских писцовых книг и сотниц XVI—XVII вв. (в кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР, вып. III). Применительно к истории Подвинья конца XV—начала XVI в. указанные исследования А. И. Копанева и Ю. С. Васильева в известной мере обобщены в соответствующих разделах I тома «Аграрной истории Северо-Запада России». Весьма показательный материал о владельческих правах крестьян Подвинья XVI в. на свои земли имеется в моей статье «Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России» (в кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. I. Л., 1968) и в статье Н. Н. Покровского «Купчие, дашные и меновые грамоты как источник по истории черносошного землевладения России XIV—первой четверти XVI в.» (в кн.: Новое о прошлом нашей Родины. М., 1969). Но все же наиболее существенные (а главное, массовые) доказательства — сотни частных крестьянских актов — в пользу признания за черносошным крестьянством реальных прав собственности на занимаемые ими земли приводятся в публикуемой ниже статье А. И. Копанева «Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в.». В отличие от Л. В. Черепнина основное содержание исследований А. И. Копанева составляет не изучение клаузул (и терминологии) правительственных актов, касающихся черных земель, а изучение реальных прав крестьян на свои земли. Я расхожусь с А. И. Копаневым лишь в одном вопросе — трактовке характера волостного землевладения в основном в плане указанной выше концепции И. И. Смирнова. По моему мнению, для XVI в. более правильно говорить уже не о *владельческих* (по существу давно ушедших в прошлое), а *административных* правах черной волости на занимаемые ею земли, находящиеся как в частной собственности крестьян (в основном), так и в их общем пользовании (луга, леса, пастбища). При сравнении же социально-экономического развития черносошного крестьянства XVI в. с его развитием в XVII в. нужно больше учитывать тормозящее влияние крепостного права и государственной регламентации на крестьянскую земельную собственность, которое особенно заметно уже с конца XVI в. В целом же концепция Смирнова—Копанева применительно к истории Московской Руси XV—XVI вв. представляется значительно более убедительной, чем концепция «государственного феодализма» (а тем более ее княжеско-вотчинный вариант в трактовке Л. В. Черепнина и А. Д. Горского).

жеских властей. Роль же черных волостей, помимо распоряжения не находящимися в частной крестьянской собственности общинными землями (в основном выгонами и лесами), сводилась в XV—XVI вв. лишь к тягло-административно-территориальной организации черного крестьянства, охране интересов крестьянского мира и обеспечению его взаимоотношений с внешним миром — соседними феодалами и государственными властями. Иначе говоря, и считаю, что русская крестьянская община не была каким-то застойным «дофеодальным» социальным организмом, а, наоборот, так же, как и сам феодальный строй России, активно развивалась на протяжении XII—XVI вв. Другое дело, что характер и результаты этого «сосуществования» феодальной вотчины и общины были диаметрально различны на различных этапах этого развития.

По моему мнению, древнерусская сельская община (вервь), базирующаяся на общинной земельной собственности, перестала существовать как социальный организм в основном еще в домонгольский период; часть общинных земель была захвачена феодалами и «облорена», часть же сохранилась, но образовала уже иные социально-территориальные объединения — черные мпы (волости, погосты, станы) крестьян-аллодистов. Зажиточные крестьяне вообще нередко порывают с волостью и выходят в мелкие феодалы (и своеземцы!), волостная же беднота — главный источник пополнения полузависимого населения соседних боярщин. Это был как бы постоянно действующий процесс «крестьянского» воспроизводства феодального общества. В свою очередь сложившаяся в России, особенно в ее центральных районах, жесткая сословно-иерархическая система землевладения «узаконила» эти волости-общины, превратив их в своеобразные сословные корпорации, типа посадских черных миров, объединяющих городских ремесленников и торговцев, обязанных нести основную тяжесть государственных повинностей и налогов. Это государственное «устроение» черной волости (в той или иной степени характерное и для организации свободных крестьянских общин XIII—XV вв. в Западной Европе), происшедшее в России уже в московский период (примерно с XIV в.), по моему мнению, и служит основанием для ошибочного истолкования черного крестьянского землевладения лишь как разновидности феодальной (княжеской) собственности, а самого Московского государства — как великокняжеской вотчины.

Вне указанных особенностей развития черной волости невозможно по существу понять и ее роль в процессе той аграрной перестройки, которая произошла в России в XV—XVI вв. Дело в том, что охватившее в это время большинство районов страны — и особенно города — развитие товарно-денежных отношений не могло не оказывать прямого влияния и на судьбы черного крестьянства; а именно черное землевладение XV—XVI вв. в силу

своей антисеньориальной природы и максимальной (по условиям того времени) свободы от феодальной зависимости было как раз той средой, в недрах которой наиболее рано и наиболее быстро развивается мелкотоварное крестьянское хозяйство. Как видно на примере работ С. В. Бахрушина, А. А. Введенского, А. А. Савича, Н. В. Устюгова, К. Н. Сербиной, А. И. Копанева, Р. Б. Мюллер, Д. П. Маковского, А. А. Преображенского, а также моих собственных исследований (я имею в виду монографию «Становление сословно-представительных учреждений в России»), в области землевладения это находит свое выражение в появлении сельских крестьян-богатеев, которые в своей хозяйственной деятельности идут уже по новому пути. Они ведут широкую торговлю сельскохозяйственными товарами, а получаемые от этого капиталы вкладывают как в сельское хозяйство, так и в промыслы и торговлю, сравнительно широко используют в своем хозяйстве труд волостной бедноты, половников (= арендаторов-издольщиков) и наемных работников — «трудников» и «казаков». Социальная дифференциация в среде черносозных крестьян резко увеличивается. А многие крупные села XVI в., особенно связанные с солеварением, вообще превращаются в торгово-ремесленные поселения посадского типа.³⁸

³⁸ Н. Е. Носов, Становление сословно-представительных учреждений в России, Гл. III, Л., 1969. Здесь же дается разбор новейшей литературы по данной проблеме. Из последних исследований, специально касающихся отмеченной эволюции в истории северного черносозного крестьянства XV—начала XVI в., помимо уже названных выше работ А. И. Копанева (см. с. 66), еще раз хочется привлечь внимание исследователей к соответствующим разделам коллективного труда «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начала XVI в.», особенно к главам: «Заонежские погосты Обонежской пятины» (Р. Б. Мюллер) и «Двина в конце XV—начале XVI в.» (А. И. Копанев и Ю. С. Васильева). Значительный интерес представляет и особая глава книги — «Крестьянские промыслы в Северо-Западной России в конце XV—начале XVI в.» (К. Н. Сербиной). Следует назвать и новую специальную монографию К. Н. Сербиной «Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI—первой половины XIX в.» (Л., 1971). Большой материал о крестьянских промыслах в России XVI в., в том числе на черносозном Севере (в Поморье и Приуралье), содержит монография В. И. Заозерской «У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVIII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России» (М., 1970). Правда, в отличие от большинства вышеуказанных авторов, В. И. Заозерская считает невозможным говорить о зарождении буржуазных связей в России уже в XVI в. По ее мнению, капиталистические отношения в русской промышленности более или менее явственно проступают не ранее середины XVII в. Но даже материал, приводимый самой В. И. Заозерской, говорит о другом, а именно, что рассматриваемый автором процесс, особенно в сфере мелкотоварной (посадско-крестьянской), был более длительным, протекал крайне неравномерно и первые его зачатки (и не только зачатки) уходят еще в XVI в. и даже конец XV в. Что же касается второй половины XVII—XVIII в., то это время в социально-экономическом плане во многом более консервативно (имею в виду крепостничество), чем предшествующий период, во всяком случае до опричнины Ивана Гроз-

Наиболее наглядную иллюстрацию этого процесса дает развитие черных волостей русского Поморья, являвшегося в XVI в. одной из наиболее развитых областей России, районом, превратившимся после ликвидации здесь повгородских боярщины в край почти сплошного черносозного землевладения. По занимаемой территории поморские земли охватывали почти половину России XVI в.

Здесь мы находим крестьян, которые уже в середине XVI в. не только владели десятками деревень, но и были одновременно крупными промышленниками и купцами. Например, двинские черные крестьяне (в прошлом «своеземцы») Амосовы владели 30 деревнями, раскинутыми в округе почти на 500 верст, имели свои варницы, рыбные ловли и другие промыслы, на которых работали как их половники, так и наемные работники. Такими же богатеями-землеладельцами были двинские, вайские и устюжские черные крестьяне (а позднее посажане) Босые, Дудины, Грудцыны, Губины, Кобелевы, Кологривовы, Косицыны, Макаровы, Шуйгины, Поповы, Савины и др. Многие из них, как показывает проведенное мною изучение истории хозяйственной деятельности их семей на протяжении почти двух столетий, становятся в дальнейшем крупными купцами и промышленниками. Достаточно сказать, что из среды именно таких двинских крестьян-богатеев конца XV в. вышли знаменитые русские промышленники и купцы Строгановы. Любопытно, что именно из этих двинских крестьян («торговых мужиков»), а отнюдь не из представителей столичного именитого купечества, была сформирована царем Иваном IV первая русская торговая делегация в Англию, которая отправилась туда в 1556 г. вместе с капитаном Ричардом Ченслером.

История процесса обуржуазивания русского крестьянства, конечно, особый вопрос, требующий более широких опосредствований и доказательств, но важно констатировать сам факт, что начальным источником этого процесса и была частная собственность черносозных крестьян на землю, которая уже в XVI в. приобретала черты ранне-буржуазной собственности.

Вряд ли можно сомневаться, что подобный процесс имел место, хотя, может быть, и не в столь значительных размерах, и среди черносозного крестьянства центральных районов России.³⁹

ного и вызванного ею крепостнического законодательства конца XVI в. Поэтому представляется, что В. И. Заозерская в поисках наиболее типичных форм первоначальной промышленной капитализации не всегда учитывает специфические условия экономического развития. Но этот вопрос уходит уже в иную сферу исследования, требует иных доказательств.

³⁹ Вопрос о двух тенденциях в развитии социально-экономического строя России XVI в. был поставлен в дискуссионном порядке еще в 1967 г. в связи с изучением земельной реформы Ивана Грозного (Н. Е. Носов: «Вопросы местного управления (на примере Собора «примирения» 1549 г. и вопросы местного управления (на пере-

Все это говорит о том, что в России конца XV—XVI в., как и в ряде стран Западной Европы, были потенциальные возможности для развития крестьянского землевладения фермерского типа, имеющего уже буржуазные тенденции, но развитие поместной системы, особенно активизировавшееся в годы опричнины, когда почти все черные земли центра были розданы в поместья, подорвало этот процесс. Аграрное развитие России пошло по иному пути: товарно-денежные отношения на русской почве не превратили зажиточное крестьянство в фермеров-предпринимателей (слишком велико было противодействие господствующего феодального класса), а, наоборот, ускорило процесс консолидации и расширение базы феодального землевладения в виде поместной системы с барщиной и крепостным трудом. Но именно это крепостное поместье в силу своей внутренней хозяйственной организации, крайне слабо стимулирующей рост инициативы и эффективности крестьянского труда (а следовательно, и общее развитие производительных сил в деревне), очень скоро — примерно с середины XVII в. — становится тормозом экономического развития России и далеко не только в области ее аграрного развития. Резко затормозило закрепощение крестьянства и рост русской торговли, промышленности и городов. Но это уже иные процессы, далеко выходящие за рамки моей непосредственной темы — изучения основных тенденций развития феодального землевладения в России XV—XVI вв.

Итак, даже уже приведенные данные позволяют говорить, что в XV—XVI вв. в сфере феодального землевладения и хозяйства России наблюдается, как и в Западной Европе, процесс зарожде-

путь к земским реформам). — В кн.: Внутренняя политика царизма (Середина XVI—начало XX в.). Л., 1967, с. 5—7), и поэтому я не могу не выразить удовлетворения, что специальное изучение аграрной истории Северо-Западной России конца XV—XVI в., проведенное ленинградскими аграрниками под руководством А. Л. Шаниро, уже сейчас в значительной степени подтверждает мои предположения. (К сожалению, эта работа вышла из печати в 1971 г. — уже после моего доклада на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде в 1970 г.). Во всяком случае авторы так формулируют выводы I тома: «В конце XV в. явно определились два пути развития феодального сельского хозяйства. Первый путь — путь без помещика (или частного вотчинника), без крепостного права». Этот путь способствовал развитию крестьянской хозяйственной инициативы, развитию денежности крестьянского хозяйства, развитию расслоения крестьян. В перспективе он несомненно должен был привести к более быстрому переходу к капитализму. Этот путь намечался на государственных оброчных землях. Другой путь означал укрепление и расширение поместного и вотчинного землевладения, постепенную ломку традиционных невысоких размеров обложения крестьян, увеличение уровня эксплуатации и связанного с ним закрепощения. Этот путь неминуемо приводил к срыву хозяйственной инициативы производителя, развитию барщины, задержке темпов экономического развития (Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в., с. 372—373. Курсив мой. — Н. Н.).

ния раннебуржуазных связей и приспособление к ним аграрного строя страны, и в первую очередь феодального землевладения. В России это нашло свое выражение в борьбе двух тенденций: крестьянской и феодальной. Победила феодальная реакция. Россия стала крепостническим государством. И все же это было началом великой борьбы русского крестьянства против феодального гнета за освобождение русского народа от оков самодержавия и крепостничества.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЛОСТЬ В ЦЕНТРЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РУСИ XV в.

Задача настоящей статьи — проследить некоторые черты черной волости XV в. в феодальном центре России.¹ В этом отношении она должна служить продолжением наших наблюдений над черной волостью Переяславского и Костромского уездов,² наблюдений, сделанных на более локальном, но и более компактном материале. Внимание исследователей средневековой русской территориальной общины-волости до сих пор было приковано в основном к Северу, с его богатым и ярким материалом по этому вопросу. Но и изучение среднерусской волости имеет свою привлекательную сторону. В отличие от Севера эта волость находилась в самой гуще феодальных отношений, в самом центре феодализации страны. Это обстоятельство не могло не повлиять существенным образом на историю черной волости, определив и судьбы ее, и состав и специфику дошедших до нас источников. Наблюдения над материалом Переяславского и Костромского уездов дают, нам кажется, право сделать вывод, что черная волость в центре — историческая реальность и, более того, одна из существенных социально-экономических категорий XV в. Предлагаемая статья является попыткой распространить эти наблюдения и на другие уезды центральной России.

¹ Когда эта статья готовилась к набору, наша литература пополнилась новым интересным исследованием Л. В. Черепнина «Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.» (в кн.: Пути развития феодализма. М., 1972, с. 126—251), в котором проблемам черной волости посвящен один из параграфов (с. 210—229). В рамках настоящей статьи мы не имеем возможности высказаться по поводу некоторых положений Л. В. Черепнина, которые представляются спорными; этим вопросам хотелось бы посвятить отдельную работу.

² Ю. Г. Алексеев. 1) Волость в Переяславском уезде. — Труды ЛОИИ СССР, вып. 2. Л., 1960, с. 228—256; 2) Черная волость Костромского уезда XV в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967, с. 72—84.

Изучение черной волости в центре России имеет свои особенности. В отличие от Севера, где волость и внутриволостные отношения подробно характеризуются обильными и разнообразными источниками, родившимися в самой волости и составленными ее людьми, среднерусская волость известна только по документам неволостного происхождения и только с одной стороны — с точки зрения своих взаимоотношений с феодалом — монастырем. Нескольким десяткам правых грамот и судебных списков, сохранившихся в архивах некоторых крупных монастырей, — вот все, что осталось от черной волости центральной России. В сущности в распоряжении исследователя только разрозненные и случайные эпизоды из жизни некоторых волостей среднерусских уездов, точнее, эпизоды их борьбы с монастырем, причем именно неудачной борьбы: монастыри хранят только документы о выигранных ими делах. Это обстоятельство с необходимостью накладывает глубокий отпечаток на все наши построения о черной волости центра, сообщая им в значительной мере характер условности и гипотетичности. В то же время такое состояние материала повышает ценность каждого сохранившегося известия, заставляя не только относиться к ним с обостренным вниманием, но и предполагать за каждым дошедшим до нас эпизодом длинную галерею подобных же явлений, не отразившуюся в доступных нам актах. Предлагаемая статья не претендует на широкие обобщения и категорические дефиниции. Ее задача — по возможности конкретные наблюдения над сохранившимся материалом.

«Яз, господине, помню до Едигеевой рати, пно на той земле жил Куземко Чететка, а на другой жил Дерико, а то земли великого князя... становые...», — говорит на суде 60-х годов крестьянин Московского уезда Лазарь Копорулин, вспоминая далекое прошлое спорных с Симоновым монастырем селищ.³ «На той, господине, земле на Сонинской великого князя жил отца моего Ступин брат Соня, до мору, а ту... землю пахал», — показывает на процессе 90-х годов крестьянин Горетова стана Московского уезда Василь Ступин.⁴ Деревней Даниловской в Горетовом стане владеет в 90-х годах крестьянин Палка; он живет здесь с сыном (и «тянет» к селу Лужскому).⁵ В Гороховецком уезде трое братьев Кухмыревых живут в деревне на селище Дуброве, а позднее в той же деревне, уже запустевшей, поселяется сын одного из

³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. II, М., 1958, № 375 (далее — АСВР, т. II).

⁴ Там же, № 404.

⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. III, М., 1964, № 50 (далее — АСВР, т. III).

братьев.⁶ В Дмитровском уезде крестьяне Окулик Сусло и Олферко живут вместе в одной деревне Шишкинской, которую считают великого князя «черной, тяглою» Берендеевской волости.⁷ В Коломенском уезде, по показаниям митрополичьих старожильцев, на селище Попкове жил когда-то Попко, «давший» позднее то селище некоему Бисляру, т. е. распорядившийся им как своим участком.⁸ В Можайском уезде в Усошской волости в деревне Кобылине живут «после отцов своих» крестьяне Куземка Фомин и Тимоха Степанов.⁹ В Юрьевском уезде, по словам крестьянина Якуша, на селище Медвежьем «сидел» бортник.¹⁰ В Калужинском уезде местные власти «сажают» двоих братьев Трусановых на одном селище — Матренкине.¹¹ В Ярославском уезде братья Михалева поставили себе починок на пустоши Сабельниче, в Порховской волости.¹² В Костромском уезде двое братьев Солонинных владеют деревней Зубцовской.¹³ В том же уезде в деревне Городищи жили до 70-х годов трое крестьян.¹⁴

Таким образом, во всех случаях, когда мы можем в какой-то степени судить о размерах деревни волостного человека, перед нами — знакомое по Переяславскому уезду маленькое поселение в 1—2—3 двора, в которых живут 2—3 крестьянина, часто отец с сыном или братья. Более крупные поселения тоже упоминаются в актах, но весьма редко. Таково село Лужское в Горетовом стане Московского уезда,¹⁵ деревня Печенкина в Городском стане Коломенского уезда,¹⁶ село Городищи в Галицком.¹⁷ У нас нет возможности судить ни о размерах этих сел (намного ли они отличались от трехдворной деревни), ни об их структуре (были ли они компактными поселениями или разбросанными на некотором расстоянии друг от друга деревнями-дворами). Крестьянин, живущий в селе, имеет в отличие от деревенского жителя свою выть — надел. «Яз нынче сел на пустой выти на Пашиной», — заявляет на суде 60-х годов крестьянин галицкого села Городищи Васко Данилов. Пахотному участку — выти — соответствует угодье — покос. «Та пожня была Паши покос», — говорит тот же Васко о спорной пожне Калитниковской. Сельская «выть», как и деревня, может переходить от отца к сыну. «После Паши тот покос...

⁶ АСВР, т. II, № 489.

⁷ Там же, № 402.

⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства. Т. I, М., 1951, № 114 (далее — АФЗХ, т. I).

⁹ АСВР, т. II, № 401.

¹⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. I, М., 1952, № 615 (далее — АСВР, т. I).

¹¹ АСВР, т. III, № 183.

¹² Там же, № 209.

¹³ Там же, № 48.

¹⁴ АФЗХ, т. I, № 248.

¹⁵ АСВР, т. III, № 50.

¹⁶ АСВР, т. II, № 414.

¹⁷ Там же, № 383.

косил сын его Филия», — выясняется из дальнейших показаний того же Васка. Закрепление выти за одним хозяином и наследственная передача ее вместе с тянущими к ней угодьями делает вероятным предположение, что «село» состояло из отдельных участков (фактически тех же деревень) и не знало никаких переделов.

Живя в деревне, крестьянин считает ее своей собственностью — вотчиной. «Земля и леса ... бортные великого князя, а уходы ... и вотчина наша», — заявляют на суде бортники Суздальского уезда.¹⁸ «Земля черная великого князя, моей деревни», — характеризует спорную землю волостной человек — мелкий вотчинник Исачко Шаблыка в Горетовом стане Московского уезда.¹⁹ «Под» крестьянином может быть и две деревни; тогда перед нами — разбогатевший волоцанин, в принципе мелкий вотчинник «крестьянского типа», по определению А. И. Неусыхина.²⁰ В таком именно виде предстает крестьянин Плесской волости Костромского уезда Ивашко Петелин сын Солонина, имевший «под собою» деревни черные Тимохино и Зубково и бывший челом писцу Г. Р. Застольскому о размежевании их с землями Чудова монастыря.²¹

Трудовая деятельность крестьянина — постройка «хором», заведение пашни и другие «поделки» — служат наиболее наглядным доказательством в спорах о принадлежности земли. «А пожалуй, господине судья, обозри тое земли и зарослей, бывало ли пустошь и дворищ, и борозд загонных, и изгород старых, и нахотные земли плужные и сошные по той поже и по зарослям есть ли?» — приглашает судью старец Спасского Ярославского монастыря Александр осмотреть спорное с крестьянами место, надеясь доказать отсутствие следов трудовой деятельности крестьян.²² Вопрос о наличии «поделки» — решающий аргумент в споре суздальских бортников с местным вотчинником Андреем Дмитриевичем о болоте Мукове. «Поделки нашей там нет», — капишулируют бортники.²³

«Сила» — труд, вложенный крестьянином в обработку земли и в постройку деревни, — ценится самим крестьянином: «А чтобы, господине, архимандрит да и ты, старец, наши силы не похотели, что есмь ... двор ставили, а ярь сели и лес секли», — говорят на суде Алексей и Кондратик Мартыновы дети Безносого, «севшие», по их словам, «на пусте» в городе Ярославле.²⁴

И волость, и государственная власть заинтересованы в крестьянской «силе»; они «рядят» и «сажают» крестьян «на лес, на старь», чтобы превратить лесную целину в культурные сельскохозяйственные участки.²⁵ «Тот Ортемко и его товарищы ... тот лес россекали, и прятали, и пахали, и косили, и дворы себе на тех местах поставили», — так характеризует трудовую деятельность крестьян по освоению новых участков старец Макарьева Калызина монастыря Агафон, претендующий на основанные крестьянами починки.²⁶ Но сами крестьяне (Ортемко и шестеро других), основавшие четыре починка в глухом лесу Жабенской волости, утверждают, что «сели ... на те места за великого князя на лес на старь» и что «рядили» их дворский «с волостными людьми с добрыми». Грамоты (льготной) у этих крестьян нет, но несколько документов подобного рода (из этой же волости) до нас дошло. Из них можно заключить, что сажавшиеся на новые земли крестьяне получают от имени великого князя льготу на 10—15 лет.²⁷ Так и возникают на волостной территории новые слободки — результат внутренней колонизации, осуществляемой силами волостных крестьян.²⁸ Эта внутренняя колонизация, т. е. увеличение площади пахотной земли в стране, — важнейший результат трудовой деятельности русского крестьянина; вместе с тем это — основной фактор русской аграрной истории XIV—XV вв., фундаментальное условие успешной борьбы за национальную независимость и создание единого государства.

Наряду с полевым землепашеством черные крестьяне широко практикуют подсеку. «Лес посекали и ярью посеяли сильно ... на три десятины к своей деревне к Зубцову», — жалуется посельский Чудова монастыря Якуш на крестьян Плесской волости Костромского уезда.²⁹ Подсека известна и в давно обжитом Московском уезде: в Горетовом стане. Никоник Шаблыкин, по словам посельского Симонова монастыря Угримки, «посекл ... лес сее весны за старою межею монастырской земли, да и посеял».³⁰ Подсека, по видимому, вообще широко распространена в XV в.; о ней как о самом обычном, само собой разумеющемся деле говорят и монастырские крестьяне.³¹

Крестьяне живут в волости десятки лет, из поколения в поколение. Наиболее колоритные фигуры на судебных процессах — знахори-старожилы, помнящие за много десятков лет и часто ссылающиеся еще на своих отцов и дедов. Это — живая история волости, хранители ее памяти и традиции. «Мне, господине, от

¹⁸ Там же, № 496.

¹⁹ Там же, № 370.

²⁰ А. И. Неусыхин. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964, с. 33.

²¹ АСВР, т. III, № 45.

²² Там же, № 209.

²³ АСВР, т. II, № 485.

²⁴ АСВР, т. III, № 213.

²⁵ Там же, № 164.

²⁶ Там же, № 172.

²⁷ Там же, № 163—165.

²⁸ «То волостная слободка Жабенская». АСВР, т. III, № 172.

²⁹ Там же, № 48.

³⁰ АСВР, т. II, № 405.

³¹ АСВР, т. III, № 172.

роду сто лет да двадцать, и яз ... слышал у отца у своего, что те селница — великого князя», — говорит старожилец Нелевской волости Суздальского уезда Дмитрий Занин на суде 80-х годов.³² 70-летний Ончик Иванин также ссылается на слова отца.³³ Слова отца приводит и Офона Короткий в Кашиинском уезде, хотя и сам помнит за 70 лет.³⁴

Сенка Гридин и Якуш Хрептов, крестьяне-старожилы Московского уезда, в 80-х годах помнят «до великого мору», что спорная с Симоновым монастырем земля — «великого князя черная», и знают, кто ее косил. «А яз, господине, ... помню, что дядя мой Онисим Пискло косил то Левково и Якушево ... с ставновыми крестьянами», — дополняет их показания Лучко десятицкий.³⁵ За 80 лет помнит историю земель Фомка Сенкин — старожилец Дмитровского уезда, на процессе 90-х годов.³⁶ Дорох Гаврилов и Овсяник Емельянов, знахоры Городецкого (Бежецкого) уезда 90-х — начала 1500-х годов, такой старины не помнят, но «слыхали от отцов своих, что то земля великого князя» (деревня Кузминская, спорная с Симоновым монастырем).³⁷ Историю своих земель «от великого поветрея» помнят (тоже, может быть, по рассказам «отцов») и крестьяне Городского стана Коломенского уезда.³⁸ За 90 лет помнят старожилы Ярославского уезда,³⁹ за 80 лет — старожилы Московского уезда в волостях Воря и Корзенево.⁴⁰ Якуш Бортников, знахор в Шуткинском стане Юрьевского уезда, в 90-х годах помнит «от Суздальского бою» (1445 г.) и еще слова своего деда.⁴¹

Длительность проживания в волости вовсе не означает прерывности связи с нею, тем более со своей деревней. В этом смысле показательна история упомянутых выше братьев Кухмыревых, крестьян Гороховецкой волости. Эти братья — Гаврилка, Кондратко и Степанко Сенкины дети — сели в 1497/98 г. на селище Дуброве на речке Мортке и получили от местного волостеля льготную грамоту на 10 лет от яма, размета и всех «иных пошлин». Братья поставили деревню, пахали два поля на селище, а третье — за речкой. Но «ту деревню учала у них вода поимати», и они перенесли ее на третье поле. Братья не прижились и там — лет через пять, они деревню «покинули», «потому что им не почасилось». И стояла деревня пустая лет с 20, «и хоромы ... развалились да и погнили, только ... той деревни одно избинцо осталось».

Запустевший участок оказался в распоряжении волости, которая и «посадила» на той деревне Данилка Гаврилова сына Кухмырева, «где прежде того отец его живал».⁴²

Запустевший участок может превратиться в пожню — покос, которым распоряжается волость: «ту землю Соинскую наймывал отец мой Нерон косити у трех сотских», — говорит на процессе 90-х годов знахор, крестьянин Горетова стана Московского уезда Куземка Неронов. А ведь «до великого мору» на этой земле жил и ее пахал Соня — дядя другого старожилца-знахора, Василия Стунина.⁴³ Сдача в наем запустевшего участка — дело обычное: так поступают, по их словам, и крестьяне Воиславского села Звенигородского уезда во главе со своим дворским.⁴⁴

Почему же пустуют земли? Что происходит с жителями волостных деревень? Один из вариантов жизненной карьеры — уход в феодальную вотчину, превращение в зависимого держателя на боярской или монастырской земле. Так, крестьяне Дмитровского уезда Ешук и Овсяник Устиновы, чей отец жил на волостной земле, «того и не помнят»: «жили есмь ... и до сех мест живем за бояры».⁴⁵ Волостной крестьянин может стать и холопом: «Ивашко Порывка тот, господине, у князя Ивана Житого в холопах», — рассказывает Олекса-истопник о бывшем крестьянине деревни Городищи Костромского уезда.⁴⁶

Но зависимость от феодала не на век: из вотчины можно вернуться в волость (конечно, не холопу). Вот «суседи-старожилы, великого князя люди» в Соли Галицкой Гридя Авдеев, Ивашко Острцов, Полута, Осташ, они «земли и пустоши пахали на монастырь» (Симонов), а теперь, очевидно, вернулись в волость.⁴⁷ «Отказались за великого князя», по словам митрополита Зосимы, и крестьяне Окулик и Олферко из Симоновской вотчины в Берендеевской волости Дмитровского уезда.⁴⁸ Крестьянин Михалко Жук Насонов сын, проживший в Суздальском уезде в вотчине Спасо-Евфимиева монастыря 2 года, в 1502 г. тоже «вышел вон», даже не дождавшись Юрьева дня, но заплатив пожилое.⁴⁹ «Мы, господине, из Менчакова вышли уж тому третий год, а родились есмь ... и поросли в Менчакове», — рассказывают о себе трое уроженцев суздальской вотчины Спасо-Евфимиева монастыря, ставших теперь «городными крестьянами» (крестьянами околородной волости?).⁵⁰

³² АСВР, т. II, № 48.

³³ Там же.

³⁴ АСВР, т. III, № 173.

³⁵ АСВР, т. II, № 404.

³⁶ Там же, № 406.

³⁷ Там же, № 407.

³⁸ Там же, № 414.

³⁹ АСВР, т. III, № 209.

⁴⁰ АСВР, т. I, № 595.

⁴¹ Там же, № 615.

⁴² АСВР, т. II, № 489.

⁴³ Там же, № 404.

⁴⁴ АФЭХ, т. I, № 103.

⁴⁵ АСВР, т. II, № 388.

⁴⁶ АФЭХ, т. I, № 248.

⁴⁷ АСВР, т. II, № 368.

⁴⁸ Там же, № 402.

⁴⁹ Там же, № 495.

⁵⁰ Там же, № 492.

Таким образом, крестьяне уходят не только из волости в вотчину, но и из вотчины в волость; действует старинное обычное право крестьянского «выхода», зафиксированное в Судебнике. Между волостью и вотчиной, этими двумя основными ячейками средневековой аграрной организации, существует своего рода «обмен вещами».

При изучении среднерусской черной волости бросается в глаза полное отсутствие внутриволостной крестьянской документации. От северной деревни сохранились тысячи актов крестьянского землевладения — купчие, меновные, деловые и т. п. грамоты; от среднерусской — ни одного такого акта нет. Нам представляется, главная причина этого — раннее исчезновение самого крестьянского землевладения в изучаемых уездах. Земельные акты в XV—XVIII вв. рассматривались не как реликвия, а как документ, имеющий повседневную фактическую ценность. Именно поэтому монастыри тщательно хранили акты (в том числе и правые грамоты, и судные списки по выигранным земельным тяжбам), составляли конный книги и т. д. Превращение среднерусской волости к концу XVI в. в совокупность вотчин и поместий, а ее жителей — в зависимых держателей на земле феодала сделало невозможным сохранение внутриволостной крестьянской земельной документации. Отсутствие для среднерусской волости многочисленных купчих грамот и других подобных актов, свойственных Северу, — особенность не природы среднерусской волости, а ее исторической судьбы, определившей состав и характер дошедшего до нас фонда источников.

Основная черта волостной организации — единство индивидуальной и общинной собственности. К. Маркс отмечает, что европейская средневековая территориальная община «существует только во взаимных отношениях ... индивидуальных земельных собственников» и реализует свое существование не непосредственно, а только через особые институты.⁵¹ Такими «особыми институтами» в русской волости являются прежде всего ее должностные лица. Низшее звено волостной администрации, по-видимому, десятский. Он довольно часто встречается в актах. «Дяди мой, Онисим Пискло, косил то Левково да Якушево ... с становыми крестьянами при сотнике при Степане Сарычине, да в той же ... земле вышла полоса великого князя земли Еремкины, а пахали ее к монастырской земле монастырские крестьяне, и яз ... на ту землю заводил судью — великого князя тинуа Карпа Ховраева, и Карп ... ту полосу присудил мне», — говорит на процессе 80-х го-

дов в Московском уезде десятский Лучко Лазарев.⁵² «Отец мой ... рассказывает, что был десятский у трех сотнических», — рассказывает на суде в Горетовом стане того же уезда в 90-х годах крестьянин Куземка Панушин, «помнящий» за 50 лет.⁵³ «Яз ... живу в своей деревне пятьдесят лет», — говорит на том же процессе десятский Олексейко.

Десятский, таким образом, сын и отец волостного крестьянина и сам крестьянин — жилец и владелец своей деревни. Он активно выступает за интересы волости, может «взвести» судью на землю и выиграть процесс; в своей деятельности он подчинен сотскому. Должность десятского не пожизненная: известен «старый» (т. е. бывший) десятский. Это Ивашко Лыко в Московском уезде, знахорь-старожилец на судебном процессе 60-х годов.⁵⁴

Встречается в актах и пятидесятский. На том же процессе 60-х годов в качестве знахорь-старожильца выступает «старый пятидесятский» Лазарь Копорулин. Вот что он говорит о себе: «Яз, господине, помню до Едигеевой рати лет за пятнадцать ..., то земли великого князя ... становые, и дань ... давали, и во все потуги с нами тянули; а мой ... отец был тогда на тех землях пятидесятником; и как ... отец мой мертв, ино ... после Едигеевы рати был яз пятидесятником восемь лет на тех же землях».⁵⁵ Возглавляя коллегия экспертов-старожильцев, этот старик (в 60-х годах ему должно было быть около 80 лет) ведет себя на процессе о волостных землях чрезвычайно активно: «Присудишь нам, господине, поле за великого князя землю, и мы ... на поле лезем с монастырскими знахари». Таким образом, и пятидесятский — крестьянин, видимо, активный и авторитетный член волостной общины: он может держать пятидесяток много лет, как бы «наследуя» отцу, но и расставшись с этой должностью, он продолжает оставаться влиятельным лицом волостного мира.

Наиболее видное лицо волостной администрации — сотский. Ряд черт деятельности сотского выясняется на судебном процессе 90-х годов о землях Горетова стана Московского уезда.⁵⁶ Горетовский крестьянин Семенко Кожа, оспаривая землю Сониинскую у Симонова монастыря, говорит: «То ... истарины земля великого князя тяглая, да и сотские ... старые давали ту землю в наем, Офанасий Сидоров, да Федор Карачаров, да Тимофей Лунов». Его показания подтверждают старожильцы: «Земля истарины тяглая, ... да и внаймы ... давали сотские ту землю» (Захар Потулов); «Наймовал отец мой Нерон косити у трех сотских» (Куземка Неронов). Сам ищья Сенька Кожин, отвечая на вопрос судьи: «Почему молчал?», говорит: «Яз, господине, не молчал, и сот-

⁵² АСВР, т. II, № 400.

⁵³ Там же, № 404.

⁵⁴ Там же, № 375.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, № 404.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 472.

скому есмь ... говорил». Наконец, судья Василий Никитич сын Пушкин обращается к самому сотскому Горетова стана Ивану Луганину: «Сколь давно держишь сотское, а та земля Соинская у тебя в сотнице написана ли?». И сотский отвечает: «Сотское, господине, за мною лет с тридцать, а в сотнице ... тое земли Соинские нет».

Итак, перед нами ответственный представитель волостной общины. Должность свою он исполняет десятки лет, у него на руках официальный письменный документ, фиксирующий все волостные земли; от имени волости он дает земли в наем; при нем состоят десятские; в земельном споре с неволостными людьми крестьянин обращается к нему. Но сотский — сам крестьянин. Он может выступать не только как глава волостной администрации, но и как частное лицо. Так, в 70—80-х годах сотник Шаховской волости Ярославского уезда Некрас Леонов «покошил сильно», по словам митрополитских крестьян, селище Павлецово. На судебном процессе он уверяет, что это — земля великого князя и что он косит ее 15 лет, ссылаясь при этом на двух старожильцев.⁵⁷ Это типично крестьянский образ действия, крестьянская и аргументация. Как ответственное должностное лицо волостного мира сотский представляет его в наиболее критических случаях. Так, в 60-х годах сотский Пехорской волости Юрий Константинов сын Лычева возглавляет коллегию волостных мужей (двое десятских и кузнец), приносящих жалобу самому великому князю на архимандрита Симонова монастыря и «ево братью», завладевших волостными землями.⁵⁸ Наместник великого князя в Ярославле князь И. В. Стрига-Оболенский, получив в 60-х годах распоряжение великого князя «обыскати Спасских пустошей» (т. е. пустоши Спасского Ярославского монастыря), в процессе «обыска» обращается прежде всего к сотскому, а в своей грамоте в волость Жары — «к сотским и к волостным людям», с запрещением «вступаться» в иммунитетные владения феодала и ссылается при перечислении пустошей на авторитет того же сотского: «А вашего ж есмь сотского спрашивал».⁵⁹ Волостель великого князя дает льготную грамоту волостному человеку, «поговоря с сотским и с соседями».⁶⁰

Возглавляет волость, по-видимому, староста. Филия Гридин сын, староста Шаховской волости Ярославского уезда, в 1501 г. «тягался ... во всех крестьян место волости Шаховские» со старцами Толгского монастыря.⁶¹ Староста Минского стана Костромского уезда Фрол Токарев «в всех христиан место Минского стану» выступил в 1501—1502 гг. на процессе против митрополитского

посельского.⁶² Важная функция старосты — наделение нового крестьянина землей. Староста Гороховской волости «с товарищи», например, «посадили» на пустоши в Деревнищах уже упоминавшегося Данилку Гаврилова сына Кухмырева.⁶³

Должностные лица волости широко представлены на судебных процессах и на разъездах в качестве членов судебной коллегии и «мужей на разъездах». Но не только они — десятские, пятидесятские, сотские и старосты — могут являться официальными представителями волости. Такую роль иногда играют и другие «волостные мужи».

Если коллективное выступление крестьян Пехорской волости возглавил сотский, а Шаховской и Минской волостей — старосты, то во главе Ликуржской волости Костромского уезда на процессе начала 1500-х годов мы видим трех крестьян — Мартынку Ларионова, Ермолку Федорова и Оицыфарица Онтонова, выступающих «в всех христиан место Ликуржские волости».⁶⁴ В Суздальском уезде в 80-х годах от имени Нелешской волости выступают тоже трое крестьян — Алексеико Фомин, Васко и Ехремко Ладыгинны.⁶⁵ От имени общины числяков «за все численные люди» выступают тоже три представителя — Ефремко с сыном Ивашкой и Рука.⁶⁶

Если волость XV в. представляет собой в своих внутренних отношениях территориальную общину относительно свободных (не платящих ренту) земельных собственников — аллодистов, то другая, не менее существенная сторона в характеристике волости — это подчинение ее князю как главе феодального государства и его аппарату на местах.

С точки зрения феодального государства волость XV в. — прежде всего организация тяглого населения. «Черные люди» княжеских грамот — духовных, докончальных, жалованных и др. — это те, кто «тянет» к сотникам. Волостные, становые люди платят дань и «тянут во все потуги»: «А то земли великого князя ... становые, а дань, господине, давали, и во все потуги с нами тянули», — приводит «старый» пятидесятник Лазарь Копорулин основной аргумент в споре о принадлежности земель.⁶⁷

Черные крестьяне — тяглецы — основные плательщики государственных налогов и повинностей. Кроме главных налогов — дани, яма, посохи и городского дела, которые платили все крестьяне XV в., черные люди несут еще и специфические повин-

⁵⁷ АФЗХ, т. I, № 261.

⁵⁸ АСВР, т. II, № 381.

⁵⁹ АСВР, т. III, № 193.

⁶⁰ АСВР, т. II, № 489.

⁶¹ АСВР, т. III, № 221.

⁶² АФЗХ, т. I, № 258.

⁶³ АСВР, т. II, № 489.

⁶⁴ АФЗХ, т. I, № 254.

⁶⁵ АСВР, т. II, № 481.

⁶⁶ Там же, № 374.

⁶⁷ Там же, № 375.

ности в пользу князя и его администрации. Одна из таких повинностей — кошение сена на «великого князя конь» («коня моего ... кормят» или «закоское» жалованных грамот). Крестьянин Московского уезда Сенька Гридин вспоминает на одном из процессов: «Помню до великого мору, что то земля великого князя черная ... а косили ее на великого князя конь на становой». Другие старожилы, Якуш Хрептов и десятский Лучка Лазарев, помнят и имена крестьян, косивших на станового коня: это Федко Максимов, Софон Говоров и Онисим Пискло.⁶⁸ Таким образом, эта повинность, по крайней мере в начале XV в., была натуральной и заключалась в кошении сена на определенных, специально выделенных участках назначенными для этой цели волостными людьми. Такая организация податного обложения, с одной стороны, является следствием признания князем существования волости как определенного общественного организма, с другой же стороны, поддерживает и стимулирует цельность этого организма.

Но подчинение волости фискальным интересам феодального государства означает определенную степень ее феодализации, ограничения прав волостных людей и их возможностей самостоятельно распоряжаться территорией волости и продуктами своего труда. Подчинение волости административному аппарату на местах создает реальную возможность вмешательства наместника, волостеля и их людей в функции волости. Так, в 80-х годах на суде Суздальского уезда «городный человек» Микита Пантелеев заявляет, что он «нанмывал ... косить селище Мудицево у Микитфорова тпуну у Басенкова за нелешское».⁶⁹ Таким образом, несмотря на наличие сильной и активной волостной организации Нелешской волости, ее пустое селище сдают в наем не сами волостные люди, а тпун наместника.

Не менее важным аспектом подчинения волости феодальному государству (а следовательно, и ограничения древней свободы общинников-аллодистов) является подсудность ее членов местным представителям государства — наместникам, волостелям и их аппарату — и выплата им судебных штрафов, поборов и т. п., а также содержание этого аппарата на местах. Черты этого суда раскрываются в уставных грамотах и в Судебнике 1497 г. Для нас сейчас важно отметить, что в основном законодательном акте по этому вопросу («Указ наместником о суде городским»), входящем в состав Судебника и как бы подводящем итоги развития этого института к концу XV в., в качестве обязательной нормы устанавливается участие в суде дворского, старосты и «лутчих людей», причем важность этой нормы подчеркнута двойной ее формулировкой: позитивной («а на суде у них быти дворскому, и старосте, и лутчим людям») и, так сказать, «запретительной»

⁶⁸ Там же, № 400.

⁶⁹ Там же, № 481.

(«а без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити»)⁷⁰ Нам представляется, что это не новелла, а отражение старой судебной практики и в то же время — зародыш и предпосылка земской и губной реформы середины XVI в.

Но по отношению к волости (и во всех других случаях) князь выступает не только как глава феодального государства, но и как феодал, имеющий свои собственные хозяйственные интересы, которые на практике порой не так-то легко отделить от интересов государственных (правовая теория того времени не знала такого четкого деления). Эти собственные интересы князя реализуются прежде всего в появлении на территории волости землевладения княжеских слуг — тех, что «потягли к дворскому», по выражению окончательных княжеских грамот.

Такими слугами являются конюх (Московский уезд),⁷¹ повар (там же),⁷² истопник (Костромской уезд)⁷³ и т. д. Сидя на волостной земле, слуга под дворским частично смешивается с волостным крестьянином, выступает рядом с ним на суде и на разъезде, вступает за волостную землю и т. д. В отличие от крестьянина слуга получает землю непосредственно по распоряжению князя. Так, князь Юрий Васильевич (1462—1472) пожаловал своего слугу Карпа Михайлова сына Булгакова семью пустошами в Берендеевской волости Дмитровского уезда. После перехода Дмитровского удела в состав великого княжества (1472) это пожалование было подтверждено великим князем.⁷⁴ Так на волостной территории образовалась мелкая вотчина княжеского слуги. При этом земля, пожалованная князем слуге, остается тяглой волостной территорией — «княжжиной», по удельной терминологии. Так именно называет свою землю Карп Булгаков во время спора о ней с волостями Симонова монастыря: «Пустошь осподаря моего, князя Юрия Васильевича, тяглая, а те ... земли нонеча за мною» (показательно, что на этом суде в качестве одного из «мужей» присутствует берендеевский дворский Гаврилко).⁷⁵ Так же квалифицируют эту землю и волостные крестьяне-старожилы: «Земля великого князя, а владел теми селищи Карп Булгаков».⁷⁶ То же

⁷⁰ Судебник 1497 г., ст. 38.

⁷¹ АСВР, т. II, № 418, 419, 424.

⁷² Там же, № 371.

⁷³ АФЗХ, т. I, № 248.

⁷⁴ АСВР, т. II, № 369.

⁷⁵ Там же, № 388.

⁷⁶ Там же, № 406. Земельные тяжбы Симонова монастыря с крестьянами подробно исследованы в диссертации Л. И. Ивиной «Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV—первой половины XVI в. (по материалам Московского Симонова монастыря)» (Л., 1989). Автором сделан ряд интересных наблюдений. Считаю своим долгом принести благодарность Л. И. Ивиной за ее замечания, связанные с подготовкой настоящей статьи.

и в Московском уезде: «Земля великого князя черная, ... а мне дал ... князь великий ту землю осеней ... а се грамота великого князя перед тобою», — говорит Ивашка Саврасов.⁷⁷

Таким образом, земля слуги под дворским не превращается в иммунитетное феодальное владение, хотя в определенных условиях может носить характер мелкой вотчины на волостной территории. Но выдача князем грамоты на волостную землю означает его прямое вмешательство в поземельные отношения волости и является существенным ограничением компетенции волостной общины.

Распоряжаться волостной землей князь может и иным образом. Так, в 1489/90 г. «по слову великого князя» дворецкий князя П. В. Шестунов «пожаловал» Степанка Дорогу Якушева сына пустошью Козловской в Корзенево Московского уезда. Это — оброчная земля, лежащая в пусто «лет с петдесят», «лесом поросла великим, ни двора ... на ней нету, ни кола, ни пашни». Степан Дорога получает льготу от дани и других пошлин на 6 лет, по истечении которых должен платить ежегодно во дворец оброк — полнотины.⁷⁸ В Корзеновской волости есть свой «мир»: сотник Арист, люди добрые старожилы — они присутствуют на суде 90-х годов с Троице-Сергиевым монастырем по поводу этой пустоши.⁷⁹ Тем не менее распоряжаются ею не они, а сам князь. Это — пустошь оброчная, ее владелец не тянет тягло вместе с волостью, а платит особый, индивидуальный оброк. Степан Дорога, может быть, и не слуга, но он и не волостной человек в полном смысле. Исполненный по воле великого князя на волостной земле, он занимает в волости особое положение, отличное от положения волостных крестьян.

Ближайший объект деятельности дворского — низшего звена княжеской администрации в волости — «слуги, что потягли к дворскому». Но функции дворского не ограничиваются наблюдением и контролем над княжескими слугами. Он участвует и в делах волости. Что же делает в волости дворский? Дворский Жабенской волости Кашинского уезда Тропыня в 1496 г. посадил на селище Матренкине двух крестьян: Гридку да Иванку Степановых детей Трусанова и дал им льготу на 15 лет. Все это — «по слову великого князя». Но «рядил» их он с десятским с Деем Тюшынским и еще с двумя крестьянами — представителями волости.⁸⁰ Точно так же поступает и его преемник — дворский Васко. Он «рядит» крестьян вместе с десятским и еще двумя представителями волостного мира и дает льготную грамоту «по слову великого князя». ⁸¹ О льготных грамотах дворского говорят крестьяне той же

волости и на судебных процессах с Макарьевым Калязинским монастырем.⁸²

Выходит как будто, что дворский как лицо, представляющее великого князя, может давать от его имени льготные грамоты, т. е. освобождать на тот или иной срок от несения государственных повинностей. Этим он отличается от сотского и старосты, которые (во всяком случае староста) хотя и могут дать землю крестьянину, но льготной грамоты выдать не могут. В тех волостях, где не было дворского, но был сотский, выдачу льготной грамоты осуществляет волостель. Так, в Гороховской волости в 1497/98 г. волостель Константин Симаанский «пожаловал» братьев Кухмыревых селищем Дубровою и дал им льготу на 10 лет «по великого князя слову», но «поговоря ... с сотским да с суседами с волостными с гороховскими». ⁸³ Здесь тоже видна двойственность распоряжения землей: «посадить» на землю и дать крестьянский участок на волостной территории нельзя без участия представителей волости; а освободить от тягла — дело администрации великого князя, которое может быть осуществлено только от его имени.

В городской общине дворский дает землю тоже «со всей братьей» (Звенигородский уезд, 1460-е годы).⁸⁴ Как и сотский, дворский выступает вместе с волостными крестьянами в качестве судного мужа и мужа на разъезде. В одном случае «в дворского место» на суде присутствует поп (Суздальский уезд).⁸⁵ На наш взгляд, это тоже свидетельствует о несколько особом положении дворского в волости — о неполноте слияния его с волостным миром.

Дворский Жабенской волости — местный житель, крестьянин. «А еще, господине, отец мой был дворской Жабенской волости», — говорит на судебном процессе крестьянин Офона Короткой.⁸⁶ Живя в волости, дворский обязан блюсти интересы князя. «Зовешь земель великого князя, а они (митрополиты) крестьяне, — Ю. А.) косят нестаринны, а ты дворской, а живешь тут, а о том молчишь, то ведает бог да князь великий!» — упрекает дворского Коровая судья И. Голова в 70-х годах в Костромском уезде.⁸⁷ Этот дворский вообще злоупотреблял своим служебным положением. Воспользовавшись родством с митрополитым поселским Оклифом Шубой, он «приткнул» свою мельницу на р. Сендеге к митрополитчей земле и покосил селище, на которое претендовали власти митрополитчего удела. В отличие от крестьянина — дворского Жабенской волости, отца Офони Короткого,

⁷⁷ АСВР, т. II, № 400.

⁷⁸ АСВР, т. I, № 541.

⁷⁹ Там же, № 595.

⁸⁰ АСВР, т. III, № 163.

⁸¹ Там же, № 164, 165.

⁸² Там же, № 172, 173.

⁸³ АСВР, т. II, № 489.

⁸⁴ АСВР, т. III, № 56.

⁸⁵ АСВР, т. II, № 458.

⁸⁶ Там же, № 173.

⁸⁷ АФЗХ, т. I, № 259.

Коровай, видимо, мелкий вотчинник. Его земля «боярская», т. е. выделена из волостных земель, находится на каком-то особом положении. Судья И. Голова прямо ставит перед ним вопрос: «Та пак земля великого князя, ... а у тебя за полем, а ты на ней мельницы ставишь и косишь, а припущаешь к своей земле к боярской кого доложу? Князю ли еси великому челом бил, или чело века старейшего доложил? Коли наряжаешь, и ты зовешь своим, а ныне ищут, и ты зовешь великого князя?».

Суть должностного преступления Коровая — в освоении волостной земли. Он пытается оправдаться: «Коли есмь ... наряжал мельницу, и из доложил князя Федора Романовича да и грамоту есмь ... у него взял; а потом есмь ... бил челом великому князю, и государь мя пожаловал тою пустошью ... и грамоту ми ... дал».⁸⁸ Таким образом, дворский нуждается в особом разрешении великого князя для постройки мельницы и для освоения пустоши лично для себя. Возникает маленькая «боярщина» — мелкая вотчина на волостной земле, но уже выходящая из непосредственной юрисдикции волости. Коровай получает грамоту от великого князя и его наместника; волостные «люди добрые» с их сотским здесь уже ни при чем. Исправление должности дворского может, следовательно, привести к образованию мелкой вотчины — одного из проявлений феодализации волостной земли.

Если появление на волостных землях княжеских слуг под дворским и самого дворского хотя и сужает компетенцию волости, но не меняет существа ее, то к совсем другим последствиям приводит «окняжение» волости в собственном смысле — превращение ее территории в земельную собственность князя-феодала, а волостных людей — в феодальнозависимых держателей. О том, что происходит при этом, рассказывают крестьяне углицкой волости Весь Егонская.⁸⁹

В рассказе крестьян можно выделить два основных момента, непосредственно связанных с черной волостью. Во-первых, промен князем черных деревень феодалу — сыну боярскому. Это распоряжение князем черной волостной землей превращает вчерашних относительно свободных общинников-аллодистов в зависимых держателей в феодальной вотчине. Во-вторых, «обояривание» черных деревень самим князем (точнее, его дьяком, действующим от его имени): припуск черных деревень к княжескому селу в пашню. Благодаря таким радикальным мерам с черным крестьянским землевладением и его порядками в этом районе было покончено; лишние покосы деревни новых держателей превратились в простой придаток княжеского села.

Таким образом, устройство собственного княжеского хозяйства — «села» — на волостной земле ведет к существенным изме-

нениям в экономическом и правовом положении черных крестьян и фактически прекращает историю черной волости.

Князь (в данном случае — удельный) может распоряжаться подобным образом волостной землей в силу своего положения — государя (по терминологии XV в. — «господина»), главы княжества. Это же положение князя как главы государственной власти, которому подданные целуют крест, признавая его своим повелителем, определяет и возможность раздачи князем черных земель феодалам — широкоизвестную в Европе практику феодальных государей. Такая практика распоряжения землей в качестве государя-созерена принципиально отличается от распоряжения своей землей феодала-собственника, получающего ренту с сидящих на его земле зависимых крестьян.

Князь — глава феодального государства — распоряжается не только черными землями, но и землями феодалов. Так, Тимофей Дыбин, владелец «боярской земли», для того чтобы дать в Симонов монастырь свои пустоши Куземкино и Стрыйнево, должен был получить разрешение великой княгини Софьи Витовтовны, в чьем уделе находились эти земли.⁹⁰ Право князя на распоряжение землями своего княжества и на контроль над ними проглядывает и в меновой князя Александра Федоровича со Спасским Каменным монастырем в 40-х годах XV в. Этот любопытный документ облечен в форму жалованной грамоты.

В первой клаузуле акта князь жалует в монастырь земли, во второй же пишет: «А што мои люди подавали в монастырь земли, и из те земли себе поимал, в тех место земель».⁹¹ Кто такие эти «люди», «подававшие» земли в монастырь? Едва ли это «люди» в узком смысле — холопы князя, хотя бы даже и слуги под дворским. Такие «люди» распоряжаться своим держанием не могли, и их сделка с монастырем была бы просто аннулирована князем как незаконная. Скорее всего, это и не крестьяне — термин «христиане» уже прочно укоренился для обозначения непривилегированного сельского жителя (особенно в устах князя — сами крестьяне еще именуют себя «волостными людьми»). Можно предположить, что «люди» грамоты — это вообще подданные князя Александра Федоровича, живущие в его княжестве. Законность их сделки с монастырем не оспаривается князем. Но в то же время он подчеркивает, что это — земли его «людей», нечто такое, на

⁸⁸ АСВР, т. II, № 375. По поводу этого случая (и подобных) А. А. Зимин полемизирует с В. И. Сергеевичем, отмечающим различие между государственным и частнопроводным владением (А. А. Зимин. Из истории помещичьего землевладения на Руси. — Вопросы истории, 1959, № 11, с. 132—134). На наш взгляд, прав в данном случае именно В. И. Сергеевич, а не А. А. Зимин, считающий купли вассалов великого князя «собственностью московского государя и его детей»: А. А. Зимин четко отграничил государственный сюзеренитет великого князя от его (частной?) собственности.

⁹¹ АСВР, т. III, № 264.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ АСВР, т. II, № 433.

что он имеет какое-то преимущественное право, которое и реализует, выменивая себе эти земли.

Широко распространенный термин «земля великого князя такой-то волости», постоянно употребляемый крестьянами, не означает, разумеется, что земля волости принадлежит князю на правах феодальной собственности. «Дом Пречистые — государев великого князя, а земли, господине, то монастырские — божии же да великого князя», — заявляют на суде 60-х годов в Московском уезде келарь Симонова монастыря старец Никита и посельский старец Мисаил.⁹² Эта формула в устах представителей крупнейшего феодала весьма многозначительна. Она свидетельствует, конечно, не только о склонности к философским обобщениям, но прежде всего отражает реальное положение вещей. Земля Симонова монастыря, как и земля крестьянской волости, — «земля великого князя»: она расположена на территории великого княжества, великий князь — государь — сюзерен этих земель; жители их — его подданные. Для черной волости князь — «господин», для своих собственных земель — «государь» — хозяин. Недалеком же Иван-Калита, да и другие московские князья, распоряжавшиеся своими княжествами, «прикупают» и «примысливают» себе села в частную феодальную собственность.

Но чем меньше княжество-удел, тем меньше расстояние, отдаляющее «господина» от «государя», сюзерена от хозяина. Очень любопытный и характерный для XIV—XV вв. процесс перерождения удела-княжества в феодальную вотчину князя-хозяина прослежен А. И. Копаневым на примерах ярославских и белозерских князей.⁹³ Отзвуки этого процесса можно наблюдать и в актах среднерусской волости XV в. Вмешательство князя в дела волости заметнее именно в маленьких удельных княжествах. Так, селище Голодово в черной Нелешской волости Суздальского уезда за речкой Корнатью где-то в середине XV в. сдает в наем для покоса приказчик местного князя Ивана Горбатого,⁹⁴ при этом как будто никто не сомневается, что это волостные земли.

Вопрос жизни и смерти для черной волости — сохранение ее земель, этой «материальной основы свободы населяющих их крестьян».⁹⁵ Право князя распоряжаться землей волости открывает один из важнейших путей феодализации волостной территории — ее превращения в частную собственность светских и церковных

⁹² АСВР, т. II, № 375.

⁹³ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, с. 157—168.

⁹⁴ АСВР, т. II, № 481.

⁹⁵ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. — История СССР, 1962, № 2, с. 151.

феодалов. Однако в условиях XV в. этот путь не единственный. Весьма большое значение имеет и повседневная деятельность самих феодалов, осуществляющих силами своих крестьян и «людей» активное наступление на волостные земли. Некоторые черты этого процесса можно проследить по сохранившимся актам.

В 60-х годах в Московском уезде волостные крестьяне Корнилко и Ивашко возбуждают процесс о селищах Куземкине, Чететкине и Дерикове. По их словам, это «земля великого князя становая из старины, тяглая», а «нынеча пахут старцы из села Быловского, неведомо почему».⁹⁶ Однако в действительности, по-видимому, дело обстоит не так просто. В ходе судебного разбирательства судьей Яковом Шацевальцевым выясняются некоторые черты истории спорных селищ за последние 60—70 лет. Первый — исходный — момент этой истории изложен в показаниях старейшего участника процесса — бывшего пятидесятского Лазаря Копорулина: «Яз, господине, помню до Едигеевой рати лет за пятнадцать, ино на той земле жил Куземка Чететка, а на другой жил Дерико, а то земли великого князя пустоша становые, и дань ..., давали, и во все потуги с нами тянули ... после Едигеевой рати был яз пятидесятником восемь лет на тех же землях». Таким образом, показания Лазаря Копорулина охватывают период с начала 90-х годов XIV в. (за 15 лет до Едигеевой рати, т. е. в 1393 г.) до середины 10-х годов XV в. (через 8 лет после Едигеевой рати, т. е. в 1416 г.). В течение этого времени и, без сомнения, раньше спорная земля была и в теории, и на практике тяглой черной волостной (становой) землей «великого князя»; селища были аллодами волостных людей, известных поименно и тянувших с волостью во все повинности. Другие старожилы-знахори крестьянской стороны, в том числе и «старый» десятский Ивашко Лыко, таких живых деталей и вообще никаких подробностей уже не помнят и могут только в самой общей форме подтвердить, что им «ведомо, что та земля — великого князя становая исстарины». По-видимому, на их памяти спорная земля уже не была жилой.

Показания монастырской стороны рисуют на первый взгляд несколько иную картину. Келарь Никита и посельский Мисаил утверждают, что Симонов монастырь получил спорную землю по вкладам частных лиц — Т. Дыбина и В. М. Морозова — уже «лет с 30»; трое монастырских крестьян показывают, что пахут спорные земли уже лет с тридцать на монастырь; «волостной человек» Федор Локоть «помнит за двадцать лет до Едигеевой рати», что спорная земля — «боярская Дыбинская».

Но ищут — крестьяне Корнилко и Ивашко — и не отрицают факта вклада Тимофея Дыбина: «Дал им свою землю Тимофей

⁹⁶ АСВР, т. II, № 375.

Дыбни, и мы ся у них в ту землю не вступаем»; речь идет о других землях, не входивших, по мнению крестьян, в «боярщину» Дыбина. Сложнее обстоит дело со вкладом В. М. Морозова, который, по словам монастырских старцев, «дал» в монастырь селище Дерново «тому лет с тридцать», т. е. где-то в 30-х годах. Крестьяне по существу не оспаривают это положение, молчаливо допуская, таким образом, возможность такого вклада. В лице своего пятидесятского они настаивают только на «старине» — на времени до Едигеевой рати и первых лет после нее, когда селище Дерново было тяглым. Возможно, что где-то между 10-ми и 30-ми годами произошло «обояривание» тягловой земли — захват ее феодалом В. М. Морозовым, после чего эта земля и была дана в монастырь.⁹⁷ В остальном же показания сторон в общем не противоречат, а дополняют друг друга.

Если крестьянские знахоры хорошо знают ранний период истории селищ — до 1410-х годов, а позднейшее время представляют себе нечетко, то у монастырской стороны дело обстоит как раз наоборот: центр тяжести показаний охватывает время начиная с 30-х годов, когда спорные земли перешли в руки монастыря. Конкретная история селищ как крестьянских земель обрывается где-то после 10-х годов; в 30-х годах — это уже симоновская вотчина, обрабатываемая монастырскими крестьянами. Оставляя в стороне спорные детали, можно констатировать, что перелом в истории произошел, по-видимому, именно в этом интервале, т. е. где-то около 20-х годов. Именно в это время исчезли волостные люди — жители деревень, деревни превратились в пустоши, которые позднее были освоены монастырем.

Весьма интересны показания сторон на процессе 90-х годов о земле Сонинской в Горетовом стане Московского уезда.⁹⁸ «До мору» здесь была крестьянская деревня: в ней жил Соня, дядя («отца ... брат») одного из знахорей. После этого, вероятно, уже «после мору», на этой земле никто не живет, ее сдают внаймы косить сотские. В числе «нанимателей» были, видимо, и монастырские крестьяне из села Ивановского: симоновские старожилы называют их по именам. Наконец, монастырь ставит на этой земле деревню Болкашино — лет за пятнадцать до процесса, т. е. где-то в 70-х годах. Утрата волостью ее земли стала непреложным фактом. Но еще раньше, за тридцать лет до процесса, т. е. в 60-х годах, спорная земля уже не попадает в волостную сотницу и сотскому уже «не ведомо, чья то земля истарины».

Таким образом, первый этап утраты волостью ее земли — это запустение, исчезновение жилой деревни. Деревня превращается

⁹⁷ Л. И. Иваня относит вклад В. Морозова к концу 30-х — началу 40-х годов (Л. И. Иваня. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в., с. 153).

⁹⁸ АСВР, т. II, № 404.

в пустошь, пашня — в покос и как таковая служит объектом аренды («найма»). Именно в качестве нанимателей и проникают сюда, вероятно, монастырские крестьяне. В этом и заключается второй этап интересующего процесса. С течением времени хозяйничанье монастырских людей становится традицией, стариной; пустошь исчезает из списка волостных земель (судя по сохранившимся образцам, этот список — сотница — включал только населенные земли и, как правило, не перечислял подробно угодья). Наконец, наступает третий этап: основание нового, уже феодального, поселения на бывшей волостной земле. Процесс феодализации волостной территории приходит к своему логическому завершению.

Итак, потеря волостью ее земель начинается с их запустения. Именно запустение (смерть или уход волостных людей-аллодистов), влекущее за собой прекращение хозяйственной жизни на данном участке волостной территории и ослабление или прекращение хозяйственных связей этого участка с волостью, создает обстановку, в наибольшей степени благоприятную для посягательств феодала.

Понятно поэтому, что такие события, как Едигеева рать и особенно «великий мор», являются рубежом в истории многих земель, спорных между волостью и феодалом. 1420—1430-е годы как рубеж в истории волостных земель фигурируют в большинстве актов. Именно в это время в руки Симона монастыря перешли, по утверждению старцев, земли Власовская и Левино по вкладу В. М. Морозова в составе земель села Былово. Но община числяков считает эти земли своими и трижды бьет о них челом великому князю, добиваясь их возвращения.⁹⁹

На процессе 80-х годов выясняется, что земли Левковская и Якушевская «до великого мору» были, по показаниям крестьян, становыми тяглыми — их косили «на великого князя конь на ставовой».¹⁰⁰ Но старожилы Симона монастыря «помнят» за 60 лет, что эти земли пахут уже на монастырь. И волостным крестьянам по существу нечем ответить этот аргумент: с 1420-х годов, т. е. как раз с «великого мору», на котором обрывается «память» волостных людей, спорные земли, по-видимому, были действительно освоены монастырем. Архимандрит Зосима прямо говорит, что эта земля была получена монастырем в «великий мор» от некоего Федота Нелидова; это подтверждает и один из знахорей, заявивший при этом, что селища и «до мору» были «боярской землей» того же Нелидова. Опять-таки перед нами, во-первых, несомненный факт освоения пустой (нежилой) земли монастырем в «великий мор»; во-вторых, неясные обстоятельства этого освоения: получил ли монастырь эту землю как «боярщину»

⁹⁹ Там же, № 374.

¹⁰⁰ Там же, № 400.

из рук Федота Нелидова или просто освоил ее, остается сомнительным.

Нечто похожее произошло и в Корзневской волости: здесь в 90-х годах Троице-Сергиев монастырь претендует на селище Козлово, данное в монастырь Анастасией Саларевой тоже в волжский мор. Показания старожилов на этом процессе расходятся. Но знаменательно, что волостные люди «помнят» только в общей форме, что «та земля ... великого князя из старины Корзневские волости оброчная», а монастырские знахоры совершенно конкретно указывают, что эту землю пахут к троицкому селу Муромцеву. Наиболее красноречивы показания сотника Корзневской волости — Ариста и шести других корзневских крестьян: «Мы, господине, того не ведаем, куда то селище ... тянуло исстарины, а как ... заномним, ино то селище ... монастырское, а тянет к селу Муромцеву лет с шестьдесят».¹⁰¹ 60 лет назад для 90-х годов — это как раз 30-е годы, время великого мора или первых лет после него. Именно с этого времени спорное селище превратилось в монастырскую землю. Другая, более старая «старина», время «до великого мору», для сотника Ариста и его товарищей не существует: волость безвозвратно потеряла свои земли. На фоне этого основного факта показания знахорей ответчика — оброчного крестьянина Степанки Дороги, выглядят одинокими и малоубедительными в силу именно своей неконкретности: память о реальном прошлом селища утрачена, осталось смутное общее впечатление (вероятно, правильное в принципе) о принадлежности его когда-то к оброчным землям.

В Горетовом стане Московского уезда на суде 60—70-х годов симоновский посельский Бориско Федотов откровенно заявил, что спорная земля — луг Лжевский и пашня — лежит в пусте «лет за сорок» от «великого мору», т. е. именно с 20—30-х годов, и что он (а до него другие посельские) косили эту землю к монастырскому селу Ивановскому. Этому факту отнюдь не противоречит показание знахоры противной стороны — Гриди Ощеры, который помнит за 60 лет, что то — «земля великого князя».¹⁰² Старина «до мору» уже не имеет принципиального значения на фоне длительного запустения земель и их фактического освоения монастырскими крестьянами. В Бежецком уезде в 90-х годах крестьянские знахоры прямо заявляют о спорной земле: «Отцы сказывали — то земля великого князя, а мы не знаем, чья земля, и меж не ведаем». Монастырский же посельский старец Геронтий в своих показаниях рисует весьма правдоподобную картину освоения волостных земель: симоновские крестьяне 60 лет косили пустошь к селу Кузьмодемьянскому, а потом на той пустоши была поставлена деревня.¹⁰³ Аналогичная картина — и в Соли

Галицкой. Здесь на суде 60-х годов монастырские знахоры откровенно заявили о четырех спорных пустошах, что «те земли и пустоши пахут на монастырь от мору от великого, лет за пятьдесят».¹⁰⁴

Волостные люди хорошо сознают значение «великого мору» как важного рубежа в истории их земель. «А был, господине, на той земле великого князя монастырек Богородицкий, а запустел от великого мору, и ныне владеет тою землею Васюк (посельский Симонова монастыря. — Ю. А.) к Ивановскому селу»,¹⁰⁵ — показывает на процессе 90-х годов крестьянин Иван Собака, претендующий на землю Положимоловскую в Московском уезде. Крестьяне черкой деревни Печенкиной в Городском стане Коломенского уезда на суде 90-х годов тоже прямо связывают захват волостных земель феодалами с моровым поветрием: «То ... земли великого князя черные становые исстарины, а запустели от великого поветрия, и те ... селища черны Симонова монастыря освоили ... а пахет ... наездом ту землю посельский Симонова монастыря сел».¹⁰⁶ В Галицком уезде на судебном разбирательстве 60-х годов выясняется частичное запустение в мор села Городищи на р. Унже: после мора никто не живет на выти крестьянина Паши, никто не косит его покос. И старожилы вымерли, кроме старика Онкундина, который прямо сказал, что «от мору тот луг залежал, не кашивал его, из Городища никто, а косили его черны Симонова монастыря», что вполне совпадает с показаниями монастырской стороны.¹⁰⁷

Последствия «великого мору» для волостных земель наиболее отчетливо представлены в показаниях крестьян Костромского уезда: «Волость, господине, Ликуржская запустела от великого поветрия, а те ... деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты, не ведаем, которые, за себе, тому лет с сорок. А волостных ... деревень Ликуржских тогда осталась одна шесть деревень с людьми, и нам ... тогда было не до земли, людей было мало, искати некому», — говорят крестьяне Ликуржской волости на процессе начала 1500-х годов о крупном куске волостной территории — шестнадцати деревнях и пяти починках.¹⁰⁸ «... земли исстарины великого князя Минского стану тяглые, запустели от великого поветрия», — вторят им крестьяне Минского стана, оспаривая у митрополичьих властей деревню и двенадцать пустошей.¹⁰⁹

¹⁰¹ Там же, № 368.

¹⁰² Там же, № 421.

¹⁰³ Там же, № 414.

¹⁰⁴ Там же, № 383.

¹⁰⁵ АФЗХ, т. I, № 254. Ср.: Л. И. Иванова. Судебные документы и

борьба за землю в Русском государстве во второй половине XV—начале XVI в. — Исторические записки, т. 86, 1970, с. 333—334.

¹⁰⁶ АФЗХ, т. I, № 258.

¹⁰¹ АСВР, т. I, № 595.

¹⁰² АСВР, т. II, № 370.

¹⁰³ Там же, № 407.

Таким образом, ослабление волости означает в то же время усиление феодала. Запустение волостных земель открывает прямую дорогу для феодальной экспансии. Во время стихийных («великий мор») и социальных («Едигеева рать») бедствий черная волость страдает сильнее и восстанавливает свои силы медленнее, чем привилегированная феодальная вотчина, которая пользуется всяким удобным случаем для расширения своих владений и сферы своего влияния. Эпидемии, татарские рати, феодальные смуты подрывают прежде всего хозяйство непривилегированных черных людей, объективно способствуя росту феодального землевладения, в первую очередь крупного. «Не верема нам было, господине, — татарове у нас были ... да ждали есмя ... вотчица», — объясняет судьям звенигородец Степанко, почему он не искал земли шесть лет у властей Савво-Сторожевского монастыря.¹¹⁰ И московские крестьяне 15 лет — в 40—60-х годах — «молчали» о пустошах Куземкине, Четоткине и Дерпкове, «потому что было не до земель»¹¹¹ — в условиях Шемякиной смуты и татарских набегов 50-х годов.

Самоуправство наместников и их пренебрежение к интересам подведомственного им населения — также один из факторов, неблагоприятных для черной волости. При плохом наместнике черные люди не могут рассчитывать на защиту от посягательств сильного соседа-феодала. «Была, господине, Нелша за Судимонтом семнадцать лет, и он ... за нас не стоял, и мы ... земель не искали», — говорят крестьяне Нелешской волости на процессе 80-х годов, объясняя, почему они «молчали» о спорных со Спасо-Евфимьевым монастырем землях.¹¹² «Наместником есмя ... коломенским о той земле бивали челом неодинова, и они ... нас о той земле с старцы не управливают, норовят ... старцом Симонова монастыря», — заявляют коломенские крестьяне в 90-х годах писцу К. Г. Заболотскому.¹¹³

Важное обстоятельство, весьма невыгодное для крестьян, — недобросовестность и корыстолюбие судей. Крестьяне нередко высказываются весьма нелестно о судьях и судебных процессах. «Судья Михаил Карпов на землю въезжал, ялся сказати великому князю, да не сказал, а нами волочил, а им норовил, а нам не учинил ничего, ... судья Григорий Васильевич Морозов на землю въезжал, а исправы не учинил», — рассказывают о своих судебных мытарствах челядь Московского уезда на процессе начала 60-х годов.¹¹⁴ «Били есмя челом государю великому князю, ... когда Федор Давыдович Коломну держал; и князь великий ... на ту землю дал нам судью Федора Давыдовича; и Федор Давы-

дович ... ту землю присудил х тем селом Симонова монастыря по посулам, а взял у них ... от тое земли посула пшубу кунью да пятнадцать рублей денег», — заявляют в 90-х годах коломенские крестьяне.¹¹⁵ Подобная выразительная, но не очень выгодная характеристика судьбы-наместника частично подтверждается монастырской стороной: по словам старца Игнатия, «Федор Давыдович судил и велел ту землю пахать, а грамоты правые не дал», т. е. не дал никакого документа, ограничившись устным распоряжением. Видимо, коломенские крестьяне в оценке судьи были недалеки от истины. Дмитровские мелкие вотчинники тоже не слишком высокого мнения о судьбе Якове Игнатьеве сыне Татищеве, судившем их с Симоновым монастырем около 1472 г.: «Что ся нам, господине, слати? Что себе хотели, то писали», — отвечают они на вопрос нового судьи — писца В. М. Заболотского-Чертенка, «шлются» ли они на судебное разбирательство Татищева.¹¹⁶

Таким образом, не только мор и татарская рать, не только феодальная усобица — эти, так сказать, отклонения (хоть и частые) от нормального хода жизни феодального общества, но и сама эта «жизнь» как таковая, сама атмосфера феодального государства по своей природе отнюдь не благоприятствуют черной волости. Это последнее обстоятельство, однако, не следует преувеличивать. Крестьяне XV в. упорно добиваются «правды», обращаясь к великому князю и в феодальный суд. Надо думать, что далеко не все судьи были корыстолюбивы и недобросовестны и что решение суда далеко не всегда было заведомо неблагоприятным для крестьян.¹¹⁷

Если наступление феодала на волость имело целью захват волостных земель, то волостные люди в свою очередь всеми доступными им мерами пытались сохранить свою землю и по возможности вернуть захваченное феодалами. Именно стремление волости защитить себя от феодала лежит в основе всех судебных процессов о земле, характерных для конца XV — начала XVI в.

Наиболее простым видом борьбы за землю был спор на межах. Крестьянин фактически, явочным порядком нарушал привилегированную феодальную собственность монастыря. По-видимому, это было распространенным явлением, вызывавшим жалобы монастырских властей и судебное разбирательство по их инициативе. Вот симоновский архимандрит Зосима бьет челом великому князю на его слугу, Ивашку Саврасова: «Поорал нашу землю Федотов-

¹¹⁵ Там же, № 414.

¹¹⁶ Там же, № 406.

¹¹⁷ К правильным, на наш взгляд, выводам по этому вопросу приходит Л. И. Иванова в своей статье «Судебные документы и борьба за землю» (Исторические записки, т. 86, с. 345—346). Надо только учесть, что до нас дошли далеко не все судебные дела, а почти исключительно такие, которые закончились победой монастыря-феодала.

¹¹⁰ АСВР, т. III, № 56.

¹¹¹ АСВР, т. II, № 375.

¹¹² Там же, № 481.

¹¹³ Там же, № 414.

¹¹⁴ Там же, № 374.

скую Нелидова». Но с точки зрения Ивашки спорная земля — «великого князя черная Левковская да Опуконская», и ему дал эту землю сам великий князь «осенсь о Покрове».¹¹⁸ Вот оброчный крестьянин Степанко Дорога вызывает жалобу троичских старцев: «То селище называет землей великого князя, а нам... пынечя того селища пахать не даст».¹¹⁹

Мелкий вотчинник Горетова стана Никоник Шаблыкин «посекл... лес... сее весны за старою межею монастырскую землю, да и посеял», по словам властей Симонова монастыря. Но сам Никоник и его отец, Шаблыка-чернец, утверждают, что «есть... межа, да не та» и что они пахнут свою, следовательно черную, землю.¹²⁰ Крестьяне Архангельского собора жалуются на черного человека — крестьянина Офонаска из села Лужского в том же Горетовом стане: «Пашет землю и кулишку косит, перелезши за межу сильно за изветом». Но Офонаско уверен, что пашет и косит «землю великого князя» к своей деревне Даниловской — ту землю, которую до того «явочным порядком» захватили и пытались освоить архангельские крестьяне.¹²¹

Крестьянин Пехорского стана Васко Трубица из своей деревни Большое Реткино «был всеял три осмины ржи на земле Меньшом Реткине» и вызвал этим разезд земель с Симоновым монастырем «по слову великого князя» (и, вероятно, судебное разбирательство, не дошедшее до нас).¹²² Крестьяне Плесской волости Костромского уезда «покосили пожню Клеопинскую монастырскую на тридцать копен сильно, да лес посекали и ярью посеяли сильно же на три десятины к своей деревне к Зубцову к черной», — жалуются в 1505 г. власти Чудова монастыря.¹²³ Крестьяне — двое братьев Солонинных — утверждают, что земля и пожня — их «из старины»; они уже били челом, прося размежевать их деревни с Чудовым монастырем,¹²⁴ но соответствующее распоряжение писца Г. Р. Застольского не было исполнено — межи не были учинены. Все это — сравнительно мелкие и потому, вероятно, очень частые нарушения феодальной собственности отдельными представителями волости.

Значительно более сложная ситуация сложилась в Гороховской волости в конце 80-х годов. По словам старца Ивана Ворони, представителя монастыря св. Василия (подведомственного властям Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря), крестьяне Гороховской волости во главе с сотником «пахнут сильно» три мо-

настырских селища. Волостные же крестьяне (всего 8 человек) заявляют, что «все то земля великого князя» и что они их пахнут «содного». Здесь монастырскую собственность нарушает уже целая группа крестьян во главе с ответственным представителем волости. Впрочем, разбирательство на земле исчерпывает конфликт: крестьяне признают землю монастырской и оправдываются незнанием межей.¹²⁵

Крестьяне Усошской волости Можайского уезда Куземка Фомиин сын и Тимоха Степанов сын вызывают в 80-х годах обвинение симоновских властей в том, что «попахали сего лета сильно за изветом да и рожью посеяли» монастырскую землю степановскую Ватопинского села. Сами же крестьяне утверждают, что пахнут спорную землю к своей деревне Кобылинской «после отцов своих» и что до монастырских земель им дела нет. В ходе судебного разбирательства более или менее достоверно выясняется, что спорная земля действительно принадлежала когда-то к Усошской волости, но была дана Симонову монастырю великим князем по душе князя Юрия Васильевича (по завещанию последнего) в начале 70-х годов. Но знахори ответчиков-крестьян продолжают считать спорную землю волостной и, признаваясь, что не знают межей, многозначительно заявляют: «А весь Усох — великого князя».¹²⁶ В этих словах — сознание единства волостной территории и сомнение в правомерности распоряжения этой территорией со стороны верховной власти — распоряжения, нарушающего истари сложившийся хозяйственный комплекс. Конечно, признавая а priori «весь Усох» волостной землей, можно и не знать межей внутри волости и даже с некоторым вызовом заявлять об этом на суде. И проиграв процесс у судьи — можайского писца Ильи Григорьевича Наумова («потому что, залезши за лес, да вступаются в землю монастырскую, а старожилы... меж не знают»), те же крестьяне продолжают «вступаться» в феодальную собственность: в 1500 г. они «сено погребли сильно и свезли, сто копен», что вызывает новое судебное разбирательство.¹²⁷

Борясь за свои земли и угодья, Усошская волость в 1504 г. сама бьет челом на Симонов монастырь: «Покосили луг, да и лес секут сильно через извет, укосили семьдесят копен сена».¹²⁸ Перед нами затяжной, многолетний конфликт между монастырскими властями и представителями волости, сопровождающийся насильственными действиями обеих сторон и судебными процессами.

Острый конфликт и у Спасо-Евфимьева монастыря с Нелешской волостью в Суздальском уезде. По словам монастырских

¹¹⁸ АСВР, т. II, № 400.

¹¹⁹ АСВР, т. I, № 595.

¹²⁰ АСВР, т. II, № 405; Л. И. Ивина. Крупная вотчина в Северо-Восточной Руси, с. 263—264.

¹²¹ АСВР, т. III, № 50.

¹²² АСВР, т. II, № 371.

¹²³ АСВР, т. III, № 48.

¹²⁴ Там же, № 45.

¹²⁵ Там же, № 483.

¹²⁶ АСВР, т. II, № 401.

¹²⁷ Там же, № 422.

¹²⁸ Там же, № 428.

старцев, «все христиане нелешские третьего лета покосили селища (Медведково, — Ю. А.) за изветом сильно, а летось покосили монастырские крестьяне, да и тот Олексейко (один из нелешских крестьян, — Ю. А.) поимал то сено сильно, да и иные селища у нас отнимают монастырские сильно же ... а называют их ... селищи великого князя нелешскими». Олексейко Фомин и его товарищи откровенно признают, что и сено косили, и у монастырских крестьян сено «поимали»: их действия законны, потому что все те селища (всего 8) «великого князя» и тянут к Нелше. Свои действия крестьяне рассматривают как борьбу за возвращение захваченных монастырем земель: «Нынче ... Нелша стала за великим князем, и мы ... тех селищ ищем».¹²⁹ Таким образом, в данном случае волостные крестьяне «ищут своих земель» не путем обращения к верховной власти, а непосредственными насильственными действиями на месте, надеясь в то же время на заступничество со стороны великого князя.

Весьма любопытный конфликт возникает около 1490 г. в Берендеевской волости Дмитровского уезда на землях симоновского села Верзневского. Посельский Симонова монастыря жалуется на двух крестьян: «Сидит на монастырской земле на Шишкинском селище, а называют ... великого князя землей, да живут на той земле сильно, а вон из деревни не идут». Крестьяне же — Окулик Сусло и Олферко — утверждают, что живут не на монастырской, а на «великого князя земле на черной, на тяглой, ... Берендеевской волости». Запрошенный судьей — князем И. Ю. Патрикеевым — митрополит Зосима, бывший архимандрит Симонова монастыря, в своих показаниях разъяснил эту своеобразную ситуацию. По его словам, он «посадил тех мужиков ... и дал им льготу на три года»; они и отсидели свой урок, «три года минуло сее весны», после чего приходили в монастырь, били челом, чтобы дали льготы еще на два года; «а мы им льготы не дали, и они по того ся и отказали за великого князя».¹³⁰ Налицо, таким образом, попытка монастырских крестьян «ся отказать» — вместе с землей! — «за великого князя». Это именно то, что можно назвать «дефеодализацией» земли, пользуясь удачной терминологией И. И. Смирнова. В данном случае крестьяне, видимо, недавно вышедшие из волости, видят в дефеодализации путь к разрешению своего конфликта с монастырскими властями. Сама же дефеодализация осуществляется в форме фактического освоения монастырской земли и сопротивления монастырским властям, пытающимся изгнать крестьян из освоенной ими деревни.

Нечто похожее и в вотчине Макарьева Калязина монастыря. В 1504 г. старец этого монастыря Агафон жалуется судье на семерых крестьян — жителей четырех починок: «Жыли, господине,

тот Ортемко и его товарищи у нас в монастырских деревнях старых, да из наших ... деревенок тот лес россекали и прятали, и пахали, и косили, и дворы себе на тех местах поставили за монастырь, да и грамоты ... льготные на те починки взяли у игумена и у братьи на монастырь, а уже ... тому четыре годы, а нынеча ... те починки называют волостными землями».¹³¹ Монастырские старожилы слово в слово подтверждают показания своего ищца. Сами же ответчики, Ортемко и его товарищи, категорически утверждают, что «сели есмь ... на те места за великого князя на лес на старь, а рядил нас ... на тот лес на старь дворской Васюк Деев жабенской с волостными людьми с добрыми». Некоторые из них, действительно, представляют соответствующие грамоты.¹³² Но двое из крестьян признаются: «Грамоты льготные у нас нет, а рядил нас ... дворской Васюк, а грамоты нам ... не дал». Трудно решить, какая сторона права по существу, т. е. в какой степени справедливы обвинения, предъявленные крестьянам. Но для нас важнее сама суть этих обвинений: Ортемко и его товарищи обвиняются в попытке «дефеодализации» монастырской земли. Видимо, такое явление, как попытка «отказаться» в волость с освоенной монастырской землей, не было редкостью.

Таким образом, «споры на межах» — фактические столкновения волостного человека с феодалом по вопросу о правах на землю и угодье — могут иметь разные поводы и принимать разную степень остроты: от кошения спорной пожни до попытки присоединить к волости монастырские жилые деревни. Но независимо от повода и масштабов в основе всех этих столкновений — классовый конфликт волостного крестьянина, отстаивающего свою землю и остатки свободы, и феодала, стремящегося расширить территорию и хозяйство своей вотчины именно за счет непривилегированных волостных крестьян.

Этот конфликт может принимать и другую форму — форму апелляции волостных крестьян к суду великого князя. В этом случае в роли ищца выступает волость, в роли ответчика — монастырь. Одно из крупных крестьянских выступлений такого рода состоялось в 60-х годах в Пехорском стане Московского уезда. Здесь сотский Ю. К. Лычев, двое десятских и кузнец Исачко Пашлов били челом великому князю «за всю волость Пехорскую» на архимандрита Симонова монастыря Евсевия и его братья: «Владеют, господине, твоим великого князя монастырем Спаса Преображения, и озеры Верхним, и Нижним, деревнями и пустоши; а се, господине, церковь Спаса и озера и деревни и пустоши — твои, великого князя».¹³³ Речь идет здесь, таким образом, о значительном куске волостной «великого князя» земли, причем

¹²⁹ Там же, № 481.

¹³⁰ Там же, № 402.

¹³¹ АСВР, т. III, № 172.

¹³² Там же, № 163—165.

¹³³ АСВР, т. II, № 381.

в качестве ответчиков к суду привлекается глава одного из крупнейших столичных монастырей, а судьей является сам великий князь. Победа монастырской стороны в этом процессе, доставшаяся, по-видимому, с большим трудом, особенно ценилась симоновскими властями: правая грамота имеет подтверждения Василия III и Ивана IV.

В тех же 60-х годах община числяков бьет челом на Симонов монастырь по поводу захвата своих земель, причем на суде выясняется, что за последние 15 лет числяки бьют челом уже третий раз.¹³⁴ Ликиуржская волость Костромского уезда в лице трех своих представителей (действующих «в всех христиан мест») ведет тяжбу перед судьей — писцом Григорием Романовичем Застолбским — против митрополичьих детей боярских.¹³⁵ Минский стан того же уезда во главе со своим старостой спорит перед тем же писцом с митрополичьим посельским.¹³⁶

Следует отметить, что далеко не во всех известных судебных делах волость выступает за свои земли как цельная организация во главе со своими должностными лицами. Во многих случаях борьбу на межах и судебный процесс ведут от своего имени отдельные крестьяне. Но социально-политическая оценка таких выступлений от этого не меняется: в них проявляется двойственная природа крестьянского землевладения в волости — неразрывная связь аллода с общинной территорией. Защищая свою пахню или покос от посягательств «монастырских людей», черный крестьянин тем самым защищает от феодала территорию волостной общины в целом, как и сама волость, выступая во главе с сотским или старостой за свои земли, отстаивает в сущности права крестьян на их деревни и угодья.

Основная масса правых грамот и судебных списков о волостной земле относится к 70—90-м годам XV в. Представляется, что это не случайность. Последняя четверть XV в. — время крупных политических событий, повлиявших на все стороны жизни страны. Создание единого независимого государства было крупным шагом вперед в истории русского народа и означало прежде всего известную степень стабилизации политического и экономического положения страны.

Успешная внешняя политика оградила основную территорию страны от татарских и иных «ратей»; ликвидация уделов привела к исчезновению феодальных смут. В конце XV в. не слышно и о крупных эпидемиях и голодовках. Эти условия не могли не привести к подъему экономики, прежде всего — к росту населения и развитию внутренней колонизации. Все это создает новую социально-экономическую ситуацию, в которой захват волостных

пустошей феодалами стал затруднительным. Правительство Ивана III очень редко жалует феодалов волостными землями; московские служилые люди получают в поместье бывшие вотчины новгородских бояр, а рост церковного землевладения повсеместно прекращается. В новгородских пятинах реформа Ивана III создает обширный фонд «государевых оброчных земель», весьма близких во многих отношениях к черным землям центра страны. Создается впечатление, что правительственная политика в аграрном вопросе в конце XV—начале XVI в. была в какой-то мере направлена на сохранение крестьянского волостного землевладения в качестве материального резерва для обеспечения различных потребностей государства.

Ввиду всего этого последние десятилетия XV в. в целом гораздо более благоприятны для борьбы крестьянской волости за свои земли против соседа-феодала, чем наполненная трагическими внутренними и внешними конфликтами и стихийными бедствиями первая половина века. С попыткой крестьянской волости в новых условиях остановить феодальную экспансию и по возможности вернуть потерянное «в великий мор» и связано появление многочисленных судебных дел, частично сохранившихся в монастырских архивах.

Однако значение этой благоприятной обстановки конца XV—начала XVI в. для крестьянской волости отнюдь не следует преувеличивать. Феодальное землевладение продолжало развиваться, хотя и в других формах (поместье), классовые интересы феодалов и волостных крестьян были противоположны. И в этих, сравнительно благоприятных для крестьян, условиях, феодальный суд решает множество дел в пользу феодалов-землевладельцев (именно эти дела и дошли до нас в составе монастырских архивов), а волостные люди вынуждены с горечью признаваться, что «били челом есмя... великому князю... многожды, и князь великий не слушает, государя не можно достигнути».¹³⁷

Судя по сохранившимся материалам, черная волость в XV в. не была особенностью какого-либо одного уезда или района. Черные волостные земли и связанные с ними отношения встречаются повсюду — и в Заволжье, и на Оке, и в Суздальском Ополье, и под стенами самой Москвы. Это дает право рассматривать черную волость как общерусское явление, более или менее широко распространенное в XV в. и имеющее как общие характерные черты, так и местные особенности.

Общей характерной чертой черной волости являются прежде

¹³⁴ Там же, № 374.

¹³⁵ АФЭХ, т. I, № 254.

¹³⁶ Там же, № 258.

¹³⁷ АФЭХ, т. I, № 258.

всего сама ее природа непривилегированной мелкой крестьянской собственности в сочетании с территориальной властью общины. Это позволяет рассматривать волость XV в. как один из этапов перерождения, трансформации древней дофеодальной свободной общины — этой, по К. Марксу, «необходимой фазы развития всех свободных народов».¹³⁸ Наиболее существенным отличием волости XV в. от этой общины является ее вхождение в состав феодального государства и в связи с этим ее непривилегированный характер. Являясь частью феодального общественного организма, крестьянская община с необходимостью занимает одну из нижних ступеней в феодальной иерархии. Волостные люди и их земли не знают ни привилегий, ни льгот; они несут всю тяжесть государственных повинностей и не охраняются никаким особым правом ни от произвола администрации, ни от посягательств имунитетов. Древняя свобода вырождается в неполноправие.

Наиболее важная черта, роднящая черную волость с древней общиной (и в то же время противопоставляющая ее вотчине), — отсутствие на ее землях собственно феодальных институтов господства и подчинения (патроната, имунитета и др.), и прежде всего материальной основы для существования этих институтов: крупной земельной собственности, обрабатываемой принудительным трудом. Неся в полном объеме государственное тягло, черная волость не знает ренты в пользу феодала — земельного собственника. Волостной человек, живущий на своем участке — аллоде — и не знающий над собой иной власти, чем глава государства и его официальные представители, может рассматриваться в условиях феодальной Руси XV в. как относительно свободный человек — свободный по сравнению с феодальнозависимым крестьянином и холопом в вотчине.

Однако именно в этом плане в наибольшей степени сказываются местные особенности в развитии и существовании черной волости — в мелких и все более дробящихся удельных княжествах пределом развития черной волости является ее превращение в наследственную вотчину князя, а степень отличия волостного человека от феодальнозависимого крестьянина стремится к нулю. Это обстоятельство дает основание говорить о разной степени феодализации черной волости XVI в., т. е. о разной степени утраты ею ее существенных специфических черт.

Черная волость и ее жители — питательная среда для феодального землевладения, которое растет и развивается в конечном итоге именно за ее счет. Тот факт, что после нескольких веков развития феодальной вотчины к концу XV в. волостные земли сохранились почти во всех уездах феодального центра страны, косвенно свидетельствует о большом удельном весе черной во-

лости в предшествующие столетия и о существенной роли ее непривилегированного свободного жителя в исторических судьбах страны.

А. И. КОПАНЕВ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ПОДВИНЬЯ В XVI в.

Сохранившиеся источники позволяют дать общую картину землевладения Подвинья лишь к середине XVI в. По Платежной книге Двинского уезда 1560 г.,¹ отразившей в себе два последовательных обших описания Двины, а именно описание И. П. Заболоцкого 1552—1553 гг. и описание Василия Гагина 1559 г., устанавливается, что на Двине в середине XVI в. существовали черносошные, своеземческие, церковные и монастырские земли. Платежная книга позволяет установить также и соотношение этих земель. Из общего числа 1000 малых сох, в которые положил Двину писец Заболоцкий, 834 сохи были черносошные, 31 — своеземческая, 65 — церковных, 43 — монастырские и 27 — посадских. Из приведенных данных очевидно, что крестьянские земли (к ним, как мы увидим ниже, следует относить и своеземческие, а отчасти и церковные) на Двине в середине XVI в. буквально доминировали. Феодальное землевладение, представленное здесь монастырскими вотчинами и владениями отдельных церквей — посадских соборов — составляло едва 5% всех земель уезда. Аналогичным образом распределялись и богатые промысловые угодья Двины. Из 275 тонн, расположенных по морскому побережью и по главным рекам, монастыри владели лишь 19 целыми тоннами и долями в 8, а из 85 варниц — 3 варницами и долями в 8. В промысловой волости Варзуге доля феодальных владений была также невелика. В 1563 г. три монастыря (Соловецкий, Николо-Корельский и Антониево-Сийский) обладали 35 луками из 866, т. е. примерно 4%.² Итак, крупные промысловые угодья находились в основном в руках крестьян и посадских. Доля феодального владения промыслами в середине XVI в. еще очень небольшая. Целиком в руках черносошных волостей были мелкие промысловые угодья, объект повседневного крестьянского промысла — лов рыбы в примыкающих к их землям водах, охота в окрестных лесах и т. д.

¹ Платежная книга Двинского уезда нами опубликована. См.: Аграрная история Европейского Севера. Вологда, 1970, с. 314—336 (далее — Платежная книга).

² А. И. Копанев. Неземледельческая волость в XVI—XVII в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967, с. 185.

Картина двинского землевладения, выявляемая источником середины XVI в., сложилась исторически. Важнейшим моментом явилось присоединение Двины к Москве. Как и на основных новгородских территориях — пятинах, московское правительство проводит на Двине ликвидацию землевладения новгородских феодалов. Земли и волости, принадлежавшие новгородским боярам и монастырям, становились юридически землями и волостями великого князя, а фактически переходили в руки обрабатывающих их крестьян. Следовательно, после известных трех конфискаций Иваном III владений новгородских феодалов на Двине вырос фонд черносошных земель, существовавших здесь и в новгородское время. Господство крестьянского землевладения обусловило многие черты социально-экономического, политического и культурного развития Двинского края. Крестьянское землевладение оказывает влияние на развитие других форм землевладения. Вкрапленные в массивы волостных владений оброчные и своеземческие земли постепенно, в течение первой половины XVI в., слились с черносошными. Церковные земли, находившиеся, как и сами приходские церкви, под управлением волости, становились особым видом общественного владения. Некоторые особенности развития монастырских вотчин на Двине — некомпактность вотчин, долевого характера монастырских владений в волостях и т. д. — связаны также с черным землевладением, господствовавшим здесь.

Присмотримся внимательнее к этим явлениям. Судьбу оброчных земель на Двине исследовал А. И. Андреев в своей известной работе об отступных грамотах.³ Изучив с дипломатической точки зрения отступные грамоты (известные только на Двине) и сравнив их с двинскими купчими, А. И. Андреев пришел к выводу, что, хотя отступные и купчие близки по формуляру и по существу совершавшейся сделки, они составлялись на разные объекты: первые — на оброчные земли, вторые — на черные крестьянские. Главным основанием для такого понимания обоих актов было то, что в отступных об объекте сделки всегда говорилось, что это земля великого князя и только владение или посилье данного лица, что эта земля не продается (как в купчих), а только уступается другому лицу и деньги берутся лишь «за посилье», т. е. за вложенный труд. В купчих же грамотах, по утверждению А. И. Андреева, формула «земля великого князя, а мое владение (или посилье)» не встречается совсем до 80-х годов XVI в.⁴ Хотя последнее утверждение и не совсем точно (есть купчие и первой половины XVI в., в которых указанная формула уже налично), однако наблюдение об обязательности этой формулы в отступных

и более позднее появление ее в купчих весьма ценно. Оно позволяет говорить о разном отношении крестьян к землям оброчным и землям черным: первые они считали собственностью великого князя и своим владением, вторые — полной своей собственностью.

В ранних двинских грамотах имеются указания на земли великого князя. В документах XV—XVI вв. центральных уездов Руси с развитым феодальным землевладением выражение «земли великого князя» означало обычно указание на земли черносошные, не захваченные феодалами. В условиях Двины, где подавляющее количество земель были черными, это выражение долгое время являлось техническим приемом обозначения лишь оброчных земель, находившихся среди крестьянских черных земель (примером могут служить отступные грамоты).

А. И. Андреев указал несколько актов по Чухченемской, Койдоурской, Курейской волостям, в которых при описании смежных земель наряду с владениями волостных крестьян отмечены «земли великого князя» (меповная 1490/91 г., закладная 1497 г., данная 1528 г. и т. д.).⁵ Мы могли бы значительно увеличить число аналогичных примеров и по другим волостям, но ограничимся одним. Сохранились две купчие (1532 г. 1543 г.) на одну деревню — на устье Великой курьи. Из описания меж проданных земель в обеих купчих обнаруживается, что они за десять с лишком лет не изменились. Различные земельные участки деревни граничили в четырех случаях с землями великого князя, в 15 — с крестьянскими и церковными.⁶ Этот пример показывает, что земли великого князя лежали между крестьянскими, границы их были четко означены и не менялись. Волость знала и количество этих земель на своей территории, что видно из сохранившихся общеволостных документов. Так, куростровские разрубы 1547 и 1548 гг., в которых фиксирован размер дани с сохи, называют две цифры — одну для черных («чернокунских») деревень, другую — для «оброчных деревень великого князя», названных в том же разрубе «княжичинными». Из разрубов мы видим, что оброчные и черные деревни составляли одну волость, платили одинаковые дани и волостные расходы, с одной лишь разницей: с «княжичинных» (оброчных) сох бралось дополнительно 14 алтын и 1 деньга.⁷ Из приведенных фактов можно заключить, что в руках одного и того же волошанина могли находиться одновременно те и другие земли. В этом плане несомненно представляет интерес следующий факт. В один и тот же день 12 декабря 1540 г. крестьянин Княжеостровской волости

⁵ Там же, с. 25.

⁶ Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. Пб., 1922, № 71, 101 (далее — Сб. ГКЭ).

⁷ А. И. Копанев. Куростровские столбцы. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. I. Вологда, 1970, с. 401—402 (далее — Куростровские столбцы).

³ А. И. Андреев. Отступные грамоты. (К истории крестьянского землевладения на севере в XVI в.). Пг., 1916.

⁴ Там же, с. 21.

Григорий Тимофеев совершил сделки по двум актам: по купчей⁸ продал в Поглядинской деревне «треть деревни чернокунские» за 6 рублей, а по отступной⁹ в той же деревне отступился от подобия «великого князя земли ... а своего владения», взяв «на посыле полтора рубля». В подтверждение своих прав на продажную треть деревни Григорий Тимофеев передает покупателю старую купчую грамоту, по которой он купил эту треть у игумена Антония, вкладную грамоту, по которой треть была передана ранее в монастырь, и две дельные, а на отступную землю — посылную грамоту. Так в результате двух сделок Семен Иванов сын Черной (с ним заключены обе сделки) в одной деревне стал обладателем черных и оброчных земель. Права приобретателя на каждый разряд земель обеспечивались специальными документами. В крестьянской среде бытовало даже наименование: грамоты такой-то деревни на княжичинные земли и на чернокунские земли.¹⁰

Итак, оброчные земли находились во владении чернососных крестьян, они использовались в хозяйственном отношении наряду с другими землями крестьянина, государство облагало их данью с добавлением 14-алтынного оброка, на них падал волостной разруб, владельцы оброчных земель пользовались общественными угодьями волости и т. д. Все это сближало в представлении крестьян оброчные и черные земли. Самым очевидным показателем этого является распространение на оброчные земли права распоряжения ими со стороны их владельцев — они наследовались,¹¹ под видом «поступки» или «уступки» передавались в дру-

⁸ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 137.

⁹ Там же, № 138.

¹⁰ Так, в отписи 1541/42 г. Леонтия Дорофеева, взявшего на хранение у названного выше Семена Черного грамоты на деревню Поглядинскую, прямо сказано: «Те грамоты тое деревни и на княжичинные земли и на чернокунские вончие грамоты и мои и его». Леонтий Дорофеев обязывался грамоты «не потанты», а представить их по первому требованию Семена Черного (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 148). Княжичинные земли существовали и на Ваге. Так, в грамоте Ивана III Богословскому Важскому монастырю от 5 января 1482 г. упомянуты «княжичинские крестьяне», которым запрещалось вступаться в монастырские «угодья и в лесы за межи» и «лесные пашни пахать». В грамоте названы также земли и угодья «княжичинских крестьян», в которые запрещалось вступаться и сильно пахать монастырю. Ясно, что за монастырской межей лежали княжичинные земли, т. е. оброчные (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 13).

¹¹ Приведем здесь любопытное крестьянское высказывание по поводу наследования оброчных земель, встретившееся нам в отступной 1522 г. на деревню Дементьевскую Койдокурской волости. Деревня Дементьевская, вероятно, в Новгородское время принадлежала боярину Дементию Андрееву (его волостка в Емце описана в сотной на Емецкий стан) и после конфискации стала оброчной. Однако еще долгое время ее называли «боярщиной» (см., например, купчую 1528 г. — Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон. № 81). Владелец трети этой деревни Иван Иванов сын Малой в своей отступной — «посильной» от 20 декабря 1522 г., отойдя пол-

гие руки, давались в приданое, делились, т. е. были предметом оживленной мобилизации между волостными крестьянами. Ярким примером может служить история оброчных земель на Солотково острове.

В выписи из книг первого двинского писца Тимофея Афанасьева, приведенной в одной великокняжеской грамоте 1542 г., сказано, что оброчные деревни великого князя на Солотково острове, образовавшиеся в результате конфискации владений новгородского боярина Григория Тучина, находятся в руках («а напшут ту землю») Крапотки да Гридьки Подстенковых.¹² Однако вскоре (до 1510/11 г.) братья «продали... посыле свое чем нас написали писцы» двум крестьянам — Никофору Мурашу и Чюпру Михайлову.¹³ Сын Мураша Иван уступает по частям полученную от отца долю острова нескольким владельцам: в 1538 г. — Степану Ушаку сыну Онаньину,¹⁴ в 1540 г. — Пимену Пятутину,¹⁵ вместе с документами на эту землю.¹⁶ Тому же Пимену Пятутину в 1540 г. переходит доля Ушака.¹⁷ Другие владельцы оброчных земель на Солотково острове также отступаются, т. е. передают другим лицам их доли. Сохранились от-

постью от формуляра, повествует: «Жил есмь на божиин вотчины да господари и великого князя земле на трете деревне великого князя Дементьевские» и не смог платить податей и поэтому уступил половину своего владения, т. е. 1/6 долю деревни двум братьям — Ивану и Карпу Нефедовым. Оставшуюся у него 1/6 долю деревни Иван Малой обязуется продать тем же Ивану и Карпу. «А детям моим Пумену, Сидору и Тарасью до тое моей земли до посылной дела нет и на деле есмь им того не положил, то мое и есть, кому хочу тому отдаю». «Никому нет дела» «до моего посылья, чем владел из Иван Малой вотчина божиин господари князя великого земля, а мое владение» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 47). Несмотря на категоричность заявлений, Иван Малой передал свою шестую долю именно своему сыну Тарасию. Это засвидетельствовали сыновья Тарасия в своей отступной 1529 г., которой они передали шестую долю своему дяде Пумену Иванову, сыну Малого (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 88), который в свою очередь отступился от этой доли тем же Карпу и Ивану Нефедовым, с которыми имел дело его отец (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 84).

¹² Сб. ГКЭ, т. I, 53. В жалованной грамоте Николаевскому Корельскому монастырю от 2 февраля 1540 г. на Кудмо озеро приводится также выпись из книг Тимофея Афанасьева, согласно которой это озеро с пустошью дано было на оброк («на год 20 бел») трем крестьянам — «Олферке Филимонову, Васюку Иванову да Елоху Иванову» (Сб. ГКЭ, т. II, 11, 1929, приложения, № 86а). Не прошло и 10 лет, а именно в 1507—1508 гг., один из названных совладельцев — Елизар Иванов уступил свою треть, «взяв на посыле» 3 рубля, другому лицу — Якову Климентьеву, который обязывался платить с той земли дань великого князя (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 37).

¹³ Сб. ГКЭ, т. I, № 50.

¹⁴ Там же, № 81.

¹⁵ Там же, № 87.

¹⁶ Там же, № 89.

¹⁷ Там же, № 88.

ступные: 1506—1507 гг.,¹⁸ 1528 г.,¹⁹ 1535 г.²⁰ Отметим, что по последней отступной оброчные земли перешли в руки тех же Пятутиных. Забрав значительную часть оброчных земель Солоткова острова, Пятутины в 1542 г. обратились к великому князю Ивану Васильевичу с просьбой о защите их владений «от сторонних людей». В челобитной они писали, что есть у них «на Двине в Колмогорской луке среди реки Двины на Солодском острове пашня и всякие угодья и с того деи они острова ... дань и всякие потуги платят да и посолскую службу с них наряжают». ²¹ Из приведенных слов очевидно, что двинские крестьяне воспринимали оброчные земли как земли тяглые. Сделки на них имели характер сделок купли-продажи. Хотя в отступных всегда подтверждалось, что предмет сделки — «земля великого князя», однако по некоторой неустойчивости формулира отступной можно проследить постепенное сближение ее с купчей. Так, иногда отступная называет себя «купчей», иногда добавляет к слову «отступился» слово «и продал», а то и совсем заменяет первое вторым. Обозначение цены в отступных вводится в большинстве актов словами «взял на посилье» столько-то. Иногда же говорится о цене так же, как в купчих, — просто «взял» столько-то. Приобретенные по отступным земли в последующих сделках на них фигурируют как земли купленные наряду с землями, полученными по купчим. Итак, в волостных канцеляриях, где совершались сделки на оброчные земли, участники их (контрагенты, послухи, писец) смотрели на них как на сделки купли-продажи. Да и само правительство иногда продавало оброчные земли крестьянам. Так, в феврале 1541 г. комиссия из трех крестьян, действуя на основании каких-то прав, ябедной и оценной грамот, продала одному из крестьян, Никите Качкову, 5 вервей с четвертью «великого князя земли», где жил некогда некий Игнатий Зиновьев. Сделка совершалась в присутствии сотского Василия Бачурина и старосты Куреской волости Евстрата Маслухина, записанных послухами. ²² Аналогичный случай произошел на Пинеге. Здесь в мае 1550 г. сотский Двинской Верхней половины Михаил Левонтьев сын Красного передал («отступился») одному из крестьян «по правой грамоте, по ябедничной по разбойничной и по оценной грамоте» земли царя и великого князя (т. е. оброчной земли), отнятой у некоего Негодяя Фомина Котова. ²³ В по-

¹⁸ Там же, № 48.

¹⁹ Там же, № 62.

²⁰ Там же, № 75.

²¹ Там же, № 98.

²² Там же, № 93.

²³ Негодяй Котов в июне 1548 г. вместе с отцом передал в оброчной Быльдинской деревне восьмой жеребей Захару Михайлову (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 59, сст. 3). Оставшиеся у него другие земли были отняты в сентябре 1549 г. за какое-то ябедническое дело, которое им было возбуждено, видимо, против соседей. «Животы» у Негодяя

слухах и здесь указан староста Пинежской волости Тимофей Федоров сын Тупиков. ²⁴ Очевидно, такими сделками, заключенными от имени волости, оброчные земли, ставшие бесхозными, передавались в руки других крестьян. Однако вскоре оброчные земли, приобретенные в обоих случаях, стали объектом отступных операций их новых владельцев. ²⁵

Несмотря на одинаковый хозяйственный и правовой статус оброчных и черных земель, одно обстоятельство их разделяло со всей очевидностью — неравное тяглое обложение. Как указано выше, с оброчной сохи бралось дополнительно 14 алтын и 1 деньга оброка, ²⁶ а это повышало почти в два раза размер государственных налогов с оброчной сохи по сравнению с чернососной сохой. Столь высокий оклад делал вполне реальной мотивировку уступки оброчной земли, включенную в каждую отступную в почти идентичной, иногда в краткой, иногда в более развернутой формуле, гласящей, что отступающийся «не змогл ... государя великого князя дани давати и службы служити и хлеба посопного в житницу и земского розруба с волостными людьми платити». ²⁷ А. И. Андреев полагал, что тяжелый оброк вызывал у оброчников желание «отступиться» от оброчной земли. ²⁸ Активная мобилизация оброчных земель, вероятно, противоречила фискальным интересам правительства. Этим можно объяснить, что при втором всеобщем описании Двины, а именно при описании И. П. Заболоцкого «с товарищи» в 1552—1553 гг., оброчные земли были уравнены в тягле с чернососными. Правительство распространило оброк, собиравшийся ранее только с оброчных земель, на чернососные земли и тем самым уничтожило последнее различие между этими разрядами земель на Двине. В книге Заболоцкого о тяглых оброчных землях уже речи нет. ²⁹

Количество оброчных тяглых земель не поддается учету. Из приведенных данных видно, что они находились на островах

(земли, двор) были оценены в 2 рубля комиссией в составе сотского Михаила Левонтьева Красного, старосты Пинежской волости Варлама Осташева и троих «добрых людей» и переданы истцам «за их иск и за убытки, что давали от грамоты от правые от ябедничной» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 59, сст. 1).

²⁴ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 230, сст. 5.
²⁵ В 1549 г. от своих земель отступился Никита Качков (Сб. ГКЭ, т. I, № 126); в 1551 г. это же сделал в отношении негодяевской земли Захар Михайлов (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 289).

²⁶ А. И. Андреев полагает, что на некоторые оброчные деревни был наложен «не денежный оброк, а хлебный». Однако ссылки его на документы — отступные грамоты на Солотков остров, жалованную грамоту Антониево-Сийскому монастырю 1545 г. — скорее позволяют предполагать постоянное наличие и денежных, и натуральных платежей, налагавшихся на оброчную соху (А. И. Андреев. Отступные грамоты, с. 34).

²⁷ Сб. ГКЭ, т. I, № 62.

²⁸ А. И. Андреев. Отступные грамоты, с. 35.

²⁹ Куростровские столбцы, с. 423—424.

в низовьях Двины (Зоостровье, Ухтоостров, Койдокурская волость, Куростровская волость). К этому же району относится и основная часть отступных грамот. Небольшой район распространения оброчных земель позволяет заключить, что их на Двине было сравнительно немного.

Образование оброчных тяглых земель на Двине А. И. Андреев справедливо связывает с борьбой Москвы против Новгородской независимости.³⁰ После тяжелого поражения в 1471 г. новгородцы передали великому князю Ивану III земли на Двине, причем они располагались главным образом в нижнем ее течении (на островах) и по берегу моря. В частности, Ивану III был передан берег моря от устья Онеги на западе до устья Мезени на востоке с промысловыми посадками Неноксой и Уной.³¹ В оброчные земли вошла также часть конфискованных земель новгородских феодалов. Пример вотчины Григория Тучина этому доказательство. Однако основные массивы владений крупных новгородских бояр были переведены в разряд чернососных.

Статут оброчных земель определен был во время первого описания Двины.³² Писец Тимофей Афанасьев положил оброчные земли в сохи и обложил их паряду с чернососными сохами тяглом.³³ Результаты описания Тимофея Афанасьева были основанием для раскладки государственных повинностей около 50 лет, именно на них ссылаются упомянутые выше куростровские разубы. Только второе общее описание Двины 1552—1553 гг. значительно изменило систему, установленную первым описанием; одним из существенных изменений и была ликвидация тяглых оброчных земель на Двине.

Здесь надо заметить, что с чернососными землями были уравнены лишь тяглые оброчные земли, т. е. те, которые были положены в сошки и обложены тяглом Тимофеем Афанасьевым. Об-

³⁰ А. И. Андреев. Отступные грамоты, с. 25—26.

³¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. III. М., 1904, с. 31, 33; А. И. Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, с. 443.

³² А. И. Андреев относит описание Тимофея Афанасьева к 1496 г. Однако его ссылка на правую грамоту 1535 г., где отсчитывается «полчетвертацать» лет от времени описания Афанасьева, не подтверждает дату 1496 г., а скорее позволяет датировать описание 1500 г. (А. И. Андреев. Отступные грамоты, с. 28). Датировать также 1500 г. можно, исходя из того факта, что писец Тимофей Афанасьев являлся судьей в деле о присадных землях, разбиравшемся в 1500—1501 гг. на Двине (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 32).

³³ Продавцы оброчной деревни Дементьевской в 1551 г. в обоснование своих прав ссылались на книги «великого князя», в которых был «описан на той деревни ... дед наш». Ясно, что дед продавцов, действовавших в 1551 г., жил в конце XV — начале XVI в. и мог быть «описан» лишь Тимофеем Афанасьевым (Архив ЛОИИ СССР, Апт.-Сийск. мон., № 303). На книги Афанасьева имеется ссылка и в грамоте 1543 г. (Сб. ГКЭ, т. I, № 100).

рочные земли, не положенные в тягло, а только обложенные оброком, существовали на Двине как во время описания Заболоцкого, так и после него. Эти земли самим писцом, а позднее представителями правительства давались за уплату определенного оброка крестьянам как добавка к их тяглым участкам. Оброчные земли этого рода не клались в сохи, а сдавались на оброк обычно небольшими участками (часть деревни, починок, роснашь, пожня и т. д.). Часть этих участков примыкала к промысловым угодьям (к тоням, варницам и т. д.), которые всегда обкладывались лишь оброком. Оброк в данном случае был налогом, который взимался государством с земельных и промысловых участков, эксплуатируемых двинскими крестьянами и посадскими людьми. По традиции оброчные угодья считались собственностью великого князя. Однако в условиях чернососного Севера, где господствовала крестьянская собственность, они также приобретали характер полной собственности их владельцев, которые распоряжались ими бесконтрольно: наследовали и продавали их, менялись ими, дарили и т. д. При переоброке представители правительства считали эти сделки законными, независимо от срока их совершения.³⁴

Своеземческие земли на Двине образовались еще в Новгородское время. Они составились частью из владений богатых крестьян, захвативших волостные земли, частью — в результате дробления вотчин новгородских феодалов. Примером первого из указанных путей может служить образование своеземческих владений на Емце, где, по книгам Заболоцкого, существовало 6 владений своеземцев явно местного происхождения,³⁵ примером второго — образование владений Амосовых.³⁶

³⁴ Ссылки на документы почти столетней давности, зафиксировавшие сделки крестьян на оброчные угодья, встречаются в большом количестве в книгах писца Вельяминова 1622—1623 г. Например, при описании оброчных земель и рыбных ловель Терпилова стана крестьяне предъявляли, а писец принял, внеся в книгу: купчие — 42, 66, 70, 79, 81, 84, 96, 97, 101, 103, 105, 106, 109, 111, 112, 117, 118, 124, 129 гг., оброчную 96 г., данную 52 г.; при описании Леонтьева стана: купчие — 25, 56, 89, 93, 98, 100, 102, 103, 108, 113, 114, 118, 123, 126, 129 гг., духовную 73 г., оброчную 100 г., отступную и правую грамоту 118, мировую запись 125 г. (ЦГАДА, ф. 1209, п-к № 10, л. 296—306, 345—349).

³⁵ Местное происхождение своеземцев емцких доказывается их фамилией — Емецкие. О крестьянском происхождении емцких своеземцев, на наш взгляд, свидетельствует и факт совместного владения вотчиной семью братьями Емецкими, и раздел вотчины по долям между братьями Остафьевыми — также своеземцами Емцы. Эти явления свойственны, как мы видели, и крестьянскому землевладению.

³⁶ Родоначальник Амосовых — Амос Иванов сын был внуком некоей Настасьи и правнуком новгородского землевладельца Степана Есиповича. Степан и его дочь поступились частью своих земель в пользу Вязицкого Новгородского монастыря (Сб. ГКЭ, т. I, с. 70—71). По дельной, не позднее 1478 г., сыновья Настасьи — Иван и Александр получили значительные земли в Заволочье (ГВНП, с. 244—245). Часть этих земель по дельной 1491 г. переходит сыну Ивана Амосу Иванову; эти земли являлись эко-

После конфискации на Двине вотчин новгородских феодалов часть своеземцев сохранила свои владения. Однако в условиях преобладания черносошного крестьянского землевладения своеземческие земли сближаются с черными, а сами своеземцы — с крестьянами. Обстоятельством, содействующим такому сближению, было то, что черносошные крестьяне владели своими землями на том же праве частной собственности, что и своеземцы. Своеобразным юридическим выражением слияния своеземческих и черносошных земель является равное их обложение государственными налогами и повинностями, зафиксированное первым писцом Двины — Тимофеем Афанасьевым. Сохранившиеся поземельные акты известных нам своеземцев — Амосовых, Шуйгиных, Леонтьевых, Емецких — показывают, что их земельные и промысловые угодья, значительные по размерам, были инкорпорированы в волостные массивы земель и угодий, были так же размельчены, как и крестьянские, и включались в единый хозяйственный оборот. Словом, эти документы не оставляют сомнений в том, что своеземцы на Двине — это крестьяне-собственники.

Превращение своеземцев в крестьян отмечено сотной из книг Заболоцкого на Емецкий стан, в которой бывшие своеземцы Емецкие перечислены в ряду крестьян бывшей их вотчины. На них падало одинаковое с крестьянами тягло. Правда, они живут в своем родовом селе — Большом селе, у них больше земли, чем у крестьян — они пахут дополнительно 2 деревни, но они крестьяне.³⁷ Крестьянское положение емецких своеземцев видно и из того факта, что один из них — Тимофей Лукин — в 1529 г. исполнял должность волостного целовальника.³⁸ Некоторые своеземцы сохраняли значительные земельные владения. Например, наследники емецкого своеземца Остафия торговали землями почти столетия. В 1501 г., сразу же после описания Двины московским писцом, Василий Остафьев заложил деревню Тенюховскую с пожнями и полосками на Великом острове, на Малом острове и на Емце.³⁹ В 1502/03 г. он продает полосу земли на Малом острове и притеребы. Причем в купчей оговаривается, что до земли ни детям, ни роду, ни племени «дела нет».⁴⁰ Племянник Василия

номической базой богатейшей, и в XVI в. крестьянской, семьи Подвиных (РО БАН, Арх. собр., № 1192, л. 73—78). Раздельная 1527 г. пяти сыновей Амоса наряду с землями, полученными Амосом по дельной 1491 г., включает и некоторые приобретения, произведенные за 30 лет оборотистым главой и родоначальником этой экономически могущественной семьи (Сб. ГИЭ, т. I, № 60).

³⁷ А. И. Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв., с. 446.

³⁸ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 87—89. Как один из вкладчиков Антониево-Сийского монастыря Тимофей выступает в данной 1549 г. (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 223).

³⁹ Там же, № 4.

⁴⁰ Там же, № 7.

Остафьева Семен Федоров сын Остафьев в 1529 г. продает полдеревни Полнаринской, которую он ранее приобрел у других своеземцев.⁴¹ В 1540 г. он же совершает сделку продажи на свою вотчину: на 2 деревни и 7 полдеревень, получив за нее огромную сумму — 100 руб.⁴² Сыновья покупателя этой вотчины в 1552 г. продают часть земель другим владельцам.⁴³ Итак, стирая различий между своеземческими и черносошными землями создавало условия к усиленной мобилизации земель на Двине, с одной стороны, и способствовало образованию значительной прослойки деревенских богачей, с другой.

По платежной книге 1560 г. своеземческие земли составили едва 3% всех земель уезда. Они принадлежали трем семьям: братьям Амосовым, Ивану Леонтьеву с товарищами и Федору Шуйгину с братьями и племянниками.⁴⁴ Запись в Платежной книге каждого владения в виде отдельной платежно-налоговой единицы свидетельствует о том, что указанные своеземцы облагались государственными налогами и платили их отдельно от черносошных волостей.⁴⁵ Указанная привилегия была уже утрачена основной массой своеземцев к середине XVI в., признание ее за небольшой группой объясняется тем, что эта группа состояла из богатейших крестьян Двины. Но со временем привилегия особого обложения и платежа государственных налогов отпадает и для

⁴¹ Там же, № 89.

⁴² Там же, № 159.

⁴³ Там же, № 331.

⁴⁴ Платежная книга, табл., № 29, 46, 47, 57, 65.

⁴⁵ Своеобразным своеземцем был известный Наум Кобель Савин. Его отец Савва Юшин имел деревню на р. Юре Большой, которую он вместе со своими детьми Наумом и Яковом продал Василию и Лужке Елисеевым и Андриюну и Степану Филимоновым Карзинным. В 1520/21 г. братья Карзины уступили прежним владельцам, детям Саввы — Науму и Якову, часть купленных земель, а именно наволоков сенокосных на Юре (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 41). Обнаружив соляные ключи на Юре, Наум Кобель с товарищами добился жалованной царской грамоты на их разработку, которая давала крестьянам податной и судебный иммунитет (РИБ, т. XIV, с. 10—14). Эти, по словам Н. Е. Носова, «чуть ли не новоявленные двинские феодалы» все-таки не вырвались из крестьянской среды. Соляной промысел, видимо, успеха не имел. Это ясно из того, что несомненный глава группы крестьян, прописанных в царской грамоте, Наум Кобель Савин Юшин 1 января 1556 г. вместе с сыном Василием отдает Антониево-Сийскому монастырю «отчину деревню свою «ропань» на Юре на Большой с обязательством после 5-летней льготы платить оброк игумену по 2 гривны в год. Одновременно передал он и царскую жалованную грамоту (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 41). В позднейшей монастырской документации его земли на Юре всегда трактуются как вклад Наума Кобеля Савина сына Юшина (Сб. ГИЭ, т. I, № 364, с. 356, т. II, № 122, с. 390), поэтому вряд ли правильно полагать этого Наума Кобеля родоначальником вологодских купцов Кобелевых, как это делают С. В. Рождественский и Н. Е. Носов (Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 253—256), скорее Кобелев — своеземец, затерявшийся среди крестьян монастырской вотчины.

этой группы. Описания Двины начала XVII в. уже не знают своеземческих земель. Потомки Амосовых записаны теперь как простые крестьяне, проживающие в дер. Боярской остров в Алексеевом стане. Лишь название деревни сохранило отзвук когда-то высокого происхождения (от новгородских бояр) и положения крестьян Амосовых.

Землевладение приходских церквей по существу не выходило за рамки крестьянского. Оно было мелким. В середине XVI в. церкви в волости Суре и Вые имели по полобжи земли, в волости Чаколе — 1 обжу, в волости Верколе — 1 сошку и полобжи. Немногим больше земли было у церквей, находившихся в двинских волостях, — обычно 1—2—3 сошки.⁴⁶ Причт приходской церкви (поп, дьячок, пономарь, просвирия), выбиравшийся обычно на волостном сходе, обрабатывал церковную землю своим трудом. Всеми делами церкви управлял церковный староста, избранный волостью и подотчетный ей.⁴⁷ Он организовывал эксплуатацию церковных земель и промысловых угодий, если таковые скапливались у церкви в большем количестве, чем это необходимо было для содержания причта, — порождал на церковную землю крестьян. Доходы, которые при этом получались, шли на поддержание церковного здания, покупку утвари, книг, уплату государственных налогов и поборов в пользу духовных властей.⁴⁸ Земельные владения таких приходских церквей по существу были частью тех общинных угодий, которыми распоряжалась волость.⁴⁹ Среди двинских церквей можно указать лишь одну, которая имела более или менее обширную вотчину, — это Спасский собор на Курцевском посаде в Холмогорах. Его владения составляли 22 сошки (34% всех церковных земель уезда) и были разбросаны более чем в 7 волостях по Двине и Пинеге.⁵⁰ Это была феодальная вотчина, аналогичная вотчинам двинских монастырей. Для нее, так же как для монастырских вотчин, была характерна дробность

⁴⁶ Платежная книга, табл. № 78, 80, 73, 71, 64, 63, 59, 54, 52 и др.

⁴⁷ С. В. Юшков. Очерки истории приходской жизни на севере России в XV—XVI вв. СПб., 1913, с. 37—41. Иногда священники не мирились с таким принижением положением в волости. Так, священник церкви Петра и Павла в Княжеостровской волости Нев добился от писца Заболоцкого в 1552/53 г. выдачи записи, по которой ему разрешалось «на том погосте двор ставить и людей называть, пашни пахати и сена косити, и лес сечи, и пашни расчищать... езы бити и рыба ловити. А волостным людям у него в тот погост и в исток не вступатись ни во что» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск, мон., № 336, 336-а). Вряд ли удалось осуществить попу Неву его программу, во всяком случае в Платежной книге церковь Петра и Павла даже не упоминается.

⁴⁸ Из отписок выборных Лодомской волости видно, что именно они, а не священники платили и налоги и деньги архиепископу с Лодомской Егорьевской церкви (РИБ, т. XV, Лодомские акты, № 25—31).

⁴⁹ Например, в 1525 г. представители прихода двух церквей: Никольской и Рождественской, действуя «во всех местах волоцких, разделили тони между церквами (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 70).

⁵⁰ Платежная книга, табл. № 6, 13.

владения, объяснимая условиями ее складывания в районе мелкого крестьянского землевладения.⁵¹

Наблюдения над историей различных форм землевладения на Двине показывают, на наш взгляд, определяющее значение для этого края черносошного крестьянского землевладения. Мы видим, что этот фонд земель пополнился в первой половине XVI в., помимо естественного прироста, т. е. хозяйственного освоения крестьянами новых площадей, еще и землями оброчными и своеземческими, слившимися как в правовом, так и в хозяйственном отношении с черносошными землями.

К характеристике черносошного крестьянского землевладения мы теперь и переходим. Источниками для изучения этого вопроса являются поземельные крестьянские акты. В соответствии с хронологическими рамками исследования (оно ограничивается 1560 г., которым датирован единственный источник по Двине общего характера — Платежная книга) мы привлекаем и актовый материал лишь конца XV в. и первых шести десятилетий XVI в. Из значительного актового материала по Двине, относящегося к указанному хронологическому отрезку, удалось выделить 769 крестьянских поземельных актов. Основанием для отнесения того или иного документа к данной категории были предмет и контрагенты сделки. Если актом оформлялась сделка на крестьянские земли, угодья, дворы, дворища и т. д., а контрагенты — оба или один (при переходе земли в монастырь) — были крестьяне, то документ считался крестьянским поземельным актом. Известно, что крестьянские поземельные акты как юридические документы, составлявшиеся по определенному, почти неизменному формуляру, каждый в отдельности бедны содержанием. Но если подвергнуть изучению акты одного какого-либо района и определенного хронологического периода в совокупности, то ценность их как источников по общен историческим (а не только правовым) вопросам становится очевидной. Таким ценным источником для изучения крестьянского землевладения на Севере в XVI в. и являются двинские акты. На одно обстоятельство следует обратить внимание при оценке источниковедческого значения двинских актов,

⁵¹ Зависимость структуры феодальной вотчины на Двине от структуры крестьянского землевладения хорошо выявляется на следующем примере. В 1527 г. Антониево-Сийский монастырь купил половину деревни Шаравовской. В купчей перечислены приобретенные земли и угодья в виде 14 разобренных кусков. Из дельной 1534/35 г. на деревню Шаравовскую мы можем узнать, что в каждом таком островке находились как монастырские, так и крестьянские земли. Леса, озера, покотинны оказались вообще неделенными, часть покосов выкашивалась сообща, делилось лишь сено — кучами. В дельной оговаривалось право монастыря и крестьян проезжать по паровым полям при вывозке навоза (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск, мон., № 118, 120). Налицо чересполосность монастырских и крестьянских земель и общность их хозяйственного использования (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск, мон., № 78, 118, 120).

а именно на то, что почти все они дошли в составе монастырских архивов, куда они передавались вместе с землями, отчуждаемыми крестьянами в пользу монастырей. Следовательно, эти акты содержат материал по истории отдельных крестьянских владений до поступления их в руки монастырей. То обстоятельство, что акты находились в монастырских архивах, ничуть не уменьшает их ценности для истории крестьянского землевладения. Не должно смущать и то, что эти акты, относящиеся к прошлому монастырских и церковных владений, характеризуют лишь незначительный массив земельных владений уезда; не должно потому, что крестьянские земли, не попавшие в руки церковных феодалов, несомненно, были в том же обороте и движении, что и земли, перешедшие к монастырям. Доказательством этому могут служить писцовые книги Двинского уезда начала XVII в., в которых крестьяне чернососных деревень предъявляли на свои земли документы давностью в несколько десятилетий, судебные дела, где фигурируют поземельные документы и столетней давности. О хранении документов в крестьянских домах у нас имеются многочисленные свидетельства — особые записи, которые давали на себя лица, бравшие те или иные акты на хранение. О документах в крестьянских семьях писал (и частично опубликовал их) в XVIII в. Василий Крестинин.⁵² Впечатляюще звучат слова А. Ефименко о наличии древних юридических актов у северного крестьянства и ее сотования на небрежность их хранения и прямое уничтожение еще в 80-х годах XIX в.⁵³ Современные археологические экспедиции, особенно активно действовавшие в Двинском районе в послевоенное время, актового материала в крестьянских домах почти не находили. Акты исчезли навсегда, как вещи, не имевшие практического значения для крестьян.

Из всего сказанного ясно, что выводы, к которым мы приходим при исследовании крестьянских актов, связанных лишь с монастырскими землями, возможно распространить на всю чернососную Двину.

Какие же основные черты крестьянского землевладения выявляются при изучении двинских актов? Прежде всего бросается в глаза полная, ничем не ограниченная свобода распоряжения

⁵² В. Крестинин. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере. СПб., 1779, с. 3, 51—54. Крестинин пишет: «Я знаю разные дома, прежде изобильствовавшие, но ныне оскудевшие теми старинными остатками по причине, что сами хозяева сию наследия своего часть, как бесполезную вещь, истребляли или другим истреблять попускали» (с. 3). Крестинин с похвалой говорит о Матвее Гаврилове, который доставил ему много свитков «Вахонинского рода». Об объеме этого домашнего архива мы можем судить хотя бы по тому, что количество актов «на покупные и проданные земли» достигало 80 номеров (с. 30—31).

⁵³ А. Ефименко. Исследования народной жизни. М., 1884, с. 185—187.

крестьян своими землями. Уже один тот факт, что от указанного хронологического периода мы имеем 529 купчих,⁵⁴ 49 закладных, 33 дельные, 21 меновную, 71 данную, 14 отводных, 4 духовные, 5 мировых и 43 записи, т. е. 769 поземельных актов, заключенных крестьянами без какого-либо вмешательства или контроля со стороны органов правительства, свидетельствует о всеобщности и полноте этого права чернососных крестьян. Купчие составляют почти 70% от общего числа актов, а это значит, что в крестьянской среде преобладали сделки купли-продажи, имевшие наиболее глубокое значение для крестьянского хозяйства. Сделки заклада, обмена, раздела, отвода, дарения и т. д., совершаемые крестьянами, по экономическим последствиям не могут идти в сравнение с куплей-продажей, так как только последняя означала безусловный переход земли и угодий — основного средства производства — из одного крестьянского хозяйства в другое. Эти сделки совершались посредством денег, которые, согласно купчим, всегда выплачивались «вруч», «сполна» продавцу, видимо, при совершении акта. Во всяком случае ни в одной купчей нет ни одного указания на рассрочку или отсрочку платежа.⁵⁵ Обычные формулы купчих о продаже земли («в дернь без выкупа», «впрок без выкупа», «в век»), об очищении проданной земли продавцом от всяких попыток отсудить ее у купившего (скажем, через закладные, купчие и другие акты, совершенные на землю ранее), о передаче всех документов, «путьей» новому собственнику земель свидетельствовали о неограниченных правах нового владельца на приобретенную землю. Иногда в купчих прямо указывается о запрете выкупа. Так, в купчей 1530 г. сказано: «А учну из Сысой [продавец] ту полудеревню выкупати или мои дети, ино заставы на великого князя 5 рублей».⁵⁶ Право родового выкупа в крестьянской среде, следует думать, в XVI в. уже изживалось.⁵⁷ Хрупкая надежда на выкуп оставалась лишь тогда, когда купившему будет почему-либо «не до земли». «А будет [покупателю]

⁵⁴ Основываясь на вышесказанном об отступных грамотах, мы объединили 349 купчих и 180 отступных и рассматриваем их как единый комплекс.

⁵⁵ Особым порядком, вероятно, т. е. не в момент сделки, покупатель земли передавал продавцу пополнок. Пополнок как рудимент доактового оформления сделки купли-продажи, когда сделка символизировалась передачей контрагентами какого-либо предмета или животного, фигурирует почти во всех рассмотренных купчих (в отступных он встречается только 2—3 раза). Наряду с символическим значением пополнка («куря», «ящор», «нож рыбьего зуба», «куча сона», «шапка лисья» и т. д.), он имел и значение экономическое, когда в качестве пополнка давались животные (баран, корова), хлеб в больших количествах (семенной и продуктовой), соль (например, 134 пуда), хмель (например, 2 пуда), сено (например, 20 возов).

⁵⁶ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 92.

⁵⁷ Там же, № 100. Здесь указан случай выкупа доли отцовских владений (купчая 1532 г.).

не до земли и ему бы мимо меня [продавца] землю не продавать, а продать мне» (иногда по той же цене, иногда по новой), читаем в некоторых купчих.⁵⁸

Что же было предметом купли-продажи при поземельных сделках? Об этом можно судить по следующим данным, которые выбраны по главному объекту сделки, названному в купчей или отступной.⁵⁹

	Купчие	Отступные
Деревня	29	7
1/2 деревни	55	6
1/3 «	15	3
1/4 «	30	10
1/6 «	8	5
1/8 «	3	2
Доля, участок деревни	33	24
Пожни	27	13
Доли 1/2, 1/3, 1/4 пожни	10	—
Полоса	1	—
Лоскут	9	12
Веревка земли	1	4
Обжа, целая и дробь	20	1
Стожье как мера покоса	2	1
Покос	9	1
Коса земли	6	—
Посилье	1	—
Наволоки, доли	1	10
Земля	4	19
Починок	3	—
Угодье	1	—
Роспашь	2	—
Чинщина	1	1
Займище	1	1
Вотчина и часть	3	—
Доли Сользы реки	15	2
Доли Солоткова острова	—	10
Доли варниц, цренов, рассола	23	44
Тони и доли их	15	9
Двор, огород	27	4

Обращает на себя внимание прежде всего преобладание сделок на доли владения — доли деревни, доли пожни, доли варницы и т. д.; иногда, видимо, если долей владелец не мог выразить свою собственность, предмет сделки обозначается как часть чего-то (деревни, вотчины, владения) или устанавливается в мерах земельной площади (коса, веревка, обжа, стожье). Такое же преобладание долей фиксируется и в меновных, и в данных, и в заклад-

⁵⁸ Там же, № 57, 83.

⁵⁹ В некоторых купчих наряду с главным объектом сделок (иногда это несколько деревень или полудеревень) названы еще более мелкие (например, при деревне еще лоскут земли, покосы, скот и т. д.), их мы опускали. До десятка грамот называли предмет сделки в такой форме, что его невозможно было внести в таблицу.

ных грамотах, и в записях, касающихся земли. Как выглядят эти доли, довольно реальное представление дают дельные грамоты. Если отвлечься от дельных на такие крупные своеземческие владения, как владения Амосовых, Шуйгиных и некоторых других, у которых земли и угодья, а значит, и доли участков таких разделов разбросаны в разных концах Двинской области, а обратиться к дельным рядовым, то увидим, что доля каждого участника деловой сделки состояла из многих земельных кусков, расположенных в разных концах целого. Например, в мае 1536 г. была разделена между владельцами деревни Погладинская по третям. На треть одного из участников сделки Григория Тимофеева пришлось по жребью 23 полосы, лежащие между или возле полос других участников сделки (оговорены межи каждой полосы). Но помимо 69 полос (делили по третям, следовательно, полос должно быть в 3 раза больше), в дельной указаны еще мелкие угодья, которые распределялись, видимо, без жребия, а в конце отмечено: «А пожни у нас остаются по годам», т. е. остаются неделимыми.⁶⁰ Менее сложный вариант раздела был произведен в 1532/33 г. четырьмя братьями Процелькиными: были поделены только пожни и рыбная ловля, причем одну половину каждой из 7 пожней получили три брата, а другую — четвертый брат с сыновьями, по половинам же разделена была и рыбная ловля.⁶¹ Приведенные примеры раздела владений на доли показывают ту сложность действительных взаимоотношений между крестьянами, которая возникала при переходе доли от одного владельца к другому. И несмотря на это, именно эти сделки преобладали.

Долевое крестьянское владение в северной деревне было открыто и описано еще А. Ефименко, и в этом ее большая заслуга.⁶² Однако А. Ефименко рассматривала открытое ею явление как нечто неподвижное, характерное и для XVI, и для XVII в.: усложнились лишь доли, вместо родственников дольщиками становились чужеродные элементы и т. п. В действительности долевое владение претерпевало изменения под воздействием экономических процессов, связанных с имущественной и поземельной дифференциацией крестьянства. В развитии этих процессов перво-

⁶⁰ Архив ЛОНИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 108.

⁶¹ Там же, № 85.

⁶² А. Ефименко. Исследования народной жизни, стр. 110 сл. Долевое владение было развито и в сфере промыслов. По Платежной книге 1560 г. из 275 тонн во владении одного лица было лишь 87, а из 85 варниц — 33. Остальные тони и варницы находились в совместном владении двух, трех и большего числа хозяев. Дольщиками были братья, дети, племянники, сторонние люди, монастыри и церкви. Относительно большое количество сделок купли-продажи на промысловые угодья свидетельствует о частом изменении в составе владельцев каждого промысла (Платежная книга, с. 519—523, 532—536).

степенную роль играло как раз то право свободного распоряжения землей, о котором мы говорили выше.

В результате активной мобилизации крестьянские земли сосредоточивались в руках экономически могущественной крестьянской верхушки. Существование таковой в двинских волостях доказываются многими данными. Уже отмечена огромная разница в платежах, взимаемых с крестьян Куростровской и Лодемской волостей при раскладе их «по животам», т. е. в соответствии с экономическим состоянием плательщика. Исходя из этого показателя, удалось высчитать, что имущество 7 куростровских богатеев (3.7% от общего числа воложан) оценивалось выше, чем имущество 86 бедных крестьян (50%),⁶³ а в Лодемской волости имущество 14 (39.7%) богатеев было в 5.5 раза выше имущества всех остальных воложан, составлявших 60.3% общего числа.⁶⁴ Н. Е. Носов справедливо отметил, что «имущественная дифференциация базировалась в первую очередь на земельном неравенстве в пользовании волостными землями».⁶⁵ В частности, по Лодье те 14 богатеев были и крупными землевладельцами. Так, братья Савины в 1545 г. платили налоги и оброки почти с $\frac{1}{5}$ всех волостных земель, а другой богатей — Иван Семенов — примерно с $\frac{1}{4}$. Владения же беднейших воложан были ничтожнейшими.⁶⁶ Соответственно экономическому неравенству крестьян наблюдается столь же разительное поземельное неравенство и в Куростровской волости. По разрубам, правда более поздним (80-х годов XVI в.), можно увидеть, что небольшая часть воложан — 7 дворохозяев — владела таким же количеством земли, что и 69 беднейших крестьян. Если у первых было от 11 до 22 веревков земли, то у вторых — от 3 веревков до $\frac{1}{3}$, причем 20 домохозяев имели менее веревки.⁶⁷ Резкое неравенство наблюдается в северных волостях и в распределении промысловых угодий. По волости Варзуге для середины XVI в. неравенство во владении рыбными угодьями может быть выражено в цифрах, так как сохранилась сотная на Варзугу «с книг описи» двинян Якима Романова и Никиты Пуятина 1563 г.⁶⁸ Оказывается, здесь так же, как и в земледельческих волостях, богатеи, составившие 6.1% дворохозяев, владели 22% луков, а 40% беднейших воложан располагали лишь 12% луков.⁶⁹

⁶³ А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 152.

⁶⁴ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 251.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, с. 253—254.

⁶⁷ А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в., с. 154.

⁶⁸ Сб. ГРЭ, т. I, № 165.

⁶⁹ А. И. Копанев. Неземледельческая волость в XVI—XVII вв., с. 187.

Актовый материал, обследованный нами, и такой общий источник по Двине, как Платежная книга, позволяют дополнить приведенные данные о дифференциации крестьянства.

Мы уже говорили, что Платежная книга называет несколько своеземческих владений, указывая их размеры в сошках. Хотя в каждом случае назван коллектив своеземцев: братья Амосовы, Федор Шуйгин с братьями и племянниками, Леонтьев с товарищами, однако их владения (в среднем по 10 сошек, т. е. по 30 обж) при любых вариантах раздела далеко превосходили рядовое крестьянское владение, не всегда достигавшее и $\frac{1}{2}$ обжи.⁷⁰ Например, 5 сыновей Амоса делили в 1527 г. 15 деревень, несколько десятков мелких угодий, 29 тонь, 4 варицы и до 80 «людей».⁷¹ При дроблении вотчины отца хозяйства братьев оставались, конечно, очень крупными. Как показал Н. Е. Носов, один из братьев — Алексей Амосов — в последующие годы увеличил свои владения за счет новых приобретений.⁷² Из духовной Алексея Амосова 1567 г. вырисовывается его крупное хозяйство. Имущество и часть земель он завещает дочери, жене, пасынкам, братьям, племянникам и внукам. Много денег, земель и угодий раздает монастырям и церквам на помин души «по себе и по родичам». До конца своей жизни он занимался солеварением; в духовной Алексей приказывает употребить дрова (300 сажень!) на выварку соли, доход от которой надлежало также отдать «по душе».⁷³ Н. Е. Носов описал также хозяйства и других богатых крестьян: Савиных на Лодье, Кологривовых, Прощелькиных, Шуйгиных, отметив при этом многочисленные поземельные сделки представителей этих семей в первой половине XVI в.⁷⁴ Для конкретизации этого процесса земельного обогащения отдельных крестьян приведем некоторые примеры. Вероятно, в конце XV в. Елисей и Филимон Карзины купили в Чухчене

⁷⁰ По сотной на Емецкий стан в среднем на крестьянский двор приходилось по 0.56 обжи (А. И. Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине, с. 439—450).

⁷¹ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 261—266.

⁷² Там же, с. 289—274.

⁷³ ЦГАДА, ф. 125, Монастырские дела, № 1. Духовная Алексея Амосова, в инокх Арсения, сохранилась также в двух копийных книгах Архангельского монастыря (РО БАН, Арх. собр., № 1192, л. 47—69 и Арх. собр., № 618, л. 104—111).

⁷⁴ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 252, 258—259, 277—278. Приведем из Платежной книги некоторые данные о промысловых угодьях богатеев. В 1560 г. Амосовы владели 30 тонями и 4 варицами целиком или их долями, Кологривовы соответственно — 14 тонями и 9 варицами, Банев Федор — 5 тонями и 6 варицами, Иван Леонтьев с братом — 18 тонями, Федор Шуйгин — 10 тонями, Неклюд Леонтьев — 7 тонями, Павел Татаркин — 6 тонями, Грибанка Васильев — 5 тонями, Иван Савин — 4 тонями. Некоторые из них имели еще рыбные угодья на Варзуге. Например, Амосовы владели 7 луками (Сб. ГРЭ, т. I, № 165).

деревню у двух братьев Потаповых, которую они в 1500 г. променяли Николаевскому Чухченемскому монастырю на Сятеверскую деревню.⁷⁵ Карзинны принадлежат к богатым, это видно из того, что они в 1508 г. смогли дать крупную сумму денег — 20 рублей — дяде и племяннику Алексеевым под залог с их стороны двух пожен.⁷⁶ Однако, как показывают документы, Карзинны совершали сделки и на мелкие и мельчайшие земельные участки. Так, в 1511/12 г. Елисей и Филимон Степановы выменяли у соседа участок в Заовинном поле, променяв полосу в Долгом поле,⁷⁷ они же в 1515 г. приобрели лоскут на Вильятове за 8 гривен,⁷⁸ в 1516 г. пожню на Комарове за 3 рубля покупает Филимон Степанов,⁷⁹ в 1517 г. тот же Филимон принимает «пожню с лоскутом» под залог,⁸⁰ тогда же Елисей Степанов за 2 рубля покупает пожню в Ракуле,⁸¹ в 1520 г. Филимон Степанов с племянником (сыном Елисея) за 10 рублей приобретает земли в Сятевере,⁸² тогда же сыновья Елисея и Филимона покупают деревню на Юре Большой,⁸³ в 1527 г. Филимон Степанов с племянником покупают за 7½ гривен пожню-лоскут на Великом острове⁸⁴ и пожню в Шевцове.⁸⁵ Следя за описанием меж этих мелких земель — пожен и лоскутов, мы видим, что их окружали со всех сторон такие же мелкие владения других крестьян. Покупатель в каждом случае входил уже в сложившуюся систему хозяйственных отношений. Обогащение семьи Степановых отразилось и на ее общественном положении. Алексей Елисеев в 1526—1529 гг. уже на посту церковного старосты Ильинской церкви и совершает ряд земельных сделок от имени церкви.⁸⁶ Сыновья Елисея — Василий и Лука Елисеевы и Андреян и Степан Филимоновы жили, видимо, не в разделе. Лишь в апреле 1541 г. братья разделили по половинкам юрмольские земли, т. е. только земли луговые, низменные. Оказалось, что они располагались в 24 местах.⁸⁷ Вряд ли мы имеем все поземельные акты этой семьи, но и приведенные акты показывают приобретательскую активность ее.

Хотя среди крестьянских купчих есть документы на крупные суммы (100, 70, 30 рублей и т. д.), преобладают все же сделки

⁷⁵ Сб. ГРЭ, т. I, с. 39—40.

⁷⁶ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 39.

⁷⁷ Там же, № 44.

⁷⁸ Там же, № 53.

⁷⁹ Там же, № 56.

⁸⁰ Там же, № 58.

⁸¹ Там же, № 59.

⁸² Там же, № 64.

⁸³ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 41.

⁸⁴ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 80.

⁸⁵ Там же, № 81.

⁸⁶ Там же, № 74, 75.

⁸⁷ Там же, № 150.

мелкого характера. Покупка-продажа земель была распространеннейшим явлением на Двине: сделки совершались между детьми и родителями, между братьями, между племянниками и дядьями. В сделках принимали участие и женщины: дочери продавали земли своих родителей, жены — земли мужей или земли, полученные ими в качестве приданого. Сделки иногда на одну и ту же землю почти смыкались во времени. Например, 21 января 1523 г. Иван Федотов отступился в пользу Яким Григорьев от четверти деревни Фатьяновской (за 4 рубля без 2 гривен).⁸⁸ Уже 1 февраля последний продает половину приобретенной четверти деревни «онрич двора» Дмитрию Александрову (за 2 рубля).⁸⁹ Через полтора хозяйственных года, 31 октября 1524 г., Яким Григорьев продает тому же Дмитрию Александрову (за 2 рубля без гривны) и вторую долю четверти деревни,⁹⁰ а 20 декабря — и двор (за 3½ гривны).⁹¹ В некоторых случаях срок между сделками был еще короче. Так, 10 марта Юрий Васильев получил по отступной три чищеины в разных местах,⁹² а 20 апреля заложил эти чищеины третьему лицу за 7 гривен⁹³ (а уплатил 8 гривен). Иногда несколько сделок на одну и ту же землю совершалось в один день. Например, 25 ноября 1529 г. Степан Емельянов купил половину деревни за 20 рублей,⁹⁴ в тот же день продал ее Юрию Мартынову за ту же цену, а последний в той же купчей завещал ее в монастырь.⁹⁵

Комплекс двинских крестьянских поземельных актов не только свидетельствует о глубокой поземельной дифференциации крестьянства, но и раскрывает пути складывания крупных крестьянских земельных и промысловых владений. Они лепились, как правило, из владений мелких. «Часть деревни», «полоса», «закрапна», «лоскут», «пожня», «часть пожни», «лужок», «веретей», «доля тони», «доля варницы» — вот обычные названия продаваемых и покупаемых земель и угодий. Форма товарного обращения земли в среде чернососного крестьянства обусловлена была отчасти формой крестьянского землевладения. Земли каждого крестьянского хозяйства составлялись из разной величины полос в полях и мелких кусков в пожнях, лоскутах и т. д. Это облегчало сделки на землю, и именно на небольшие участки. Через продажу⁹⁶ части своих земель малоимущий крестьянин мог получить необходимые

⁸⁸ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 56.

⁸⁹ Там же, № 57.

⁹⁰ Там же, № 64.

⁹¹ Там же, № 64, запись на обороте.

⁹² Там же, № 61.

⁹³ Там же, № 63.

⁹⁴ Там же, № 89.

⁹⁵ Там же, № 90.

⁹⁶ В купчей 1522 г. прямо указано, что вырученными от продажи деньгами «платили хлеб князя великого» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-

ему деньги, скажем, для уплаты государственных налогов и волостных разубов и сохранить еще хозяйство и призрачную независимость. Как мы видели, малоземельные хозяйства составляли в отдельных волостях до половины жителей. Покупателями земли являлись не только крестьяне данной волости, но и жители других волостей и посадов.⁹⁷ В волостных окладных документах упоминаются наряду с веревками, принадлежавшими своим крестьянам, «выхожие веревки», владельцами которых были посторонние для волости лица. По Куростровским разубам «выхожими веревками» в волости обладал, например, холмогорец.⁹⁸

Образование «выхожих веревков» в волостях особенно наглядно показывает те осложнения в крестьянском землевладении, которые возникли вследствие осуществления крестьянами неограниченного права распоряжения своими землями. С каждой сделкой крестьянские наделы еще больше дробились, структура земель в деревне усложнялась, доли распадалась на такие совокупности, что уже не могли быть выражены какой-либо определенной долей. Состав владельцев деревни и волости менялся. Все это, разумеется, оказывало влияние и на производство. Каждое хозяйство не могло выйти из установившегося хозяйственного оборота (принудительный севооборот, порядок и время работ на своих землях, соотношение отраслей хозяйства и т. д.), иногда, может быть, и задерживающего развитие хозяйства.

Правовой основой столь активного обращения черносошных крестьянских земель является частная, ничем не ограниченная собственность крестьянина на его земли. Это право крестьян совершенно ясно зафиксировано в Судебнике 1589 г., действовавшем на черносошном Севере. О частной собственности крестьян на свой надел, на свою деревню (деревней в актах называется часть ее, принадлежащая тому или иному крестьянину) говорит статья 166.⁹⁹ Такой собственностью является земля, перешедшая от отца к детям, «А хто после живота своего отпишет деревню детям, то им и вотчина ввек». Термин «вотчина» применительно к деревне, к доле или другому земельному участку употребляется повсеместно в поземельных актах. Крестьянин именуется своей землей «вотчиной своей», «отца своего вотчиной» или «деда и отца своего владением», «куплями отца», «деда», «матки» и т. д. Термин «вотчина» и под пером составителя Судебника 1589 г., и в сознании крестьян имел одно значение — собственность. Харак-

Сийск. мон., № 46). В отступной 1527 г. сообщается, что «недобор» в 40 рублей «в великого князя хлеба» сборщик покрыл путем «поступки» своей 1/6 доли в деревне Дементьевской в Емце (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 77, 180).

⁹⁷ Промысловые угодья были предметом сделок двинян вне зависимости от волости, приобретали их и жители других городов: воложане, каргопольцы, москвичи, тянулись к ним и различные монастыри.

⁹⁸ Куростровские столбы, с. 408—409, 418—429.

⁹⁹ Судебник XV—XVI вв. М.—Л., 1952, с. 402—403, 515—516.

терно, что составитель Судебника 1589 г., формулируя нормы о родовом выкупе крестьянских земель, исходит из постановления Судебника 1550 г. о вотчинах. Это сопоставление крестьянской вотчины и вотчины феодальной свидетельствует о том, что на крестьянскую вотчину законодатели смотрели как на собственность. Судебник 1589 г. регламентирует и другие поземельные сделки крестьян, вытекающие из его формулы о крестьянской вотчине.

Право черносошных крестьян распоряжаться своими землями ставит их в совершенно особое положение по отношению к крестьянам, принадлежавшим феодалам, которые не имели права распоряжаться своими наделами, поскольку были лишь владельцами этих наделов, а собственниками их были феодалы. Крестьянин по законам Русского государства (Судебник 1497 г., ст. 57; Судебник 1550 г., ст. 88) мог уйти от феодала, уплатив пожитое, но терял при этом землю.

Вторым существенным признаком крестьянского черносошного землевладения является связь крестьянского надела — частной собственности крестьянина — с землями и угодьями, находящимися в общем владении и распоряжении деревни, волости или другой менее определенной общности. Яркие следы этой связи мы находим в крестьянских поземельных актах. Прежде всего это выявляется в формуле, определяющей предмет сделки. Обычно в ней две смысловые части: в первой говорится о землях, находящихся в частной собственности, во второй — в каком-то общем владении. Так, если предметом сделки была деревня или часть ее, то сначала перечисляются постройки (двор, дворище), полевые пахотные земли (горные, юрмольские, луговые), непольные пахотные и сенокосные участки (пожни, притеребы, рощисты, лоскуты, полянки и т. д.),¹⁰⁰ затем (не всегда) указываются промысловые угодья (путики, перевесница, рыбные ловли) с добавлением слов: «где што к той деревни истари потягло» или «и со всеми угодья, что к той деревне из старины потягло», или без перечня угодий, а просто: «и с лозищи лесными и водяными и со всеми угодья, что к тем землям истари потягло». Разница в статуте земель первого перечня и угодий, которые тянут к этим землям, выявляется в том, что земли всегда имеют точные межи (эти межи указываются или в самих купчих, закладных, данных или в специальных отводных грамотах,¹⁰¹ составившихся при

¹⁰⁰ Судебник 1589 г. эти земли, находящиеся вне общего комплекса полевых деревенских земель — «от деревень на лесе и при реках», — называет отхожими напашами и пожнями (Судебники XV—XVI в., с. 404).

¹⁰¹ В актах описание меж носит общий характер, указываются обычно соседи с одной стороны, с другой, «сверху», «снизу», для земель около реки или ручья или протока озера точная межа заносилась межевыми знаками и была известна крестьянам. Обращение к памяти крестьян — обычное явление в поземельных спорах. Охрана меж в деревне

отводе земель новому собственнику), угодья меж не имеют. Точные границы земельных участков, фиксируемых актом, свидетельствуют о том, что они принадлежат как собственности крестьянину и могут быть отчуждены, а отсутствие меж в угодьях говорит скорее всего об общем их использовании и общей собственности. Притяннутость их к определенной земле запечатлена в памяти совладельцев, она-то и обеспечивает права нового участника в общих владениях при сделках на деревенские угодья. Тогда, когда угодья не продавались с землей, это особо оговаривалось. Например, в купчей 1541 г. удостоверялось, что Наволок на Емце продан «без угодий, без водяных и без лесных» и, следовательно, купившему до них «дела нет».¹⁰² Несомненно, среди общедеревенских угодий, которые «тянули» по земле, были поскотины, т. е. выгоны. Упоминания о «мирских поскотинах» довольно часто встречаются в актах.¹⁰³ Правда, иногда продаются и «участки» в поскотинах, но это, видимо, в случаях раздела поскотины между деревенскими жителями.¹⁰⁴

Общая формула, определяющая объем деревенского владения или отдельного хозяина границами «куда топор, коса, плуг и соха (из той деревни или того или иного хозяина, — А. К.) ходили», выражает не только сознание крестьян, что право на землю имеет тот, кто вложил в нее труд, но и отражает реальные пределы хозяйственного воздействия деревни и крестьянина.¹⁰⁵ Эта формула покрывает и те угодья, которые были в общем пользовании, ведь топор и коса могли «ходить» и в неразделенные покосы и леса. Надо отметить, что леса, примыкающие к пашням, по актам передавались вместе с землей, так же как «заполки» и «закраины», т. е. они были во владении хозяина земли.¹⁰⁶ Коли-

была важным условием ведения нормального хозяйства. В Судебнике 1589 г. имеется специальная статья (173), запрещающая одному крестьянину перепашивать или перепашивать между владений другого в одной и той же деревне (Судебники XV—XVI вв., с. 404).

¹⁰² Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 172.

¹⁰³ Купчая 1546 г. (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г. № 164), купчая 1548 (там же, № 170, 173), дельная 1548 г. (там же, № 175), купчая 1549 г. (там же, № 176).

¹⁰⁴ В купчей 1539 г. говорится о приобретении участков в двух поскотинах, но тут же добавлено об одной из них: «в дельней», т. е. в разделенной (Сб. ГРЭ, т. I, № 84).

¹⁰⁵ В XVI в. эта формула претерпевает некоторые изменения. Примерно до начала 20-х годов преобладает чтение краткое: «куда топор и коса ходила»; далее в 30-х годах стал добавляться плуг (в форме «плуга»); позднее, сначала изредка, рядом с плугом ставится «соха», которая лишь во второй половине XVI в. доминирует в этой формуле как единственное пахотное орудие. Изредка (во второй половине XVI в.) в эту формулу включается и «сери»; один раз названа вместо топора «сокира» (купчая 1520 г. — Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 39).

¹⁰⁶ В купчей 1523 г. два брата продали «отчину их и с закраинами и с лесом, што около тое земли» (Сб. ГРЭ, т. I, с. 45); в меновой 1541 г. променена доля деревни с пашнями с «приполками и с всякими чистени-

чеством, угодий, которыми мог пользоваться владелец деревни как-то соотносилось с количеством земли. Это видно из купчих сделок: когда продается не деревня или доля ее, а участок измеренной земли, угодья передаются лишь на это количество земли. Например, отступной 1542 г. при «поступке» земли на одну веревку угодья передавались «по той веревке, что придет»,¹⁰⁷ в отступной 1550 г. угодья передавались на три веревки земли.¹⁰⁸

Не все угодья находились внутри деревенской межи. По статье 172 Судебника 1589 г. устанавливается, что деревенская межа охватывала лишь основной комплекс земель деревни. По этой статье запрещалось «меж селы и деревни» межи перепашивать; следовательно, межа проходила между пахотными землями обоих селений.¹⁰⁹ Выходит, в деревенскую межу не входили всевозможные отхожие пожни и пашни «на лесе и при реках» и охотничьи и рыбные угодья. Они лежали чересполосно между угодьями других деревень и часто, видимо, находились в общем владении нескольких деревень. На это есть прямое указание в статье 176 Судебника 1589 г., по которой с согласия жителей деревни ее угодья могли «угодовать» (т. е. эксплуатировать) даже из дальних деревень.¹¹⁰ Совместное владение ближних деревень, видимо, факт обычный. Так, из статьи 176 видно, что угодья были иногда объектом владения более широкого коллектива, чем одна деревня и даже группа деревень, иногда они находились во владении волости.

Документы знают волостные поскотины. В 1501 г. крестьяне Койдокурской волости жаловались властям, что ответчики «отгородили» их «поскотину всей волости Койдокурской возле Койдо-скурью ... и скоту волостному ходити было негде» и они «скот пустили на лес и медведь у них побил скота у всей волости на десять рублей».¹¹¹ Как видим, волость стремилась оградить свои выгоны от посягательств отдельных ее членов. Упоминания о мирских поскотинах, приведенные выше, могут, конечно, относиться и к таким общеволостным выгонам. При обязательном огораживании деревенских полей,¹¹² отхожих пашен и пожней,¹¹³ наволоков¹¹⁴ естественно образовывались в каждой деревне опреде-

нами» на пожню «с лесом пашенным» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 169); в дельной 1541 г., разделив землю, участники сделки обязуются «а другу за дружною землею лесу не чистити» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 167).

¹⁰⁷ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 181, сст. 1.

¹⁰⁸ Там же, № 42, сст. 9.

¹⁰⁹ Судебники XV—XVI вв., с. 404.

¹¹⁰ Там же, с. 405.

¹¹¹ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 33.

¹¹² Статьи 168 и 169 Судебника 1589 г. предписывают городить огороды между деревнями вокруг полей и осеков от лесу.

¹¹³ См. статью 171 Судебника 1589 г.

¹¹⁴ Около Кучина наволока в 1539 г. был возведен огород в 1610 саженей длиной (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 24, сст. 4).

ленные площади для выпаса скота, которые сливались с такими же площадями других деревень. Скот свободно переходил на выгонные земли других деревень. Иногда конский молодец, выпущенный весной для свободной пастбы, уходил к осени за 50—100 верст от деревни. Осенью, после 1 сентября, межные огороды раскрывались и скот одной деревни мог пастись и на чужих полях, и на чужих лугах на отаве.¹¹⁵ Эту практику можно рассматривать как далекий отголосок некогда существовавшей общинной собственности на всю землю.

Общеволостное владение рыбными угодьями прослеживается по Платежной книге. Хотя большинство тонн в Двинском уезде находилось в частных руках, однако сохранились и волостные тони. Таких тонн в 1560 г. было 14, из них 5 были в руках Емецкой волости, по 2 тони — у Кехоцкой и Мудьюжской волостей и по 1 тоне — у пяти других волостей. Из раздела Платежной книги об оброках «за рыбную ловлю а двинских волостей и с посадов» узнаем, что посадки и волости владели какими-то принадлежащими к их территориям водами в реках Двине, Пинеге, Емце, Мезени, вели здесь повседневный лов рыбы и уплачивали небольшой оброк. Волости перечислены в порядке снизу вверх по Двине. Для некоторых волостей указан участок реки, которым она владела. Например, Быстрокурская волость владела «от Чюкчеремские волости и до Орлеца», Емецкие волости — «от Орлеца и до Шастозера». Кроме того, Емецкие волости ловили рыбу в р. Емце. Крестьяне Мезенской волости владели всей рекой Мезенью с верховья до устья. Однако на определенном отрезке — «от Пылем острова и до Пижмы реки» — в Мезени ловили рыбу и Пинежские волости: Кеврольская, Чакольская, Марына Гора и Перемская.

Как видим, общеволостные рыбные угодья двинских крестьян были обширными, имели, разумеется, большое хозяйственное значение. При каждой поземельной сделке в волости, конечно, как-то разрешался вопрос и об участии нового совладельца в общих рыбных угодьях. Укажем здесь на один документ, в котором звучит голос волости по этому вопросу. В 1510 г. староста Юрьевского стана «во всех людей место становищ» дал пустошь одному из крестьян, Остафию, «век и его детям» и определил, что рыбные ловли ему «вместе с становищи ловити».¹¹⁶

Охотничьи угодья — путики, перевесница — были редко поделены между волощанами. Они были, видимо, в общем пользовании, но доля каждого волощанина определялась в зависимости от

земельных владений. Это можно заключить по одному определению отводной грамоты 1510/11 г., которым к приобретенной деревне придавалось «на 2 человека ... лешевых лесов».¹¹⁷ Видимо, в данном случае доля пользования лесными угодьями зависела от количества «людей» во дворе. Волость знала границу своих лесных угодий.¹¹⁸ Но лес волостной смыкался неизбежно с теми обширными лесами, которые простирались на сотни верст между северными реками. В них уже никаких четких границ в пользовании охотничьими угодьями установить было невозможно.¹¹⁹ Однако попытки сделать это все-таки были. Например, крестьянам Пинежских волостей запрещалось в Платежной книге вступать у мезенцев «в зверинные ловища и в путики и в перевесы... бобров не бити и слопцов своих путиков и перевесей по Мезени реке и по иным рекам и по истокам не ставити».¹²⁰ Писцовая книга начала XVII в., основываясь на старине, определяла леса Кеврольских волостей в длину на 360 верст, в ширину на 300 верст,¹²¹ а Мезенской волости — в длину на 330 верст («от моря от усть Мезени реки вверх по Мезени до рубежа ... Вымские земли»), в ширину также на 300 верст («от Удорские волости и до Кеврольских лесов») и добавляла: «И в тех лесах зверинными и птичьими ловлями слопцы и путики владети им по старине всем вполне безоборочно, то им в угодья».¹²² Охота на таких огромных территориях, хотя ими владели волощане «все вполне», была под силу только состоятельным крестьянам. Главную выгоду от использования охотничьих, как и всех других общеволостных угодий (выгонов, рыбных угодий, лесов, сенокосов), извлекали, конечно, те богатей, которые выдвинулись в волостях и сосредоточивали в своих руках значительную часть волостных земель.

Приведенный материал о различных формах крестьянского землевладения на черносошной Двине позволяет утверждать, что

¹¹⁷ Там же, № 19.

¹¹⁸ По Судебнику 1589 г. территория волости отделялась от больших лесов особой изгородью — осеком. За осеком, по определению Судебника, находился «вопчей лес царев и великого князя». Термин «вопчей лес» в данном случае означал лес, находящийся в пользовании всех принадлежащих волостей (Судебники XV—XVI вв., с. 177, 405, 534—535).

¹¹⁹ Каким безграничным мог быть район охоты двинян, можно судить по их попыткам в середине XVI в. завладеть охотничьими угодьями на Печоре. В 50-х годах крестьяне Кеврольской, Чакольской и Мезенской волостей просили передать им на оброк (от прежнего грамотника И. Д. Ластостей) охоту на Печоре, обещая «наддачу» к оброку, платимому Ласткой. Им удалось получить 2 жалованные царские грамоты на Печору, которые были, однако, отняты, а охота была отдана Ластке на том основании, что он, Ластка, «живет на Усть-Цильме, а пинежане ловят за 1000 верст пазедом» (Архангельские губернские ведомости, 1888, № 25, 26).

¹²⁰ Платежная книга, с. 395.

¹²¹ ЦГАДА, ф. 1209, папка № 187, л. 324—324 об.

¹²² Там же, л. 470 об.—471.

¹¹⁵ По 168 статье Судебника 1589 г. потрава после сентября уже не взыскивается. В некоторых местах право свободного выпаса варьировалось. Например, совладельцы Кучина наволока обязывались ставить огород на Николин день, а крепить огород «по Покрове две недели», т. е. с 9 мая по 15 октября (Судебники XV—XVI вв., с. 528).

¹¹⁶ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мол., № 18.

здесь в XVI в. каждое крестьянское хозяйство имело в частной собственности земли, занятые двором и постройками, полевые земли, расположенные чересполосно с другими собственниками, сенокосы, промысловые угодья, в общественной собственности — выгоны, рыболовные и охотничьи угодья. Нам кажется, этот материал раскрывает точную формулу В. И. Ленина, характеризующую формы крестьянского землевладения при феодализме, данную им в конспекте книги К. Каутского «Аграрный вопрос»: «Формы крестьянского землевладения — компромисс между общинным и частным землевладением. В частной собственности: усадьба, дом; полосы земли в различных „концах“ поля. В общинной собственности: выгон».¹²³ Конспектируя книгу, написанную на материалах истории немецкого крестьянства, В. И. Ленин в своей выписке не отмечает этого обстоятельства, а определяет важнейшую черту крестьянского землевладения в общей форме, т. е. характеризую не только для немецкого крестьянства, но и для крестьянства других стран. Как видим, ленинская формула применима и к русскому черносошному крестьянскому землевладению.¹²⁴

¹²³ Ленинский сборник XIX. М.—Л., 1932, с. 31.

¹²⁴ В последнее время Л. В. Черепнин и С. М. Каштановым высказаны сомнения в правомерности употребления консьективной записи В. И. Ленина. Л. В. Черепнин считает, что она не может быть использована «для доказательства того, что „черные“ земли были собственностью свободных крестьян, потому что в ней «речь идет не о характере собственности, а о системе хозяйства». Отсюда Л. В. Черепнин заключает, что в записи нет материала для выявления «с точки зрения наличия земельной собственности» различия между отдельными категориями крестьянства (А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 216). Однако рассмотрение записи в целом (Л. В. Черепнин цитирует на с. 111 и 116 лишь начальную и заключительную фразы записи) дает возможность выделить в ней две смысловые части: в первой говорится о формах крестьянского землевладения — о частном и общинном землевладении, во второй — о системе хозяйства — принудительном севообороте, присущей как свободным, так и зависимым крестьянам. Но если система принудительного севооборота присуща и зависимым, и свободным крестьянам, то частная собственность на землю, конечно, свойственна лишь последним. Следовательно, текст записи дает материал для выявления разницы именно с точки зрения наличия земельной собственности двух исторически главных категорий крестьянства: крестьян — собственников земли, свободных от феодала, и крестьян, зависимых от феодала, — несвободных.

С. М. Каштанов выдвинул формальные возражения против использования этой записи. В сборнике «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма» (М., 1970) С. М. Каштанов утверждает, что «принимать запись в конспекте за выражение точки зрения самого Ленина нет оснований», потому что Ленин «весьма строго отражает мысли и терминологию автора книги, ничего к ним не добавляя» (с. 179). И действительно, сравнение ленинской выписки с немецким изданием книги Каутского 1899 г. показало, что слова и выражения, составившие несколько строк ленинского текста, разбросаны на двух страницах книги Каутского (14—15) и формально С. М. Каштанов прав. Но лишь формально. Уже не говоря о том, что сам выбор «слов» в конспекте как-то характеризует

Третьей существенной чертой, характерной для крестьянского землевладения является документированность. Под «документированностью» мы понимаем все формы закрепления за крестьянским хозяйством определенных земель: и мирскую память, и учетные волостные книги, и юридические акты, и государственный кадастр.

«Мирская память» — несомненно наиболее древняя форма закрепления земельной частной собственности — является результатом векового совместного труда крестьян на своих землях. В процессе освоения земель и обработки их в едином хозяйственном цикле устанавливались межи, выставлялись то межевые знаки, которые запечатлевались в памяти поколений. Древнейшие законодательные акты (Судебники, уставные грамоты и т. д.) в своих процессуальных постановлениях, как известно, предписывали привлечение при разборе поземельных дел местных крестьян-старожильцев для выяснения принадлежности земли и установления границ. Как эти предписания осуществлялись на практике, можно видеть по сохранившимся судебным делам. Попеременное обращение судей к старожильцам, выставленным сторонами, с вопросом: «чья то земля, на которой мы стоим», ответы старожильцев и хождение по межам со старожильцами истца и ответчика — почти обязательная часть судебного разбирательства.

По судебным делам видно, что старожилец — всегда старик, который «помнит» лет за 40 за 50, а иногда за 80 и даже за 100 лет, он местный житель, иногда «сам нахал» спорную землю или жил в деревне, к которой эта земля тянула.¹²⁵ Он становился как бы воплощением мирской памяти. «Рознь» в показаниях старожилов, несовпадение их межевых разводов, зафиксированные судебными делами, объяснялись, вероятно, и слабостью стариковской памяти, и заинтересованностью старожилов в выигрыше дела своей стороной. Выступления в суде имели частное значение. Более важным было сохранение «в мирской памяти» всего комплекса земельных владений деревни, группы деревень, волости с их нерегулярными площадями и сложными межами. Хранить это все в памяти мог, конечно, коллектив соседей, дере-

читательское отношение Ленина, отметим два несомненные «добавления» его: это, во-первых, та обобщающая форма выписки, о которой мы говорили выше, и акцентирование понятия компромисса, выразившееся в подчеркивании этого слова (в издании передается курсивом), чего не делал Каутский. Подчеркнув слово «компромисс», Ленин сосредоточивал внимание на ключевом слове всей выписки, которое освещает все ее содержание. Напоминим здесь, что Ленин в рецензии на книгу Каутского его характеризовал «патриархального крестьянского хозяйства и земледелия феодальной эпохи» назвал «чрезвычайно яркой и точной» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 89).

125. Во время суда о пожие в Кеврольском стане в конце XVI в. один старожилец заявил, что «помнит» за 140 лет, другой — за 100 лет, третий — за 95 лет, трое следующих — за 80 лет (ГИМ, ОПИ, ф. 229, № 2, л. 9). Однако столь несуразные «годы памяти» не были оспорены противной стороной, следовательно, им можно доверять.

песских жителей. С малых лет крестьянин знал расположение участков земли каждого соседа в полях, покосы, угодья. Не мог он не знать и о смене собственников земли в деревне. Не мог он не знать, так как без этого просто не могло вестись крестьянское хозяйство.

Итак, «мирская память» фиксировала собственность каждого крестьянина, к ней мог обратиться всякий, чьи права были нарушены. Но полость как самоуправляющаяся единица имела и письменные документы — так называемые веревные книги, в которых фиксировались земельные владения всех воложан в единых мерах — веревках.

Веревные книги составлялись в волости регулярно специальными веревщиками (иногда нанятыми волостью) и особо выбранной комиссией из воложан.¹²⁶ Измерение земли каждого двора производилось самым тщательным образом в каждом поле, в каждом лоскуте, в каждой поже. «Целые деревни являются перед нами как на ладони», — писала с восхищением А. Ефименко, открывшая этот источник.¹²⁷ Веревные книги являлись руководством при разложении («разрубе») государственных податей и волостных сборов, поэтому все воложане были заинтересованы в том, чтобы в них точно и оперативно отражались изменения в земельных владениях каждого двора. Веревная книга была, следовательно, полным списком воложан — собственников земли и как таковая документом, закрепляющим эту собственность. Самая ранняя веревная книга указана А. Ефименко, она датирована 1612 г.¹²⁸ Однако веревка как волостная единица измерения земли зафиксирована в многочисленных актах, начиная с конца XV в.¹²⁹ Это позволяет предполагать, что и веревные книги в волостях составлялись с того же времени. Данные веревных книг использовались в судах по спорным поземельным делам как документы, подтверждающие собственность.¹³⁰

Но самым ярким показателем документированности крестьянской земельной собственности являются юридические поземельные акты. В черносопной крестьянской среде в XVI в. имели обраще-

¹²⁶ Куростровские столбцы, с. 421.

¹²⁷ А. Ефименко. Исследования народной жизни, с. 212.

¹²⁸ Там же, с. 213—216.

¹²⁹ Приведем здесь некоторые примеры: в купчей 1499 г. продается «четверть веревки» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 2), в судебном деле 1501 г. предписывается ответчику «та поскотина изверити, да тянути ему с тое земли всякое тягло к волости» (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 33), в купчей 1531 г. говорится о продаже 30 веревков земли (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 8), в отступной 1534 г. упомянута «мирская веревка» (Сб. ГКЭ, т. I, № 73), в судебном деле 1535 г. судьи предписывают вервление земли в Уйме для установления размеров спорной земли (Сб. ГКЭ, № 76).

¹³⁰ В судебном деле 1535 г. результаты вервления были главным аргументом при решении вопроса о принадлежности спорной земли (Сб. ГКЭ, т. I, № 76, с. 78—79).

ние, как мы видели, самые различные акты, которыми оформлялись многообразные земельные сделки крестьян. По своему формуляру в общем они вполне аналогичны актам, относящимся к феодальным вотчинным землям, да и целевое назначение их то же — юридическое оформление права собственности на землю. В крестьянских актах это находит выражение не только в терминах функциональных: «продал» — «купил», «дал» — «взял», «променял» — «выменял», «заложил», «завещал», «в приданое дал» и т. д., но и в формулах, говорящих о необратимости сделки: купил «в дернь и без выкупа», купил «себе и своим детям и в век и в дернь без выкупа», дал «ту свою деревню» игумену «во веки без отимки и дела мне до тое деревни нет» (иногда добавлено «и моим детям», «и роду и племени»), обменялись землями «в век без розмену», разделили «без переделу», заложили в такой-то сумме (но всегда с оговоркой: «не будут деньги в срок, ино ся закладная и купчая» или «ся закладная кабала и купчая, и посильная, и отводная, и дерная без выкупа»). Несмотря на категоричность формул, большинство сделок, имевших результатом переход земли из рук в руки, сопровождалось составлением дополнительного акта — отводной, фиксирующей передачу земли и ее границы.¹³¹ При приобретении земли группой лиц (скажем, братьями по купчей, духовной отца) составлялась дельная, определяющая участок каждого, а иногда и «ровненская», если кто-либо из участников посчитал свою долю не соответствующей его правам.¹³² При получении земли по суду право собственности фиксировалось правой грамотой.¹³³

Итак, хотя сохранилось и незначительное число актов, тем не менее они дают полное представление о различных формах юридической фиксации прав на землю в среде черносопного крестьянства. Крепостное значение поземельного акта определило и взгляд крестьян на акт. В крестьянской среде его тщательно бе-

¹³¹ Так после отступной на $\frac{1}{4}$ деревни Рындинской в 1522—23 г. была дана отводная (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 50); после купчей на деревню от 14 марта 1529 г. была дана отводная 28 апреля (Сб. ГКЭ, т. I, № 64, 66); после купчей от 20 апреля 1532 г. — отводная (Сб. ГКЭ, т. I, № 64, 66); после купчей от 20 апреля 1532 г. — отводная 24 апреля (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 34, сст. 8; № 34, сст. 11). Иногда дополнительная отводная не составлялась, тогда в основной грамоте указывалось, что она заменяет отводную: «А ся купчая и дерная и отводная» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 26), «Ино ся закладная и купчая и посильная без выкупа и отводная» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 25).

¹³² Пять совладельцев Кучина наволока в 1534 г. «розровнили» землю «по половинам», причем одна половина пришлась трем совладельцам, другая — двум (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 24, сст. 3).

¹³³ В 1522/23 г. «недоискавшись» деревни, истцы обязуются в особой записи на ответчиков «правой грамоты не имать», т. е. отказываются от дальнейших попыток вернуть свою собственность (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 53).

регли,¹³⁴ при утрате восстанавливали.¹³⁵ Акты на землю («пути») всегда передавались при отчуждении ее новому владельцу. Обычно это были грамоты (купчие, дельные, закладные) многолетней давности («от деда», «от отца», «от братьев»);¹³⁶ Все это должно было свидетельствовать о преемственности права собственности. Поземельный акт фигурировал во всяком судебном разбирательстве о землях. Стороны предъявляли иногда акты, заключенные прадедами, т. е. документы почти столетней давности, правые грамоты прошлых лет и т. д.¹³⁷ Переходя от поколения к поколению, акт гарантировал право крестьянина на основное его средство производства — землю. Значение акта как источника права на землю хорошо выявляется в формуле об очищении продавцом отчужденной земли от всяких грамот. «А где будет тое деревни купчая или закладная, на которой лоскут выйдет или на которое угодье тое деревни выйдет», то продавцам «выкупати своими деньгами, да то нам деревни очистити со всем, что к той деревне из стараны потягло», читаем мы в пространном или кратком виде в большинстве купчих, отступных, данных. Эта формула, гарантирующая покупателя земли от всяких попыток оспорить его право на приобретенную землю посредством старого, может быть, и продавцу неизвестного акта, раскрывает и высокий уровень правосознания крестьянина и действительное значение юридического акта в закреплении крестьянской собственности на землю. Как уже говорилось, правительство не вмешивалось в поземельные отношения крестьян, но крестьянские поземельные акты всегда признавало законными. Об этом говорят не только ссылки на них в судах и при общих описаниях земли писцами, но и многочисленные обращения крестьян к представителям власти: к тиунам, волостелям и наместникам как гарантам сделки. Имеем

¹³⁴ Документы чаще всего хранили в своем доме, но иногда отдавали на хранение и в другие руки, о чем свидетельствуют специальные отписи. Так, в 1540/41 г. два брата Старковы взяли на хранение две отступные и дельную у Семена Шудоева (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 42, сст. 3); подобную отписи в 1541/42 г. дал Леонтий Дорфеев (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 148); в 1547 г. «положил... себе на соблюдение купчие рассольные и поженные закладные» Григорий Костылен, а духовную отца и дельную грамоту «взял на сохранение» его племянник (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 203, сст. 4).

¹³⁵ Например, в 1510/11 г. Кронотка дал записи покупателям земли вместо утерянной посылной (Сб. ГКЭ, т. I, № 50).

¹³⁶ Например, в 1525 г. продавец передает вместе с землей купчую грамоту и грамоту ровнискую (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 24, сст. 8), по отступной 1525 г. передаются 4 грамоты (там же, № 24, сст. 2).

¹³⁷ В судебном деле 1530 г. о деревне Часовинской истец ссылался на грамоты прадеда, а ответчик представил 6 купчих грамот (РИБ, т. 14, с. 20—30). В судебном деле 1535 г. о землях в Уйме были представлены документы первой половины XV в., 70-х гг. XV в. и несколько актов начала XVI в. (Сб. ГКЭ, т. I, № 76).

в виду те случаи, когда в акте устанавливался определенный «заряд» или «застава» в пользу представителей власти, если кто-нибудь из контрагентов нарушит сделку.¹³⁸

Важное значение для закрепления крестьянского землевладения имели государственные описания. В крестьянских актах мы встречаем многочисленные ссылки на писцовые книги как основание собственности крестьянина. Так, отчуждая землю по отступной в 1507/08 г.¹³⁹ и по закладной в 1511/12 г.,¹⁴⁰ владельцы указали, что эти земли им дал писец; продавец по купчей 1509/10 г. отметил, что землю писали за ним «писцы великого князя... в книги»;¹⁴¹ по записи 1510/11 г. владелец продал «носилье свое» чем написали писцы великого князя в книги.¹⁴² Ссылки на первые писцовые книги Двинны Тимофея Афанасьева встречаются и в более поздних актах, но особенно много аналогичных ссылок на книги второго двинского писца И. П. Заболоцкого: «А продали по описи Ивана Петровича Заболоцкого с товарищи», то и дело читаем в актах после 1552 г.¹⁴³ Крестьяне отлично понимали значение записи в писцовой книге той или иной земли за кем-либо. Это очевидно из любопытного обязательства порядчиков в 1544 г. «не описываться» на земле, взятой на поряд, когда «писцы великого князя приедут».¹⁴⁴ Ясно, что запись в писцовые книги нарушила бы права собственников земли, сдавших землю. Интересный пример совпадения поземельного акта с данными писцовой книги находим в записи 1555 г. В ней говорится, что в одной пустоши проданы лишь два жеребья, потому что писец Заболоцкий описал их «в живущем», а третий жеребей, описанный «в пусте», не продал.¹⁴⁵ Здесь писцовая книга послужила основанием для юридической сделки лишь на хозяйственно эксплуатируемые земли, но отметим, в ней описаны были все земли продавцов. Писцовая книга, преследуя фискальные цели, выражает земельные владения деревни в окладных единицах: в сошках и обжах (для XVI в.), т. е. дает количественную характеристику крестьянской собственности в комплексе деревни. Сочетание обобщающих данных государственных писцовых книг с данными волостных веревных книг усиливало документирующее значение обоих документов.

¹³⁸ Например, в отступной 1517 г. неустойку наместнику платил тот, кто «взначит» «о той земле што нибудь» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 30), в дельной 1520 г. — кто нарушит раздел отца (там же, № 40), в отступной 1523/24 г. — кто «взначит» «откупати» «носилье» (там же, № 58); то же самое в отступной 1524 г. (там же, № 59, сст. 5).

¹³⁹ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 37.

¹⁴⁰ Там же, № 43.

¹⁴¹ Там же, № 41.

¹⁴² Сб. ГКЭ, т. I, № 50.

¹⁴³ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 331, 334, 345, 349, 401.

¹⁴⁴ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 154.

¹⁴⁵ Там же, № 199.

Итак, земельная собственность черносошных крестьян закреплялась мирской памятью, документами учетного характера и юридическими актами разных видов. В этом отношении землевладение черносошного крестьянина было принципиально отлжно от землевладения крестьянина в феодальной вотчине, которое в конечном счете обеспечивалось лишь волей вотчинника.

Землевладение черносошных крестьян было землевладением непривлекгированным. Эта четвертая существенная черта крестьянской земельной собственности в поземельных актах нашла свое выражение в формулах о тягле. В каждом акте, говорящем о переходе земли, эта формула есть. Обычно она состоит из двух частей: из обязательства продавца уплатить «дань сегогодушную, и все потуги, и волостные разрубь, да и задний оброк» и из обязательства покупателя «типуть с земли все потуги с волостными людьми сполна» в будущем. Обычный срок, до которого платит еще продавец, — Ильин день года свершения сделки. Изредка покупатель платит дань со дня покупки. Если у продавшего землю посеян рожь, то обычно обуславливается его право снять ее и платить $\frac{1}{3}$ тягла. Государственные налоги и волостные платежи поглощали значительную часть дохода крестьянского хозяйства. Тяжесть тягла запечатлена в актах с большой выразительностью. В отступных постоянно читаем: «не измогли есмь с тое земли великого князя дани давати, да и службы служить, и великого князя хлеба посошного в житницу сыпати, и всяких разрубов с волостными людьми платити». Такого рода формулы позволяют предположить, что экономическая тяжесть податей, повинностей и всяких служб и поборов была одной из причин земельного оборота в черносошной среде.

Охарактеризованные выше основные черты крестьянского землевладения и действительные земельные отношения между черносошными крестьянами показывают, что они были собственниками своих земель. В связи с этим нельзя обойти молчанием сотни раз повторенную в актах формулу о государе как собственнике земли. Она встречается в отступных: «отступился ... великого князя земли, а свое посилье», или «и отца своего посилье и мое», или «мое владение» и т. д.; в купчих: продал «вотчину царя и великого князя, а свою куплю», продана «земля божия да господаря великого князя, а владение было Василию и Никонова, а купля Трофимова»; в закладных: «заложил великого князя землю ... по своим державам» и т. д. В литературе эти и подобные им формулы неоднократно рассматривались как доказательство того, что верховным собственником земли был государь, а крестьяне лишь владельцы.¹⁴⁶ Правда, тут же признавалось,

что «мысль о государе-собственнике не имела никакого реального, практического значения; она высказывалась только как отвлеченная теория крестьянского землевладения», ибо крестьяне, «не забывая теорию верховного собственника, ... владели и распоряжались своими земельными участками как своей полной собственностью».¹⁴⁷ Эти положения были подвергнуты внимательному рассмотрению с источниковедческой точки зрения А. И. Андреевым. На основе наличных в его время актов А. И. Андреев установил, что формула о верховном собственнике земли сохранилась только в «одной разновидности частных актов Двинского уезда»¹⁴⁸ — в отступных грамотах, а так как эти грамоты относились лишь к оброчным землям Двины, то и происхождение формулы становилось ясным: ею крестьяне обозначали земли, действительно принадлежавшие великому князю, но бывшие в их владении. Позднее, в результате слияния оброчных земель с черными, эта формула была усвоена и другими актами. Последнего вывода, правда, сам А. И. Андреев не делает, но он вытекает из его наблюдений о взаимодействии формуляров отступных и купчих.¹⁴⁹

Установление исторических условий возникновения формулы акта о государе-собственнике земли большая заслуга А. И. Андреева. Но встает вопрос, почему она была усвоена крестьянами и перешла в формуляр других поземельных актов. Здесь, нам кажется, следует выйти из узких рамок юридического толкования формулы в сферу политическую и идеологическую. Если формула «земля царя и великого князя, а владение наше» в свете поземельных отношений в черносошной среде не имела реального значения, то не следует ли рассматривать ее как выражение сознания крестьян о царе и великом князе как главе государства, суверенные права которого на всю территорию крестьяне считали само собой разумеющимся? Такое толкование можно еще подкрепить тем, что иногда эта формула усложняется добавлением слов «земля божья», что еще более отдаляет ее от тех пожен и лоскутов, о которых говорит акт. Но, помимо государственно-подданнического воззрения, эта формула выражает, по нашему мнению, в какой-то мере наивный монархизм крестьянского сознания. По актам центральной России, отразившим ожесточенную борьбу крестьян с наступающим феодалом, мы можем заметить, что, защищая свои права, крестьяне всегда выставял факт принадлежности земли великому князю. Поэтому и формулу поземельных актов о государе — верховном собственнике земли, может быть, допустимо считать выражением одной из черт крестьянской идеологии.

¹⁴⁶ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере, т. I, с. 56.

¹⁴⁸ А. И. Андреев. Отступные грамоты, с. 4—5.

¹⁴⁹ Там же, с. 12—13.

¹⁴⁶ А. Ефименко. Исследования народной жизни, с. 198—199; М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909, с. 56; т. II, М., 1912, с. 4—5.

щим к ним непосредственное отношение, в случае, если правительство пожелает перед ними эти вопросы поставить. Речь шла, таким образом, об очень незначительном расширении прав общества в выражении перед правительством своего мнения по некоторым общегосударственным вопросам. Несмотря на всю незначительность такого рода мер и полное сохранение в руках самодержца права окончательного решения всех вопросов, оба проекта были отвергнуты Александром II.¹

Более того, на заседании Совета министров 12 января 1867 г. император в такой резкой форме выразил свое недовольство планами великого князя Константина Николаевича и столь категорически отсекся от каких бы то ни было «конституционных стремлений»,² что сторонникам подобного преобразования оставалось только надолго умолкнуть в ожидании изменения «высочайших настроений». Считалось, что до 1879 г. в правительственных кругах и не возбуждался более вопрос о введении в стране представительства, что он возник только в годы второй революционной ситуации и привел к появлению так называемой «конституции» М. Т. Лорис-Меликова.³ В действительности же в начале 70-х годов группа государственных деятелей вновь предприняла попытку убедить императора в необходимости проведения такого рода политической реформы. Инициатором этой попытки был человек, наиболее близко стоявший в то время к Александру II и фактически возглавлявший руководство внутренней политикой страны, — главноуправляющий III отделением с. е. и. в. канцелярии и шеф жандармов граф П. А. Шувалов.

П. А. Шувалов как государственный деятель начал формироваться в середине 50-х годов. Естественно, что его государственное мировоззрение складывалось под влиянием картин глубокого кризиса, вызванного политикой Николая I, наступившего после смерти последнего общественного подъема и оживленного обсуждения всякого рода мероприятий, которые должны были бы вывести страну из кризиса. Шувалов прекрасно понимал необходимость буржуазных реформ, но, исходя из богатого и родовитого помещичьего дворянства, близкого к трону, и будучи горячим защитником интересов своего класса, стоял за такие преобразования, которые сохранили бы в новых условиях ведущее положение дворянства как сословия. По своим политическим воззрениям он был так называемым «западником», сторонником европейского пути развития России, поклонником английской политической системы (ограниченной конституционной монархии с двухпалатным парламентом), мечтавшим о введении в России представи-

¹ П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, с. 125—130.

² Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В двух томах. Т. II, 1865—1876 гг. М., 1961, с. 181 (далее — П. А. Валуев. Дневник).

³ П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия..., с. 130.

В. Г. ЧЕРНУХА

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КРУГАХ РОССИИ В НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ XIX в.

Понимание необходимости перемен в политическом строе России, модернизации ее политической системы и введения в стране в той или иной форме общественного представительства было свойственно многим государственным деятелям периода царствования Александра II, в том числе и наиболее близким к императору и влиятельным представителям высшей бюрократии. В этом убеждали и история европейских стран, развивавшихся от абсолютизма к представительному правлению, и Крымская война, обнаружившая несостоятельность самодержавия и всестороннюю отсталость России в сравнении с государствами Западной Европы, и, наконец, такие явления экономической и политической жизни страны, как увеличивающееся значение капитала и подъем общественного движения. Реформа политическая рассматривалась как естественный результат нового этапа развития страны, начатого отменой крепостного права. Однако ревнивое отношение Александра II к неприкосновенности прерогатив самодержца было огромным препятствием для постановки этой проблемы в правительственной среде. Именно потому столь редко правительственные деятели осмеливались выступить с предложениями по введению в русское государственное устройство начал центрального общественного представительства. В 60-х годах это были проект реформы Государственного совета, разработанный министром внутренних дел П. А. Валуевым (1863 г.), и проект политической реформы великого князя Константина Николаевича, составленный для него государственным секретарем С. Н. Урусовым (1866 г.). Первый из них предусматривал создание при Государственном совете «Съезда государственных гласных», состоящего из представителей земских и городских учреждений с правом совещательного участия в обсуждении некоторых рассматриваемых проблем и введение в состав Общего собрания Государственного совета 16 членов «Съезда». Второй — создание при Государственном совете земского и дворянского собраний, которые могли бы представлять свои мнения по вопросам, имею-

тельства по типу английского. Все это не мешало ему в нужных случаях клясться в верности принципу самодержавной власти. Один из биографов П. А. Шувалова характеризовал его как «ярого поклонника английских порядков, англomана от головы до пят»,⁴ Александр III отзывался о нем как о «космополите»⁵ и считал его «западником и конституционалистом»,⁶ а хорошо осведомленный А. С. Суворин определял П. А. Шувалова и его окружение 1866—1874 гг. как группу, «черпавшую свои идеалы из европейской истории, преимущественно английской», и стремившуюся к созданию «русского лордства».⁷

Высказывания современников свидетельствуют, что конституционные воззрения Шувалова были очень устойчивы. Еще в 1860 г., накануне отмены крепостного права, когда речь зашла о том, что в результате реформы крестьяне должны получить в надел земли примерно в границах их прежнего пользования, П. А. Шувалов рассматривал такое решение крестьянского вопроса как основание для требования дворянством политических компенсаций. По словам П. П. Семенова-Тян-Шанского, он говорил одному из руководителей разработки крестьянской реформы Н. А. Милютину: «За все это мы в праве *требовать* (курсив автора, — В. Ч.) от правительства компенсации. В чем же может состоять эта компенсация? Во-первых, в том, чтобы местное земское хозяйственное самоуправление было передано исключительно в руки дворянства, как единственного европейски образованного сословия в государстве, а, во-вторых, в том, чтобы Верховная власть поделилась своими высшими административными, особенно же законодательными, функциями с представителями высшего дворянства империи, из которого и должно быть образовано высшее законодательное учреждение».⁸

Конституционные убеждения Шувалова не изменились и во второй половине 60-х и в последующие годы. Е. М. Феоктистов, близко знакомый с приятелем Шувалова гр. П. П. Альбединским, со слов последнего писал: «Шувалова неотступно преследовала мысль о какой-то аристократической конституции для России». Более того, в конце 60-х годов Шувалов «в минуты откровенности» предлагал Альбединскому союз в борьбе за предоставление

политических прав дворянству, «конечно, не всему, а высшим его слоям».⁹

Адъютант Константина Николаевича А. А. Киреев в 1874 г. записал в своем дневнике, что, с его точки зрения, шеф жандармов «не прочь подготавливать аристократическую конституцию»,¹⁰ а разговоры П. А. Шувалова с Е. А. Перетцем свидетельствуют о том, что Шувалов не отрекся от своих конституционных убеждений и на закате своей политической карьеры. 20 марта 1881 г. П. А. Шувалов, одобрявший в общем деятельность М. Т. Лорис-Меликова,¹¹ заявил Е. А. Перетцу о том, что он является сторонником более решительных шагов к представительному правлению, чем предлагаемая Лорис-Меликовым реформа. «По его (П. А. Шувалова, — В. Ч.) мнению, — записал в дневнике Е. А. Перетц, — совещательное собрание не принесет истинной пользы. Нужно прямо приступить к конституционному устройству: учредить две палаты и предоставить им голос решительный. Если же этого сразу сделать нельзя, то нужно, по крайней мере, положить такое основание, из которого впоследствии развилось бы настоящее представительное правление. Ему более правится поэтому прежний валуевский проект».¹² Когда же после известного манифеста Александра III от 29 апреля 1881 г., где категорически заявлялось о неизбежности самодержавия, Е. А. Перетц заговорил с П. А. Шуваловым о крушении конституционных надежд последнего, тот ответил: «Да, покамест вы правы... а все-таки кончится тем же».¹³ Шувалов в это время был так уверен в неизбежности скорых преобразований конституционного характера, что осенью 1881 г. предлагал некоторым правительственным деятелям держать пари, что «не позже, как через год, в Петербурге будут депутаты, присланные земством, а не назначенные отсюда».¹⁴ Разговор Шувалова с Перетцем о предложениях Лорис-Меликова, как представляется, и может служить ключом к пониманию его действий 70-х годов, а именно его попытки в условиях невозможности немедленного введения двухпалатного парламента сделать шаг к нему, создав начатки центрального представительства.

П. А. Шувалов, человек чрезвычайно властолюбивый, пришел к руководству III отделением в 1866 г., после покушения на Александра II, и вскоре занял ведущее положение среди правительственных деятелей, возглавив, по выражению П. А. Валуева,

⁴ О. Р. фон Фрейман. Папки за 185 лет. Фридрихсгамн, 1897, с. 401.

⁵ Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). М.—Л., 1927, с. 113.

⁶ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. III. СПб., 1912, с. 753.

⁷ Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881—1883 гг. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 301.

⁸ Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861 гг.) в воспоминаниях члена-эксперта и заведывающего делами Редакционных комиссий П. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. IV. Пг., 1916, с. 198. В дальнейшем выделение документа не оговариваются.

⁹ Е. М. Феоктистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929, с. 349.

¹⁰ РО ГВЛ, ф. 126, оп. 1, д. 6, л. 79.

¹¹ Дневник Е. А. Перетца, с. 21.

¹² Там же, с. 53.

¹³ Там же, с. 71.

¹⁴ Дневник А. А. Половцова. ЦГАОР СССР, ф. 583, оп. 1, д. 20, л. 15—15 об.

«консервативный конклав». Получив в Пажеском корпусе лишь поверхностное образование и будучи не подготовленным к руководящей роли в проведении внутренней политики, он не сразу выработал собственную политическую программу: лишь в начале 70-х годов определился круг консервативных мероприятий, которые он намеревался осуществить в разных областях внутренней жизни страны. В числе их — и план проведения политической реформы, имевшей целью создание представительства и расширение политических прав дворянства, обиженного, как он считал, реформой 1861 г. «План ее (т. е. возглавляемой Шуваловым «аристократической партии», — В. Ч.), — писал К. Д. Кавелин в 1875 г., — проступавший сначала только в отдельных чертах, созрел вполне для осуществления, и было уже приступлено к его исполнению. Знаменитая Комиссия для исследования положения сельского хозяйства в России должна была подготовить введение дворянской конституции сверху».¹⁵ Но если его предшественники в деле постановки проблемы представительства — П. А. Валуев и великий князь Константин Николаевич — начинали с составления проектов изменения существующего порядка законодательства, то Шувалов решил действовать иначе, а именно — подготовить почву для такого проекта, создать условия, при которых созыв представителей общества казался бы неизбежным, поскольку поднятые и нуждающиеся в разрешении вопросы самым ближайшим образом касались всего общества. Кроме того, отчетливо представляя себе сложность проведения такой меры, как введение общественного представительства, он не связывал себя точными условиями, надеясь определить их по ходу дела.

Первые практические шаги П. А. Шувалова по подготовке почвы для постановки этой проблемы относятся, как можно предположить, к 1871 г., когда он решил возбудить вопрос о судьбах общинного землевладения и привлечь к его обсуждению земских деятелей. На мысль об этом наводят воспоминания В. П. Меццеского. Последний рассказывает, что посетил Шувалова зимой 1871 г. со специальной целью — выяснить (в связи с намерением основать журнал) ближайшие направления правительственной политики. В подробно передаваемом разговоре Меццеского с Шуваловым есть несколько важных моментов, характеризующих взгляды и планы шефа жандармов. Это, во-первых, как выразился Меццеский, «европейский фатализм» Шувалова, т. е. его убежденность в общности путей развития Европы и России и в необходимости учитывать опыт европейской истории. «Прежде всего, — отмечает Меццеский, — я нашел в нем признаки какого-то политического, но европейского фатализма: мне показалось, что он верует в непреодолимую силу либерального режима для России в области внутренней политики. Он как будто испо-

ведовал, что правительство в России обязано ходом вещей идти по известному либеральному пути и что время, т. е. наступающая данная эпоха, получает для правительства силу какого-то непреодолимого закона, коему оно не может не повиноваться».¹⁶ Во-вторых, прямо спрошенный Меццеским о границах либеральных мер, которые, с его точки зрения, неизбежны, Шувалов ответил, что далеко зайти эти либеральные преобразования не могут, ибо император «по своим сокровенным убеждениям вовсе не расположен к либеральным увлечениям».¹⁷ В-третьих, отвечая на вопрос о собственных политических воззрениях, Шувалов отрекся от конституционных намерений перед близким к наследнику престола Меццеским, но одновременно в прямой связи с вопросом о конституции заявил о своем убеждении в необходимости ряда политических преобразований. «Я далек от мысли о какой-нибудь конституции, — сказал Шувалов, — но я, например, думаю, что прогресс требует большего расширения местного самоуправления, дворянство должно было бы иметь более значения в губернии как сословие, чем оно имеет, земство могло бы иметь очень важные экономические задачи для разрешения, хотя бы, например, этого варварского вопроса общины».¹⁸

Итак, ближайшая программа Шувалова: расширение прав дворянства и земства, последнего — в области решения экономических проблем; ближайшая из этих экономических проблем — проблема общины. Относительно последней Шувалов в ответ на предостережение Меццеского, заявившего, что вся крестьянская реформа построена на общине и она определяет многие стороны жизни деревни, сказал, что после реформы прошло 10 лет и «очень пора устроить более европейский порядок землевладения, при котором была бы мыслима сельскохозяйственная культура и рациональное хозяйство»,¹⁹ т. е. собственно признал разрушение общинного землевладения ключом к решению аграрного вопроса.

Приведенное сообщение Меццеского вызывает полное доверие, так как подтверждается поведением Шувалова, начавшего действовать именно в направлении расширения прав дворянства и земства. В той части, которая касается общины, оно подтверждается и собственноручной запиской Шувалова товарищу министра внутренних дел князю А. Б. Лобанову-Ростовскому. 3 сентября 1871 г. Шувалов, совершавший вместе с императором поездку по России и находившийся в это время на борту волжского парохода, известил Лобанова-Ростовского, что в связи с «неоднократно» поступающими к императору «жалобами о вреде, порождаемом для хозяйства крестьян общинным пользованием и владением землей», и препятствиях к выходу из

¹⁵ К. Д. Кавелин. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1898, с. 875.

¹⁶ В. П. Меццеский. Мои воспоминания. Ч. 2. СПб., 1898, с. 146.

¹⁷ Там же, с. 147.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

общины, поставленных крестьянской реформой, император повел Министерству внутренних дел собрать данные о положении «этого важного для государственного хозяйства вопроса» и представить эти данные на рассмотрение Совета министров вместе с соображениями Лобанова-Ростовского о целесообразности передачи «на предварительное обсуждение земских учреждений мероприятий, долженствующих обеспечить более логичный переход от общинного к участковому пользованию и владению землею».²⁰

Видимо, Шувалов первоначально планировал созыв представителей земств для обсуждения одного крупного вопроса. У шефа жандармов были серьезные основания рассчитывать на осуществление своей программы, в том числе и политической реформы. К этому времени его влияние и на императора, и на государственное управление было огромно. В Комитете министров за Шуваловым шла значительная группа сторонников: министры внутренних дел А. Е. Тимашев, юстиции граф К. И. Пален, народного просвещения граф Д. А. Толстой, путей сообщения граф А. П. Бобринский. Оценивая позиции Шувалова в Комитете министров, Д. А. Милютин писал в конце 1873 г. (но оценка эта несомненно верна и для 1872 г., поскольку все называемые при этом сторонники Шувалова уже тогда занимали министерские посты): «Он (Шувалов, — В. Ч.) окружил государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указаниям. Таким образом, уже теперь в Комитете министров большинство членов действует всегда заодно с гр. Шуваловым, как оркестр по знаку капельмейстера. Тимашев, гр. Толстой, гр. Пален, Валуев — послушные орудия гр. Шувалова. Эта клика собирается для предварительного соглашения во всяком предпринимаемом деле. В заговорах ее участвуют Грейг и гр. Бобринский».²¹ Н. Г. Залесов, бывший в начале 70-х годов начальником штаба Оренбургского военного округа, пишет: «Ни один генерал-губернатор, являясь в Петербург, не решался представиться государю, не побывав предварительно у Шувалова и не выслушав его взглядов и наставлений».²²

На решение П. А. Шувалова добиться политической реформы, кроме его личных политических симпатий, должны были повлиять и внешние, и внутренние обстоятельства. Ожесточенная гражданская война во Франции, драматические события Парижской коммуны подводили к выводу о поисках необходимых для России путей предотвращения обострения внутренних противоречий, смягчения обстановки с помощью реформ во имя сохранения монархии и привилегированного положения дворянства. Оснований для тревог о внутреннем спокойствии страны у Шувалова

было достаточно: приостановленное репрессиями после покушения Д. В. Каракозова революционное движение с конца 1860-х годов вновь начинает нарастать.²³ А. Н. Куломзин прямо связывает предпринятую Шуваловым попытку введения общественного представительства с развитием в стране «революционного брожения» среди молодежи, в первую очередь студенческой. С точки зрения Куломзина, эта попытка была продиктована стремлением «дать разрешение назревшим в стране требованиям в то время, когда революционное брожение успело уже охватить умы молодежи во всех главных центрах».²⁴

Намерение Шувалова было также отражением настроений тех кругов поместного дворянства, бюрократии и интеллигенции, которые были напуганы революционными событиями во Франции, процессом С. Г. Нечаева в собственной стране и искали средств классового умиротворения. Многим из них Англия того времени казалась примером спокойствия и устойчивости, необходимым образцом для подражания. Эта точка зрения была выражена известным русским экономистом академиком В. П. Безобразовым (близко связанным с научными, литературными и правительственными сферами) в серии статей, появившихся первоначально в катковском журнале «Русский вестник».

«Более, чем когда-либо прежде, — писал Безобразов, — входит во всеобщее сознание старая истина, что своевременная реформа есть единственный путь спасения народов от всяких насильственных переворотов. На этом пути впереди всех государств, и всем подавая пример, неустанно работает Англия, хотя сама, несмотря на постоянные беспорядки в Ирландии, наиболее обезопасенная от всякой революционной смуты. Реформа следует за реформой, одна другой радикальнее в этой счастливой стране, нисколько политически не изживающей и нисколько политически не разрушаемой пролетариатом, вопреки давнишним предсказаниям всех континентальных радикалов ... Всего же замечательнее, что предлагаются и приводятся в исполнение в Англии конституционные преобразования под влиянием политических идей, выросших на континенте Европы и доселе чуждых всем национальным и историческим преданиям Великобритании».²⁵

Уже упоминавшийся Мецкерский яркими красками рисует настроение высшего петербургского общества периода его разговора с Шуваловым: «... проекторов тогда в области внутренней политики, — пишет он, — было в Петербурге сколько угодно, начиная

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1047, л. 1—1 об.
²¹ Дневник Д. А. Милютина. 1873—1875. Т. I. М., 1947, с. 119.

²² Н. Г. Залесов. Записки. — Русская старина, 1905, июнь, с. 539.

²³ Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958, с. 348—349.
²⁴ Воспоминания А. Н. Куломзина «Пережитое». ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 192, л. 53.

²⁵ В. П. Безобразов. Война и революция. Очерки нашего времени. М., 1873, с. 14—15.

с мечты о всеобщей волости и кончая земскою конституцією».²⁶ По словам Мещерского, центром, к которому стекались различные проекты и записки, был дом фельдмаршала князя А. И. Барятинского, с которым был близко знаком Шувалов и с которым они «обменивались в душевных беседах мечтаниями возложить на земство работу уничтожения общины или создания всеобщей волости, причем они мечтали иметь волостного старшину в лице русского лендлорда, а мягкошляпный нигилист мечтал эту должность занять сам для просвещения народа».²⁷

Мещерскому в его характеристике политических настроений петербургского общества начала 70-х годов вторит известный писатель и публицист К. Ф. Головин, служивший в то время во II отделении с. е. и. в. канцелярии, связанный родством и знакомством с высшими придворными и бюрократическими кругами Петербурга. Он пишет о возрождении в начале 70-х годов конституционных вожделений: «Все мы ... убежденно воображали, что в близком будущем мы очутимся на скамьях правого и левого центра и станем участвовать во всероссийской говорильне».²⁸

Вопрос о конституции или ее суррогатах обсуждался в то время и в интеллигентских слоях петербургского и московского обществ. Из записок Н. А. Чарушина мы знаем, что в декабре 1871 г. на квартире профессора Н. С. Таганцева состоялась встреча представителей либеральной интеллигенции и членов кружка Н. В. Чайковского, обсуждавших конституционную проблему.²⁹ Осенью 1873 г. интеллигенция, группировавшаяся вокруг газеты «Русские ведомости», собралась в Гейдельберге и выдвинула задачу «добиваться конституции».³⁰

План привлечения земства к обсуждению только вопроса о судьбах общинного землевладения вскоре Шуваловым был изменен. Во всяком случае эта проблема осенью 1871 г. в Совете министров не рассматривалась. Зато вскоре возникает проект создания правительственной комиссии, которая должна была всесторонне изучить состояние сельского хозяйства, и в том числе влияние общинного землевладения. Таким образом, вопрос о привлечении представителей общественности к обсуждению лишь одной из проблем внутренней политики ставился на более прочную базу, поскольку поднималось множество задач, теснейшим образом касающихся дворянства и земства.

Для осуществления плана политической реформы шефу жандармов нужен был помощник. По должности им должен был оказаться

министр внутренних дел. Однако именно А. Е. Тимашев совершенно не годился для столь ответственной и деликатной роли. Современники единодушно утверждают, что Тимашев мало интересовался делами министерства и часто являлся в Комитет министров или Государственный совет просто не подготовленным по вносимым им же делам. «В Комитет министров, — пишет А. Н. Куломзин в своих воспоминаниях, — он (Тимашев, — В. Ч.) приезжал большею частью не ознакомленный со своими делами и крайне затруднялся давать основательные объяснения, а когда общие фразы не помогали, очень покладисто брал дело назад».³¹ То же самое говорит о нем и Мещерский.³² Явившийся в начале 1870 г. к Тимашеву в министерство по поручению оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского Н. Г. Залесов на все задаваемые им вопросы слышал: «Не помню, справьтесь в департаменте, не знаю, на чем остановилось дело и т. п.».³³ Государственный секретарь Д. М. Сольский в письме Валуеву 1869 г. о Тимашеве писал: «Кресло Ваше, как водится, занято другим. Но с него не раздастся уже прежняя одушевленная речь, да лучше сказать, и просто ничего не раздастся».³⁴ Понятно, что такой человек, безусловно полезный Шувалову в других случаях, совершенно не годится для осуществления задуманного.

Как нельзя лучше для этой роли подходил предшественник Тимашева П. А. Валуев. Он был умен, ловок, прекрасно ориентировался в обстановке, умел выступать и вести спор. К. К. Грот отметил как характерную черту Валуева то, что он «блестящ ... в коллегияльных собраниях».³⁵ Для данного случая это имело немаловажное значение. Кроме того, Валуев, как и шеф жандармов, был сторонником введения в стране представительства. Все это и должно было склонить чашу весов в его пользу. Заручиться таким помощником, как Валуев, для Шувалова было тем более просто, что тот со времени своей отставки из Министерства внутренних дел фактически находился в стороне от государственной деятельности. Состоя лишь членом Государственного совета, он тяготился вынужденным бездельем и стремился к министерскому креслу. А. А. Половцов после посещения Валуева в марте 1870 г. занес в дневник строки, свидетельствующие о разочаровании Валуева, обойденного несколько раз при выборе глав ведомств, и о намерении уехать за границу, поскольку, по его словам, «в Петербурге человеку, не имеющему иных обязанностей, как члена Государственного совета, делать нечего».³⁶

²⁶ В. П. Мещерский. Мои воспоминания, ч. 2, с. 152.

²⁷ Там же, с. 155.

²⁸ К. Головин. Мои воспоминания. Т. I. 2-е изд. СПб., [б. г.], с. 202.

²⁹ Н. А. Чарушин. О далеком прошлом. Ч. I и II. Кружок чайковцев. Из воспоминаний о революционном движении 1870-х гг. М., 1926, с. 100—103; К. Головин. Мои воспоминания, с. 316—317.

³⁰ Русские ведомости. 1863—1913. М., 1913, с. 14.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 193, л. 44.

³² В. П. Мещерский. Мои воспоминания, ч. 2, с. 126—128, 153.

³³ Н. Г. Залесов. Записки. — Русская старина, 1903, октябрь, с. 83.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 629, л. 1 об.

³⁵ Воспоминания Н. А. Шестакова. ЦГАВМФ СССР, ф. 26, оп. 1, д. 18, л. 231.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 583, оп. 1, д. 8, л. 28 об.—29.

Валуев огорчился напрасно. Он был слишком пухлым для выполнения различного рода «деликатных» государственных дел человеком, чтобы его могли забыть император и его ближайшее окружение. А. И. Герцен предсказывал это еще в 1868 г. «Утепая» Валуева в связи с только что «ампутированным» министерским портфелем, он язвительно писал: «Разве забыл он, слабый и маловерный человек, что его покровитель Петр IV, именуемый Шуваловым, стоит еще у кормила тайной полиции? У него в руках царские страхи, и он может раздобыть ему когда-нибудь если не портфель, то хотя бы бювар».³⁷ В 1871 г. такой момент наступил. Летом этого года Шувалов в Эмсе вел с Валуевым, как это видно из их переписки, переговоры о предоставлении ему министерского портфеля.³⁸ В 1872 г. Валуев был поставлен во главе Министерства государственных имуществ. К этому времени он, конечно, был посвящен в план Шувалова и согласился ему содействовать, видимо, надеясь на осуществление своей заветной мысли о реформе Государственного совета.

То, что назначение Валуева было делом рук Шувалова, не вызывает сомнений. В приведенном уже высказывании Д. А. Милютина говорилось, что все выдвижения на ответственные посты согласовывались с Шуваловым. Куломзин прямо называет Валуева шуваловским «ставленником», а первым мероприятием этого «ставленника» было создание сельскохозяйственной комиссии, которую тот же Куломзин ставит в прямую связь с шуваловским замыслом политической реформы.³⁹ О том, что план организации сельскохозяйственной комиссии был обдуман Шуваловым и Валуевым еще до утверждения Валуева министром, говорят обстоятельства ее учреждения. 16 апреля 1872 г. состоялось назначение Валуева, а 2 мая 1872 г. им был подписан чистовой экземпляр довольно обширного всеподданнейшего доклада,⁴⁰ который уже 3 мая, т. е. если не в первый, то в один из первых докладов по министерству, был подан Валуевым императору. В напряженное время приема дел и официальных представлений, связанных с вступлением в должность, Валуев сумел составить обстоятельный и детально разработанный план.

В докладе Валуев ходатайствовал о создании под его председательством комиссии, которая контролировалась бы Комитетом министров, куда он обязывался представлять ежемесячно отчеты о деятельности комиссии и куда должен был поступить ее итоговый доклад. Таким образом, материалы комиссии должны были рассматриваться в учреждении, где Шувалов вел за собой боль-

шинство. Хотя Валуев исходил из того, что комиссии предстоит исследовать состояние сельскохозяйственного производства, необходимость ее создания мотивировалась только положением крестьян и давлением общественного мнения. «Наша пресса переполнена толками „о бедственном положении народа“. Эти толки возникли в земских собраниях и повторялись систематически перед судом во время нечаевского процесса. Ни один голос, по крайней мере в среде правительственных учреждений, их не опровергает»,⁴¹ — писал он в докладе. Так подводилась база под необходимость дать отчет общественности о положении дела и привлечь ее к обсуждению диктуемых этим положением изменений в политике.

Интересна и еще одна особенность предложения Валуева: он отвергал как практически нецелесообразный метод официальных запросов земских и дворянских собраний по проблемам сельского хозяйства, ибо там «круг рассматриваемых вопросов расширяется по инициативе этих собраний и ... могут возникать по этому поводу не только бесполезные толки, но и разные неосновательные и неуместные предположения и ходатайства»,⁴² а потому просил о предоставлении проектируемой комиссии права вызывать на свои заседания как официальных, так и частных лиц для получения от них нужных сведений. При этом он ссылался на положительный опыт именно так поступающих английских «королевских комиссий», т. е. английских парламентских комиссий. Неизвестно, обратил ли император внимание на это заимствование из английской парламентской практики, но коллеги Валуева по Комитету министров, куда по распоряжению императора был передан на обсуждение доклад, сразу задали ему вопрос: что он имеет в виду, сравнивая создаваемую комиссию с парламентскими. Ответ Валуева был, как это отразил журнал заседания, чрезвычайно уклончивым. Он заявил, что комиссия будет иметь целью «не столько собиранье мнений, сколько собиранье точных и определенных сведений по предметам, подлежащим исследованию посредством спроса лиц, практически знакомых с делом, что занятия сей комиссии будут исключительно направлены к исполнению предначертаний вашего императорского величества» и т. п.⁴³

Комитет министров удовлетворился этим объяснением и одобрил создание сельскохозяйственной комиссии на предложенных Валуевым основаниях.⁴⁴

Находившийся в это время в Карлсбаде шеф жандармов, еще не зная результатов обсуждения дела, подбадривал своего союзника в письме от 13 мая 1872 г.: «Я хочу верить, что Ваши

³⁷ А. И. Герцен. Собр. соч. Т. XX. М., 1960, с. 331.

³⁸ П. А. Шувалов — П. А. Валуеву, 19 октября 1871 г. ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 672, л. 86.

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 1042, оп. 1, д. 192, л. 45.

⁴⁰ Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 3588, л. 221—227 об. (Приложение к ст. 248).

⁴¹ Там же, л. 222.

⁴² Там же, л. 224 об.—225.

⁴³ Там же, д. 3587, л. 204—204 об.

⁴⁴ Там же, л. 205 об.—206.

предложения будут хорошо приняты и Комитетом министров, и особенно общественным мнением, уже давно ждущим просвещенной мысли Вашего министерства, которое вскормит это мнение мерами национальными и для европейских желудков особенно перевариваемыми». ⁴⁵

Комиссия Валуева была создана из представителей министерств Внутренних дел, Финансов, Государственных имуществ и Удельного ведомства (всего 11 человек вместе с председателем) при Министерстве государственных имуществ; вся подготовительная работа была сосредоточена в Департаменте земледелия и сельской промышленности, около 40 чиновников этого министерства занималось сбором материалов и их обработкой. ⁴⁶

Первый этап истории Комиссии Валуева — получение материалов для обсуждения. Он продолжался с мая по ноябрь 1872 г. За это время Департаментом земледелия был накоплен богатый, хотя и отрывочный материал. Сбор его производился тройным способом: часть сведений была получена с мест от губернаторов и председателей сельскохозяйственных обществ, к которым Валуев обратился с циркуляром; другая часть была получена командированными в разные губернии чиновниками Министерства государственных имуществ и, наконец, третья часть была извлечена из дел министерств. Уже краткая программа, по которой в этот период представлялись сведения, состояла из 10 пунктов, охватывающих многие важнейшие стороны аграрного вопроса и равным образом касающихся крестьянского и помещичьего хозяйств. Запрашивались данные о характере применяемого для обработки помещичьей земли труда (вольнонаемный, испольщина, издольщина и т. п.), ценах на вольнонаемный труд, ценах на землю (покупные и арендные, в том числе долгосрочная и краткосрочная аренда), величине обложения земель, урожайности, ценах на хлеб, состоянии скотоводства, подсобных промыслов, а также о влиянии общинного землевладения на положение сельского хозяйства. ⁴⁷

К ноябрю 1872 г. такого рода сведения, правда очень неполные, были собраны. Впрочем, Валуев и не стремился к исчерпывающей полноте. Об этом свидетельствует спешка в работе, бросающаяся в глаза каждому, кто обращался к ее истории. Автор статьи о Комиссии Валуева отмечал, что работа велась «с непонятною поспешностью и неизбежно при таком условии канцелярскою небрежностью». ⁴⁸ Причины этого становятся понятными при выяснении закулисной стороны истории Комиссии.

⁴⁵ Там же, ф. 908, оп. 1, д. 672, л. 88.

⁴⁶ Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873, с. 1—2, 43—44 (далее — Доклад...).

⁴⁷ Там же, с. 53а.

⁴⁸ Я. Ст.-к. Валуевская комиссия. — Русская мысль, 1891, № 4, с. 28.

Цель Валуева заключалась не в детальном выяснении подлинной картины и составлении окончательных рекомендаций, а лишь в определении круга проблем, которые требуют своей дальнейшей разработки и обсуждения их правительством и представителями общества. А. Н. Куломзин пишет, что «в частных беседах как с опрашиваемыми в Комиссии лицами, так и вообще в общественных кругах Валуев не скрывал своей твердой уверенности, что поднятые вопросы будут разработаны в высшей под его начальством коллегии из представителей местных общественных учреждений». ⁴⁹

Хотя Валуев на заседаниях Комитета министров уверял, что целью Комиссии будет сбор не столько мнений, сколько точных сведений, в действительности же Комиссия шла именно по пути сбора мнений. Этим и объясняется, по-видимому, тот факт, что за получением однотипных данных Комиссия обращалась к разным источникам. Валуеву важно было сослаться на возможно более широкий круг опрошенных лиц, подтвердить заключения Комиссии мнениями самых различных деятелей. В заключительном докладе Комиссии поэтому было скрупулезно подсчитано по категориям число лиц, приславших в Комиссию свои ответы. Круг лиц, доставивших сведения в Комиссию, был достаточно широк уже на первом этапе — до открытия заседаний. Материалы были получены от губернаторов, членов губернских по крестьянским делам присутствий, мировых посредников, предводителей дворянства, деятелей земских учреждений, помещиков, арендаторов и управляющих имениями, чиновников казенных палат, полицейских чинцов, священников, выборных лиц крестьянского самоуправления, крестьян. Особенным вниманием пользовались помещики. Из общего количества лиц, представивших в Комиссию материалы, в этот период почти 1/3 часть (283 из 958) составляли помещики. Крестьян же было только 17 человек. ⁵⁰ Собранные сведения в Министерстве государственных имуществ проходили несложную обработку: они группировались по темам, а внутри тем — по губерниям и сразу же направлялись в типографию. Сообщения одного какого-либо лица по одному из уездов большой губернии считалось достаточным для того, чтобы дальнейшие изыскания не проводить. ⁵¹

В ноябре 1872 г. полученный материал был признан достаточным для того, чтобы Комиссия смогла обратиться к его рассмотрению. Заседания Комиссии начались 21 ноября 1872 г., работа велась очень напряженно, еженедельно члены Комиссии собирались по 2—3 раза. ⁵² Целью заседаний было изучение со-

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 192, л. 46.

⁵⁰ Доклад..., с. 1—2.

⁵¹ См., например, Доклад..., Приложение 1, отдел 1, с. 9, 191, 212.

⁵² Доклад..., Журналы заседаний, с. 1—42.

браанных данных, получение дополнительных сведений от специально вызванных на заседания лиц, рассмотрение записок членов Комиссии по отдельным вопросам, составление заключительного доклада. На заседаниях была разработана окончательная форма анкеты для опроса вызываемых лиц. Она содержала очень внушительное число вопросов — 269! Ответы были застенографированы и затем изданы отдельным сводом.⁵³ Анкета охватывала все стороны аграрного вопроса. Наряду с общими экономическими проблемами: земельной, налоговой, рабочих рук, общинного землевладения и т. п., она включала и множество частных агротехнических проблем. На заседаниях Комиссии выступили как находящиеся на государственной службе, так и частные лица (всего 181 человек). Их состав был примерно тем же, что и на подготовительном этапе: помещики составляли почти 2/3 от общего числа опрошенных (их было 111 человек), зато крестьяне были представлены только одним человеком, далее по убывающей шли представители дворянства (25 человек), председатели земских управ (11 человек) и губернаторы (11 человек).⁵⁴ Поскольку эти последние категории несомненно в подавляющем большинстве состояли из помещиков, доля их «мнений» по аграрному вопросу возрастает.

При более чем «благонамеренном» составе опрошенных итог, к которому была вынуждена прийти Комиссия Валуева, был неутешительным. В заключительном докладе вывод о неудовлетворительном состоянии сельского хозяйства (в самом широком смысле) был расцвечен рассуждениями о переходном характере переживаемого момента, «благодетельности» реформы и т. п.,⁵⁵ а потому звучал не так резко. На заседании же Комиссии при обсуждении проекта доклада он был сформулирован сжато и категорично: «положение хозяйства и производительности весьма неудовлетворительно». На одном из заседаний Комиссии специально рассматривался вопрос об общине, поскольку, как заявил Валуев, членам Комиссии необходимо высказаться по этому поводу. Однако он поставил на рассмотрение только два важных аспекта обширной темы: следует ли облегчить выход из общины отдельным лицам и нужно ли принять меры по ограничению пределов.⁵⁷ Это была очень осторожная постановка вопроса о судьбах общинного землевладения, однако вывод о необходимости отказа от него напрашивался сам собою, поскольку в журнале заседаний подчеркивалось: «общинное землевладение ... по единогласному почти отзыву всех выслушанных в Комиссии лиц и собранных ею письменных заявлений составляет одно из главных

препятствий успешному развитию хозяйства в среде крестьянского населения».⁵⁸

Последнее заседание Комиссии состоялось 28 апреля 1873 г., и тотчас же заключительный доклад ее вместе с журналами заседаний и всеми собранными материалами был направлен в Комитет министров. Заседание Комитета министров по представлению Валуева состоялось 9 мая 1873 г.⁵⁹ К этому времени Валуев уже поднес императору отпечатанный и особо переплетенный экземпляр трудов Комиссии.⁶⁰ Оперативность работы Валуева была поистине удивительна. Материалы передавались в печать буквально с непросохшими еще чернилами. Во второй половине мая 1873 г. типография сдала уже заказчику весь тираж. (22 мая 1873 г. датировано письмо Статистического отдела Департамента земледелия, препровождавшее в Департамент общих дел Министерства государственных имуществ счета типографии за выполненную работу).⁶¹

Представление Валуева в Комитет министров, помеченное 4 мая 1873 г.,⁶² по сути дела сводилось к двум предложениям: во-первых, к отсрочке рассмотрения Комитетом заключений Комиссии и, во-вторых, к довольно широкому распространению трудов Комиссии. Валуев считал нужным разослать их высшим правительственным лицам, участникам заседаний Комиссии, а также редакциям «главных» газет и журналов. И отсрочка, и рассылка материалов мотивировались необходимостью сбора дополнительных данных. Предложения Валуева были приняты Комитетом министров; круг лиц, получающих по его решению возможность ознакомиться с материалами Комиссии, еще более расширился: часть тиража поступала в свободную продажу.⁶³ Журнал Комитета министров не называет автора этой идеи, однако из рассказа Шувалова Маркевичу, который будет приведен ниже, становится ясно, что инициатива должна была исходить от шефа жандармов. На основании этого решения материалы Валуевской комиссии были распространены и получили большую известность.

Труды Комиссии (пять обширных томов) включали заключительный доклад Комиссии, журналы ее заседаний и изданные в виде семи приложений собранные ею материалы, сведенные в три большие группы. Первую группу составляли данные о состоянии сельского хозяйства, вторую — мнения о недостатках его, третью — мнения о необходимых для их исправления мерах,

⁵³ Там же.

⁵⁴ Журнал заседаний. См.: ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 3650, л. 155—167 об. (ст. 304).

⁵⁵ Там же, л. 165—165 об.

⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 36, д. 12571, л. 19—19 об.

⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 3651, л. 172—172 об.

⁵⁸ Там же, д. 3650, л. 167—167 об.

⁵³ Доклад ... Приложение VI.

⁵⁴ Доклад ... с. 2—3.

⁵⁵ Там же, с. 4—8, 40—41.

⁵⁶ Доклад ... Журналы заседаний, с. 22.

⁵⁷ Там же, с. 29.

причем каждый отмеченный недостаток и предлагаемая мера сопровождалась указанием автора.⁶⁴

Не только метод работы Комиссии (обращение правительственных деятелей за сведениями и мнениями к представителям общества), но и документы ее должны были оживить в публике конституционные надежды. Материалы Комиссии П. А. Валуева были изданы в виде документов английского парламента, так называемых «синих книг» (blue books). Форматом, цветом, манерой оформления тома материалов Комиссии настолько походили на «синие книги», что, будучи поставлены рядом, совершенно от них не отличались.⁶⁵ В кругу правительственных деятелей негласно их так и называли — «blue books».

Официальная мотивировка отсрочки рассмотрения выводов Комиссии не выдерживает критики: никто и не пытался пополнить материал. Испрошенная отсрочка была нужна Валуеву и Шувалову для придания делу огласки и получения, в частности и по этому мотиву, разрешения императора на привлечение общественных групп к дальнейшему обсуждению дела.

Лето 1873 г. и было использовано П. А. Валуевым и П. А. Шуваловым для распространения документов Комиссии и привлечения к ним общественного внимания. Большая надежда возлагалась ими в этом смысле на М. Н. Каткова, от которого ждали поддержки идеи общественного представительства. Еще до завершения публикации материалов Комиссии П. А. Шувалов разговаривал о них с петербургским информатором М. Н. Каткова В. М. Маркевичем, посредником в сношениях шефа жандармов с издателем «Московских ведомостей», которые глава III отделения рассчитывал сделать своим рупором. П. А. Шувалов весьма откровенно изложил В. М. Маркевичу (для передачи М. Н. Каткову) истинную подоплеку создания комиссии, свои взгляды и намерения, будучи совершенно уверен в осуществимости последних.

11 мая 1873 г. В. М. Маркевич сообщал М. Н. Каткову: «Указывая мне на гору фоллиантов, брошюрованных бумаг, которые лежали у него на столе, Ш[увалов] сказал мне: „Вот документы чрезвычайной важности, но не хлопчите добывать их, так как Валуев просил нас в Комитете министров дозволить ему сообщить экземпляры этих трудов главнейшим нашим редакциям; это результаты Комиссии, которую он, со свойственной ему пышностью фразы, продолжает называть *enquête parlementaire*. На эту рассылку мы все охотно согласились, а я лично побуждал его к этому, так как этим трудам придаю чрезвычайную важ-

ность. Они с полной объективностью представляют настоящее экономическое и нравственное положение России таким, как его сделало 19 февраля. Из этого нельзя не убедиться, что, преклоняясь пред тем благом, которое внесено этою реформою, рядом с ним возникли и такие уродливые явления, такое зло, которое требует радикального лечения. Мы в нашем настоящем составе правительства не способны быть врачами его; нужны другие, более свежие силы. Поэтому, сообщая Вам это доверительно, в принципе решено, что вопросы, исходящие из этих исследований Валуевской комиссии, послужат мотивами, не позднее будущей государственной сессии (имеется в виду начало заседаний Государственного совета после летних вакаций, — В. Ч.), к ряду прений в законодательном порядке, с участием в них членов от земства, которые призваны будут сюда по выбору самих земств, а не как эксперты, назначенные самими нами“. — „Но это начало конституции?“ — сказал я ему на это. Он улыбнулся. „Ясно, — отвечал он, — что для России это последнее самодержавное правление. Император умрет самодержцем, если он этого хочет, но нельзя допустить, чтобы его обогнала сила вещей, а она такова, что выпуждает нас прибегнуть к живым силам страны“. — „Но думаете ли Вы, — сказал я, — что земства Вам дадут благонадежные, консервативные силы? Кем, какой литературой, какими примерами и поучениями воспитались у нас эти земские люди, и сидят ли у нас в земствах лучшие и просвещеннейшие люди?“ — „Это нужно насаждать! — отвечал Ш[увалов] — и, по некотором молчании, промолвил, — Вы мне окажете услугу, сообщив об этом М[ихаилу] Н[икифоровичу]; его мнения высоко ценит Государь, не говоря уже обо мне; время терпит, он поразмыслит на досуге о том, что я Вам только что сказал, и его мнение будет нам ценно“».⁶⁶

Передав этот разговор, В. М. Маркевич добавлял от себя свои впечатления: «В течение моих бесед с Ш[уваловым] по этому и другим предметам, я мог заметить не раз, что он сильно желает доказать, что так называемая консервативная партия есть в действительности партия либеральная и в этой мысли призвания земства к участию в государственном законодательстве важное место занимает желание заявить себя либеральным. Это приносит ему много чести лично, но в какой мере можно будет осуществить эту мысль для большего блага страны — вот в чем вопрос».⁶⁷

Валуев, со своей стороны, 9 мая 1873 г. извещал М. Н. Каткова, считая, что тешит его англоманство: «На днях надеюсь Вам послать доклад Комиссии по делам сельского хозяйства. Это первый blue book в России».⁶⁸ Добиваясь поддержки М. Н. Кат-

⁶⁴ Доклад..., Приложения II и III.

⁶⁵ Именно поэтому К. Маркс именует материалы Валуевской комиссии непопулярным на первый взгляд названием — «синие книги». См.: Архив Маркса и Энгельса. Т. XII. М., 1952, с. 19.

⁶⁶ РО ГБЛ, ф. 120, папка 27, д. 3, л. 45—48.

⁶⁷ Там же, л. 48.

⁶⁸ Русская старина, 1916, июнь, с. 361.

кова, министр государственных имуществ в своем письме от 21 июня 1873 г. издателю «Московских ведомостей» прибегал к откровенной лести: «Вы одни умеете быть настоящей политической прессой», — писал он, — в уровень моему идеалу „Times“ и более чем в уровень лучшим немецким газетам». ⁶⁹

Катков получил материалы Комиссии Валуева, и в «Московских ведомостях» появились благожелательные по отношению к деятельности Комиссии, хотя и посвященные частным вопросам статьи. ⁷⁰

Отклики на материалы и выводы Комиссии появились и в других газетах, и в журналах.

Между тем приближалось обсуждение выводов Комиссии П. А. Валуева, что должно было явиться поводом для возбуждения вопроса о привлечении представителей общества к участию в разработке аграрного законодательства. Выдвижение на обсуждение членов Комитета министров идеи создания в стране той или иной формы общественного представительства требовало разрешения императора. Получением такового и занялся П. А. Шувалов осенью 1873 г. В начале октября в Ливадии, где находился в это время Александр II, он имел с императором беседу, во время которой, сумев, по-видимому, доказать всю безобидность и даже полезность для самодержавия некоторых незначительных пачатков представительства, он получил согласие на обсуждение этой проблемы в рамках оговоренных им условий. Об этом он пишет П. А. Валуеву 8 октября 1873 г. «Я смирился, дорогой Петр Александрович, с невзгодами моего путешествия, так как полагаю, что достиг важной цели. Я имел случай завладеть вниманием императора на время, необходимое для развития дела, которое нас занимает, и его величество не только согласился, но, кажется, с симпатией отнесся ко всем пунктам, выработанным в нашей последней беседе, а именно:

1) Необходимость серьезного изучения дела в Комитете министров.

2) Полезность заседания под его председательством.

3) Создание комиссий с включением в них выборного земского элемента, комиссий под председательством лиц, пользующихся доверием императора.

4) Изменения, которые следует произвести в структуре Вашего министерства и в составе, предложенные Вами.

Более того, император одобрил мое условие — оставить дело в наших руках, при участии канцелярий высших государственных учреждений.

Итак, мы будем иметь успех, если Вы, с Вашей стороны, поддержите перед императором идеи, выраженные мною, ибо он

будет говорить с Вами об этом. Позвольте мне, стало быть, рассчитывать на Вашу полную поддержку, и я очень надеюсь, что проблема, которой Вы посвятили столько тягостных часов, будет разрешена практически и что мы в то же время спасем земство от смерти, на которую его ежедневно обрекает министерство бездарных опекунов, обезобразивших его, но земство остается тем не менее Вашим детищем. Спасите же его вместе со мною, так как оно собирается испустить свой последний вздох. Я говорил со многими губернаторами — все они, те, что не являются идиотами, уверяли меня, что если случай представится, представитель от их губернии будет консервативный и умный». ⁷¹

Здесь уместно подчеркнуть, что в это время П. А. Шувалов еще умалчивает о намерении привлечь к обсуждению проблем внутренней политики, помимо земства, представителей дворянства как сословия. А для этого, не в последнюю очередь, им и были предприняты шаги к осуществлению политической реформы. По-видимому, это объясняется тем, что в глазах императора представительство дворянства, класса привилегированного и отчетливо обнаружившего свои политические поползновения, было более опасно для его абсолютной власти, чем всесословного земства, с которым можно было считаться гораздо менее.

Как свидетельствует это письмо, шеф жандармов принял согласие императора на обсуждение этой проблемы за готовность его принять некоторые формы общественного представительства, а потому и был полон надежд на проведение в жизнь своей идеи. Держа в тайне от многих своих коллег разговор с императором, он поспешил известить о нем М. Н. Каткова, на поддержку которого, как уже говорилось, рассчитывал. 10 ноября 1873 г. Б. М. Маркевич извещал издателя «Московских ведомостей»: «Ш[увало]в, по-видимому, в настоящую минуту весь предан одной мысли: созыву лиц от земства для обсуждения вопросов государственной важности, имеющих возникнуть по предметам, входящим в состав трудов Валуевской комиссии (я Вам еще в прошлом сезоне писал об этом предположении его). В настоящее время он уже получил в принципе одобрение государем этой мысли, — о чем, — говорил он, — многие из товарищей его еще не знают. На днях Комитет министров начнет, как говорил он, суждения „не по существу, а относительно дальнейшего хода, который следует дать возникающим из этого труда вопросам“. Он находит, что об этом до времени говорить в печати не следует, — „но когда дело начнет принимать форму, Ваша газета первой этим воспользуется“». ⁷²

Обсуждение доклада Валуевской комиссии в Комитете министров началось 20 ноября 1873 г. и продолжалось до конца

⁶⁹ Там же, с. 362.

⁷⁰ Московские ведомости, 5 и 25 июня 1873, № 139, 159.

⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 672, л. 90—91 об.

⁷² РО ГБЛ, ф. 120, папка 27, д. 3, л. 91.

февраля 1874 г. На каждом из еженедельных заседаний Комитета часть времени отводилась этому вопросу. Суть заключений Валуевской комиссии сводилась к следующему: положение сельского хозяйства требует широкого государственного вмешательства, при этом необходим ряд законодательных мер и совместные действия всех причастных к этому министерств и ведомств. Неизбежные при этом затраты окупятся в дальнейшем.⁷³ Однако каких-либо точных рекомендаций, четко отграничивающих главное от второстепенного, указаний на центральные вопросы, которые должны быть решены в первую очередь, Комиссия не давала. Осторожный Валуев последовательно перечислял множество необходимых мер, и вопрос о «несоразмерности» выкупных платежей соседствовал с пунктом о «воспособлении» сыроваренно.⁷⁴

Выводы Комиссии были облечены в очень обтекаемую форму. Так, например, о выкупных платежах в докладе Комиссии говорилось: «Не предвещая вопроса о мерах к предотвращению вредных последствий, проистекающих от несоразмерности выкупных платежей, вопроса весьма важного и для правительства, терпящего от накопления недоимок немаловажный ущерб, Комиссия считает своею обязанностью указать на это прискорбное явление, подтвержденное ей многими из лиц, заслушанных ею и подкрепляемое собранными податной комиссией данными».⁷⁵ Такую форму осторожной «желательности» носили все выводы Комиссии. Валуев предлагал на рассмотрение обширную программу, перечисление лишь наиболее крупных пунктов которой заняло бы несколько страниц, однако не брался точно определить самые ближайшие направления правительственной политики в этом отношении. Теперь от Комитета министров зависело дальнейшее направление дела: одинаково возможны были постановка вопроса о скорейшем осуществлении ряда важных преобразований и «принятие к сведению» полученных данных или вынесение решений по маловажным вопросам. Надлежало также определить порядок дальнейшего обсуждения аграрных проблем.

С предложением привлечь общественных представителей к обсуждению в центральном представительном учреждении проблем внутренней политики Шувалов впервые выступил на заседании Комитета министров 27 ноября 1873 г., т. е. сразу же после начала обсуждения там проблем сельского хозяйства. Об этом выступлении Шувалова и об этом заседании Комитета министров подробно рассказывается в воспоминаниях А. Н. Куломзина, служившего в то время в канцелярии Комитета министров; ему-то и было поручено составление журнала Коми-

тета по рассмотрению доклада Валуевской комиссии.⁷⁶ В главе его воспоминаний «Пережитое», которая посвящена его службе в канцелярии Комитета, есть раздел, озаглавленный «Новая попытка привлечения общественных слоев к политической жизни. Секретный журнал Комитета министров».⁷⁷ Этот раздел почти целиком (7½ стр. из 10) посвящен заседанию 27 ноября и в значительной степени непосредственно выступлению Шувалова. Куломзин сообщает, что, несмотря на запрещение составлять какие-либо документы, связанные с обсуждением предложения Шувалова, он бегло записал происходившие прения, а затем, по окончании заседания, буквально по горячим следам, привел запись в порядок.⁷⁸ Сохранение именно этой частью мемуаров стиля подробной протокольной записи, отличного от мемуарного стиля вообще и стиля других частей воспоминаний Куломзина, заставляет думать, что в момент составления воспоминаний перед автором лежал сам протокол, который и был введен в текст без изменений. Куломзин лишь добавил небольшое предисловие и заключение: первое поясняло предысторию выступления Шувалова, а последнее излагало точку зрения Куломзина на причину провала шуваловской идеи.

Выступивший на заседании Шувалов заявил, что Комитету министров предстоит вынести решение о порядке дальнейшего рассмотрения выводов Валуевской комиссии. В этой связи он и предложил свой вариант такового. Ни словом не упомянув о существеннейшей части своего замысла — привлечении к обсуждению этих вопросов представителей дворянства, он высказался за созыв представителей земства. При этом им неоднократно подчеркивалась «политическая» необходимость и целесообразность такой меры. Свои предложения он подробно обосновал и аргументировал. Исходной точкой рассуждений шефа жандармов являлось признание того факта, что Россия из-за тяжелого положения сельского хозяйства стоит перед назревшей проблемой осуществления важных преобразований, которые должны быть тщательно взвешены и продуманы. Итогом работы Комиссии Валуева было, с его точки зрения, выяснение «болезненного состояния страны», наличия разного рода «недугов», которые стали вследствие широкого распространения Трудов Комиссии и допущенной относительно ее работы гласности хорошо известны обществу, что обязывает правительство к скорейшему принятию мер по «улучшению» этих «недугов». Эти же обстоятельства диктуют необходимость участия представителей общества в обсуждении той части поднятых сельскохозяйственной комиссией

⁷⁶ С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. III, ч. 1. СПб., 1902, с. 93.

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 192, л. 45—54.

⁷⁸ Там же, л. 47.

⁷³ Доклад..., с. 42.

⁷⁴ Там же, с. 44, 48.

⁷⁵ Там же, с. 48.

проблем, которые не могут быть решены в области чисто административной.

Что касается того, кого следует привлечь к обсуждению чисто «хозяйственных», но требующих законодательного решения вопросов, то здесь Шувалов прямо указал на земские учреждения. «Громадный механизм, созданный в виде земских учреждений, остающийся без умственной пищи, вселяет опасения политического свойства, — заявил он. — Правительство, создав известные хозяйственные учреждения, призвав их к управлению хозяйственными интересами страны, имеет правительственную обязанность обращаться к этим учреждениям за сведениями по хозяйственным вопросам, в центральном правительстве возбуждаемым». ⁷⁹ Он отрицательно отозвался о существовавшей практике передачи некоторых хозяйственных проблем на обсуждение земских учреждений на местах, что якобы давало лишь множество противоречивых и разнохарактерных суждений, и предложил иной принцип привлечения земцев к совещательной, причем на этот раз законосовещательной деятельности: вызов их представителей в законосовещательную коллегию.

По-видимому, Шувалов не имел точно очерченного плана относительно принципов и организационной стороны деятельности такой коллегии, причем не только плана, письменно зафиксированного, но даже и занесенных на бумагу черновых набросков. Никто из пишущих об обсуждении дела и в Комитете министров, и в частных беседах ни о каких подобных документах не упоминает. Такое «пренебрежение» Шувалова к точному плану совершенно понятно: в этом сложном деле, которое неизбежно должно было натолкнуться на принципиальные возражения, нецелесообразно было вести обсуждение вокруг точно сформулированных пунктов, гораздо разумнее было поставить вопрос в принципе, а затем выяснить и утвердить ту общую платформу, на которой было бы возможно соглашение большинства министров. Поэтому и на этом заседании, когда всего лишь выяснялись взгляды членов Комитета, и в дальнейшем Шувалов формулирует свои предложения в самой общей форме.

На этом заседании он высказал мысль о передаче обсуждения поднятых Валуевской комиссией вопросов в одну или две «комиссии» ⁸⁰ с привлечением как представителей тех ведомств, которые имеют непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам, так и «выборных от земских учреждений экспертов». Комиссии эти под председательством «особо доверенного лица» должны заняться обсуждением уже подготовленного в соответ-

ствующих ведомствах проекта. Шувалов точно не оговаривал ни числа, ни состава этих выборных от земства, он лишь подчеркнул, что, в случае принятия его предложения в принципе, следует с «надлежащей постепенностью и осторожностью» решить это. «Ввиду сего от всестороннего в центральной комиссии обсуждения, — заявил Шувалов, — зависеть будет правильное направление настоящего дела в отношении как к числу вопросов, подлежащих передаче на разрешение упомянутых смешанных совещаний, так и к постепенности их рассмотрения и вызова к тому от подлежащих местным учреждениям выборных экспертов». ⁸¹

Итак, шеф жандармов рекомендовал привлечь представителей земства к законосовещательной деятельности по разработке широкого круга проблем, связанных с сельским хозяйством и поставленных Комиссией Валуева. Уточнение организационных сторон работы таких коллегий должно было стать делом дальнейшего обсуждения. Только при условии совместной работы правительства и общества и можно «рассчитывать на основательное, всестороннее обсуждение проектируемых законодательных мер и на совершенную их целесообразность» — такова была основная мысль шефа жандармов, подкрепленная им ссылками на опыт разработки крестьянской реформы, к чему было привлечено дворянство. ⁸² При этом он выдавал выдвигаемое им предложение за мысль, разделяемую и императором, на что, как говорилось выше, он имел некоторое, хотя и весьма непрочное основание. Куломзин пишет, что, отвечая членам Комитета министров, удивленным употребляемым Шуваловым местоимением «мы», кого он подразумевает, Шувалов назвал императора и себя. ⁸³

Запись Куломзина показывает, что Шувалова поддержал Валуев, который также заявил о «неудобствах», создаваемых передачей дел на обсуждение земствам на места, и полностью согласился с шефом жандармов относительно важности, как он выразился, «политического значения и моральной санкции, которую придало бы законодательным мерам, предлагаемым бывшею под его председательством Комиссией, предварительное их рассмотрение с участием выборных от земства экспертов». ⁸⁴ Однако Валуев тут же подчеркнул несколько моментов ограничительного характера, которые, впрочем, звучали и у Шувалова. Он заявил, что ряд вопросов (какие именно, он не указал) должен быть безусловно изъят из ведения этих комиссий и составлять исключительную компетенцию правительственных учреждений. Кроме того, само обсуждение тех проблем, которые будут переданы на обсуждение представителей земства, должно быть поставлено

⁷⁹ Там же, л. 47—48.

⁸⁰ Слово «комиссия» в тексте всюду зачеркнуто Куломзиным и вместо него вставлено слово «совещание», но правильное, по-видимому, употреблять термин «комиссия», так как другие источники говорят именно о «комиссиях».

⁸¹ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 192, л. 49.

⁸² Там же, л. 49—50.

⁸³ Там же, л. 53.

⁸⁴ Там же, л. 50.

в какие-то жесткие рамки, ибо в противном случае возможны последствия, «опасные в политическом отношении».⁸⁵ Иными словами, Валуев опасался, что критика и требования земцев пойдут гораздо далее, чем то может допустить правительство. С его точки зрения, такими рамками должны стать составленные правительственными учреждениями проекты, которые и будут переданы на рассмотрение выборных.⁸⁶ Таким образом, права и возможности комиссий сразу же предполагалось сильно ограничить.

Тем не менее и эта скромная идея шефа жандармов и его, как выражался военный министр Д. А. Милютин, «подручника» Валуева сразу же натолкнулась на отпор некоторых членов Комитета министров. Куломзин, кроме выступлений Шувалова и Валуева, в своей записи отразил позицию еще только трех членов Комитета: председателя Комитета П. Н. Игнатьева, министра финансов М. Х. Рейтерна и военного министра Д. А. Милютина. И все они, особенно Игнатьев, по разным причинам высказались против этого. Хотя в предложении Шувалова весьма мало «конституционного», а самое слово «конституция» вообще не произносилось, все подобные проекты, хоть в малейшей степени расширявшие участие в делах государственного управления представителей общества, считались посягательством на исключительные прерогативы самодержавия, первой трещинкой в здании самодержавной власти, которая неизбежно приведет к конституции.

Игнатьев чрезвычайно испугался этого сравнительно безобидного предложения скорее всего потому, что, зная неблагоприятное отношение императора к подобного рода проектам, не очень поверил заявлению шефа жандармов о полученном согласии императора и опасался, что «высочайший гнев» в случае, если члены Комитета министров обнаружат свои «конституционные» склонности, обрушится в первую очередь на него как председателя Комитета. Поэтому позиция Игнатьева все время была позицией последовательного отрицания мысли о представительстве. На этом заседании он сразу же заявил, что это предложение является «нецелесообразным и опасным». Аргументация его, согласно Куломзину, сводилась к следующему. Во-первых, вызов группы земцев в столицу оторвет их от занятий и плохо скажется на выполнении ими непосредственных обязанностей на местах. Во-вторых, эта мера вызовет недовольство того большинства земских деятелей, которое окажется в стороне. В-третьих, сомнительно, что выборных удастся удержать при обсуждении дел в намеченных рамках, а «нарушение поставленных границ со стороны сказанных земских представителей может привести к опасным последствиям». В-четвертых, эта мера противоречит самому характеру земских учреждений, задачи которых ограни-

чиваются рамками местного хозяйства. Наконец, в-пятых, вызов отдельных земцев в качестве экспертов зависит целиком от желания министров.⁸⁷

Позиция и аргументация министра финансов М. Х. Рейтерна и военного министра Д. А. Милютина, с точки зрения составителя секретного журнала заседания Комитета министров А. Н. Куломзина, были настолько сходными, что он объединил их. Эти два министра отстаивали прежний порядок разработки законопроектов в небольших комиссиях, особо создаваемых каждый раз для рассмотрения только одного частного вопроса при каком-либо ведомстве, под контролем главы этого ведомства и с вызовом специалистов. Министры военный и финансов подчеркивали прежде всего не политическую, а практическую нецелесообразность рассмотрения в одной или двух земских выборных комиссиях всего множества сельскохозяйственных проблем, поскольку это неизбежно растянет обсуждение и сделает его менее квалифицированным, чем при вызове отдельных экспертов. Относительно политической стороны дела в записи Куломзина отмечено лишь, что оба министра вслед за Валуевым в обсуждении вопросов земскими комиссиями, не ограниченном подготовленными государственными учреждениями проектами, усматривали политическую опасность.⁸⁸

Отрицательное отношение Д. А. Милютина к предлагаемому введению в России элементов представительного правления (при том, что сам он в 1879 г. явился автором проекта государственных реформ, предусматривавших введение в состав Государственного совета выборных от земства, а в 1881 г. был одним из наиболее твердых сторонников аналогичного проекта М. Т. Лорис-Меликова⁸⁹) может быть объяснено двумя обстоятельствами: во-первых, личной неприязнью Д. А. Милютина к шефу жандармов, который вел непрерывную борьбу против военного министра,⁹⁰ а, во-вторых, убеждением, что неограниченное самодержавие предпочтительнее олигархического представительства, а именно к такому только и мог клонить шеф жандармов, которого Д. А. Милютин считал «стоящим во главе аристократической партии».⁹¹ И хотя на этом заседании П. А. Шувалов еще не обмолвился о приглашении представителей дворянства наряду с земцами, у Милютина были основания подозревать, что руководитель III отделения имеет при этом и тайные планы. Ключом к объяснению позиции Д. А. Милютина является, по-видимому, его разговор с Е. М. Феоктистовым в начале 60-х годов XIX в. Спрошенный Феоктистовым о его отношении к выражаемым через печать кон-

⁸⁷ Там же, л. 52—53.

⁸⁸ Там же, л. 51—52.

⁸⁹ П. А. Зайончковский. Д. А. Милютин. Биографический очерк. — В кн.: *Дневник Д. А. Милютина*, т. I, с. 57, 61—65.

⁹⁰ Там же, с. 37—40.

⁹¹ *Дневник Д. А. Милютина*, т. I, с. 109.

⁸⁵ Там же, л. 50—51.

⁸⁶ Там же, л. 50.

ституционным стремлениям части русского общества, Д. А. Милютин ответил: «Я, конечно, не разделяю этих стремлений не потому, чтобы вообще был противником конституции — кто же из просвещенных людей станет порицать эту форму правления, — а потому, что если будет у нас когда-нибудь конституция, то это должна быть конституция настоящая, т. е. вполне демократическая. По моему убеждению, давать политические права одному сословию и не давать их другим было бы и несправедливо и вредно».⁹²

Поскольку политические воззрения М. Х. Рейтерна до сих пор остаются невыясненными, то объяснение его позиции в обсуждавшемся в Комитете министров вопросе о представительстве чрезвычайно затруднено и остается лишь констатировать ее.

Свидетельство А. Н. Куломзина, являющееся основным источником информации о заседании Комитета министров 27 ноября 1873 г., не вызывает сомнений в свете дальнейшего развития событий и более поздних высказываний (о чем речь пойдет ниже). Косвенным подтверждением точности этого сообщения служит запись в дневнике Д. А. Милютина от 27 ноября 1873 г.: «Горячие прения в Комитете министров по двум делам — сначала — опять по поводу пособия голодающим обывателям Самарской губернии, а потом — по докладу ст. секр. Валуева о результатах выдуманной им комиссии для исследования состояния сельского хозяйства в России. Мне пришлось быть главным оппонентом гр. Шувалова; к удивлению, на этот раз большинство поддержало меня. По обоим делам главным союзником моим был — Рейтерн! — случай редкий».⁹³

Итак, первый пробный камень идеи представительства, брошенный шефом жандармов 27 ноября 1873 г., упал на не слишком благоприятную почву: по крайней мере три члена Комитета министров, в том числе и его председатель, категорически высказались против этой идеи. Председатель Государственного совета великий князь Константин Николаевич, возможно, даже со слов самого П. А. Шувалова или А. Е. Тимашева, с которыми он об этом разговаривал, считал, несомненно, имея в виду это заседание Комитета министров, что идея шефа жандармов встретила сильное сопротивление и что последний должен будет от нее отступить.⁹⁴ Дневник А. А. Половцова содержит сведения о том, что П. Н. Игнатьев даже обращался к императору с письмом, жалующимся на конституционные замыслы шефа жандармов и прося указаний.⁹⁵

⁹² Е. М. Феокистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы, с. 327.

⁹³ Дневник Д. А. Милютина, т. I, с. 107.

⁹⁴ Дневник вел. князя Константина Николаевича. Запись 11 февраля 1874 г. — ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 106, л. 19 об.

⁹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 583, оп. 1, д. 9, л. 45.

В бумагах участников обсуждения шуваловского проекта отсутствуют сведения о дальнейших действиях в том же направлении шефа жандармов в декабре 1873—январе 1874 г. По-видимому, это был период некоторой приостановки его деятельности, вызванный необходимостью пересмотреть планы. Кроме того, в это время П. А. Шувалов, как и вся придворная и правительственная верхушка, был очень занят в связи с торжествами бракосочетания дочери императора. Его сильно отвлекали также обсуждения в Государственном совете проекта военной реформы, против которой он усиленно интриговал, проведение в декабре 1873 г. через Совет министров дела о передаче народных училищ под контроль предводителей дворянства (что было составной частью его программы укрепления консервативных сил страны) и проходившие в январе 1874 г. совместные обсуждения предводителями дворянства и правительственными деятелями форм этого контроля. На одном из таких заседаний шеф жандармов прямо намекнул предводителям дворянства, воспринявшим привлечение их к надзору за школой как знак особого «доверия», «на будущую, более значительную роль, к которой должно быть призвано дворянство» (имея в виду привлечение дворянских депутатов к обсуждению аграрных проблем), чем «их всех привел... в восторг».⁹⁶

Следующая, довольно многочисленная группа свидетельств относится к февралю 1874 г. К этому времени обсуждение доклада Валуевской комиссии в Комитете министров подходило к концу, и последние заседания необходимо было использовать для решительной попытки реализовать предложения Шувалова. Шеф жандармов не отказался от мысли об осуществлении политической реформы, хотя теперь уже понимал, что, поскольку создание комиссий выборных представителей с широким составом и довольно обширным кругом задач окажется невозможным, следует заготовить на случай отступления предложение об учреждении более скромной по составу комиссии с ограниченной, частной задачей. В дальнейшем обсуждение идет по пути выяснения максимума и минимума возможных преобразований.

Для уточнения предложений, с которыми можно было бы вновь выступить в Комитете министров, и для объединения вокруг них большинства его членов в феврале 1874 г. Шувалов проводит предварительное секретное совещание своих сторонников, что он часто практиковал. Валуев, из дневника которого это известно, в числе других участников встречи (кроме себя) называет лишь Тимашева и Шувалова. Однако круг лиц, несомненно более широкий, может быть примерно установлен на основании записки Валуева кому-то из высших чиновников Комитета министров от 26 февраля 1874 г., где он перечисляет участников аналогичного

⁹⁶ В. М. Маркевич — М. Н. Каткову, 14 января 1874 г. РО ГБЛ, ф. 120, папка 27, д. 4, л. 3.

совещания по тому же вопросу. Кроме трех уже упомянутых лиц, там могли присутствовать министры: юстиции граф К. И. Пален, путей сообщения граф А. П. Бобринский, государственный контролер С. А. Грейг, председатель Департамента государственной экономики Государственного совета А. А. Абаза и главноуправляющий II отделением с. е. и. в канцелярии С. Н. Урусов.⁹⁷ Все это — окружение шефа жандармов; его политические противники из либерального лагеря на обсуждении не присутствовали.

Это совещание состоялось 1 февраля 1874 г. Его содержание и ход отражен единственным источником — дневниковой записью П. А. Валуева: «Я забыл отметить, что 1 февраля у нас был Шуваловский „conventicule“ у Тимашева. Речь шла о тех мерещащихся Шувалову комиссиях, которые должны выработать „законопроекты“ по поводу доклада моей прошлогодней комиссии. Шувалов хочет, чтобы в таких комиссиях заседали все председатели губернских управ и некоторые губернские предводители. Ему возражали, что это похоже на начало Земского собора. Я настаивал на всех предводителях в случае призыва *всех* председателей, но указывал на разные неудобства этого неопределенного и незрелого предложения. Какие законопроекты? Как их будут выработать 60 или 80 разношерстных членов собрания? Какую роль будет играть коронная власть? и пр. Но я преимущественно заботился о том, чтобы ничего не решать окончательно. Надумаются».⁹⁸

Итак, если строго следовать этому свидетельству, то на этом этапе П. А. Шувалов уже отказался от мысли об особых выборных представителях, которые составили бы законосовещательные комиссии, и решил воспользоваться (видимо, в целях упрощения дела) уже прошедшими процедуру избрания лицами — главами земских и дворянских учреждений. На этом совещании он впервые публично раскрыл свои карты, заговорив о приглашении в качестве членов комиссий предводителей дворянства, т. е. об отдельном представительстве дворянского сословия, хотя из дворян состояли более чем на 40% уездные и почти на 75% губернские земские собрания.⁹⁹ Вызов в комиссии не всех предводителей дворянства, а лишь части скорее всего объясняется не принципиальными мотивами, а личной неприязнью к некоторым из них или убеждением, что они не годятся для выполнения задач членов подобных комиссий.

Приведенная выдержка позволяет судить о личной позиции только автора дневника. П. А. Валуев настаивал на созыве полного состава губернских предводителей дворянства в случае созыва всех председателей губернских земских управ, но, судя по

оговоркам, был за ограничение состава комиссии. Запись даёт основания предполагать, что у него были какие-то возражения и по поводу процедуры обсуждения законопроектов и сомнения в части соотношения в комиссии общественного и административного элементов. Однако неизвестно, высказал ли Валуев свое мнение на совещании определенно или выражался там уклончиво, не желая открыто выступать оппонентом шефа жандармов, и доверил свои сокровенные мысли лишь листку дневника. Вообще же явно высокомерный и скептический тон записи говорит, как представляется, не о неодобрении самой идеи представительства, а о недовольстве тем обстоятельством, что обсуждаются «незрелые» и «неопределенные» предложения при наличии разработанного им еще в 1863 г. проекта реформы Государственного совета, где состав представителей общества, их компетенция и отношения с властями были точно определены. Оставление же в стороне проекта Валуева разбивало надежды министра государственных имуществ на то, что заветная и главная мысль его будет реализована, и одновременно отводило ему второстепенную роль помощника Шувалова. По уверению А. Н. Куломзина, для П. А. Валуева комиссии представителей, за которые ратовал шеф жандармов, были лишь одной частью его плана, второй должна была стать реформа Государственного совета. «Он мечтал о том, что последствием комиссии (сельскохозяйственной, — В. Ч.) будет сперва — рассмотрение по существу поставленных ею вопросов в особой комиссии под его же председательством с представителями от провинций, а затем усиленная плодотворная деятельность к уврачеванию раскрытых на всю Россию ран ее внутреннего состояния в расширенном Государственном совете, согласно его записке 1863 г.»¹⁰⁰ Не подлежит также сомнению, что осторожный Валуев, будучи одним из главных деятелей подготовки замыслившегося центрального представительства, среди своих коллег вел себя сдержанно, дабы при случае обезопасить себя от возможных обвинений в покушении на права самодержца. Его осторожность не в последнюю очередь питалась горьким опытом 1863 г., когда Александр II, как будто бы и разделяя его взгляды о представительстве, сначала разрешил представить проект реформы, а затем отверг его.

На заседании 1 февраля выявились разногласия между членами шуваловской группы не по поводу целесообразности самой идеи представительства, а в вопросе о его рамках. Валуев отмечает, правда в самом общем виде, что участники совещания возражали против предложенной шефом жандармов формы представительства, усматривая в ней «начало Земского собора», но не указывает ни имен оппонентов, ни мотивов их возражений. Поэтому остается неясным, были ли они противниками Земского со-

⁹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1250, оп. 2, д. 60, л. 26—26 об.

⁹⁸ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 298.

⁹⁹ В. Веселовский. История земства. Т. 3. СПб., 1911, с. 49.

¹⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 189, л. 5.

бора как такового или просто считали нереальным согласие императора на учреждение чего-либо ему подобного. Валуев не говорит также о том, что сформулированные Шуваловым предложения были кем-либо безоговорочно поддержаны, но это может быть погрешностью записи. И хотя Валуев подчеркивает именно расхождения во взглядах присутствовавших, по-видимому, в целом мысль о привлечении председателей управ и предводителей дворянства (всех или части) для участия в законосовещательной деятельности была поддержана. Во всяком случае именно так это понял шеф жандармов, как показывают его дальнейшие действия.

Вероятно, на этом совещании уже было выдвинуто и предложение о минимальном шаге к представительству — созыве председателей и предводителей для рассмотрения одного лишь конкретного вопроса — уже подготовленного комиссией П. Н. Игнатьева проекта правил о найме сельских рабочих.

Считая, что он заручился поддержкой своих сторонников в правительстве, П. А. Шувалов начинает искать союзников в лагере постоянного политического противника — великого князя Константина Николаевича. Созыв представителей земства и дворянства для участия в обсуждении законопроектов был столь важной частью политической программы шефа жандармов, что он вынужден обратиться к нему, надеясь тем самым повлиять на Д. А. Милютину и М. Х. Рейтерна, близких к великому князю.

«Совета не было, — читаем запись в дневнике Константина Николаевича от 11 февраля 1874 г., — а вместо того от 12 до 1/2 3 толковали с Шуваловым и Тимашевым о собрании здесь представителей земств для рассмотрения вопросов, поднятых сельскохозяйственной комиссией Валуева. Эта идея Шувалова, о которой он говорил с государем еще в Крыму и получил разрешение обсудить ее в Комитете министров. Разумеется, что я ей вполне сочувствую. Но здесь она встретила такую оппозицию, что она в первоначальном виде не пройдет, и придется ее очень усмирить. Останавливаются пока на том, чтоб собрать председателей земских управ и собственно только для вопроса о найме рабочих. Разговор был очень интересен, и Шувалов удовлетворителен».¹⁰¹

Итак, идея Шувалова встретила сочувствие председателя Государственного совета, который, по-видимому, обещал шефу жандармов поддержку ее в Комитете министров. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что в дневнике речь идет лишь о земцах. По сведениям же Валуева (отсутствовавшего на этом совещании по болезни и знавшего о его содержании, скорее всего, со слов Шувалова), шеф жандармов поставил в известность Константина Николаевича о намерении включить в состав комиссий и предводителей дворянства. Это противоречие в источниках может быть объяснено лишь очень предположительно. Должно быть,

шеф жандармов, добиваясь во что бы то ни стало поддержки председателя Государственного совета, либо вовсе умолчал о второй части своего предложения, либо, встретив возражения, выразил готовность снять ее. Во всяком случае все последующее поведение председателя Государственного совета свидетельствует о том, что условие включения в состав комиссий предводителей дворянства явилось для него неожиданностью.

Судя по тому, что на следующий же день великий князь разговаривал о замысле Шувалова с Д. А. Милютиным, итогом встречи шефа жандармов с председателем Государственного совета было и обязательство последнего попытаться обеспечить поддержку идеи созыва представителей земства и со стороны лиц его кружка. «Говорил с Милютиным... про созыв представителей земства, — записано 12 февраля в дневнике великого князя, — но он очень опасается собственно потому, что мысль происходит от Шувалова и что он боится задних мыслей».¹⁰² Таким образом, оппозиция военного министра, как следует из этого разговора, где он мог позволить себе откровенность, коренилась не в принципиально отрицательном отношении Д. А. Милютин к представительству, а в его недоверии к П. А. Шувалову.

Известные ныне дневники высших государственных деятелей не сохранили следов еще каких-либо частных совещаний по подготовке обсуждения вопроса о представительстве в Комитете министров, поэтому приходится довольствоваться этой схематичной картиной, ограничившись предположением, что вся первая половина февраля 1874 г. была периодом оживленного обсуждения и на частных совещаниях, и в беседах с глазу на глаз в среде глав министерств и ведомств различных аспектов практически возможной формы сословно-общественного представительства.

Заседание Комитета министров, на которое была вынесена вторично проблема созыва комиссий представителей, состоялось 19 февраля 1874 г. По неизвестной причине оно никак не отражено воспоминаниями А. Н. Куломзина, ведшего протокольные записи заседаний и составившего особый журнал Комитета по докладу Комиссии Валуева (возможно, Куломзин на этом заседании не присутствовал). Выяснить ход обсуждения, не имея протокола или какого-либо его подобия, чрезвычайно затруднительно. Отсутствие протокола отчасти восполняется дневниковыми записями участников заседания, но эти записи содержат не столько изложение позиций членов Комитета министров, их возражений, предложений и аргументации, сколько неприятные впечатления перессорившихся между собой участников обсуждения. Записи в дневники о заседании 19 февраля занесли и П. А. Валуев, и Д. А. Милютин, и великий князь Константин Николаевич.

¹⁰¹ ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 106, л. 19 об.—20.

¹⁰² Там же, л. 21—21 об.

«Заседание Комитета министров при вел. кн. гоп.-адмирале (Константин Николаевич, — В. Ч.), — записано в дневнике Валуева. — Шуваловская идея комиссии из земских и дворянских представителей для разработки „законопроектов“ в виде короллариев моей сельскохозяйственной комиссии. Три часа толков без результата, кроме обнаружения всеобщей разногласицы, несмотря на то, что гр. Шувалов все время говорил „мы“, как будто несколько из нас действительно в чем-либо или на что-либо согласились. Как на предварительном совещании у министра внутренних дел 1-го числа, я указывал на бесповоротное значение призыва *всех* вместо нескольких председателей и предводителей. Кн. Горчаков и министр финансов со мною соглашались. Военный министр по вопросу о найме рабочих пытался призвать их самих к законодательствованию. Председатель предъявил заранее написанное им „окончательное мнение“. Вел. князь попробовал эскамотировать дворянских предводителей, хотя на бывшем у него предварительном совещании (к счастью, без меня по нездоровью) гр. Шуваловым и Тимашевым о том придале к „земцам“ его высочеству было заявлено. Гр. Пален высказался в пользу призыва *всех*, Абаза — тоже, Грейг — против, Толстой, кн. Урусов и Краббе отмошались, принц Ольденбургский и министр финансов были в пользу призыва „экспертов“. Одним словом, полнейшая пестрота и неясность предположений, мнений, желаний и убеждений. Я ничего не сказал о министре внутренних дел. Он говорил несколько раз, но из того, что он говорил, решительно нельзя было заключить о том, что он думал. Наконец, мы отложили и разъехались».¹⁰³

В дневнике Д. А. Милютинна эмоций еще больше, а сведений еще меньше, чем в дневнике П. А. Валуева. «После доклада и обедни в малой церкви Зимнего дворца просидел я в Комитете министров. В заседании этом принял участие великий князь Константин Николаевич по случаю окончательных прений о дальнейшем направлении возбужденного Валуевым дела по исследованию сельского хозяйства в России. Дело это до сих пор кажется мне каким-то бесплодным толчением воды. Вот уже несколько недель, что в каждое заседание Комитета министров уделяется по целому часу и более на слушание чтения П. А. Валуева, который своим гробовым басом излагает бесконечный перечень общезвестных истин, выведенных им из объемистых работ существовавшей под его председательством комиссии. По каждому из прочитанных Валуевым 70 или 80 пунктов завязывается более или менее продолжительная беседа, попросту говоря — переливание из пустого в порожнее. Канцелярия Комитета умудрилась, однако же, составить из этой болтовни журнал в палец толщиной, заключающий в себе разные неоспоримые истины: так, признается небес-

полезным и сберегать леса, и разводить новые, и осушать болота, и обводнять степи, и поощрять коннозаводство ... и проч., и проч. ... Да кто же сомневался когда-нибудь в том, что все это полезно и желательно. Задача — как достигнуть желанных целей? Казалось бы, почему не вести дело обычным порядком — постепенно разрабатывать один вопрос за другим чрез людей, специально изучивших каждое дело. Нет, тут не было бы эффекта ... и вот выступает на сцену гр. Шувалов со своими подручными,¹⁰⁴ раздувают дело, затевают созвать представителей от всех губерний! Тут востепенулся председатель Комитета: ведь, пожалуй, затевается конституция! Начинается горячий спор, в котором никто не высказывает прямо своей заветной мысли. Великий князь Константин Николаевич, поверив чистосердечно шуваловских речей в предварительных домашних совещаниях,¹⁰⁵ явился в заседание Комитета, чтобы поддержать идею, по-видимому, столь либеральную. Спорим до 6-го часа, и только тогда, когда все уже истомлено спором, открывается, что мы играли в жмурки. Великий князь вообразил себе, что гр. Шувалов в самом деле задумал по поводу возбужденных Валуевым чисто экономических вопросов обратиться к „представителям земства“; казалось, чего же лучше, как не сочувствовать такой идее? Но вдруг оказывается, что хотят собирать в Петербург не представителей земства, а предводителей дворянства; всплывает вопрос дворянский! Вот и ключ шуваловского либерализма. *Coup de théâtre!* Заседание закрывается; окончание прений отлагается до следующего заседания».¹⁰⁶

И, наконец, дневник великого князя Константина Николаевича, запись 19 февраля: «В 3/4 2 в Комитете министров обсуждали предложение о вызове председателей земских управ для рассмотрения хозяйственных (вопросов, — В. Ч.), начав на первый раз с вопроса о найме рабочих. Спорили жестоко до 5 ч., ни к какому результату не пришли. Кто в лес, кто по дрова. Все заседание оставило очень неприятное впечатление. Под конец заговорили о призыве и дворянских предводителей, против чего я решительно воспротестовал. Отложили до будущего вторника».¹⁰⁷

Все эти дневниковые записи позволяют лишь в самых общих чертах судить о ходе этого заседания Комитета министров. Итак, несмотря на предпринятые шефом жандармов закулисные переговоры, имевшие целью обеспечить поддержку его предложения большинством членов Комитета, на заседании выявились глубокие разногласия правительственных деятелей.

¹⁰⁴ В первоначальной редакции дневника значится: «со своими подручными: Тимашевым, Валуевым и другими».

¹⁰⁵ В первоначальной редакции: «После нескольких домашних совещаний с ним и его партией».

¹⁰⁶ Дневник Д. А. Милютинна, т. I, с. 140.

¹⁰⁷ ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 106, л. 24 об.—25.

Фраза Д. А. Милюткина — «никто не высказывает прямо своей заветной мысли» — заставляет полагать, что эти разногласия коренились не только в разнице политических взглядов или, при их общности, в разных точках зрения на детали, но и в осторожности министров. Опасаясь обнаруживать свои истинные симпатии в деле чрезвычайно щекотливом (обвинение в покушении на власть и права самодержца могло стоить карьеры), каждый участник спора занимал позицию, соответствовавшую не политическим воззрениям, а степени осторожности и оценке реальных возможностей осуществления своих взглядов. Сам Шувалов, будучи сторонником введения в России конституционного режима по английскому образцу, выдвигал предложение, весьма далекое от этого идеала, — всего лишь участие представителей земства и дворянства в комиссиях, рассматривающих законопроекты только по части проблем экономической политики.

По свидетельству великого князя Константина Николаевича, который наиболее определенно высказался по этому поводу, на обсуждение министров проблема была поставлена следующим образом: целесообразно ли привлечение сословно-общественных элементов к обсуждению предлагаемых правительственной комиссией мер для улучшения положения крестьянского и помещичьего хозяйства. Практическим способом проверки целесообразности применения в дальнейшем такого метода разработки экономических законопроектов мог бы послужить опыт деятельности комиссии представителей, которая была бы созвана для обсуждения составленного комиссией П. Н. Игнатьева проекта правил найма рабочих и прислуги, в том числе и сельскохозяйственных рабочих. Дневниковые записи и Константина Николаевича и Д. А. Милюткина не оставляют сомнения в том, что первоначально обсуждалось введение в комиссии только председателей губернских земских управ и лишь в конце заседания было высказано предложение о предводителях дворянства.

Позиции присутствовавших приведенные источники рисуют в следующем виде. За создание комиссий, куда вошли бы все председатели губернских земских управ и все губернские предводители дворянства, т. е. за наиболее широкое представительство, выступали шеф жандармов, первоначально настаивавший на вызове лишь части предводителей, но изменивший к этому времени точку зрения, по-видимому, под влиянием аргументов П. А. Валуева, министр юстиции К. И. Пален и председатель Департамента государственной экономии А. А. Абаза. Все три дневника определенно говорят о позиции председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича: он стоял за созыв всех председателей управ, но против какого бы то ни было (полного или выборочного) приглашения предводителей дворянства. Следовательно, к 1874 г. Константин Николаевич уже пересмотрел свои взгляды на необходимость наряду с земским

особого дворянского представительства, как то предусматривал его проект 1866 г., и занял более последовательную позицию отставания буржуазного принципа всеобщности. Согласно дневнику П. А. Валуева, министр финансов М. Х. Рейтер и главноуправляющий IV отделением с. е. и. в. канцелярии принц П. Г. Ольденбургский противопоставляли предложению шефа жандармов приглашение «экспертов», т. е. по сути дела старый порядок обсуждения законопроектов, поскольку обращение к специалистам в процессе подготовки законопроекта было явлением довольно распространенным.

Отношение других членов Комитета министров может быть охарактеризовано лишь с некоторой долей вероятности, поскольку в дневниках участников оно либо вообще не упомянуто, либо обозначено очень расплывчато. Так, П. А. Валуев говорит, что председатель Комитета министров П. Н. Игнатьев представил письменный отзыв о предложении шефа жандармов, но при этом ни словом не раскрывает содержание этого отзыва. В делах Комитета министров, содержащих журнал этих заседаний и приложения к журналу, записка Игнатьева отсутствует,¹⁰⁸ нет ее и в личном фонде председателя Комитета.¹⁰⁹ Основываясь на упоминавшихся выше сведениях А. Н. Куломзина об отрицательном отношении Игнатьева к созданию начатков центрального общественного представительства, на беглом замечании Д. А. Милюткина о том, что председатель Комитета «встреппенулся», усматривая в выдвинутых предложениях «конституцию», и на записи Валуева, явно ставящей Игнатьева, запасшегося письменным свидетельством о своей позиции, особняком, остается предположить, что Игнатьев высказался и на этот раз, как и на заседании 27 ноября, против какого бы то ни было участия общественных элементов в обсуждении законопроектов вообще и против передачи на их рассмотрение проекта, выработанного его комиссией, в частности. Появление заранее составленной записки свидетельствует о том, что Игнатьев был заблаговременно уведомлен о вторичном возбуждении в Комитете министров вопроса о представительстве. Такое предупреждение ему как председателю должны были сделать Шувалов или кто-либо из лиц, связавших себя с предполагаемой политической реформой. Однако остается открытым вопрос о том, была ли при этом сделана попытка оказать давление на Игнатьева и смягчить его позицию, велись ли и с ним, как например с великим князем Константином Николаевичем, предварительные переговоры или нет.

Поведение двух других близких шефу жандармов деятелей — министров государственных имуществ Валуева и внутренних дел

¹⁰⁸ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 3074, ст. 136; д. 3705, приложения к ст. 136.

¹⁰⁹ РО ГПБ, ф. 308.

А. Е. Тимашева — обрисовано дневникам Милютин и Валуева недостаточно отчетливо. Милютин только упоминает их в качестве «подручников» шефа жандармов; стало быть, для него их позиция близко смыкалась с позицией Шувалова. Валуев пишет, что не понял мнения по раз выступавшего на заседании министра внутренних дел. Поэтому остается лишь предположить, что Тимашев, несомненно поддерживавший идею представительства, о чем говорит хотя бы его участие в переговорах шефа жандармов с великим князем, высказывал какие-то соображения по ограничению этого представительства в количественном или правовом отношении, а может быть, в том и другом. Сам Валуев, по его собственным словам, говоривший о «бесповоротном значении» созыва представителей всего земства и всего дворянства, имея в виду невозможность или по меньшей мере крайнюю трудность и опасность отказа от представительства, будь оно даровано, «забыл» отметить, что же предлагал он сам. Записка Валуева несколько более позднего времени проливает свет на смысл его позиции. «Мое возражение, — прямо формулирует он свою точку зрения, — не всех».¹¹⁰ Итак, Валуев стоял за то, чтобы сделать более умеренный, чем того хотел шеф жандармов и поддерживавшие его министр юстиции и председатель Департамента государственной экономии, шаг к центральному представительству. Его разговоры о «бесповоротном значении» создания комиссий из полного состава предводителей и председателей и его точка зрения относительно предпочтительности могут означать лишь, что он стремился к тому, чтобы в вопросе сословно-общественного представительства у императора и его правительства были развязаны руки, чтобы именно они продолжали оставаться полными хозяевами положения, по своему усмотрению прибегая к разовым созывам небольшого числа представителей земства и дворянства.

Из дневника Валуева следует также, что предложение созыва всех председателей и предводителей вызвало возражения министра иностранных дел А. М. Горчакова, министра финансов М. Х. Рейтерна и государственного контролера С. А. Грейга. Из них только о Рейтерне добавлено, что он настаивал на привлечении к обсуждению законопроектов лишь «экспертов», т. е. лиц, не имеющих решающего голоса, причем, видимо, в качестве экспертов имелись в виду именно дворяне и земцы.

Хотя Д. А. Милютин и сделал пространную запись о заседании, занятая им позиция ею прямо не отражается. Ясно видно лишь его настроение. Он явно неодобрительно относится к предложению шефа жандармов, особенно к той части, что касается предводителей дворянства, и недоумевает, почему не разрабатывать законопроекты один за другим в прежнем порядке, «через

людей, специально изучивших каждое дело», т. е. с помощью тех же «экспертов». Насколько это отношение было открыто выражено Милютиным, остается неизвестным. Что он выступал на заседании, известно из дневника Валуева, но последний отметил лишь, что Милютин «попытался призвать к законодательствованию» самих рабочих в вопросе о правилах найма. Видимо, дело обстояло следующим образом. Когда шеф жандармов или кто-либо из его сторонников стал доказывать необходимость привлечения председателей управ и предводителей дворянства к обсуждению правил найма рабочих, в том числе найма сельскохозяйственных рабочих, по мотивам близкого соприкосновения этих деятелей с указанной проблемой, то на это и могла последовать реплика военного министра, что в таком случае к правилам найма рабочих самое близкое отношение имеют сами рабочие, следовательно, и надо вызвать их для обсуждения проекта правил.

О министре народного просвещения Д. А. Толстом, главным управляющим II отделением с. е. н. в. канцелярии и управляющим Морским министерством известно только, что они не высказывались.

Итак, и результаты обсуждения нового «ускромненного» предложения о созыве представителей оказались крайне неблагоприятными для шефа жандармов. Мнения министров разошлись настолько, что ни одно из них не могло, казалось, явиться основой для составления резолюции, которая бы собрала большинство. Нужно было либо вовсе отказаться от мысли о проведении политической реформы, либо еще более урезать и «ускромненный» вариант, чтобы он не вызвал возражений со стороны даже самых решительных противников каких-либо перемен в старом образце законодательной машины. На разрешение этой альтернативы у Шувалова оставалась неделя. И он решил попытаться спасти хоть какие-нибудь жалкие остатки одного из пунктов своей политической программы. В конце концов это был и вопрос самолюбия. Неделя между двумя заседаниями Комитета министров, 19 и 26 февраля, была, вероятно, временем интенсивных переговоров, в среде правительственных деятелей, о чем можно лишь догадываться по отрывочным дневниковым записям. Так, в дневнике адъютанта великого князя Константина Николаевича А. А. Киреева в это время¹¹¹ появляется запись: «Еще в Ливадии Шувалов поднял вопрос о том, чтобы для участия в решениях по делу комиссии о народном благосостоянии пригласить

¹¹¹ Запись не имеет точной датировки. Надпись на верхнем поле, скорее всего, более поздняя, гласит «январь». Но содержание записи свидетельствует о том, что она сделана после заседания Комитета министров 19 февраля 1874 г., когда уже обнаружилось разногласие между шефом жандармов и великим князем в вопросе о вызове предводителей дворянства, но до 26 февраля, когда было вынесено решение о порядке дальнейшего рассмотрения сельскохозяйственных проблем.

представителей местных интересов. Теперь это дело всплыло опять, и за его решение принялись 2 *courants*. Шувалов желает пригласить и предводителей дворянства, В[еликий] кн[язь] желает ограничиться одними представителями управ. В. кн. не прав, предводители дворянства большею частью люди близкие к земству и далеко не все реакционеры. Впрочем, едва ли „*on est sérieux*“. Самарин, которого сейчас видел, полагает, que „*c'est une blague*“. Краббе (едва ли почтенный человек и едва ли полезный, несмотря на ум и такт) проповедовал мне, что „призвать-то их, пожалуй, можно, но нужно сказать им, что мол (далее следует грубое ругательство, — В. Ч.) вы у меня — чур не зазнаваться...“ etc. В Комитете министров Шувалов играет роль либерала (впрочем, он бы и не прочь подготавливать аристократическую конституцию). Милютин скорее канцелярски консервативен. Думаю, что гр. Шувалов рассчитывает так. Ежели призыв будет благонамеренный, то я его буду всячески поддерживать, ежели же будет неблагонамеренный, то я его оклеветшу и добьюсь отрицательным путем того, чего не добьюсь положительным».¹¹²

Дневник Киреева отразил толки вокруг проблемы представительства среди лиц, принадлежавших к «лагерю» великого князя. Эта запись позволяет уточнить мотивы, которыми руководствовался Константин Николаевич, категорически возражая против включения в состав предлагаемых комиссий предводителей дворянства. Оказывается, это объясняется его уверенностью в том, что последние займут реакционные позиции. Проясняется дневником Киреева и истинная позиция Н. К. Краббе. Управляющий Морским министерством, не решившийся высказать своего мнения на заседании Комитета министров, в частном разговоре раскрыл свою точку зрения: созыв представителей общества для участия в законосовещательной деятельности возможен, но при этом «депутатов» следует хорошенько припугнуть, чтобы заставить их оставаться в рамках лояльности. К сожалению, позиция военного министра, с которым Киреев, по-видимому, тоже имел разговор на ту же тему, и этой записью никак не раскрывается и не становится более отчетливой. Что касается последних строк, касающихся расчетов Шувалова относительно земства, то Киреев, считавший шефа жандармов противником земства, подразумевал под «отрицательным путем» репрессивные меры против земства в случае проявления оппозиционных настроений, меры, принятия которых шеф жандармов якобы не добился прямым путем.

События, происходившие в «лагере» шефа жандармов, частично проявляет дневник П. А. Валуева. Из него становится известно, что спасти положение было поручено П. А. Валуеву. К нему обратился вскоре после заседания 19 февраля А. Е. Ти-

машев с просьбой составить для предстоящего заседания Комитета министров такой проект резолюции, который явился бы основой для соглашения членов Комитета.

П. А. Валуев набросал проект резолюции, переслал его министру внутренних дел, и 24 февраля вечером у последнего состоялось совещание, где присутствовали П. А. Валуев, П. А. Шувалов, С. Н. Урусов, А. П. Бобринский, А. А. Абаза, К. И. Пален и С. А. Грейг. Кроме Валуева, никто из присутствующих своих вариантов резолюции не представил, зато предложенный проект был ими одобрен, причем без сколько-нибудь продолжительного обсуждения. О каких-либо изменениях в проекте Валуев не упоминает.¹¹³ И бросая теперь, в самом конце обсуждения вопроса о представительстве, когда возможный итог уже определился, ретроспективный взгляд на всю историю попытки разрешения важнейшей для страны проблемы модернизации ее политической системы, министр государственных имуществ делал общий вывод о движущих пружинах русской внутренней политики: «Замечательна добродушная наивность, с которою некоторые из гг. министров относятся к крупным органическим вопросам. Они готовы верить их сознательному, последовательному движению. На деле выходит, что они могут подвигаться только случайными толчками и почти всегда бессознательно со стороны главных участников движения».¹¹⁴ Валуев, всегдаронически и свысока относившийся к большинству своих коллег, как бы исключил себя из их круга, между тем сказанное в полной мере относится и к нему, поскольку «случайность» и «бессознательность», как характерные явления правительственной политики, всегда накладывали свое клеймо и на предлагаемые им — и тоже с верой в «сознательное движение» — программы преобразований. История его сельскохозяйственной комиссии, вскрывшей с большой полнотой тормозящие развитие сельского хозяйства страны причины, называвшей пути их устранения и оказавшейся практически совершенно безрезультатной, лучшее тому подтверждение.

Пересылая 26 февраля 1874 г. проект резолюции в Комитет министров, он снабдил его конфиденциальной сопроводительной запиской, где объяснял, что проект написан им по просьбе Тимашева, и перечислял правительственных лиц, присутствовавших на предварительном заседании и одобривших этот проект. При этом Валуев не упустил случая заручиться алиби, изобразив себя почти непричастным к собственному творению. «Моя цель, — писал он, — была двоякая:

1. Выгородить неудобные части высказывавшихся в прошлое заседание предположений.

¹¹³ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 300.

¹¹⁴ Там же, с. 300—301.

2. Отгородить настоящие предположения от тех, которые внесены в мой доклад».¹¹⁵

26 февраля состоялось заседание Комитета министров. Константин Николаевич не принял в нем участия. Предложенный проект резолюции был принят, по словам П. А. Валуева и Д. А. Милютин, единогласно и почти без прений.¹¹⁶ «Конец был миролюбивее, чем можно было ожидать, — записал военный министр в своем дневнике, — гора родила мышь: наши государственные мужи, испугавшие было председателя воображаемыми замыслами на конституцию, формулировали, наконец, письменно свое предложение, и тут только оказалось, что не стоило так горячиться и терять так много времени на бесплодные препирательства».¹¹⁷ Действительно, предложенная членам Комитета резолюция предусматривала столь незначительные нововведения, что они и не могли вызвать возражений, но Милютин не прав, полагая, что именно таким образом выглядели первоначальные намерения инициаторов обсуждения вопроса об общественном представительстве. Эта резолюция была, как уже говорилось, результатом неоднократного и сильного отступления шефа жандармов и поддерживавших его лиц от действительно задуманного ими шага к конституционной монархии.

Если предложения, мнения и ожесточенные споры, имевшие место на заседании 19 февраля, никак не отражены Особым журналом Комитета министров, то содержание заседания 26 февраля подробно зафиксировано. Записавшийся составленном официальной истории Комитета министров С. М. Середонин, разыскав среди бумаг Комитета материалы обсуждения выводов Комиссии Валуева и правильно усмотрев в них широкую аграрную программу группы правительственных деятелей, понял значение поднятого в связи с этой программой вопроса о представительстве и уделил в своей книге большое внимание истории рассмотрения Комитетом материалов сельскохозяйственной комиссии, а среди приложений поместил журнал Комитета по этому вопросу.¹¹⁸

Констатирующая часть является развернутой мотивировкой принятого Комитетом министров решения, и если бы не упоминание о П. Н. Игнатьеве, снявшем свое мнение, чтобы не «воз-

буждать разномыслия», то вообще не было бы никакого повода усомниться в единомыслии «г. г. министров» и подумать об ожесточеннейших спорах, закулисных переговорах и интригах вокруг единогласно принятой резолюции. В констатирующей части говорилось, что члены Комитета, обсудив порядок дальнейшего законодательного движения намеченных к проведению сельскохозяйственных мер, пришли к выводу, что «основательное разрешение» поставленных вопросов требует получения «отзывов» лиц, «находящихся в непосредственном и постоянном соприкосновении с практической стороною дела», и что таковыми являются в первую очередь предводители дворянства и земские деятели. Поэтому они считают желательным включение сословных и земских деятелей «для предварительного обсуждения предположений» в состав комиссий, на рассмотрение которых будут представлены подготовленные проекты, причем первой такой комиссии следует заняться обсуждением проекта правил о найме рабочих и прислуги.¹¹⁹

Что же касается резолюции, так называемого «положения Комитета министров», то вот ее полный текст:

«По соображении всего вышеизложенного Комитет *полагает*:

1) По мере окончательного составления в подлежащих ведомствах законопроектов по тем из вопросов, возбужденных бывшею под председательством статс-секретаря Валуева комиссиею, по коим спрос лиц, знакомых с местными обстоятельствами, признавался бы полезным, образовывать для предварительного обсуждения каждого из сих проектов особую комиссию под председательством лица, высочайшею его императорского величества волею для сего предназначенного.

2) В состав особой комиссии, каждый раз учреждаемой, призывать губернских предводителей дворянства и председателей губернских земских управ.

3) Призывать означенных лиц в том числе и из тех местностей, которые будут для сего указаны по высочайшему его величества благоусмотрению.

4) По вопросам, по которым было бы желательно иметь в виду отзывы членов городских управлений или торговых сословий, призывать в состав комиссий городских голов и лиц торгового звания в числе, по высочайшему его величества благоусмотрению определенном.

5) По заключении занятий таких комиссий предоставить делу дальнейшее движение в общеустановленном порядке,

и 6) На первый раз применить вышеизложенные предположения к рассмотрению вопроса о правилах для найма рабочих и прислуги».¹²⁰

¹¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1250, оп. 2, д. 60, л. 26—28 об.

¹¹⁶ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 301; Дневник Д. А. Милютин, т. I, с. 142.

¹¹⁷ Дневник Д. А. Милютин, т. I, с. 142.

¹¹⁸ С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. III, ч. I, с. 92—108; т. III, ч. II, с. 131—139, 239—315 (Приложение «Д» — Особый журнал Комитета министров 20 и 27 ноября, 4, 10, 18 и 28 декабря 1873 г., 8, 15 и 22 января, 5, 19 и 26 февраля 1874 г. по докладу высочайше учрежденной его императорским величеством, под председательством министра государственных имуществ, комиссии для исследования сельского хозяйства и сельской производительности в России).

¹²⁰ Там же, с. 315.

Принятая Комитетом министров резолюция по существу своему свела проблему представительства к проблеме экспертов из среды сословных и общественных организаций, но экспертов с расширенными правами — правами членов своеобразных низших законосовещательных комиссий. Значение этих комиссий умалялось тем, что они должны были быть не постоянно действующими, а создаваемыми от случая к случаю, причем определение целесообразности создания такой комиссии целиком находилось в руках императора и высшей бюрократии. Таким образом, даже тот сравнительно ограниченный круг проблем внутренней политики, к обсуждению которых предполагалось привлечь сословных и общественных представителей, мог быть в любое время сужен еще более или вовсе сведен к нулю. Император не только санкционировал создание каждой отдельной такой комиссии для обсуждения частного вопроса, но и определял кандидатуру председателя комиссии, а также ее количественный и персональный состав. Вместо выборных от дворянского сословия и земских учреждений, на состав которых правительство могло влиять — при подлинном представительстве — только условиями ценза, никак не определяя его персонально, резолюция предлагала назначаемых императором лиц из глав дворянских, земских и городских организаций в количестве, угодном тому же императору.

Поэтому не вызывает удивления тот факт, что «положение» Комитета министров было утверждено Александром II. Императору не приходилось опасаться за полноту своей власти, поскольку министры верноподданнически оставляли определение всех частных этой микроскопической доли представительства на его усмотрение. Не пришлось, видимо, Александру II предпринимать и каких-либо шагов для того, чтобы обречь на неудачу этот своеобразный «заговор» нескольких министров против абсолютной власти монарха и провалить идею представительства. За Александра II это было сделано его же министрами, резко расходящимися в своих политических взглядах, руководствующимися карьеристскими соображениями и личными счетами, прибегающими к интригам и наушничанью, чтобы подставить ножку своему коллеге. Обращает на себя внимание тот факт, что журнал Комитета министров был не сразу подписан Александром II. Дата подписания журнала — 9 марта 1874 г., а предыдущим днем — 8 марта датировано письмо П. Н. Игнатьева А. Е. Тимашеву, в котором передавалось повеление Александра II министру внутренних дел, последовавшее при рассмотрении императором журнала Комитета, о том, чтобы Тимашев доложил царю «о положении, в коем находится ныне дело о найме рабочих и прислуги».¹²¹ И если только такая отсрочка в подписании представленного журнала не связана с какой-либо случайностью,

то вероятнее всего Александру II потребовалось время на размышление или даже совещание с кем-либо из приближенных к нему лиц, прежде чем он утвердил и столь малую по своему значению политическую меру.

Интересно, что в такой форме решение Комитета министров не только удовлетворило такого противника «конституционализма» (а именно так рассматривалась им всякая форма совещательного представительства), каким являлся наследник престола великий князь Александр Александрович, но даже понравилось ему. Дневник А. А. Половцова содержит следующую запись, помеченную 26 марта 1874 г.: «В 2 часа в Английском дворце у цесаревича. Отчет заседания Ист. Общ. Говорим о записке сельскохозяйственной комиссии, рассмотренной в Комитете министров. Одобряет мысль приглашать местных депутатов для обсуждения законопроектов. Как полезны были советы купцов в тарифной комиссии, попридержали наших freetrader-ов. Я: Разумеется, нечего желать палат и парламентов, взятых с чужих образцов, но для законодательства необходимо знание местных нужд, с которыми не м[огут] б[ыть] знакомы петербургские чиновники».¹²²

П. Н. Игнатьев, чрезвычайно обрадованный тем, что вверенное его руководству учреждение не выступило в итоге с какими-либо серьезными конституционными поправками, считая себя должником П. А. Валуева и на следующий после заседания Комитета министров день приехал поблагодарить последнего «за редакцию» резолюции. «Правда, — добавил Валуев, занеся в дневник сообщение о визите председателя Комитета министров, — что в сущности здесь было более, чем одна редакция».¹²³

Несколько позже, занимаясь уже проблемой практического создания комиссии по рассмотрению проекта закона о найме рабочих, П. А. Валуев набросал для себя «записку для памяти», в которой он расшифровывал слишком общо сформулированные положения резолюции Комитета министров. Записка эта ценна тем, что она отражает в известной степени узловые моменты обсуждавшегося плана и содержание споров во время частных совещаний правительственных деятелей и на заседаниях Комитета в феврале 1874 г. и истолковывает пункты резолюции Комитета. В этой записке, помеченной 7 апреля 1874 г., говорилось:

«1. Трудно отрешиться от основной мысли и всего предшедшего движения дела.

2. Первоначальная мысль — созыв *всех*. Мое возражение — *не всех*. Результат — *некоторых* по выбору, довольствуясь призывом из местностей *типических*, причем прямо оговариваясь, что например, предводитель будет из одной губернии, председатель из другой и т. д.

¹²¹ ЦГАОР СССР, ф. 583, оп. 1, д. 9, л. 30 об. — 31.

¹²² П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 301.

¹²³ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 241, д. 195, л. 56 — 56 об.

3. Призыв *одновременный*, а не по категориям. Иначе не было бы суждений о неудобстве призыва всех и о бесповоротном значении этого призыва.

4. Призываемые поступают в *состав* комиссии. Следовательно, они члены.

5. Правительственные члены по возможности в ограниченном числе. На это неоднократно указывалось. Если бы было иначе, то не было бы повода повторять процесс Комиссии г[енерал]-а[дъютанта] Игнатъева. Там были члены от ведомств, и комиссия *спрашивала посторонних*, т. е. предлагала им вопросы на выбор.

6. Постоянно имелось в виду созывать для проектов *готовых*. Следовательно, не могло быть в виду не сообщать проектов, а на них извлекать вопросы.

7. Значение заключений комиссии должно быть, конечно, совещательным; но для этого значения нужно, чтобы комиссия высказалась, а высказаться она может только в обычном порядке коллегий.

8. Особый председатель назначается *именно* ввиду новости и трудности дела. Если бы не было вышеизложенного, то не было бы ни новости, ни трудности.

9. Выбор призываемых должен быть по возможности ограничен. Порядок совещаний по возможности предоставляется усмотрению председателя.¹²⁴

Итак, в истолковании Валуева, речь должна была идти в дальнейшем о формировании комиссий, состоящих преимущественно из представителей земства и дворянства, но включающих в себя в небольшом числе также и правительственных чиновников. При назначении представителей (как выше говорилось, право назначения принадлежало императору) надлежало учитывать специфику рассматриваемой проблемы, ее территориальные рамки. Каждая из губерний могла быть представлена лишь одним деятелем. Комиссия являлась законосовещательной коллегией, новой промежуточной инстанцией русского законодательного процесса.

Весь тон и этой записки, и дневниковых записей Валуева свидетельствует о том, что он — один из главных деятелей задуманного проведения реформы политического строя — был не слишком разочарован итогом. Так, говоря о резолюции Комитета министров о комиссиях представителей, принятой согласно его проектам, он заявляет: «Мне удалось выгородить неудобнейшие части чужих предположений, а свои собственные отгородить».¹²⁵ Говоря о том, что ему удалось защитить собственные предложения, Валуев имел в виду, что будущие комиссии должны строиться отчасти на тех же основаниях, что и задуманный им еще

в 1863 г. «Съезд государственных гласных». Общим был принцип назначаемого императором председателя, известное сходство было и в составе членов (и в том и другом случае предусматривалось представительство земских и городских учреждений). Но при этих чертах сходства резолюцией Комитета министров были утверждены лишь осколки его проекта 1863 г.

Но если Валуев был как будто удовлетворен этой резолюцией Комитета министров, то для Шувалова она означала почти полное крушение планов, что наносило тяжелый удар по его самолюбию. Первоначально он заявлял, что вопрос этот будет вновь рассмотрен; на этот раз в Совете министров,¹²⁶ заседания которого, как известно, проходили под председательством императора. Это был недвусмысленный намек на то, что резолюция Комитета министров расходится с точкой зрения Александра II, взгляды которого в этом вопросе якобы представлял Шувалов, и что царь не преминет поддержать своего шефа жандармов. Трудно сказать, было ли это для Шувалова всего лишь хорошей миной при плохой игре (прикрывающей политическое поражение) или же, основываясь на своем разговоре с императором в Ливадии, он искренне верил в поддержку Александром II идеи представительства и со свойственной ему самонадеянностью рассчитывал на свое влияние. Однако очень скоро подобные разговоры прекращаются. Уже 2 марта П. А. Валуев заносит в дневник: «Гр. Шувалов теперь уже находит излишним обсуждение журнала Комитета министров (по докладу сельскохозяйственной комиссии) в Совете министров. Прежде только о том и была речь. Теперь не слишком хочется возбуждать в присутствии государя вопрос о призыве всех председателей управ и предводителей».¹²⁷

Решение шефа жандармов не ставить вопрос о комиссиях представителей в Совете министров, если только он всерьез намеревался сделать это, может быть объяснено двояко. Либо он, по зрелом размышлении, понял все неудобство вторичного обсуждения только что решенной проблемы при фактически прежнем составе участников, большинство которых только что отвергло предложение о широком дворянском и земском представительстве, либо за эти дни произошли какие-то события, обнаружившие твердость абсолютистских взглядов Александра II и тем самым полную бесперспективность нового обсуждения. Не исключено также, что шеф жандармов, не добившись законодательного утверждения своих предложений, рассчитывал провести их, так сказать, «в рабочем порядке», административным путем: опираясь на решение Комитета министров, при практическом создании комиссии для рассмотрения проекта правил

¹²⁴ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 198, л. 64—65 об.

¹²⁵ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 301.

¹²⁶ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 301; Дневник Д. А. Милюткина, т. I, с. 142.

¹²⁷ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 301.

о найме рабочих и прислуги максимально расширить состав этой комиссии. Во всяком случае в этом подозревал шефа жандармов министр внутренних дел. 7 апреля 1874 г. правитель канцелярии Министерства внутренних дел Л. С. Маков в связи с обсуждением дела о формировании этой комиссии писал П. А. Валуеву: «Он (А. Е. Тимашев, — В. Ч.) опасается только, что граф Шувалов и граф Пален вновь возбудят вопрос о приглашении одновременно всех предводителей и председателей. Это последнее обстоятельство г. министр считает положительно неудобным».¹²⁸

Возможно, опасения Тимашева и имели под собой реальное основание, однако каких-либо данных о том, что Шувалов пытался предпринять что-либо в этом направлении, пока не разыскано. Такова история еще одной исходящей из правительственных кругов попытки проведения такой политической реформы, которая должна была обеспечить возможность выражения мнений сословий, в первую очередь и преимущественно дворянства, в центральном представительном учреждении, имеющем совещательное значение. В этой связи напрашивается вопрос о причинах отставки Шувалова.

Рассмотрение по инициативе шефа жандармов проекта политической реформы, которая в первоначальном варианте могла расцениваться императором как шаг к ограничению самодержавия, и неожиданная отставка в июле 1874 г., казалось, всесильного временщика хронологически весьма близки. Поэтому уместно задуматься о возможной связи между этими событиями. Увольнение Шувалова из III отделения и назначение послом в Лондон, вызвавшие много толков и недоумений, не были связаны с каким-либо известным событием, которое не оставляло бы сомнений в их причине, как, например, отставка его предшественника князя В. А. Долгорукова, а потому мотивы отстранения шефа жандармов от должности и удаление его подальше от места, где вершилась внутренняя политика, излагались его современниками лишь предположительно. В числе таких причин называли по догадке интриги многочисленных врагов Шувалова, в первую очередь фаворитки императора княжны Е. М. Долгоруковой, и то обстоятельство, что императору стало претить возросшее влияние Шувалова.¹²⁹ Конституционные замыслы Шувалова как одно из оснований отставки не противоречат этим предположениям, наоборот, вполне укладываются в их рамки. План политической реформы Шувалова вполне мог быть использован его противниками для того, чтобы настроить против него Александра II, а занятая большинством министров позиция несочувствия (правда, зачастую внешнего) этой попытке должна

была укрепить мнение царя о том, что решение этого уже не раз всплывавшего вопроса можно оттянуть. Инициатора же столь неприятной императору попытки ограничения его абсолютной власти — в этих условиях — явно следовало изолировать и тем погасить подобного рода настроения. Сделать это было тем проще, что министры Александра II обычно легко отказывались от своих убеждений и предавали своих недавних союзников. И тот же Валуев, когда император заговорил с ним о создании на основании решения Комитета министров комиссии для рассмотрения проекта правил о найме рабочих и прислуги, не замедлил обелить себя перед Александром II, свалив всю «вину» на шефа жандармов. «Утром доклад у государя, — читаем в его дневнике за 18 марта. — Он заговорил о комиссии, но не упомянул о председательстве, потому что я отпарировал, так сказать, равнодушным указанием на то, что инициатива во всем деле принадлежит гр. Шувалову и что с проектом правил о найме рабочих я не вполне ознакомлен».¹³⁰

В подтверждение версии о связи отставки Шувалова с его попыткой проведения политической реформы можно привести два свидетельства. Одно из них принадлежит А. А. Половцову, который, имея в это время сенаторское звание, являлся человеком весьма осведомленным, поскольку был связан с высшими придворными и правительственными кругами. 15 июля 1874 г. в присутствии графа Д. А. Толстого в доме графа И. И. Воронцова-Дашкова обсуждались разные злободневные события, и в том числе отставка П. А. Шувалова и министра путей сообщения графа А. П. Бобринского. Вернувшись домой, Половцов под непосредственным впечатлением происшедшего разговора записал: «Увольнение Шувалова с Бобр[инским] не есть перемена двух лиц, это решительный удар партии, которая, в глазах государя, хотела стеснить его власть. Когда в Ком[итете] Мин[истров] рассматривалась записка Валуева, то Шувалов не раз высказывал мысль, что, несомненно, правительству следует перейти от самодержавия к представительным учреждениям и для начала положено рассмотреть с участием местных депутатов все вопросы, возбужденные комиссией, учрежденной Валуевым. Председатель Комитета Игнатъев написал тогда письмо государю, прося наставлений, говоря, что его положение затруднительно, если Шувалов говорит от имени государя, и намекая на то, что у государя хотят украсть что-то вроде конституции. Власть Петра IV уже и так начинала делаться тягостной императору; прибавить надо к этому ненависть Долгоруковой, которую гр. Шувалова не пускала к себе, а гр. Бобринский обделял железнодорожными концессиями, вот в один прекрасный день на докладе и сказано Шувалову: „Правда ли, что лондонское посольство

¹²⁸ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 576, л. 536.

¹²⁹ Дневник Д. А. Милюткина, т. I, с. 159; Е. М. Феоктистов. Воспоминания. За кулисами..., с. 312; В. П. Мецкерский. Мои воспоминания, ч. 2, с. 236.

¹³⁰ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 304.

Вас устроит?" А Бобринскому: „Рейтерн объявил мне, что я должен выбрать между им и тобою, он более десяти лет министром, а ты всего три, а потому я надеюсь, что ты сделаешь это пожертвование“.¹³¹

Другое свидетельство принадлежит самому Шувалову. Вскоре после своей отставки он заезжал к Валуеву и следующим образом рассказывал о форме, в которой был извещен об отстранении от должности. Император якобы спросил Шувалова: «Вы предпочитаете Лондон?». На это Шувалов ответил утвердительно, на чем разговор и был окончен.¹³² Никаких вопросов Шувалова и разъяснений императора не потребовалось. По-видимому, короткий вопрос императора вполне объяснял Шувалову и причину его отставки. В таком случае слова Александра II могли означать только изложение «состава преступления» Шувалова: его симпатии к английскому парламентскому образцу, а ответ шефа жандармов — открытое признание своих взглядов и недавних намерений.

Косвенным свидетельством в пользу этой версии о причине отставки Шувалова, свидетельством, имеющим значение лишь в свете приведенных ранее сведений о том, что шеф жандармов свое предложение о представительных учреждениях выдвигал как одобряемое императором, являются следующие строки из воспоминаний известного железнодорожного деятеля А. И. Дельвига: «По слухам, причиной этого (потери значения Шувалова у императора, — В. Ч.) было то, что Шувалов во многих случаях излагал свои мнения в высших государственных учреждениях, придавая им значение тем, что будто бы они согласны с желанием государя».¹³³

Резолюция Комитета министров не осталась мертвой буквой: вскоре была создана предусмотренная ею комиссия по обсуждению проекта правил о найме рабочих и прислуги. Ее председателем Александр II назначил П. А. Валуева. Состав комиссии был определен уже в 1874 г. в соответствии с цитированной запиской П. А. Валуева от 7 апреля 1874 г. Число представителей министерств и ведомств было невелико — по одному чиновнику от министерств Финансов, Государственных имуществ, Юстиции, Путей сообщения, II и III отделений и два чиновника от Министерства внутренних дел. В комиссию вошло 11 губернских предводителей дворянства, 14 председателей губернских земских управ и два городских головы. Губернии были, как правило, представлены лишь одним членом (исключение составляли

столичные губернии — Московская и Петербургская, от которых вошли и предводители, и председатели, и городские головы). Интересы промышленников должны были выражать шесть заводчиков и фабрикантов.¹³⁴

Заседания комиссии начались 17 января 1875 г. Узнав об этом, П. А. Шувалов (считавший, видимо, комиссию своим детищем, к тому же стоявшим ему карьеры) поспешил написать письмо П. А. Валуеву, который, избежав вследствие своей изворотливости «монаршего гнева», пожинал теперь плоды их совместных усилий. 31 января 1875 г. новый русский посол в Лондоне приветствовал председателя нового «представительного» учреждения: «Дорогой Петр Александрович, газеты и частные письма известили меня об открытии новой комиссии под Вашим председательством. Это вернуло меня в мое недавнее прошлое и живо напомнило все наши беседы прошлой зимой и все подготовительные заседания, в которых мы принимали участие. Я верю в будущее такого рода комиссий и испытываю потребность обратиться к Вам с пожеланием успеха на поприще, где вы только что сделали первый шаг, и сказать Вам, насколько я рад знать, что дело окончательно находится в Ваших руках».¹³⁵

Такое повествование в русском законодательном процессе, каким являлась «Комиссия представителей», участвующая в обсуждении законопроекта, не могло не привлечь внимания русского общества, в значительной своей части стремившегося к участию в делах государственного управления и потому живо интересовавшегося всеми событиями, которые, казалось, могли вести к осуществлению этих стремлений. «В настоящую минуту, — говорилось в передовой статье «Московских ведомостей» от 23 января 1875 г., — едва ли что другое привлекает на себя в равной мере внимание публики, как предстоящая и уже начавшаяся деятельность созданной по высочайшей воле и открытой 17 сего января Комиссии для пересмотра выработанных проектов законоположений о найме рабочих и прислуги. Есть полное основание ожидать успешных результатов от новооткрытой комиссии».

Интерес к этой комиссии был обусловлен приданной ей жалкой частичкой внешнего «парламентаризма», бросавшейся в глаза неизбалованному политическими правами русскому человеку. «Сказанное совещание было организовано на особых началах — в виде какого-то парламента», — так воспринимал отличительную особенность комиссии Валуева один из ее членов.¹³⁶ В. П. Мецкерский сообщает, что эту комиссию Валуева в обществе называли «парламентом».¹³⁷

¹³⁴ ЦГАИ СССР, ф. 908, оп. 1, д. 357, л. 174—174 об.

¹³⁵ Там же, д. 672, л. 96.

¹³⁶ Н. Найденов. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч. II. М., 1905, с. 147.

¹³⁷ В. П. Мецкерский. Мои воспоминания, ч. 2, с. 259.

¹³¹ ЦГАОР СССР, ф. 583, оп. 1, д. 9, л. 44 об.—46.

¹³² П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 312.

¹³³ А. И. Дельвиг. Мои воспоминания. Т. IV. М., 1913, с. 441.

Однако наряду с голосами тех, кто, подобно новониспеченному послу в Лондоне и редактору «Московских ведомостей», возлагал надежды на результаты работ этой новой формы законосовещательного собрания, раздавались и скептические ноты в оценках тех, кто мало верил в возможности комиссии Валуева. Так, А. В. Никитенко 17 января 1875 г. записал в дневнике: «Прибыли сюда члены из разных губерний от дворянства, земства и городов для совещаний о законах относительно рабочих и наемников — законов, конечно, чрезвычайно важных для внутреннего порядка государства. Председателем этой комиссии, как известно, Валуев. Что-то она сделает? Наверное можно сказать, ничего. Все пойдет к концу, как угодно творцу. А творец этот — администрация, а во главе ее Валуев. Разве в первый раз у нас является призрак чего-то легального и общепародного с физиономией представительства и выборного принципа? И всегда этот призрак манил к себе легковверных и затем улетал в бесконечные воздушные пространства, и все оставалось по-прежнему. Так, без сомнения, будет и теперь. Под влиянием духа времени, может быть, и позволят собравшимся людям высказаться, как они думают, а затем наложат печать хранения на их уста и скажут им не без любезности: „Милые люди! Уходите туда, откуда пришли, а мы вот надумаем и сделаем все, что нам угодно, сами“. Да и что такое наше общество, поклоняющееся подобным призракам? Разве в нем существуют основы какой-либо самостоятельности, какого-нибудь практического осуществления его нужд и стремлений? Иногда выпрыгивают из красноречивых уст слова, указывающие на дело; но эти слова исчезают в воздухе, и произнесшие их сами бывают довольны тем, что их сказали, а потом принимаются за обычное жеванье грубой и неудобоваримой пищи, которую кладут им в рот предания и собственная их пошлая, хилая натура».¹³⁸

Вокруг комиссии Валуева сразу же поднялся большой шум. У одних она подогрела их либеральные иллюзии, другие же намеренно пытались представить ее значение в преувеличенном виде, чтобы запугать Александра II опасностью парламентаризма. Поэтому ее председатель счел нужным приглушить этот общественный резонанс и обратился к издателю «Московских ведомостей» с просьбой о помещении соответствующих разъяснений. «По делу комиссии для составления рабочего законодательства, — писал П. А. Валуев М. Н. Каткову 22 января 1875 г.,¹³⁹ — было бы желательно констатировать, что нет комиссии *status in statu* под

¹³⁸ А. В. Никитенко. Дневник в трех томах. Т. 3. 1866—1877. [Л.], 1956, с. 328—329.

¹³⁹ При публикации этого письма допущена ошибка. Письмо датируется 1873 г., тогда как действительное время его написания — 1875 г.

председательством Шувалова,¹⁴⁰ как говорит „Голос“ и город (Петербург). Есть лишь предварительное, неформальное совещание между прибывшими из разных местностей членами в помещении комиссии в доме Министерства государственных имуществ. Эти гг. члены, для удобства совещаний, избрали из своей среды председательствующим графа А. П. Шувалова, это выражение важно ввиду легкости, с которой многие здесь пугаются. Генерал Игнатьев¹⁴¹ предусматривает клятву „*du jeu de raime*“,¹⁴² формулируемую М. М. Кокоревым и князем Мещерским из Твери в качестве *beaufrége* генерала Потапова».¹⁴³

Члены этой комиссии Валуева обсудили представленный на их рассмотрение законопроект, высказали свои соображения, после чего измененный проект был передан в Государственный совет. «Комиссия представителей» была распущена, однако на этом ее история не закончилась. Когда в январе 1876 г. началось обсуждение законопроекта в Соединенных департаментах Государственного совета, некоторые из ее членов были вызваны в качестве экспертов. Последние присутствовали на заседаниях Соединенных департаментов, правда, только для объяснений по задаваемым вопросам. Такой вызов экспертов тоже был необычным явлением в русской законодательной практике.

«В час пополудни приехал я в Государственный совет, в заседание Соединенных департаментов по делу о найме рабочих. Заседание это имело особый характер: приглашены были в качестве экспертов некоторые из лиц, принимавшие участие в разработке проекта... В числе этих экспертов были: предводители дворянства петербургский — гр. Андр. Павл. Шувалов и московский — гр. Алекс. Вас. Бобринский, известный строитель мостов и заводчик инженер-полковник Струве, московский гласный Наумов и еще несколько других. Показания этих лиц были довольно интересны; почти все говорят складно и толково. Вообще сегодняшнее заседание выходило из ряда обыкновенных сухих заседаний департаментов Государственного совета», — запис в свой дневник Д. А. Милютин в день начала обсуждения.¹⁴⁴ А Валуев прямо считал, что такая форма участия представителей общества в работе Государственного совета является практическим, хотя и

¹⁴⁰ Речь идет о члене комиссии — гр. А. П. Шувалове — петербургском губериском предводителе дворянства.

¹⁴¹ По-видимому, председатель Комитета министров генерал-адъютант П. Н. Игнатьев.

¹⁴² Клятва членов Национального собрания Франции, данная ими 20 июня 1789 г. (в здании для игры в мяч — [*Jeu de Raime*]) — по расхождению, пока не будет составлена конституция).

¹⁴³ Русская старина, 1913, июнь, с. 363. Речь идет о члене комиссии известном дельце капиталисте В. А. Кокореве; Мещерский Б. В. — тверской губериский предводитель дворянства; Потапов А. Л. — главноуправляющий III отделением и шеф жандармов.

¹⁴⁴ Дневник Д. А. Милютина. Т. II. М., 1949, с. 19.

искаженным осуществлением официально отвергнутой идеи его проекта реформы Государственного совета. «Между тем, — писал он об участии экспертов в работе Соединенных департаментов, — как бы случайно и незаметно вводится на практике, но в безобразной форме, то самое начало призыва посторонних участников в делах Государственного совета, о котором я возбуждал вопрос в 1863 г.»¹⁴⁵

Деятельность комиссии о найме рабочих и прислуги является одним из примеров тех уловок, с помощью которых самодержавие в течение долгого времени удерживало свои позиции, периодически создавая видимость готовности пойти на политические уступки, даровать обществу — в обмен на его благонадежность — некоторые якобы «конституционные» права.

Комиссия Валуева 1875 г. осталась в 70-е годы единственной такого рода комиссией. Несмотря на то что Комитет министров в 1873—1874 гг. выдвинул целый ряд требующих немедленного разрешения аграрных проблем, в том числе проблему общинного землевладения, к их разработке не приступали. И только в начале 80-х годов, когда в стране резко обострился внутриполитический кризис, правительство вернулось к некоторым из них, поскольку увидело в решении аграрных проблем путь к укреплению своего положения. Тогда-то при обсуждении законопроекта о понижении выкупных платежей вновь вспомнили тот же метод привлечения в состав комиссии представителей дворянства и земства.

Что же касается П. А. Шувалова и его попытки проведения политической реформы, то его прямым продолжателем на этом поприще явился М. Т. Лорис-Меликов, который его повторял во многом. Во-первых, Лорис-Меликов использовал сходный прием для постановки проблемы представительства, организовав сенаторские ревизии, выяснившие, как в свое время сельскохозяйственная комиссия Валуева, круг требующих разрешения экономических задач. Во-вторых, он предлагал привлечение представителей общества к обсуждению примерно того же круга проблем, что и Шувалов. И наконец, в-третьих, речь шла в обоих случаях о законосовещательных комиссиях, которые рассматривали бы подготовленные законопроекты накануне передачи их в Государственный совет. Это сходство, разумеется, не исключает и различий. Проект Лорис-Меликова, например, не предусматривал сплошного представительства дворянства в комиссиях, зато предлагал многоступенчатость представительства; однако сравнительный анализ в данном случае вряд ли возможен, поскольку, как говорилось выше, предложения Шувалова письменно оформлены не были и судить о них можно лишь по беглым и немногочисленным дневниковым записям.

¹⁴⁵ П. А. Валуев. Дневник, т. II, с. 327.

ПРОГРАММА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА И ТАРИФНАЯ ПОЛИТИКА С. Ю. ВИТТЕ

(К оценке Челябинского тарифа)

В обширной литературе последних лет, посвященной различным проблемам аграрного развития Сибири конца прошлого века и прежде всего вопросам, связанным с экономическим значением Сибирской магистрали, непременно в том или ином аспекте упоминается Челябинский тарифный «перелом». Это и естественно, поскольку челябинская тарифная формула была установлена одновременно с открытием регулярного движения по Сибирской железной дороге (ноябрь 1896 г.) и с первых же дней ее функционирования сдерживала поток хлебных грузов — основного предмета сибирского вывоза, препятствуя его проникновению в европейскую часть России.

Вместе с тем традиционная оценка Челябинского тарифа как характерного штриха колониальной политики царизма в отношении окраин, как правительственной меры, направленной исключительно на защиту интересов европейского помещика, тормозящей развитие товарного хлебопашества в Сибири и приведшей к ее экономической изоляции, представляется нам несколько ортодоксальной и недостаточно обоснованной. Почти всеобщее утверждение этой оценки в исторической литературе вызвано, по-видимому, обращением к итоговым данным о вывозе хлеба из Сибири в европейскую часть России, существенно сократившемся после введения заградительного тарифа. Однако известное абстрагирование от данных экспорта сибирского хлеба скрывает от внимания исследователей другую сторону проблемы, которая по сути дела не только позволяет внести соответствующие коррективы, но и меняет в целом наши представления о мотивах, побудивших правительство прибегнуть к столь серьезной экономической акции.¹

Челябинский тарифный «перелом» был введен при С. Ю. Витте, возглавлявшем Министерство финансов, предопределен факти-

¹ В последнее время в ряде исследований экономики Сибири намечался несколько иной подход к оценке Челябинского тарифа. П. Г. Галузо, к примеру, не склонен преувеличивать его роли в качестве барьера на пути проникновения сибирского хлеба за пределы Урала. К подобной же оценке склоняется, по-видимому, Л. М. Горюшкин. Выступая против абсолютизации отрицательного влияния тарифа на развитие сибирского товарного земледелия и полемизируя по этому поводу с П. И. Малахиновым, он замечает: «„Челябинский тариф“ тормозил, но не мог остановить рост вывоза сельскохозяйственной продукции и развитие капиталистических отношений в деревне, обусловленное действием объективных экономических законов капитализма. Поэтому не приходится говорить о закрытии Западной Сибири „со всех сторон“» (Л. М. Горюшкин. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967, с. 356).

чески всей его политикой буржуазной индустриализации, и реальное проявление тарифа во многом отразило дворянско-буржуазную направленность этой политики.

Введение Челябинской тарифной формулы имело свою предысторию, связанную как с экономическими, в том числе тарифными, преобразованиями 1890-х годов, так и с задачами военно-политического свойства.

В июне 1894 г. по настоянию Александра III С. Ю. Витте возглавил экспедицию в бассейны Белого и Северного морей. Экспедиция имела чисто военное, стратегическое назначение — предстояло исследовать северное побережье и утвердиться в возможности основания в Мурмане центральной военно-морской базы. Еще в конце 1880-х годов острую полемику в высших военных сферах вызвало решение правительства о создании крупной укрепленной гавани в районе западных морских границ. Настоятельная необходимость ее признавалась всеми, однако выбор порта — Либавы, — предложенный начальником Главного штаба Н. Н. Обручевым, военным министром П. С. Ванновским и морским министром Н. М. Чихачевым, многим казался крайне неудачным. Александр III, вспоминая С. Ю. Витте, «несколько поддавался этим идеям», но тем не менее испытывал сомнения в правильности подобного выбора.² Противники чрезвычайного укрепления Либавы, к числу которых принадлежал и С. Ю. Витте, обратили внимание правительства на преимущества гаваней незамерзающего Мурманского побережья. Аргументация была чрезвычайно проста и весьма убедительна — близость открытого океана и известная удаленность от морских крепостей основных торговых соперников — Англии и Германии.

Предложение противной «партии» послужило поводом к организации северной экспедиции, а назначение С. Ю. Витте ее главой свидетельствовало, видимо, о благосклонном отношении императора к самой идее, ибо позиция министра финансов в этом вопросе не являлась для него тайной. Выбор спутников С. Ю. Витте — известных в прошлом флотских офицеров М. И. Казя³ и А. Е. Конкевича, директора канцелярии Министера

² С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. I, М., 1960, с. 392.

³ С. Ю. Витте в «Воспоминаниях» ошибочно приводит инициалы М. И. Казя. Как бы оправдываясь перед будущим читателем в предисловии к мемуарам он пишет: «У меня память ослабела на даты и в особенности имена...» (С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. LXXI). Витте познакомился с М. И. Казя задолго до излагаемых событий, еще в бытность свою начальником движения Одесской железной дороги, перешедшей в ведение Русского общества пароходства и торговли. Директором РОПИТ в то время был адмирал Н. М. Чихачев, а М. И. Казя — его помощником.

ства финансов, позднее члена Государственного совета П. М. Романова — отнюдь не был случайным.⁴ Все они в той или иной мере разделяли взгляды Витте. Более того, нет сомнения, что мысль об укреплении северных морских границ была воспринята министром финансов от М. И. Казя и, быть может, А. Е. Конкевича, весьма компетентных в вопросах военной стратегии лиц.⁵ Разумеется, С. Ю. Витте отдавал должное обширным знаниям и незаурядным способностям своих спутников, многообразная деятельность которых позволяла им постоянно находиться в курсе событий, связанных с развитием русского военного и торгового флота⁶ («человек весьма большого ума, с большими способностями... в некоторых отраслях морского дела... человек очень компетентный», — писал Витте о М. И. Казя; «человек с большим морским опытом, много плававший, очень умный... считался, да и до настоящего времени считается компетентным моряком и даже компетентным моряком военным», — оценивал он А. Е. Конкевича).⁷ М. И. Казя был чрезвычайно полезен министру финансов и в качестве председателя правления Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства, единственной на Севере экономически сильной коммерческой организации, патронируемой к тому же царской семьей.⁸ Впоследствии

⁴ Кроме указанных лиц, в экспедиции приняли участие корреспондент «Московских ведомостей» Кочетов, близкий к М. И. Каткову, и художник Борисов.

⁵ В биографическом очерке о М. И. Казя, сопровождаемом рядом любопытных документов, свидетельствующих о широте и разносторонности его интересов и деятельности, содержится упоминание о северной экспедиции и ее целях, в том числе, между прочим, имеют место следующие строки: «... Михаил Ильич глубоко верил, что далекому Мурману, благодаря тому, что он лежит у открытого океана и что его гавани не замерзают круглый год, суждено играть в будущем между нашими морскими побережьями весьма видную государственную роль, и он не только верил в это сам, но, обладая пламенным красноречием, умел в этом убеждать других» (Записка о деятельности председателя Правления Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства М. И. Казя. — В кн.: Михаил Ильич Казя. СПб., 1897, с. 59). Об особом значении и большом будущем Мурмана М. И. Казя неоднократно писал в докладных записках, адресованных различным государственным учреждениям. Эту мысль он отразил и в разработанном им проекте реорганизации военного флота (Там же, с. 19).

⁶ М. И. Казя, к примеру, после многолетней службы в РОПИТ (с 1858 г. по 1875 г.) занял пост управляющего Балтийским судостроительным и механическим заводом, был избран в товарищи председателя Общества для содействия русской промышленности и торговле, Постоянной комиссии по техническому образованию, председателем Постоянной конторы железозаводчиков и т. д.

⁷ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, с. 396—397.

⁸ В «Мурманском пароходстве», — вспоминал С. Ю. Витте, — принимали наибольшее участие лица, близкие к последнику: так, например, между прочим, Шереметьев, очень близкий к нему человек, бывший начальником конвоя императора Александра III в его царствование... Осно-

именно этой организации министр финансов предназначил чуть ли не ведущую роль в практическом осуществлении намеченной им программы экономического освоения Мурманского побережья.

Необходимость тщательного изучения, по словам С. Ю. Витте, естественных условий края, характера тамошнего населения и хозяйственного его состояния⁹, определила маршрут северной экспедиции. Начав путь с бассейна Северной Двины (Котласа), она достигла Архангельска, исследовала Мурманское побережье и, ознакомившись с прибрежными городами Норвегии и Швеции, в августе 1894 г. возвратилась в Петербург. Непосредственным итогом необычного воляжа явился всеподданнейший доклад Витте «Либава или Мурман?»,¹⁰ где министр финансов, категорически высказываясь за строительство военной базы в Мурмане, впервые изложил свою программу экономического освоения Севера.

Программа С. Ю. Витте предусматривала ряд серьезных экономических и военных мероприятий, отвечающих как общегосударственным, так и стратегическим интересам государства. «Крайне важные преимущества» Мурманского порта (Екатерининской гавани) министр финансов связывал не только с его исключительно удобным географическим положением (местонахождение вблизи открытого океана) и стратегическим назначением (укрепленный оборонный пункт), но и с его ролью крупного в будущем административного центра. Существенное препятствие на пути становления Мурмана — оторванность его от глубинной России — переставало быть таковым с проложением сети железнодорожных линий.

Естественно, возведение усиленных оборонительных сооружений в Либаве министр финансов категорически отвергал, считая подобный шаг непростительной тактической ошибкой: «С прорытием соединительного канала и с усилением морского могущества Германии ни один из портов Балтийского моря как моря закрытого — в том числе и Либава — не может удовлетворить тем требованиям, которые должны быть предъявляемы к передовому порту, назначаемому для активной деятельности нашего флота».¹¹ В любой гавани Балтики действия русского флота легко могут быть парализованы сильным флотом Германии. И эта «первая и весьма легкая победа противника» неизбежно повлечет за собой поражение всего военного флота России и одновременно пол-

вали ли это пароходство ближе императору люди или же они вошли в это пароходство случайно, но факт тот, что император Александр III также симпатизировал „Мурманскому пароходству“» (С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, с. 391).

⁹ Из архива гр. С. Ю. Витте. Либава или Мурман? ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 294, л. 2.

¹⁰ Доклад опубликован К. М. Соколовским в сборнике Общества ревнителей истории «Прошлое и настоящее», вып. I (Л., 1924).

¹¹ Либава или Мурман?, л. 6 об.

ностью обезопасит германскую морскую торговлю, напоминал Витте.¹²

Отчетливо звучащая в докладе нота о неизбежности военного столкновения с Германией — свидетельство трезвой оценки С. Ю. Витте реальной расстановки политических сил на мировой арене.¹³ Вместе с тем едва ли укрепление Мурмана могло служить серьезным предостережением германскому флоту. Скорее, это был политический акт, направленный против британского морского владычества. Во всяком случае именно так его расценивали весьма искушенные в морской стратегии современники.¹⁴

Сознавая, что возведение крупной военно-морской базы в Мурмане невозможно без «колонизации» Северного края, С. Ю. Витте изложил в докладе четкую программу экономических его преобразований, тесно связанных с выдвинутыми им стратегическими задачами. Соседний норвежский Финмаркен, с которым министр финансов и его спутники успели ознакомиться во время экспедиции, подсказал ему необходимость полнейшей перестройки экономической жизни побережья. Проведение железнодорожных магистралей, улучшение колесных путей, устройство телеграфных линий, развитие рейсов срочного пароходства, строительство дока и мастерских для ремонта океанских судов и в итоге превращение Мурманской гавани в административный центр края — таковы, по мысли С. Ю. Витте, первые правительственные шаги в этом направлении. «При наличии таких исторически сложившихся духовных сил местного населения едва ли не надлежит дать им, в интересах государственных, возможно широкое развитие и применение».¹⁵ Эксплуатация богатств Северного океана, развитие морских промыслов активно способствовало бы оживлению экономики края в целом и торговли в частности. Но для этого необходим отказ от «менового торгшвли», сдерживающей развитие

¹² Там же.

¹³ Впоследствии, в связи с началом мировой войны 1914 г., стремясь отвести обвинения в прогерманской ориентации, С. Ю. Витте предпринял попытку «извлечь политический капитал из своего предвидения 90-х годов». Доклад Александру III был подготовлен им к опубликованию, но задержан военной цензурой. (См. комментарий В. В. Анапыча и Р. Ш. Ганельна в кн.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, с. 546—547).

¹⁴ Вот что писал после экспедиции М. И. Казн в секретной записке о задачах русского флота: «Нам нужны для успеха крейсерских операций против Англии не только угольные станции, но и опорные пункты, обеспечивающие от всяких покушений неприятеля, где наш крейсер может найти не только уголь, но и доки, и мастерские, боевые и продовольственные запасы и пр. И мы имеем такие опорные пункты, очень сильные, неразрывно связанные с Государством. Один из них Владивосток, который можно будет считать таким пунктом с того времени, как он будет связан с Империей железною дорогою, которая уже ведется через Сибирь, другой — военный порт в Мурмане» (Михаил Ильич Казн, с. 19).

¹⁵ Либава или Мурман?, л. 3 об.

производительных сил Севера, переход к системе «русских самостоятельных промыслов».

Собственно, подобным же образом действовало норвежское правительство, заметил С. Ю. Витте, когда наряду с промышленным освоением Финмаркена приняло действенные меры к ограждению своей промысловой промышленности от русской конкуренции. За льготы в области торгового обмена, предоставленные Норвегией российским поморам, последние заплатили слишком дорогой ценой: не только ограничили территориально собственные промыслы, но и отказались фактически от развития местной промышленности, пришедшей в полнейший упадок. Все это позволило Норвегии довольно прочно утвердиться в Поморье. Если в середине века, напомнил С. Ю. Витте, норвежский Финмаркен не мог существовать без ввоза русского хлеба и русского леса, о чем свидетельствовали международные соглашения (русско-норвежский торговый трактат 1838 г. определил экспорт в Норвегию русской ржи в количестве 50 тыс. четвертей ежегодно; в период Крымской войны неприкосновенность русско-норвежской хлебной торговли была подтверждена особым соглашением враждующих сторон), то к концу столетия развившиеся торговые связи Норвегии позволили ей обрести известную самостоятельность в выборе хлебного экспортера. В итоге торговый обмен с Норвегией, в жертву которому русские поморы принесли собственную промысловую промышленность, резко сузился и не мог уже удовлетворить необходимые потребности населения. Предстояло стимулировать международную торговлю Севера, воскресить угасавшую промышленность.

Единственным серьезным препятствием на этом пути было слабое развитие земледелия и вытекающая отсюда постоянная потребность населения в привозном хлебе. Однако, подчеркнул С. Ю. Витте на одном из заседаний Комитета Сибирской железной дороги, собственное производство хлеба отнюдь не является неизменным показателем благосостояния страны, чему ярким примером служит Англия.¹⁶ Вместе с тем для благоприятного экономического развития Северного края абсолютно необходимо бесперебойное его снабжение. Старые пути сообщения уже не в состоянии решить эту первоочередную задачу.

Не случайно в докладе «Либава или Мурман?» вопросу о развитии железнодорожной сети на Севере министр финансов уделил исключительное внимание. Объяснение этому следует искать отчасти в возлагавшейся на него Александром III задаче — подтвердить справедливость выводов Межведомственной комиссии 1893 г., наметившей строительство северных дорог в трех основных направлениях: Вологда—Архангельск, Казань—Пермь—Кот-

лас, Петербург—Мурман, и выступить в качестве арбитра в решении вопроса об их первоочередности. Весьма распылчатое резюме комиссии — все линии «принесут существенную пользу Северному краю, но не могут заменить одна другую, и потому все должны быть признаны желательными»¹⁷ — требовало известного уточнения. Высочайше уже одобрены были строительство Архангельской ветки и изыскательские работы в направлении Пермь—Котлас. В оставшийся нерешенным вопрос о Мурманской дороге определенные коррективы должны были внести наблюдения экспедиции С. Ю. Витте.

Предложение министра финансов о временной консервации строительства линии Петербург—Мурман с первого взгляда никак не вязалось с выдвинутой им программой военного строительства. Но вместе с тем проведение двух других железнодорожных магистралей должно было способствовать скорейшему решению сопутствующей проблемы — развитию внешнеторговых отношений через Архангельский коммерческий порт. Последнее в сущности и определило в конечном итоге позицию С. Ю. Витте, тем более что правительством этот вопрос фактически был уже пред-
решен.

Конкретизируя впоследствии в ряде представлений Комитету Сибирской железной дороги свои выводы относительно «колонизации» Севера, министр финансов все настойчивее возвращался к мысли о необходимости незамедлительного возведения линии Пермь—Котлас. Мысль эта была не нова. Годом ранее, в 1893 г., Витте уже высказывал ее членам Комитета. В тот год впервые сказались, пусть еще чрезвычайно слабо, последствия продвижения сибирского хлеба на западные рынки. Рельсовый путь к востоку от Челябинска удлинился всего лишь на 225 верст, но и этот первый, робкий шаг в Сибирь вызвал заметное падение бытовых цен на приволжских рынках. Возможность массового вывоза сибирского хлеба в порты Европейской России показала свои губительные последствия.

Уже тогда в представлении Комитету С. Ю. Витте писал о необходимости открыть сибирскому хлебу прямой путь к Белому морю, что «весьма важно как для интересов земледельческой промышленности Сибири, так, в особенности, и для ограждения сельского хозяйства Средней России от угнетающего на хлебные цены влияния, которое может оказать прилив на наши внутренние рынки и к Балтийским портам значительного количества дешевого хлеба из-за Урала».¹⁸ Одобренное правитель-

¹⁷ Либава или Мурман?, л. 2.

¹⁸ Историческая справка о сооружении Великого Сибирского железнодорожного пути (Составлено в общей канцелярии министра финансов. СПб., 1903); ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 936, л. 24—24 об. Вопрос о соединении бассейнов Камы и Северной Двины неоднократно вызывал интерес в правительственных сферах еще со времен царствования Ека-

¹⁶ Журналы Комитета Сибирской железной дороги. Заседание 3 мая 1895 г. ЦГИА СССР, ф. 441, оп. 1, д. 35, л. 55—55 об.

ством строительство линий Вологда—Архангельск и Петербург—Кемь, при всем огромном своем значении для экономики Северного края, не могло дать ему одного — дешевого хлеба. Только соединение Сибири с бассейном Северной Двины способствовало бы решению этой задачи.

Проведенные министерством финансов предварительные расчеты убедительно свидетельствовали об экономических преимуществах избранного пути. Сопоставление провозных плат обещало более дешевую доставку хлеба из Сибири до Архангельска, нежели до Петербурга, Ревеля или Риги, а сравнение средних цен за пятилетие (1889—1893 гг.) по Архангельской и Вятской губерниям показало весьма значительную разницу (колебания цен на различные хлеба в пределах 1 руб. 38 коп. — 93 коп. за пуд для Архангельской и 77—70 коп. для Вятской губернии) и позволяло надеяться на существенное падение цен в Архангельске.¹⁹ Наконец, подсчет общей стоимости провоза зерна до Лондона с учетом морских фрахтов на начало века показал явную выгоду нового пути.

«Сближение» Севера с Сибирью неизбежно должно было оказать взаимное благоприятное воздействие. «Превращение Архангельска в коммерческий порт Западной Сибири даст могучий толчок оживлению всего нашего Севера и развитию отечественного торгового флота, — убеждал министр финансов, — а установление прочных экономических связей между сибирскими губерниями и Архангельским краем, с его энергичным искони-русским населением, не останется без влияния на распространение частной предпринимчивости в Сибири».²⁰

С еще большей категоричностью С. Ю. Витте высказывался после экспедиции, в ходе которой, думается, не случайно ему самому довелось преодолеть именно тот путь от Котласа до Архангельска, которым впоследствии шел сибирский хлеб: «давая выход сибирским хлебам на мировой рынок через Архангельский порт», дорога Пермь—Котлас «обеспечит сибирскому земледелию возможность широкого развития, без неблагоприятного влияния на сельское хозяйство Европейской России; в то же время она доставит продовольствие населению северных губерний, воссоздаст значение Архангельского порта и будет содействовать развитию судоходства по Северной Двине и ее притокам, главным артериям местной жизни, а тем самым и обеспечит возможность экономического подъема всего Севера», для которого явится она «насыщенным хлебом».²¹

тернии II и породил множество проектов. Вновь он поднят был в 1868 г. в связи с неурожаем в Пермской и Вятской губерниях, затем в 1876 г. и т. п.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 441, оп. 1, д. 35, л. 56.

²⁰ Там же, ф. 1622, оп. 1, д. 936, л. 24 об.

²¹ Там же, ф. 441, оп. 1, д. 35, л. 56.

Между тем излишек товарного сибирского хлеба все настойчивее требовал выхода. В середине 90-х годов XIX в. он был еще весьма невелик — 10,5 млн пуд. (1894 г.), по данным комиссии представителя Железнодорожного департамента Толмачева, но перспективы его дальнейшего роста были и обнадеживающими, и устрашающими — 40 млн пуд. в год, по подсчетам комиссии К. Я. Михайловского (1898 г.).²² Предсказания комиссии более чем оправдались. Уже следующий, урожайный 1899 г. принес высокий сбор зерна — 217 млн пуд. (за вычетом семян). Между тем потребности местного населения не превышали 153 млн пуд., т. е. излишек зерна достиг 64 млн пуд.²³

Ограниченность рынка сельскохозяйственных продуктов в самой Сибири исключала всякую надежду на возможность реализации излишков хлеба на месте. «Прочного сбыта внутри Сибири для сибирского хлеба почти нет, — отмечал современник, — так как города Сибири малолюдны, обрабатывающая промышленность представляется мизерной в сравнении с огромными палестинами, на которых зреет сибирский хлеб».²⁴ Пока Сибирь располагала достаточным количеством нетронутых земель, дававших обильные урожаи при их первичной обработке, местное население сравнительно легко переживало неурожайные годы и выдерживало сложившуюся здесь «монополию скупщиков». Однако монополия эта с годами усиливалась, чему, естественно, способствовала неразвитость торговых связей Сибири, и приводила подчас к резкому падению хлебных цен (до 10—12 коп. за пуд ржи и до 20 коп. — пшеницы).²⁵

Естественное стремление сибирского хлеба выйти за пределы Урала наталкивалось на сопротивление европейских аграриев, боявшихся конкуренции. Потоком негодующих писем в правительственные учреждения ответили они на активизацию ввоза сибирского хлеба на внутренние рынки страны.

Перед правительством встала дилемма: либо изолировать Сибирь, закрыв для нее внешние рынки сбыта, либо предоставить сибирскому хлебу эти рынки. В первом случае непосредственным

²² С. В. Саблер, И. В. Сосновский. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903, с. 249—250, 405.

²³ Сибирь под влиянием рельсового пути. Издание редакции периодических изданий Министерства финансов. СПб., 1902, с. 118. Официально-консервативный характер издания, думается нам, не исключает возможности пользоваться его богатым фактическим и цифровым материалом при известном критическом его осмыслении.

²⁴ Г. Ш. Боголепов. Торговля в Сибири. — В кн.: Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908, с. 180.

²⁵ Справка Департамента земельных имуществ Министерства земледелия и государственных имуществ «По вопросу о насаждении частного землевладения в Сибири», 1 июля 1898 г. ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 1, д. 179, л. 13—13 об.

следствием экономической изоляции Сибири явилось бы кризисное ее состояние, обнищание крестьянства и безусловно задержка, ослабление колонизации. Второй путь, напротив, мог открыть известный простор развитию капиталистического уклада в Сибири, интенсифицировать хозяйство, способствовать роли Сибири в качестве поставщика сырья.

С. Ю. Витте избрал второй путь. В сущности в тех специфических условиях такое решение казалось неизбежным, ибо проводимая им экономическая политика, которую, как представляется, мы в праве назвать политикой экономического стимулирования, сопровождалась целым рядом актов, затрагивавших в той или иной мере интересы колонизируемых окраин. Неся в себе достаточно выражающее буржуазное содержание, эта политика была глубоко противоречива. Потому столь двойственным и противоречивым оказалось решение вопроса о рынках для сибирского хлеба, проблема так называемого Челябинского тарифного «перелома».

Для С. Ю. Витте, едва ли разделявшего опасения помещиков европейской части России относительно губительной для них конкуренции сибирского хлеба и вообще считавшего понижение цен неотвратимой, закономерной тенденцией (в силу чего он невольно выступал сторонником умеренных хлебных цен), необходимость ограничения, именно ограничения ввоза сибирского хлеба в пределы европейской части России, была очевидна. Челябинской тарифной формуле предстояло в какой-то степени решать эту проблему. Но решить ее кардинально она, разумеется, не могла. Только выход сибирского хлеба на мировой рынок, но не прямым путем на Запад, а минуя Балтийские порты, мог спасти положение. Это было очевидно многим, в том числе и министру финансов. Предложенный С. Ю. Витте проект строительства Пермь-Котласской железной дороги был лишь одним из звеньев в цепи последовательно проводимых им мероприятий. И тот факт, что проект этот возник в 1893 г., т. е. за три года до начала действий Сибирской магистрали и введения Челябинского тарифа, — свидетельство реальной оценки Витте уровня экономического потенциала Сибири.

Но если в 1893 г. вопрос об экспорте сибирского хлеба был в известной мере самодовлеющим, жизненно важным исключительно для Сибири, то программа экономического преобразования Севера придавала ему совсем иное звучание. Теперь, по мысли министра финансов, сибирский хлеб должен был сыграть особую роль в решении важнейшей экономической проблемы — интенсификации российского зернового экспорта. Активизация внешнеторгового баланса страны — неизменная цель С. Ю. Витте, к которой он стремился упорно и каждодневно на протяжении всей своей государственной деятельности и которая являлась стержнем экономической его политики, в конечном итоге должна была ре-

шить проблему вывозной торговли Сибири — одного из основных зерновых регионов страны. В основе тарифной политики Витте лежала, думается нам, не защита интересов той или иной социальной группы — среднерусского помещика или сибирского буржуа, не исключительно соображения фиска²⁶ и даже не стремление к колонизации Сибири (видимо, вообще не следует решительно все правительственные акты в отношении окраин объяснять только колониальной политикой паразита; в этой политике были свои нюансы, известные отклонения, колебания, вызванные рядом объективных, а нередко и субъективных причин), а стремление предельно активизировать российский внешнеторговый баланс. Отсюда, можно предположить, и возникала столь свойственная экономической политике 90-х годов противоречивость, затруднявшая оценку этой политики и порождаяшая многочисленные споры исследователей о продворянском или буржуазном характере ее.

Строительство Пермь-Котласского железнодорожного пути протяженностью 812 верст началось в 1895 г. Он должен был установить прямое сообщение между Сибирью и Архангельским портом посредством включения в общую сеть Уральской горнозаводской дороги и соединительной ветки Екатеринбург—Челябинск. Уже с конца 1896 г. (одновременно с открытием Западно-Сибирской магистрали) началось временное, частичное движение грузов по новому пути, а 1 января 1898 г. было открыто регулярное движение на всем его протяжении. Дорога была оборудована за счет казны пакгаузами и специальными зернохранилищами.

Для предупреждения наплыва сибирского хлеба на рынки Урала и Европейской России одновременно с началом регулярного движения на части Западно-Сибирской магистрали (ноябрь 1896 г.) Министерством финансов был введен в Челябинске исключительный дифференцированный тариф — Челябинский «перелом», увеличивший стоимость провоза пуда хлеба по Самаро-Златоустовской дороге от Сибири до Балтийских портов на 5—9 коп. По данным Л. М. Горюшкина, тарифные пудоверстные ставки на провоз хлеба из Западной Сибири в середине 90-х гг. составили:²⁷

²⁶ Нередко исследователи экономики Сибири, основываясь на том, что Челябинская тарифная формула значительно поподняла государственную казну (доход с каждых 12 млн пуд. зерна, вывезенных через тарифную границу, составлял 1 млн руб. — см. М. И. Боголепов, ук. соч., с. 190—191), говорят о чисто фискальных мотивах тарифной политики 1890-х годов. При этом забываются тот факт, что казна немало потеряла на понижении тарифных ставок Пермь-Котласского направления.

²⁷ Л. М. Горюшкин, ук. соч., с. 276

	Общая ставка без «перелома»	Действующая ставка с «переломом»	Разница
Курган—Киев	34,71	39,31	4,60
Омск—Киев	41,01	48,32	7,31
Омск—Ревель	42,60	49,43	6,83
Омск—Рига	44,51	50,90	6,39
Омск—Новый порт	38,84	47,04	8,20
Новониколаевск—Елец . . .	40,29	49,17	8,88
Новониколаевск—Москва . .	40,86	49,57	8,71

Челябинская тарифная формула не распространялась на Пермь-Котласскую дорогу, что обеспечило последней привлечение грузов, идущих к северным границам. Таковы были беспрецедентные меры, не имевшие места ни в железнодорожной, ни в тарифной практике, искусственно определившие основное направление в движении сибирского хлеба. В 1900 г. при общем пересмотре тарифов с целью дальнейшей интенсификации грузового движения в Архангельском направлении правительство прибегло к еще одной экстраординарной мере: для Пермь-Котласской линии были введены особые льготные тарифы на хлебные товары. Введение их позволило уменьшить стоимость провоза пуда зерна от Западно-Сибирских губерний до Лондона на 3—4 коп.²⁸

Тарифные узаконения С. Ю. Витте в отношении сибирских дорог вытекали из его общей тарифной политики и соответствовали, естественно, взглядам его на назначение тарифов. Эти взгляды изложены в работе конца 1880-х годов «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», которая, если доверять признанию министра финансов, служила «руководством почти для всех железнодорожных деятелей, занимающихся тарифами и вообще экономической частью железных дорог».²⁹

С. Ю. Витте выступил сторонником упорядочения тарифного дела, состоявшего до 1889 г., т. е. до его перехода в ведение государственных учреждений, в компетенции исключительно владельцев частных железнодорожных обществ (в уставах обществ указывались лишь высшие нормы тарифных ставок). В силу этого тарификация внутренних перевозок отличалась поразительной бессистемностью, хаотичностью. Конкурируя друг с другом с целью привлечения грузов, дороги играли на понижение тарифных ставок, вводили так называемые рефакционные тарифы (пониженные, сепаратные, заключаемые с определенной фирмой

на перевозку определенного количества товара), приводившие нередко к страшнейшему дефициту железнодорожного баланса — до 20—25 млн руб. в год.³⁰ В условиях российских правительственных гарантий (облигации и значительное количество акций частных железных дорог принадлежали государству) убытки терпела прежде всего казна. Гарантия процентов и погашения сумм по акциям и облигациям, выпущенным частными железнодорожными обществами, и по облигациям, принадлежавшим государству, в 1876 г. составила 34 млн руб., в 1879 г. — уже 49 млн руб. К 1 января 1880 г. задолженность железных дорог государственному казначейству по гарантии выпущенных правительством акций и облигаций достигла 208,5 млн руб.³¹ Более того, около 6,5 млн руб. ежегодно выплачивала казна дорогам вследствие неподвижных нормативных тарифных ставок (действовали без изменений с 1883 по 1889 г.), принимая на себя расходы действительных отправителей грузов.³²

Подобная несообразность с государственными интересами могла быть в известной мере ослаблена введением строгой системы гибких дифференцированных тарифов, с непременным утверждением их правительством и обнародованием. За это ратовал С. Ю. Витте в книге о тарифах, и этих взглядов он придерживался, правда далеко не всегда последовательно, в бытность свою на посту директора Департамента железнодорожных дел и министра финансов.

В 1893 г. Совещание по пересмотру хлебных тарифов, приняв в расчет географические условия, дальность расстояний и прочие факторы, ввело наконец дифференцированные пудоверстные ставки. Новая, существенно пониженная общая тарифная формула вопреки опасениям не дала дефицита. Вследствие роста перевозок валовая выручка железных дорог в 1895 г. по сравнению с 1890 г. увеличилась на 10 млн руб.³³ Для северных, исключительно потребительских, районов общее понижение тарифов имело первостепенное значение, ибо единственным фактором, влияющим здесь на уровень хлебных цен являлся строй внутренних тарифов. Разумеется, тем значительнее оказывалась роль исключительных тарифов 1900 г. в формировании рыночных хлебных цен Северодвинского и Архангельского краев.

Впервые в значительных количествах сибирский хлеб появился на Мурманском побережье в 1898 г. Отныне он уже полностью удовлетворял потребности местного населения, определен-

²⁸ С. В. Саблер, И. В. Сосновский, ук. соч., с. 406. Для сравнения приведем следующие данные: от Челябинска до Котласа (1509 верст) исключительный тариф составлял 17,41 коп. с пуда, тогда как за равное расстояние от Тюмени до Котласа (1581 верста) по общему тарифу взималось 26,73 коп. за пуд (С. В. Востротин. Северный морской путь и Челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. Вып. I. СПб., 1908, с. 32).

²⁹ С. Ю. Витте. Воспоминания. т. I, с. 172.

³⁰ С. Витте. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. СПб., 1910, с. 175.

³¹ Там же, с. 159.

³² Там же, с. 161.

³³ П. А. Шостак. К теории железнодорожных тарифов. Хлебные тарифы. СПб., 1897, с. 109.

ные для десятилетия 1883—1892 гг. в 2,75 млн. пуд.³⁴ Само появление его свидетельствовало о первых шагах к осуществлению витевской программы экономического преобразования Северного края. После более чем полувекового запустения был возрожден к активной коммерческой жизни Архангельский порт.

Однако недостаточно было обеспечить доставку излишков хлеба к северным гаваням, столь же необходимым оказалось создать благоприятные условия для его реализации. Это была вторая сторона проблемы экспорта, которую предстояло разрешить. В том же 1898 г. после долгого перерыва в Архангельске появились английские торговые суда. Они приняли на борт первые партии сибирской пшеницы. Так стихийно возникло Беломорское коммерческое сообщение, пока еще нерегулярное и неузаконенное.

Первое соглашение о вывозе сибирского хлеба за пределы страны заключено было годом позднее с британской торговой и транспортной фирмой «Виллиам Г. Мюллер и К^о». Оно предусматривало принятие фирмой обязательств по вывозу всего количества зерна, предъявляемого ей, т. е. фактически неограниченный экспорт (но, разумеется, в рамках возможного подвоза).

Вторым по значению крупным экспортером выступила Архангельская транспортная контора Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Деятельность последней вызывает значительный и, пожалуй, особый интерес, поскольку экспорт зерна (преимущественно в Англию и Голландию) она сочетала с широкими комиссионными зернозакупочными операциями. Для активного выполнения посреднических функций было специально открыто Сибирское отделение. В 1900 г. Архангельская контора приобрела и транспортировала за границу около 3 млн пуд. сибирского и, видимо, волжского хлеба (за счет привоза 1900 г. и хлебных запасов предшествующих лет).³⁵

Энергичную деятельность в том же направлении развивало и Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства, роль которого в экономическом преобразовании Мурманского края была особенно заметна. Среди фирм, принявших на себя экспортные операции, оказалось иностранное пароходство «Томас Миллер». Коммерческая деятельность двух названных фирм протекала весьма успешно и подавала немалые надежды, что позволило им в навигацию 1901 г. понизить фрахты в среднем до 20%.³⁶ В 1902 г. они прибегли к новому понижению фрахтов. В местном водном сообщении (по Северной Двине) ведущая роль основного транспортера оставалась за Северным пароходным обществом «Котлас—Архангельск—Мурман».

Окончательную организацию Беломорское сообщение получило в 1901 г., тогда же были распубликованы его тарифы. Беломорское сообщение приняло на себя не только экспорт, но и импорт товаров, разделив между участвовавшими в нем фирмами операции по вывозу и ввозу. Хлебные грузы поступали со всех станций Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, со станций Пермской железной дороги (линии Челябинск—Екатеринбург, Екатеринбург—Тюмень, Вятка—Левшино) и Сибирской магистрали.³⁷ Экспортировалось сибирское зерно преимущественно в Англию (Лондон, Гулль, Ньюкастл), Голландию (Амстердам, Роттердам), Бельгию (Антверпен), Германию (Гамбург, Бремен), значительно реже во Францию. Ввозное сообщение имело не только сибирское, но и московское направление. Это вполне отвечало его целям — обеспечить необходимый груз иностранным кораблям и соответственный для него рынок.

Основными поставщиками зерна, занимавшимися скупкой его на местах, выступили упомянутая уже Архангельская транспортная контора Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, крупнейшая торговая фирма «Луи Дрейфус и К^о» и Русский для внешней торговли банк.

По сведениям Министерства финансов, в 1899 г. из Сибири экспортировалось 3,5 млн пуд. зерна через порты Белого, Балтийского, Черного морей и западную сухопутную границу, в том числе в северном направлении по линии Пермь—Котлас прошло 990 тыс. пуд. хлебных грузов. Для сравнения укажем, что 1899 и последующие неурожайные годы отличались резким снижением общего вывоза из Сибири. В 1897—1898 гг. (без учета Пермь-Котласской ветки) Сибирь экспортировала 11,8 и 8,4 млн пуд. В 1900 г. за рубеж отправлено было 6,8 млн пуд. сибирского зерна, притом в направлении Пермь—Котлас через Архангельский порт — 1,4 млн пуд.³⁸

Абсолютные цифры, как видим, невелики. Но налицо явная тенденция к активизации вывоза через Архангельск, чему способствовали, разумеется, беспрецедентные витевские тарифные узаконения. В 1901 г., также неурожайном в Сибири, осложненном к тому же дипломатическими столкновениями на Дальнем Востоке, которые отрицательно повлияли на всю систему железнодорожных перевозок, три крупнейших посредника в сибирской хлебной торговле экспортировали 5,82 млн пуд. зерна: Архангельская транспортная контора Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги погрузила на 31 корабль 3,68 млн пуд. хлебных грузов, фирма «Луи Дрейфус и К^о» — на 15 судов 1,43 млн пуд.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 441, оп. 1, д. 35, л. 56.

³⁵ Сибирь под влиянием рельсового пути, с. 63.

³⁶ Там же, с. 64.

³⁷ Наряду с хлебными грузами экспортировались также сырьевые товары, как лен, пенька и пр., однако доля их в общем вывозе оставалась ничтожной.

³⁸ Сибирь под влиянием рельсового пути, с. 119.

Русский для внешней торговли банк — на 16 судов 707 тыс. пуд. зерна. В навигацию 1901 г. Архангельский порт посетило 376 иностранных кораблей, в том числе 246 под английским флагом.³⁹

Цифры вывоза хлеба из Архангельска в 1901 г. представляются несколько завышенными, но, с другой стороны, видимо, нет прямых оснований для их опровержения. По всей вероятности, организация Беломорского коммерческого сообщения привела к резкой активизации транспортных операций. Но уже в следующем, 1902 г. наметился заметный спад экспорта через Архангельск. Прежде всего не мог не сказаться третий неурожайный для Сибири год. Не последнюю роль сыграл к тому же отказ от посреднической деятельности в области хлебозакупки Архангельской конторы Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, что было вызвано переходом ее в ведение Министерства путей сообщения (уставами казенных дорог комиссионерская деятельность запрещалась). Тем не менее Беломорское сообщение продолжало существовать. В навигацию 1902 г. в нем по-прежнему приняли участие торговая и транспортная фирма «Виллиам Г. Мюллер и К^о», фирма «Томас Миллер», Архангельско-Мурманское срочное пароходство.

Вместе с тем наметившиеся в конце столетия относительные успехи северной торговли еще не означали кардинального решения проблемы экспорта сибирского хлеба. Они лишь свидетельствовали о правильности избранного пути. Прежде всего итоги первых же лет регулярной эксплуатации Сибирской магистрали и Пермь-Котласской линии убедительно показали необоснованность, несбыточность надежд на быстрое осуществление этой насущной задачи. Несмотря на заметное увеличение с 1896 по 1899 г. ежегодных перевозок хлебных грузов в северо-западном направлении, только в зимний период 1897/98 г. Челябинск не смог пропустить свыше 5 млн пуд. заготовленных на экспорт хлебов.⁴⁰ Комиссия министра путей сообщения князя М. И. Хилкова, созданная в 1898 г. специально с целью обследования сибирских железных дорог и выяснения возможностей увеличения их пропускной способности, пришла к выводам более чем неутешительным.

Слабое техническое оснащение дорог, недостаток вагонов, платформ, специальных зернохранилищ, почти полное отсутствие элеваторной сети, наконец, в целом чрезвычайно низкий уровень организации как внутренней, так и внешней российской торговли (скупка хлеба через мелких комиссионеров и пр.) — все это значительно удорожало стоимость перевозок и, естественно, не могло не отразиться на итогах зернового экспорта. К тому же

Сибирская магистраль, как известно, включила в орбиту своего влияния далеко не все хлеборобные районы Сибири. Зерно поставлялось преимущественно из Западной Сибири, из Курганского и Ишимского округов. Что касается минусинского, алтайского хлеба, то возможности его вывоза были чрезвычайно ограничены. В среднем стоимость доставки пуда зерна из Барнаула в Лондон (через Пермь—Котлас—Архангельск) не могла обойтись в конце века дешевле 53—54 коп. При средней лондонской цене пуда пшеницы 97 коп. и местных ценах — 40 коп. на долю продавца очищалось всего лишь 3—4 коп. Это была мизерная и труднодоступная прибыль, с учетом всей сложности перевозок. К тому же экспортируемый из Сибири хлеб, как правило, зимовал в Котласе, что существенно увеличивало накладные расходы, усиливая зависимость экспорта от кредитоспособности хлеботорговых фирм.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что при строительстве Пермь-Котласской железной дороги многое было предусмотрено и учтено для приема значительного количества хлебных грузов: отчуждены земли под постройку складов, пакгаузов, приемных сыпных пунктов, расширен фарватер Северной Двины, возведены пристани и пр. Однако технические возможности дороги оставляли желать лучшего и были явно недостаточны для транспортировки даже имеющихся в наличии хлебных товаров. Зимовка хлеба в Котласе в сущности превращала экспортируемый Архангельским портом хлеб в своего рода резервный и безусловно снижала прибыли как поставщиков, так и самой дороги. Отсюда понятно возникновение целого ряда проектов новых железнодорожных линий главным образом в северном направлении к Карскому морю, к устьям Оби и Енисея (проекты А. М. Сибирякова, О. В. Маркграфа, А. Д. Голохвастова и др.).

Между тем есть основания предполагать, что Министерство финансов намерено было в дальнейшем вновь прибегнуть к понижению тарифных ставок, теперь уже для Пермской линии. По предварительным расчетам осуществление этой акции позволило бы снизить стоимость доставки пуда зерна от Семипалатинска или Барнаула до Лондона через Архангельск в среднем на 10—11 коп. Однако это благое намерение осуществлено не было.

Наряду с перечисленными выше объективными причинами, снижающими значение северной торговли, существовали и субъективные, сыгравшие, по-видимому, немаловажную роль. Речь идет о том, что программа С. Ю. Витте экономического преобразования Севера, столь благосклонно встреченная правительством в 1894 г., в скором времени была отвергнута. Сложная закулисная борьба, в частности интриги генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, наконец, смена монарха привели к ее провалу. Законсервированные ранее оборонные строительные работы в Либаве были возобновлены. Сооружение Екатери-

³⁹ Там же, с. 65.

⁴⁰ Там же, с. 22.

нипской гавани, напротив, прекратилось. Вследствие этого и Архангельский коммерческий порт не получил должного развития.

В таком случае возникает вопрос: что дала Сибири тарифная политика С. Ю. Витте и каковы были ее последствия для развития сибирского зернового экспорта?

Прежде всего для сибирского хлеба был открыт совершенно новый рынок, несколько ограниченный, зависящий от многих обстоятельств, но, что особенно важно, рынок, не имеющий конкуренции, столь сильной на юге и западе страны. С вводом в действие железнодорожной магистрали Петербург—Кемь решение проблемы рынков сделало еще один значительный шаг вперед.

Далее, за счет сибирского хлеба была решена проблема снабжения населения Европейского Севера страны. Отныне Архангельский край и Северодвинский округ возвращены были к активной экономической жизни.

Наконец, интенсификация вывоза оказала влияние на урегулирование цен местных сибирских рынков, привела к заметной их стабилизации.

Приведенные выше соображения позволяют утверждать, что «перелом» тарифной формулы в Челябинске, оказавший определенное воздействие на процесс развития экономики Сибири, в то же время не сыграл роли решающего фактора в процессе ее хозяйственной изоляции и, следовательно, абсолютизировать его значение в качестве основной причины экономической замкнутости Сибири неправомерно. Этот вывод весьма убедительно, на наш взгляд, иллюстрируют и данные о вывозе сибирского хлеба в пределы европейской части страны. Они свидетельствуют о том, что Челябинская тарифная формула лишь частично сдерживала поток хлебных грузов, направленных на рынки Европейской России. Торговый капитал российских окраин в своем постоянном стремлении к завоеванию новых позиций, новых рынков с трудом, но преодолевал стоявшие на его пути преграды. Движение хлебных грузов, правда ограниченное, к балтийским портам продолжалось. В 1898 г. сибирский хлеб впервые вышел на рынки южной России. Необходимость дальнейших поисков сибирским хлебом широких внешних рынков оставалась очевидной.

Челябинский «перелом» был упразднен в 1911 г. Отмене его предшествовали довольно длительные дебаты в представительных буржуазных организациях (Совете съездов представителей торговли и промышленности, Совете съездов мукомолов и т. д.) и правительственных учреждениях. Возникал этот вопрос, естественно, и в связи с общим пересмотром хлебных тарифов в 1900 и 1905 г. Однако, несмотря на весьма веские аргу-

менты противников тарифа, Челябинская формула продолжала действовать.

Наконец, в 1910 г. вопрос об отмене «перелома» был рассмотрен в созданном при Министерстве финансов Особом совещании по пересмотру тарифов на перевозку хлебных грузов. Мнения присутствовавших разделились. Отмены тарифа настоятельно требовали сельские хозяева степных областей Сибири, Биржевых комитетов ряда портовых городов (Новороссийска, Одессы, Николаева, Феодосии, Бердянска, Ростова-на-Дону, Петербурга, Ревеля, Либавы, Архангельска), Калашниковская хлебная биржа, представители волжского судоходства. Требования отмены «перелома» были подкреплены существенными доводами, в числе которых не последнее место заняла проблема экономической помощи Сибири в период неурожайных для центральной России лет.⁴¹ Не менее упорными защитниками тарифа выступили землевладельцы северных районов, Кременчугский, Рижский и Екатеринбургский биржевые комитеты, Балашовская хлебная биржа, представители мукомольной промышленности южного и волжского районов и т. д. Считая, что отмена Челябинского тарифа нанесла бы непоправимый урон сельскому хозяйству Европейской России не только вследствие конкуренции сибирского хлеба, но и по причине резкой ломки самого строя хлебного экспорта, сложившегося под влиянием 14-летнего действия тарифной формулы, они настойчиво высказывались за ее сохранение.⁴²

Как видим, борьба мнений на совещании по вопросу об отмене тарифа отразила реальную расстановку социальных сил и тем самым подготовила почву для довольно осторожного, компромиссного решения Тарифного комитета: «Признать в принципе перелом тарифных схем для сибирского хлеба в Челябинске подлежащим отмене», но «признать неприемлемым с отменой Челябинского перелома простое распространение общей схемы на перевозку сибирского хлеба в Европейскую Россию».⁴³ В итоге столь неопределенного решения Челябинский «перелом» условно был сохранен до августа 1911 г., т. е. до завершения очередной хлебной кампании и вместе с тем до определения общим тарифным съездом особой тарифной схемы на перевозку сибирских хлебных грузов в европейскую часть России.

Итак, как история возникновения, так и все перипетии отмены Челябинского «перелома» — наиболее характерного проявления правительственной тарифной политики в отношении Сибири — явились ярким свидетельством весьма неопределенного, двойственного характера этой политики. Стремления правящих кругов открыть сибирскому хлебу внешние рынки сбыта, не

⁴¹ Отчет о деятельности Совета съездов мукомолов по 1 января 1911 года. СПб., 1911, с. 51—57.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, с. 57.

ущемляя прав, не затрагивая экономических интересов среднего русского помещика, отнюдь не способствовали кардинальному решению этой принципиально важной для экономики Сибири проблемы.

Ю. Б. СОЛОВЬЕВ

ПЕЧАТЬ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ДВОРЯНСТВА В КОНЦЕ XIX в.

Выявляя сущность внутренней политики самодержавия при Александре III, Ленин специально отмечал ее продворянскую направленность. В 80-е годы делается, пишет он, «шаг назад» к дворянству.¹ В царствование Николая эта линия получила дальнейшее развитие. Весной 1896 г. для обсуждения дворянского вопроса министр внутренних дел И. Л. Горемыкин собирает большинство губернских предводителей дворянства, а 13 апреля 1897 г. рескриптом царя на имя председателя Комитета министров И. Н. Дурново учреждается Особое совещание по делам дворянства. Целью его объявлялось восстановление экономических и политических сил сословия. О серьезности этого намерения свидетельствовало и то, что членами Совещания были назначены главы наиболее важных министерств и ряд видных сановников. Крайняя дворянская реакция, такие издания, как «Гражданин» князя В. П. Мещерского, «Московские ведомости», не довольствуясь тем, что царизм уже сделал для укрепления своей социальной основы, давно добивались от самодержавия новых и самых решительных действий в поддержку дворянства, и теперь усилиями наиболее реакционной части правящей верхушки возрождение дворянства выдвигалось как самая неотложная и наиболее важная задача государственной жизни.

В лагере охранителей это праздновалось как крупнейший успех в борьбе с теми силами, которые выступали за дальнейшее продвижение России во взятом после реформы 1861 г. направлении.

Правда, весь предшествующий опыт способен был скорее убедить в трудности реализовать одержанную победу. Самодержавие уже не в первый раз пыталось укрепить положение старорежимного дворянства, будучи озабочено прежде всего непрекращающейся убылью дворянского землевладения и, кроме того, все расширяющимся проникновением на государственную службу разночинского элемента, а в само дворянское сословие — чиновничества и отчасти духовенства. В специально учрежденных правительственных инстанциях разрабатывались соответствующие проекты, но все попытки осуществить намеченные

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 81.

в них меры кончались неудачей прежде всего вследствие их нежизненности. Они резко противоречили пореформенному строю жизни и собственным потребностям все разрастающегося аппарата власти.

В первом случае выход пробовали найти в массовом переводе дворянского землевладения на режим заповедности, т. е. в возрождении одного из важнейших институтов средневековья, которому теперь пришлось бы существовать в обстановке развитого буржуазного уклада. При этом возникали столь значительные трудности, что замысел пришлось надолго оставить без движения.² Не удавалось закрепить за дворянством и его прежнее господствующее положение на государственной службе. Ни в чем не сумели изменить и действующий механизм пополнения сословия. По-прежнему в дворянство притекали тысячи выходцев из среды чиновничества, вызывая у землевладельческой части опасение, что в конце концов, при таком положении вещей, она будет оттеснена на второй план, не говоря о том, что и социально эта категория была далеко не равнозначна помещику дворянству и ее преобладание повело бы к изменению политического облика класса в целом.

Правительственная власть высказывала неудовлетворенность создавшимся положением, ожидала дальнейшего его ухудшения, но все попытки дать течению новое направление, пустить его по новому руслу ни к чему не приводили.

Теперь на старые вопросы предстояло найти новые ответы, хотя к моменту появления рескрипта никто из среды дворянства или правительственных сфер ничего нового, не выдвигавшегося прежде предложить не мог. Да, конечно, ничего принципиально нового, сверх того, что уже не раз рассматривалось, и нельзя было открыть. И поэтому новое обсуждение приобретало вид некоей алхимической задачи, так как каким-то таинственным и пока еще никому не ведомым способом надлежало найти чудодейственное средство, способное вернуть жизнь и благосостояние слабеющему и вымирающему сословию феодального общества, а дворянство хотело восстановить именно в этом последнем качестве в подражание дореформенному образу.

Но дворянство с 1861 г. изменилось очень во многом, хотя о характере, а главное, о степени этих изменений точных сведений не имелось. Насколько поместное дворянство соответствует представлениям о нем, каковы его экономическое положение и представления в правительственных кругах не знали, и потому приходилось действовать в потемках, руководствуясь больше общими соображениями, чем знанием реальной обстановки. Очень важ-

² Об этом см.: Ю. Б. Соловьев. Правительство и политика укрепления классовых позиций дворянства в конце XIX века. — В кн.: Внутренняя политика царизма. Труды ЛОИИ. Вып. 8. Л., 1967, с. 239—280.

ным было и то обстоятельство, что прежние обсуждения и рассмотрение дворянского вопроса отчетливо выявили отсутствие в правительственных сферах единомыслия на этот счет. Они не выработали никакой программы, которой можно было бы воспользоваться вновь созываемому совещанию и вокруг которой могло бы сплотиться устойчивое, одинакового образа мыслей большинство.

Осложняло работу совещания не только отсутствие фактических данных, но и назревавшие в правительстве разногласия по важнейшим проблемам государственной жизни. Накопленный опыт говорил, что возврат к прошлому как главное направление движения страны в условиях ускоренного и самим правительством поощряемого развития промышленности, т. е. капитализма в его самых современных формах, вызовет острейшие конфликты и противоречия, потребует грубого насилия над всем налаженным ходом жизни, основанном на началах капиталистических, ущемит интересы не только буржуазных элементов, но и слоев дворянства, уже захваченных развитием капитализма, и в конечном итоге поведет к глубоким потрясениям существующего строя. Это не могло не вызвать противодействия тех сторонников дальнейшего продвижения России по пути, намеченному реформой 1861 г., которые более или менее сознательно, с большим или меньшим пониманием перспективы учитывали необратимые процессы, определявшие течение жизни страны.

Выдвижение дворянского вопроса в качестве первоочередного государственного дела вело к заметному обострению противоречий между старым (пережиточно-крепостническим) и новым (объективно буржуазным) началом.

Столкновения и противоречия в правительстве предвосхитила полемика в печати, развернувшаяся с начала 1897 г. вокруг дворянского вопроса, который понимался не в своем узком значении, а именно как вопрос о том, по какому пути должна идти Россия, какое будущее предстоит ей. Пик этой полемики, сразу придав ей большое звучание, дала статья Б. Н. Чичерина в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 29 января 1897 г. Виднейший представитель консервативно-либерального направления русской общественной мысли, европейски известный ученый, слово которого было высоко авторитетно для лиц, занимавшихся в обществе прочное и почетное положение, но не чуждых либерализма и расположенных к дальнейшей европеизации России, высказал свою точку зрения на то, что представляет собой дворянство, какое место оно занимает в обществе, каково его государственное значение и что ждет его впереди.

Симпатии Чичерина целиком принадлежали дворянству, и именно с ним он связывал свои надежды на постепенное превращение России в государство западноевропейского типа, ибо в России только дворянство могло стать тем состоятельным и вместе

независимым элементом, который, в представлении Чичерина, и определил форму правления в странах Западной Европы, поставив государственную власть в определенные рамки и став основой и главным регулятором существующего порядка. Сохранение и укрепление дворянства как независимой и влиятельной силы были для Чичерина непременным условием такого же развития в России. Придерживаясь этой точки зрения, Чичерин порицал всю политику правительства в дворянском вопросе во время царствования Александра III, которая в итоге ограничила независимость дворянства и нанесла ему сильнейший удар в сфере экономики. В доказательство Чичерин привел создание института земских начальников — бюрократического элемента, сосредоточившего в местном управлении власть, ранее принадлежавшую дворянству, прежнему безраздельному хозяину в уезде.³

Обращаясь ко второй стороне правительственной политики, Чичерин прежде всего отмечал вполне благоприятные для дворянства последствия реформы 1861 г., поскольку благосостояние его за прошедшие десятилетия возросло, о чем якобы свидетельствовала удвоившаяся цена на земли, оставшиеся во владении дворянства. А если некоторые помещики и лишились имений, то по причине их собственного неумелого хозяйствования. В этом Чичерин был категоричен. «Лично я не знаю примера помещика, который разорился бы не по собственной вине»,⁴ — решительно заявлял он. Не признавая каких-то общих причин упадка до наступления сельскохозяйственного кризиса и введения покровительственной системы, эту последнюю он осуждал безусловно, квалифицируя ее как «подать, налагаемую на земледельческий класс в пользу промышленного, и притом в такое время, когда первый класс находится в критическом положении, а второй богатеет. Покровительственная система, при настоящих условиях русского хозяйства есть дозволение богатым обирать бедных».⁵ Таким образом, вновь подтверждалось, что оппозиция виттевскому финансово-экономическому курсу исходила в первую очередь со стороны либерализующего дворянства,⁶ которое, пусть анемично, но все же выступало в единственном в конце XIX в. числе за дальнейшую европеизацию России, т. е. за ее эволюцию по буржуазному пути, о чем сама буржуазия в это время и не заговаривала.

В этом нашло выражение одно из существеннейших противоречий русской жизни: за буржуазную эволюцию страны высту-

³ Б. Чичерин. О современном положении русского дворянства. — Санкт-Петербургские ведомости 29 января/9 февраля 1897 г., № 28, с. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ По крайней мере нет никакой разницы между отношением к покровительственной системе реакционного и либерального земского дворянства. Она отвергалась помещичьим классом в целом.

пала сила, которую лишь очень условно можно принять за буржуазную в плане экономико-политическом, тогда как сама буржуазия была безгласна и бесконечно далека от какой-либо осознанной и целенаправленной оппозиции, да и вообще находилась еще в совершенно аморфном состоянии, не будучи организованной как политическое течение. Но, желая европеизации России, эта же сила действовала против капитализма, против развития капиталистического уклада, против промышленного капитала, который единственно и мог стать основой и стимулятором продвижения России в желательном для дворянских либералов направлении.

Считая, что покровительственная система губит дворянство, Чичерин не придавал сколько-нибудь серьезного значения мероприятиям правительства, имеющим целью поддержать помещиков: то были грошовые податки, которые не могли уравновесить ущерба от покровительства промышленности, что же касается Дворянского банка, то, по мнению Чичерина, он оказался прямо вреден с его «разорительным соблазном дешевого кредита».

Что же все-таки следовало сделать для дворянства? Не то, о чем ходатайствовали предводители дворянства на своем совещании в 1896 г.,⁷ ибо разработанные ими проекты, считал Чичерин, «скорее поражают своей странностью, нежели обещают успешное разрешение вопроса».⁸ Майораты были хороши только для богатых представителей сословия, а никак не для беднеющих помещиков. Мысль о широком введении опеки над несостоятельными дворянами отвергалась, так как она означала, что одна часть помещиков в сущности будет содержаться за счет другой, которая с большим напряжением ведет борьбу за существование. А кроме того, искусственные меры, попытки спасти гибнущий элемент — анахронизм, к тому же вредный, так как он помешает возникновению высших форм экономической эволюции, какие могут явиться лишь плодом самостоятельности. «Свободный человек сам за себя отвечает и живет за собственный страх и риск», — обосновывал Чичерин мысль о необходимости отказа в какой-либо форме вмешиваться в естественный ход развития.

Основной принцип либерализма XIX в. — *laissez faire, laissez passer* — был той аксиомой, на которой держалась вся аргументация Чичерина. Этот подход определял взгляд Чичерина на взаимоотношения государства и дворянства. Последнее может быть полезно государству только в том случае, если оно будет крепко стоять на своих ногах. Гибнущих надо предоставить их участи, а из оставшихся «образовать ядро для класса независимых землевладельцев, управляющих местными делами и через это влияющих и на общий ход государственной жизни». «В этом, —

писал он, — заключается вся будущность русского дворянства».⁹ Нужно, таким образом, создать именно новый класс землевладельцев, а не стремиться сохранить по возможности в нетронутом виде теперешнее сословие, как того добивалось совещание предводителей дворянства, в чем автор статьи видел один из главных пороков этого собрания. Вся развернутая им аргументация последовательно подводила Чичерина к главной мысли, в которой он высказывал свое кредо и в перспективе которой он и рассматривал дворянский вопрос. «Такой класс нигде и всегда. Вся сила общества состоит в заключающихся в нем независимых элементах: они одни могут служить прочной опорой государственного порядка».¹⁰ И в России таким классом могло быть только дворянство, ибо, доказывал Чичерин, «у нас сколько-нибудь зажиточное и образованное купечество можно найти только в столицах и в нескольких больших городах».¹¹ Потому-то он приходил к заключению, что разорение дворянства «нельзя не считать бедствием для страны». Однако же искать спасения на путях возвращения к прошлому в рамках сословности Чичерин полагал совершенно безнадежным делом. «С водворением общегосударственной свободы разложение сословного строя составляет лишь вопрос времени, — таков был его вывод. — Надежда вся на здоровые элементы, которые скинут с себя старые путы». Только обуржуазившись, став прусским юнкером, мог русский помещик сыграть ту роль независимой общественной силы, способной взять в свои руки действительное управление страной, которую прочил русскому дворянству виднейший его идеолог.

В статье содержался хладнокровно высказанный, хотя и достаточно участливый диагноз современного состояния дворянства, оставлявший ему только две возможности — приспособиться к новому порядку или уйти в небытие. И хотя сам Чичерин достаточно оптимистически смотрел на будущее сословия, он одновременно подразумевал неизбежность большой ампутации. Но, конечно, ни он и никто другой не мог сказать, что оставит естественный отбор от прежнего дворянства, которое, обновившись, станет ядром будущего, уже капиталистического класса землевладельцев. Сточки зрения широко понятых интересов дворянства как класса, в особенности же не текущей минуты, а его будущего, Чичерин указал единственно возможным для него путь. Все, что можно было сделать для тех, кто не мог обуржуазиться, — это лишь задержать их уход, не более.

Однако главной темой статьи стала судьба дворянства и всего государственного строя России в их взаимном переплетении. Речь шла о том, по какому пути и в каком направлении надлежит продвигаться России.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

⁷ См.: Ю. Б. Соловьев, ук. соч., с. 255—259.

⁸ Б. Чичерин. О современном положении русского дворянства, с. 1.

Понятно, почему статья, намечавшая широкую перспективу развития, дававшая ясный и определенный ответ на один из наиболее запутанных вопросов государственной жизни и исходившая от лица с таким авторитетом, вызвала острую полемику: эти вопросы теперь стояли в центре внимания, они-то и были истинной злобой дня. Все, к какому бы лагерю они ни принадлежали (и реакция, и нарождающиеся силы революции), испытывали чувство, что Россия стоит на перепутье.

Пolemика вокруг статьи Чичерина снова и особенно отчетливо показала существование в дворянстве разных течений. Еще раз обнаружилось, что те, кто говорил от имени дворянства, весьма далеки от сплоченности. В дальнейшем обсуждению подверглись две основные стороны статьи: оценка существующего положения дворянства и правительственной политики в дворянском вопросе, а также того, что можно и допустимо сделать для сословия.

Не говоря уже о самой дворянской реакции, которая встретила выступление Чичерина резко отрицательно, он со своим призывом не вмешиваться в процесс естественной эволюции, предоставив ей хирургически удалить все неприспособленное, опередил и те круги, которые в общем исповедовали его воззрения. Такой взгляд показался слишком радикальным московскому предводителю дворянства князю П. Н. Трубецкому, который одним из первых откликнулся на статью. О позиции московского предводителя лучше всего говорит высказанная им претензия, что Чичерин не выступил с громким осуждением тех, кто, по словам Трубецкого, со злорадством смотрит на разорение дворянства.¹² И ответ Трубецкого был выдержан в духе умеренной критики основных положений Чичерина, которого упрекали в том, что, погруженный в абстрактные рассуждения, он не дал дворянству практических указаний, как выйти из тяжелого положения. Трубецкой, как видно, не уловил главного в критикуемой статье, потому что именно в этом и состоял смысл концепции Чичерина, предлагавшего дать вещам развиваться беспрепятственно, не вмешиваться в естественный процесс эволюции, не подставлять дворянству костылей, на которых оно все равно далеко не уйдет. Выход должен был найтись сам, вернее, дворяне сами должны его найти, каждый сам по себе, тем самым как бы выдержать экзамен на право существования. Всякие «практические указания», как это сделать, противоречили принципу, который отстаивал Чичерин. И, видимо, не вполне это понимая, Трубецкой с Чичериным и расходился в этом-то главном принципе, отстаивая необходимость оказания помощи дворянству. В качестве таковой он перечислял те меры, которые были намечены в записке предводителей, причем не только общего характера (такие, как смягчение протекционизма,

понижение железнодорожных тарифов), но и «некоторые желательные поправки к уставу Дворянского банка» (передача имений несостоятельных должников в опеку, введение института срочно-заповедных имений и т. д.), т. е. все то, что тяжелым камнем ложилось на развивающийся в деревне капитализм и что означало бы консервацию в экономике несостоятельного элемента, а в политике имело бы обязательным последствием параллельное усиление и возрождение наиболее реакционных тенденций. Но этого Трубецкой, очевидно, не понимал и не учитывал вовсе, отстаивая необходимость любой ценой сохранить дворянство, что бы оно собой ни представляло. Он полагал, что тем самым в чем-то ограничивает правительственную власть. Свои рассуждения князь Трубецкой мотивировал еще и опасением, что место дворянства в аппарате управления будет занято чиновничеством, против чего он был решительно настроен.

Желал этого Трубецкой или нет, но в целом он оказывался гораздо ближе к открытой дворянской реакции, чем к Чичерину. Скорее, это произошло бессознательно, так как ответ Трубецкого отличала неспособность осознать последствия защищаемых им действий, охватить основные жизненные процессы в их развитии. То, чего не отнимали у Чичерина даже его противники (широта взгляда, ясность и стройность концепции), у Трубецкого полностью отсутствовало. В своем ответе он предстал типичным эклектиком.

Возражения Трубецкого и очевидное непонимание им сути развитой Чичериным концепции побудили последнего снова взяться за перо. Во второй статье Чичерина главное место занял анализ положения дворянства в современном обществе, их взаимодействие и эволюция. Из этого Чичерин выводил возможный и желательный для сословия образ действия, устанавливая, в чем состоят истинные интересы дворянства и где пролегает для него в конце XIX в. граница достижимого. Он считал нужным еще раз подчеркнуть программное положение своей первой статьи, настаивая на том, что дворянство должно быть независимым элементом, который «не вопиет о пособиях, не раболепствует перед властью в надежде на получение от нее выгод».¹³

Подробно развивалась мысль о бесполезности и даже вредности какой бы то ни было поддержки тех, кто самостоятельно не может приспособиться к новой жизни. Спасти гибнущее нельзя. Можно лишь продлить агонию, заражая все вокруг. «Те имения, которые спасаются с помощью благотворительных капиталов или милостей правительства, запутываются все в большие долги», — обобщал он накопившийся в этом отношении опыт. А между тем,

¹² Кн. Петр Трубецкой. Несколько слов по поводу статьи Б. Н. Чичерина «О современном положении русского дворянства». — Санкт-Петербургские ведомости, 13/25 марта 1897 г., № 70, с. 1.

¹³ Б. Чичерин. Еще несколько слов о положении русского дворянства. (Ответ князю П. Н. Трубецкому). — Санкт-Петербургские ведомости, 30 марта/11 апреля 1897 г., № 86, с. 1—2.

делал Чичерин правильный вывод, «чем более дворянство вызывает о помощи, тем более оно признает свою несостоятельность». Но более всего Чичерин заботился на этот раз о том, чтобы довести до сознания своих оппонентов мысль о взаимосвязи общественных явлений, о существовании известных закономерностей в общественном развитии, с которыми волей-неволей придется считаться, о невозможности вернуться назад, в другую эпоху, поскольку за прошедшие после реформы десятилетия новый уклад утвердился и пустил глубокие корни, стал действительной основой происходящих в жизни страны процессов, «вошел в наши привычки и нравы, можно сказать, в плоть и кровь русского общества».¹⁴ Он старался сделать очевидной безнадежность попыток строить будущее дворянства на возрождении прошлого, на реставрации того, что в XVIII и даже XVII в. естественно и необходимо выросло из крепостного права, а теперь, без этой основы, повисало в воздухе. Без крепостничества сословный строй терял почву, и Чичерин писал об его обреченности в новых условиях и о бесплодности усилий заново обособить дворянство в замкнутую касту, а именно это было главным для дворянской реакции. «В этом обнаруживается, — замечал он, — полное непонимание настоящего положения». Он уверенно заявлял, что «держаться последнего направления — значит идти наперекор не только всему историческому развитию государственной жизни, но и существующему у нас общественному строю, установленному эпохой преобразований». Чичерин, напротив, призывал старое дворянство сблизиться с новым буржуазным землевладением, образовать новый единый класс земельных собственников.

Надежда на возврат к старому становилась тем менее реальной, что дворянство перестало представлять собой однородную массу. В нем образовались два «противоположных течения», о чем со своей, конечно, интерпретацией писал в то же самое время и Мещерский, «одно — обращенное назад, другое — смотрящее вперед, одно — всего ожидающее от правительственных милостей, другое — старающееся в себе самом найти силы для обновления».¹⁵

Обе статьи Чичерина вызвали резкие нападки реакционной печати во главе с «Московскими ведомостями». Его упрекали в том, что он подразумевает неизбежность и желательность реформирования государственного строя России. Опровержению концепции Чичерина «Московские ведомости» посвятили серию статей, написанных с претензией противопоставить его взглядам не отдельные возражения, а контрпрограмму. Открыла ее статья «Б. Н. Чичерин о дворянском вопросе», появившаяся 4 апреля 1897 г. Газета, которая постоянно призывала к употреблению

силы для подавления инакомыслящих и для поддержания существовавших в России архаичных порядков, теперь обвинила Чичерина в пренебрежении к слабым и в преклонении перед сильными, в проповеди беспощадной борьбы за существование. «Московские ведомости» прежде всего категорически отвергли принцип свободного, беспрепятственного развития, бывшего основой отстаиваемых Чичериным взглядов. Они, напротив, выступили за самое решительное, хирургическое вмешательство государства в процессы экономической и политической жизни страны для упрочения всего старого, отжившего, и прежде всего старорежимного дворянства, безусловно одобряя все принятые в его пользу меры. «Борьба за существование и право сильного должны-де беспрепятственно господствовать в современном нам обществе и, конечно, дойти до апогея в будущем идеальном, вполне свободном государстве»,¹⁶ — писали «Московские ведомости» в осуждение Чичерина. Главным криминалом для газеты был практический вывод из его либеральных воззрений, то, что Чичерин предлагал, в истолковании «Московских ведомостей», «только бодро и спокойно смотреть, как теперь исчезают те дворяне, которые не в силах выдержать борьбу за существование, и как впоследствии в той же борьбе исчезнет и все дворянство вообще».¹⁷ Все это объявлялось наследием первых пореформенных лет, и сам Чичерин фигурировал в статье как «наивный мечтатель 60-х годов».

Пожалуй, самым тревожным и опасным была для «Московских ведомостей» проводимая Чичериным аналогия между историей России и историей Западной Европы, не высказанная, но подразумеваемая мысль, что России предстоит пройти тот же путь. А если так, то, дописывали они за Чичерина, пускаясь в теоретизирование, «гибель дворянства есть только первый шаг к гибели монархии».¹⁸ Но возможности и, скорее, закономерности повторения уже известных событий на русской почве «Московские ведомости» признавать не желали. Газета стремилась доказать неоднотипность России и Западной Европы, более того, их полное несходство и противоположность. Таким образом, славянофильская теория самобытности России оживала вновь, на этот раз в наиболее реакционной интерпретации. Практический смысл самобытности для «Московских ведомостей» заключался в том, что самодержавие в России будто бы не просто отличается от абсолютизма в Западной Европе, а представляет собой нечто принципиально новое, а потому его судьба не будет повторением того, что случилось с монархией в западных странах. Превратно толкуя прошлое и просто пускаясь в свободное фантазирование, «Московские ведомости» постулировали, что «самодержавная

¹⁶ Б. Н. Чичерин о дворянском вопросе. — Московские ведомости, 4/16 апреля 1897 г., № 93, с. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

власть русских царей имеет совершенно иное происхождение и совершенно иное значение, чем западный абсолютизм, возникший на чуждой нам феодальной почве. Точно так же и русское служилое, поместное дворянство по своему происхождению и значению ничего не имеет общего с бывшим западным феодальным дворянством, а потому и судьба русского дворянства и русского самодержавия, т. е. судьба всей России, должны быть совершенно иными, чем судьба Западной Европы.¹⁹

Декларируя это, «Московские ведомости» как нельзя более четко засвидетельствовали, что они не желают признавать самых очевидных фактов, принципиально игнорируют действительность, и в этой позиции газеты отразился общий подход к основным политическим проблемам многих из стоявших тогда у власти.

Считаясь, по-видимому, с тем, что не для всех подобное обращение с историей окажется приемлемым и убедительным, «Московские ведомости» выдвигали и второе возражение, исходя на этот раз именно из опровергаемой концепции. Если Россия и Западная Европа однотипны, то «для нас было бы безумием проделывать этот путь, коль скоро мы видим, что Европа, уничтожив сословный строй и самодержавную монархию, идет по наклонной плоскости к бездне социализма, являющегося ближайшим и естественным последствием демократического парламентаризма».²⁰

Знаменем газеты стала теория самобытности России, получившая теперь наиболее реакционную за все время своего существования трактовку. Статьи за статьями представляли собой вариации на тему об исключительности и оригинальности русских порядков и установлений. Неповторимым свойством России изображался сословный строй, на котором держалось все государственное устройство. Пренебрегая каким-либо правдоподобием, «Московские ведомости» рисовали фантастическую картину дружной работы на пользу друг другу сословий, сплотившихся в бескорыстном служении государству. Их гармоничное существование исключало какую-либо сословную рознь. Крестьяне и дворяне жили в мире и во взаимном согласии, каждый исполнял свое предназначение. «В конечном результате явление сословной розни оставалось чуждым России до самого последнего времени»,²¹ — заявлялось в газете. Но и теперь существует лишь «иллюзия сословной розни», которая обязана своим возникновением злонамеренной деятельности интеллигенции. Чтобы сделать более доказательным тезис о придуманных преимуществах сословного строя, газета сравнивала его то с армией, где каждый род оружия (т. е. сословие) обособлен, каждый нужен, то с оркестром, с уподоблением сословий инструментам

(дворяне, конечно, первые скрипки). На Западе, продолжали «Московские ведомости» свое детски наивное, но показавшееся им очень удачным сравнение, «полная какофония». Там, с пафосом обличали эти защитники обскурантизма во всех его формах, воцарилась «первобытная, варварская борьба за существование», а власть находится в руках «случайных партий».²²

Эти простенькие софизмы звучали насмешкой над всей так хорошо известной действительной историей, представляли собой самый пезамысловатый политический лубок, принявший на страницах газеты совсем уже гротескные формы. Налицо было полное неприятие действительности конца XIX в., полный отказ считаться с тем, что несли с собой современность, капиталистический способ производства. Рассуждения о сословности выдавали ничем еще не нарушенный дореформенный образ мыслей. Позиция, занятая «Московскими ведомостями», говорила о том, что отставание в политическом развитии идеологов русской реакции измерялось многими десятилетиями.²³

Господствующий примитив, полная глухота ко всему, что нес с собой наступающий XX в., лишь у немногих уступали место более трезвому и осознанному подходу к действительности. Те из лагеря реакции, кто до некоторой степени учитывал особенности переживаемого времени, кто был способен в какой-то мере воспринимать реальный смысл происходящего, находились в явном меньшинстве. Взгляды этой части реакционного лагеря отразились в статье князя Д. Цертелёва в «Санкт-Петербургских ведомостях». Цертелёв одинаково с «Московскими ведомостями» не принимал тезиса Чичерина об обреченности унаследованного от крепостничества сословного строя, не склонялся перед «мнимым авторитетом истории». Он тоже считал, что то или иное решение дворянского вопроса явится ключом к будущему государственному развитию России. Сохранить дворянство значило для Цертелёва возродить сословный строй, делавшийся, в представлении автора статьи, остоном всего общественно-государственного устройства России.

Добиваясь этого поворота к прошлому, Цертелёв исходил в своих рассуждениях из современных условий жизни. Он оперировал современными понятиями и не пробовал скрывать свои настоящие цели.

Если «Московские ведомости» в своих рассуждениях уходили от действительного мира и обволакивали подлинные отношения в современном обществе туманом всяческих фантазий и выдумок, видя в неохотно признаваемых ими классовых противоре-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Сословная рознь. — Московские ведомости, 5/17 мая 1897 г., № 122, с. 1—2.

²² Дворянский вопрос. — Московские ведомости, 6/18 мая 1897 г., № 123, с. 1.

²³ Сословная рознь. — Московские ведомости, 5/17 мая 1897 г., № 122, с. 2.

циях, или, как они по-своему называли, «сословной розни», подстрекательство интеллигенции, то Цертелев снимал с них всякие покровы. Он хорошо понимал и его пугало то, что «народные массы начинают все яснее сознавать, что для них важна не политическая свобода, не мнимое участие в верховной власти, а возможность некоторой материальной обеспеченности, без которой всякие политические права только призрак или лишнее бремя».²⁴ И сословный строй был для него не тем хорош, что при нем будто бы достигалась идиллия гармонического сосуществования различных общественных групп, а тем именно, что он лучше позволял держать в узде эту народную массу, затрудняя ей переход к широкой классовой борьбе против эксплуататорского общества в целом. «Стоит уничтожить сословные перегородки — и экономический антагонизм не только не ослабеет, а проявится с удвоенной силой, так как тогда неравенство станет возможным только в этой сфере и будет тем более чувствительно»,²⁵ — достаточно реалистически оценивал Д. Цертелев вероятные последствия демократизации общества, которая противопоставит враждебные классы в уже ничем не затемняемом антагонизме.

Его вывод диктовался этим опасением: «Для государства пока еще не поздно лучше сохранить сословные привилегии и даже сословные предрассудки, чем лишиться прочно организованного сдерживающего элемента в предстоящей всеобщей борьбе на экономической почве».²⁶ Цертелев высказывал убеждения, что, поддерживая и реставрируя эти пережитки крепостничества, самодержавная Россия будет гораздо лучше подготовлена к отражению натиска народных масс на господствующие классы, чем буржуазный Запад. «Вот почему, — писал он, предвидя приближение решительной схватки, — самодержавие и тесно связанный с ним сословный строй имеют в настоящее время не только национальное, но и мировое значение».²⁷

Развернутому реакцией во всех ее оттенках и разновидностях наступлению на утверждающиеся в России общественно-экономические отношения, на буржуазно-капиталистический строй (а именно они и были в конечном счете объектом атаки) не противостояло ничего столь же организованного и целенаправленного. В поддержку Чичерина раздавались отдельные голоса, но эти одиночные выступления всего более напоминали разрозненные партизанские действия. О своей солидарности с Чичериным заявил в «Санкт-Петербургских ведомостях» князь Д. Друцкой-

Соколинский. Его статья снова подтверждала, что критика экономической политики правительства исходила в первую очередь от либерального крыла дворянства. Друцкой-Соколинский упрекал «Московские ведомости» в том, что они не только не осуждали протекционизм, а, наоборот, всегда были его ярким защитником, т. е. проводником программы, «разорившей все русское землевладение, в том числе и дворянское».²⁸ «Они, — отмечал он коренное противоречие их позиции, — предлагают помочь дворянству ... вне условий, созданных нашей экономической политикой ... как будет достигнута эта цель — неизвестно».²⁹ Вслед за Чичериным Друцкой-Соколинский упрекал правительство и в том, что, пренебрегая материальными интересами дворянства, оно потеснило его и в политической сфере, создав институт земских начальников и подчинив земство, хотя бы и с увеличенным дворянским представительством, надзору губернских властей. Это расценивалось как нежелательное развитие «административного механизма в ущерб старинному местному дворянскому самоуправлению».³⁰

Демонстрируя свое единомыслие с Чичериным, Друцкой-Соколинский высказываниями о дворянстве затрагивал, подобно ему, тему гораздо более широкую. Как для крайней реакции, так и для либерального крыла дворянства дворянский вопрос был поводом, чтобы перейти к обсуждению главных вопросов внутренней политики. И о земских начальниках Друцкой-Соколинский отзывался отрицательно не только потому, что их появление в уезде несколько отодвинуло местных дворян на второй план, но и потому, что не одобрял самого смысла и направления их деятельности. «Постоянно воспитывать, постоянно держать в опеке кого бы то ни было в виде общей меры положительно невозможно, особенно если воспитываемым и опекаемым является такое громадное сословие, как крестьянство ... — писал он. — Под официальной оболочкой будет неминуемо беспрепятственно проходить процесс самостоятельной жизни и с тем большей энергией, чем более наружно он будет стеснен».³¹

Несколько статей о дворянстве в духе Чичерина поместило «Новое время», довольно неожиданно оказавшееся по этой причине в роли главного оппонента «Московских ведомостей», с которым те начали, сразу взяв повышенный тон, вести полемику. Выступление «Нового времени» было бесконечно далеко от какой-либо намеренной оппозиционности и несравненно бледнее и слабее концепции Чичерина. Более того, газета не покушалась

²⁴ Кн. Д. Цертелев. К вопросу о современном положении русского дворянства. (По поводу статей Б. Н. Чичерина). — Санкт-Петербургские ведомости, 24 апреля/8 мая 1897 г., № 109, с. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Кн. Д. Друцкой-Соколинский. Б. Н. Чичерин и «Московские ведомости». — Санкт-Петербургские ведомости, 16/28 мая 1897 г., № 131, с. 1.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

сказать что-либо резкое в адрес дворянства, и в тоне весьма предупредительном, с многочисленными реверансами в сторону дворянства она лишь старалась поставить дворянский вопрос в общий контекст последних лет XIX в., как-то убавить связанную с ним однозвучность.

Позиция газеты была довольно верно подмечена Мещерским, писавшим, что «Новое время», «надо отдать ему справедливость, лавирует между Харибдою и Сциллою очень ловко, задавшись трудною двойною задачею не быть в разладе с правительственными намерениями и не идти против течения».³² Газета сводила дворянский вопрос к повышению производительности сельского хозяйства вообще и к расширению прав земства, т. е. к увеличению влияния прежде всего дворянства на ход местных дел, с сохранением всех существующих общественных и экономических отношений в общих чертах в прежнем виде. Рескрипт на имя Дурново становился в таком толковании не попыткой крутого изменения прежнего курса, а еще одним шагом по пути осторожного, с оглядкой назад, развития порядка, укоренившегося в России после отмены крепостного права.

Воспринявшая после появления рескрипта крайняя реакция, полемизируя на страницах «Московских ведомостей» и «Гражданина» с «Новым временем», все более обнаруживала, насколько далеко превосходят ее собственные замыслы эту скромную программу. Становившийся все отчетливее план состоял в том, чтобы сдвинуть страну с пути, по которому она шла с 1861 г., пусть и не по прямой линии, с зигзагами, с большими колебаниями и отступлениями назад, и покатыть ее по наклонной плоскости к прошлому, уже без зигзагов и колебаний. Крайне переоценивая силы реакции, «Московские ведомости» считали обстановку для совершения этого переворота на редкость благоприятной. «Все способствует тому, — с пафосом восклицала газета, — чтобы мы снова устроились с надлежащей прочностью и зажили спокойной и осмысленной жизнью в духе наших основных верований, идеалов и представлений».³³ Теперь они сочли возможным отбросить всякую маскировку и назвать целью восстановление дореформенных порядков уже в качестве системы, оповещая при этом о «твердом решении государственной власти достаточно сильными мерами восстановить государственный сословный строй, существовавший в дореформенную эпоху».³⁴

Решение дворянского вопроса в смысле возвращения дворянству прежнего значения, вторичное разделение общества на сословия и подчинение их дворянству были рычагом для совер-

шения задуманного переворота, возвращения страны на те позиции, с которых она ушла после отмены крепостного права. Конечно, никакая сила не могла бы произвести такое грубое насилие над жизнью, но важно то, что эта утопия появилась, что эту невозможность хотели сделать основанием всей внутренней политики, ибо дворянский вопрос — главнейший государственный вопрос — в том виде, как его понимали и истолковывали «Московские ведомости», становился осью всей внутренней политики. Это говорило о том, что некоторые представители правящих кругов уже мало чем были связаны с действительностью и двигались вслепую. Если политика, по определению Бисмарка, есть искусство возможного, то то, что проповедовали «Московские ведомости» и «Гражданин», было прямым антиподом этого. Тот компас, который они давали власти, был безнадежно испорчен, неизменно указывал ложное направление, мог привести самодержавие только к потрясениям и в конечном счете к катастрофе. «Московские ведомости» и «Гражданин» показали себя в этот период весьма опасными советчиками.

Не ощущая все более усложняющейся обстановки внутри России и не видя ее неблагоприятных для самодержавия изменений, они настойчиво толкали царизм на опрометчивые поступки. Положение, определяемое быстро надвигающимся и уже начавшимся кризисом, требовало от власти предельной осмотрительности, осторожного и гибкого маневрирования, а в это время «Гражданин» печатал такие рецепты урегулирования все более усложнявшихся внутриполитических проблем: «Толпе достаточно крикнуть властным голосом: „На колени!“, и она станет на колени, обожая того, у кого достало силы власти подчинить ее и упорядочить».³⁵ Безмерное легкомыслие этой формулы прямо граничило с политической хлестаковщиной, обнаруживая абсолютное непонимание и отсутствие малейшего предчувствия того, в какой сложный период вступает, да уже и вступило самодержавие.

Притупление у наиболее реакционных кругов способности к общей политической ориентации, полное смещение перспективы и утрата чувства пропорции сказались в ряде проектов, связанных с решением дворянского вопроса. Оценки тех или иных явлений и вытекающие из них предложения, если бы они получили практическое применение, грозили серьезно подорвать устои, на которых покоился с таким пылом защищаемый государственный строй. Реакционная мысль оказывалась в плену своих собственных построений.

Одно из самых значительных по своим возможным последствиям выступлений «Московских ведомостей» и «Гражданина»

³² Дневники, 4 мая. — Гражданин, 8 мая 1897 г., № 35, с. 19.

³³ Сословная рознь. — Московские ведомости, 5/17 мая, 1897 г., № 122, с. 2.

³⁴ Земство и дворянство. — Московские ведомости, 16/28 мая, 1897 г., № 133, с. 1.

³⁵ Дм. Бодиско. Дворянский вопрос — вопрос государственный. — Гражданин, 15 мая 1897 г., № 37, с. 6.

касалось реорганизации государственного аппарата. Антагонизм и даже раскол между дворянством и чиновничеством мог стать главным итогом тех рекомендаций, с которыми обращались к верховной власти эти издания. Оба столь тесно связанные между собою элемента теперь резко противопоставлялись друг другу.

Призывая к возрождению сословности, что подготовило бы возвращение дворянству монополии управления страной на всех уровнях государственной службы, «Московские ведомости» обвинили в принципиальной неблагонадежности существующий аппарат управления. Бюрократия, чиновничество становились для газеты чем-то вроде ниспровергателей устоев, прямых пособников революционеров. Именно своим политическим противникам — либералам — приписывали «Московские ведомости» идею «чисто бюрократической, сверху до низу, системы управления», казавшуюся газете крайне вредной и опасной, ибо «при прочном водворении начала бессословности бюрократическое чиновничество было бы глубоко демократизировано и, оставшись единственным способным к управлению слоем в России, не замедлило бы сплотиться и самозванно от имени народа — в качестве „просвещенного класса его“ — добиваться конституции». «Такой исход совершенно неизбежен, — категорически формулировала газета свою уверенность в политической ненадежности чиновничества, — и к нему, несомненно, привело бы повсеместное воцарение у нас бюрократии».³⁶ Те, кто попадает в аппарат власти при ныне действующей системе, — это «первые встречные», которые должны уступить свое место «наиболее способным, наиболее просвещенным, наиболее опытным», «лучшим людям».

Этот выпад оказался лишь началом целой кампании, направленной против бюрократии, в которой «Московские ведомости» действовали бок о бок с «Гражданином». На другой день после первой вылазки «Московские ведомости» поместили статью, которую следовало бы назвать антибюрократическим манифестом. В ней объявлялось, что «лучших людей» аппарату управления может дать «лишь сословная, наследственная, традиционная дворянская среда». Лица другого происхождения, которые все больше заполняют правительственные канцелярии, независимо от своих способностей и даже именно благодаря им признавались решительно негодными для государственной службы. Газета особенно предостерегала именно против способнейших — этих «выскочек службы», «удачливых карьеристов», по терминологии «Московских ведомостей».³⁷ «Эти случайные люди, — предупре-

ждали они, — как показывает нам история России, могут обладать блестящими способностями, могут отличаться тонким знанием своего дела, неутомимым трудолюбием, но слабую их сторону составляет неустойчивость *политических принципов*, смутное понимание *чувства долга* и отсутствие безграничной преданности монарху».³⁸

Это была политическая компрометация чиновничества, огулом обвинявшегося в лице своих представителей, достигших наиболее высоких степеней, не более и не менее, как в политической неблагонадежности. О них говорилось как о «не признающих для себя ничего священного». Но и этих неумеренных обличений редакции показалось недостаточно, и чтобы уже окончательно дискредитировать носителей описываемых «пороков», газета, не произнося самого слова, называла их *изменщиками*. «В минуту расстройств и опасности ... такие люди становятся опаснейшими элементами, и тем опаснее, чем они способнее»,³⁹ — выводили «Московские ведомости» что-то вроде нового политического закона.⁴⁰

И для «Гражданина» высшие бюрократические сферы были переполнены людьми неблагонадежными, отчасти по неведению, а отчасти сознательно колебавшими устои самодержавия. И он тоже не находил достаточно сильных слов для своих обличений. По аттестации Мещерского, «высшая среда» в Петербурге существовала в климате, где не было «ничего положительного, ничего безусловного, ничего исторического, ничего народного, ничего священного и ничего строго обязывающего. Наоборот, в этой атмосфере все относительно и условно, и вследствие этого все шатко и разнуздано, ибо подчиняется ... исключительно заботе, как согласить требования европейской политической цивилиза-

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

⁴⁰ Антибюрократические инвективы «Московских ведомостей» не были, впрочем, совершенной новостью. Они имели давних и видных предшественников. Чиновничество попало на подозрение еще во времена Николая I. Оно начало восприниматься как сила чуждая, способная стать в известных условиях, при ослаблении бдительного над ней контроля и надзора, опасным соперником. Недоверие к бюрократии было открыто высказано одним из виднейших деятелей николаевского царствования — графом Уваровым. Он называл чиновников «сословием людей без прошлого и будущего», «совершенно похожими на класс пролетариев» и ожидал от их обладания в государственном аппарате самых вредных для самодержавия последствий. «В скором времени этот класс, — писал он царю в особой записке в феврале 1847 г., — при уклонении от служения престолу высшего (т. е. дворянства, — Ю. С.) и незрелости низшего, возникнет с непереможимой силой и тем ознаменует переход политической деятельности в руки *среднего класса*, что в прочих европейских государствах называется *Tiers Etat* или *Bourgeoisie*» (см.: ЦГИА СССР, ф. 1200, оп. т. XVI, д. 1, ч. 2, л. 283 об.). То, что теперь писали «Московские ведомости», было далеким, но достаточно верным эхом предостережений Уварова.

³⁶ Дворянский вопрос. — Московские ведомости, 16/28 апреля 1897 г., № 103, с. 2.

³⁷ Дворянский вопрос. — Московские ведомости, 17/29 апреля 1897 г., № 104, с. 1.

ции, по-своему извращенно понимаемой, с потребностью Русского государства, еще извращеннее понимаемого».⁴¹

Дезавуируя высшую бюрократию, «Гражданин» открывал причину, толкнувшую его к этому. Если «Московские ведомости» объясняли занятую позицию больше соображениями абстрактного порядка, то для «Гражданина» дело решала линия петербургских бюрократических сфер в дворянском вопросе, какой она представлялась князю Мещерскому. Бюрократический Петербург обвинялся в безразличии и даже в прямой нерасположенности к дворянству. «Большинство чиновничества, хотя и дворянского происхождения», относилось к нему будто бы «несочувственно».⁴² Вот как описывалось положение предводителей дворянства съехавшихся в начале мая в столицу для участия в обсуждении проекта о понижении платежей заемщиков Дворянского банка. «Вообще, если их примерять к Петербургу в его ensemble, они кажутся чем-то вроде жителей другой планеты, попавшими сюда с заботами своей, но совсем чужой Петербургу атмосферы. Сановник смотрит на этого свалившегося к нам предводителя ... с видимым оттенком сожаления. Его физиономия говорит: „Мне жаль тебя, несчастный предводитель чего-то несуществующего“, и слушает он этого предводителя, говорящего о нуждах дворянства, с тем же лицом, с каким слушают бред душевнобольного. Другой сановник выражает свою физиономиею слова: „Опять за подачками приехали“».⁴³

Это не было для Мещерского новым явлением, потому что и при создании института земских начальников, вспоминалось ему, в высших сферах преобладал скептицизм.⁴⁴ Прошлые и настоящее убеждали его в том, что с «Петербургом ничего не поделаешь».⁴⁵

Эти воинственные наскоки на бюрократические сферы заданных, рекламировавших себя в качестве дворянских органов, могли лишь затруднить удовлетворение дворянских домогательств, а кроме того, претворение на практике программы «Московских ведомостей» и «Гражданина» — выдвижение в качестве главного критерия при определении на государственную службу происхождения, рядом с которым способности и пригодность к делу были чем-то второстепенным, — повлекло бы за собой паралич государственного аппарата, и без того буксовавшего на ровном месте. Уже из одного чувства самосохранения самодер-

жавшие не могли положить эти советы в основу практической деятельности, как бы оно им ни сочувствовало.

Конечно, все обвинения в адрес правящих сфер были до карикатурности преувеличены. Едва уловимый либерализм (а вернее сказать, просто способность в какой-то мере считаться с действительностью) некоторых их представителей невероятно раздувался. Умеренных консерваторов выдавали за писпровергателей сущего, между тем как петербургская бюрократия в массе твердо стояла на страже существующего порядка. В том и заключался парадокс, что бюрократия, охраняя персонафицируемый ею государственный строй, не была заинтересована в коренной реконструкции громоздкого, неповоротливого правительственного механизма; мало годившегося для резких рывков и беспшабашных экспериментов. Но существующий порядок и общий ход дел не удовлетворяли дворянскую реакцию, которая как раз стремилась к коренным переменам, к решительной ломке строя жизни, установившегося в стране после 1861 г., потому что только таким образом можно было бы совершить реставрацию в намечаемых масштабах. На этой почве и возникло расхождение между частью бюрократии и дворянской реакцией.

Да и вообще нужно было быть политическим слепцом, чтобы вовсе не осознать, какие потрясения ждут страну и сам царизм на этом рискованном пути переделки всего здания по дореформенному образцу. И отнюдь не все представители высших бюрократических и правительственных сфер готовы были ринуться в авантюру, какой было разрушение всего созданного за десятилетия, а дворянская реакция именно так ставила вопрос. Далеко не все в этих кругах поддерживали и предыдущие продворянские меры, круто ломавшие пореформенные порядки, о чем теперь в обвинительном тоне напоминал «Гражданин». Далеко не для всех консервативно и даже реакционно настроенных кругов политика слепой реакции была единственно возможной политикой.

Провоцируя разлад между дворянством и бюрократией, крайняя реакционная печать вместе с тем повела дело к серьезному обострению отношений внутри самого дворянства. Его неоднородность, экономическая и политическая, осознавалась с давних пор и в правительственных сферах. Естественна была неодинаковость и даже известная противоречивость взглядов и целей мелкого, среднего и крупного дворянства, конечно, совмещавшаяся с общностью основных классовых интересов.

Невероятно гипертрофируя эти различия, «Гражданин» и «Московские ведомости» принялись изображать крупнопоместное дворянство, или лендлордов — название, которое приобрело на их страницах бранное значение, — непримиримым противником среднепоместного дворянства и вообще дворянского дела. Развернутая в этом плане кампания, как и направленная против

⁴¹ Петербургское и русское дворянство. — Гражданин, 29 мая 1897 г., № 41, с. 3.

⁴² Дм. Бодиско. Дворянский вопрос — вопрос государственный. — Гражданин, 22 мая 1897 г., № 39, с. 3.

⁴³ Дневники, 2 мая. — Гражданин, 4 мая 1897 г., № 34, с. 20.

⁴⁴ Петербургское и русское дворянство. — Гражданин, 29 мая 1897 г., № 41, с. 3.

⁴⁵ Там же.

чиновничества, отличалась крайней несдержанностью и по форме, и по содержанию. Лендлорды, по уверению «Гражданина», состояли в союзе с заклятым врагом дворянства, которым числился «интеллигент».⁴⁶ Интеллигенты же действуют заодно с поляками и евреями, и все вместе готовят гибель дворянству. Дворянские верхи будто бы на стороне этого альянса — в этом для автора статьи не было ни малейшего сомнения. «В унисон с этими господами поет земельная аристократия, богатые и знатные дворяне, положение которых обеспечено»,⁴⁷ — обличал он. В статье делалась попытка объяснить причины этого странного явления: «Эти люди считают себя выше поместного дворянства, относятся к нему с некоторым презрением, свысока и желали бы, пожалуй, сокращения этого дворянства, чтобы превратиться в лендлордов и явиться единственными распорядителями деревни».⁴⁸ Виная себе это, Д. Бодиско приходил в воинственное расположение духа и, переходя на терминологию из военной области, писал в заключение: «Дворянский вопрос находится в положении армии, окруженной со всех сторон полчищами врагов, если и не храбрых, то во всяком случае вооруженных. Казалось бы, из этого положения нет выхода. Остается сложить оружие и сдаться! Но этого не будет».⁴⁹

Этот воинственный, задиристый тон в дальнейшем звучал не раз, когда «Гражданин» писал о крупном дворянстве. Неделию спустя та же тема была развита уже самим Мещерским, обвинившим «петербургское», т. е. наиболее богатое и обеспеченное, дворянство во враждебности ко всему остальному сословию. «Дворяне-магнаты» зашли в этом даже дальше тех, кого он считал открытыми политическими противниками. Они и были настоящими творцами антидворянского климата в Петербурге. Они говорят о дворянском деле, «поставленном на очередь государственных вопросов самим государем, с сомнением, с пренебрежением, с насмешкой».⁵⁰

Вместе с высшей бюрократией сановное, родовитое дворянство, представленное главным препятствием на пути осуществления воли царя, чем-то вроде политической оппозиции, тоже становилось объектом политической компрометации. Действительное отношение обеих сил к дворянству и дворянскому вопросу получило у крайне правых весьма причудливое отображение.

⁴⁶ Дм. Бодиско. Дворянский вопрос — вопрос государственный. — *Гражданин*, 22 мая 1897 г., № 39, с. 3.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, с. 3.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Петербургское и русское дворянство. — *Гражданин*, 29 мая 1897 г., № 41, с. 2.

Бесполезные для установления действительной позиции как верхушки бюрократии, так и высших слоев дворянства, агрессивные выступления «Московских ведомостей» и «Гражданина» важны как свидетельство того разлада и разброда, в котором пребывал лагерь реакции в момент, когда предполагалось совершить смену курса. Неистовые нападки на чиновничий и дворянский Петербург служили косвенным признаком того, что осуществление программы наиболее реакционных кругов дворянства будет далеко не легким делом и что в правящих сферах крайняя реакция не может рассчитывать на безусловную поддержку своих притязаний. Кроме того, еще раз обнаружилось, до какой степени сами эти притязания превосходят все реально достижимое, насколько оторвались от действительности и грубо ошибаются в ее оценке вдохновители развертывавшегося наступления крайних.

Но как ни нежизнеленны, примитивны, а то и просто нелепы были предлагавшиеся решения и методы, деятельность этой фракции привлекает особое внимание не только потому, что голос ее заглушал все остальные, но и потому, что на самом верху власти она приобретала все большее влияние. Николай II, только еще учившийся царствовать, проходил ее школу. Пока неизвестно, как преломлялись в это время в его сознании наставления «Гражданина». Что же касается «Московских ведомостей», то они сыграли заметную роль в его политическом воспитании, как видно из письма царя великому князю Сергею Александровичу. «Мне чрезвычайно нравятся статьи и вообще тон этой газеты, и я успел уже почерпнуть из нее кое-что полезное для себя».⁵¹ — не без некоторой пылкости информировал Николай 18 февраля 1897 г. наиболее чтимого им члена романовской фамилии.

В. С. ДЯКИН

СТОЛЫНИН И ДВОРЯНСТВО

(Провал местной реформы)

Есть в истории России периоды, к которым исследователи обращались и будут обращаться неоднократно, изучая различные явления, составляющие их содержание, одни и те же события под разными углами зрения. К числу таких отрезков времени, привлекающих внимание своей важностью для понимания всего исторического развития страны, принадлежит безусловно «столынинский» период русской истории,¹ как назвал 1907—1911 гг. В. И. Ленин.

⁵¹ Николай II — великому князю Сергею Александровичу, 18 февраля 1897 г. ЦГАОР СССР, ф. 648, оп. 1, д. 71, л. 17—17 об.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 332.

В советской науке нет разногласий в принципиальной оценке этого этапа истории России. Это были годы контрреволюции, когда торжествующая реакция стремилась выхолостить и ликвидировать завоевания 1905—1906 гг., а побежденный, но не сломленный пролетариат копил силы для новых революционных выступлений, годы, когда русский либерализм, бессильный и остановивший реакцию, и предотвратить революцию, тщетно искал выход из того исторического тупика, в который загнал его объективный процесс развития действительности.

Ныне можно считать почти преодоленной упрощенную схему, игнорировавшую противоречия между самодержавно-крепостническим и буржуазным лагерями и предпочитавшую вообще не упоминать о существовании в предреволюционной России трех социальных и политических лагерей. Но исторический анализ событий не может остановиться и на этом. Необходимо исследовать расстановку сил внутри каждого из этих лагерей, выявить причины им внутренние противоречия, нарисовать картину политической истории России во всей ее сложности. И вот здесь-то между различными исследователями возникают разногласия.

Попытка царизма решить сверху объективные задачи буржуазной революции и тем упрочить свою социальную базу потерпела крах. Бонапартистский курс лавирования между крепостниками-помещиками и буржуазией не удался. В чем причина этой неудачи? А. Я. Аврех, перу которого принадлежат новейшие и самые значительные в нашей литературе работы, посвященные «стольпинскому периоду», дает на этот вопрос следующий ответ: причина в сохранении после 1907 г. революционной ситуации в стране, в результате чего «в 60-е годы царизм мог дать „реформы“, а в третьенюньский период он не мог их дать. Хотел, но не мог».²

Если иметь в виду коренные реформы, круто поворачивающие развитие политического строя по буржуазно-конституционному пути, то действительно подобных реформ царизм дать не мог, ибо их осуществление привело бы в движение такие силы, которые неминуемо смели бы все здание романовской монархии. Но коренные реформы царизм проводить и не хотел. Речь шла о другом. Говоря о возможности сделки царизма и буржуазии на пути компромиссов, В. И. Ленин подчеркивал: «Путь „реформ“ на данной политической почве и при данном соотношении сил означает не улучшение положения масс, не расширение свободы, а бюрократическую регламентацию несвободы и порабощения масс... Разве Наполеон III и Бисмарк не сумели удовлетворить на время аппетиты крупной буржуазии? Разве своими „реформами“ они не затянули на долгие годы петлю на шее трудящихся масс? Какие же основания думать, что русское правительство

в своей сделке с буржуазией способно согласиться на много рода реформы».³

Программа этого рода реформ была намечена в правительственной декларации Столыпина 24 августа 1906 г. Декларация открывалась угрозами беспощадной расправы с революционным движением, для чего создавались ускоренные военно-полевые суды. В то же время она содержала обещание целого ряда реформ. В качестве совершенно неотложных мер, для проведения которых правительство не считало возможным дожидаться созыва II Думы, были названы аграрная реформа, осуществление уже предпринятых в манифесте о веротерпимости мер по облегчению положения старообрядцев, снятие части ограничений в правах евреев и введение широкой системы начального образования. Для дальнейшей законодательной деятельности Думы намечалась программа из 12 пунктов: свобода вероисповедания, неприкосновенность личности и гражданское равноправие, улучшение крестьянского землевладения, улучшение быта рабочих (в частности, государственное страхование), введение земского и городского самоуправления в Польше, введение земского самоуправления в Прибалтийском, Северо-Западном и Юго-Западном краях, преобразование местных судов, реформа средней и высшей школы, подоходный налог, реформа полиции, пересмотр законов о мерах исключительной охраны; пятым в программе стоял пункт «о реформе местного управления, которое предполагается организовать таким образом, чтобы губернские и уездные административные учреждения были поставлены в непосредственную связь с преобразованными органами самоуправления, включающими и мелкую земскую единицу».⁴

Составленная в общих словах для того, чтобы иметь возможность маневрировать при разработке конкретных законопроектов, программа включала в себя меры, которые Столыпин действительно хотел провести в жизнь. Полгода спустя, когда первые шаги правительства натолкнулись на сопротивление справа, Столыпин в не предназначенной для обнародования записке, хранившейся до самой его смерти в ящике письменного стола, следующим образом сформулировал кредо, с которым он начинал свою деятельность: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним следствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые язвы. К тому же этот путь реформ торжественно возведен, создана Государственная дума, и идти назад нельзя. Это было бы и роковой ошибкой — там, где правительство побеждало революцию (Прус-

² А. Я. Аврех. Столыпин и Третья дума. М., 1968, с. 510—511.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 170—171.

⁴ Новое время, 25 августа 1906 г., № 10937.

сия, Австрия), оно успевало не исключительно физическою силою, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — признание бессилия правящей власти».⁵

Однако, за исключением аграрной реформы и облегчения правового положения старообрядцев, проведенных в порядке чрезвычайного законодательства по статье 87-й Основных законов, ни один из пунктов столыпинской программы не был реализован (страхование рабочих было введено уже после его смерти). При этом каждая попытка Столыпина осуществить свою программу встречалась справа в штыки и сразу или постепенно пресекалась.

Что лежало в основе этого сопротивления? Этот вопрос, естественно, должен был встать перед А. Я. Аврехом, который и сформулировал проблему с присущей ему четкостью: «Какую угрозу политическому всевластью царизма мог, например, таить законопроект о старообрядческих общинах, внесенный правительством, принятый Думой и отвергнутый затем Государственным советом? Какую угрозу царизму содержали еще два аналогичных вероисповедных законопроекта, которые постигла та же судьба, — законопроекты о добровольном снятии сана и о переходе из одного вероисповедного состояния в другое? Точно так же абсолютно не затрагивали и не могли затронуть власти царизма невероятно кудные реформы о местном суде, поселковом управлении, волостном земстве, распространении земского положения 1892 года на неземские губернии и т. п. ... Были ли перечисленные проекты реформ более угрожающими в смысле покушения на „историческую власть“, чем уже реально существующая III Дума? Конечно, нет».⁶

Но если так, то почему же правые, которые, по мнению А. Я. Авреха, поняли невозможность возвращения к прежнему государственному строю, для которых «мысль о невозможности обойтись без Думы после революции 1905—1907 гг. приобрела уже прочность аксиомы»,⁷ которые, подобно буржуазии, «были искренними сторонниками конституционного строя как такового»,⁸ сопротивлялись реформам действительно менее существенно, чем создание законодательной Думы? Почему они считали,

⁵ Замечания по записке группы крайней правой Государственного совета. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 3, л. 150. «Замечания» написаны рукой Столыпина и датируются по содержанию документа, ответом на который являются Авторство Столыпина подтверждается сопроводительным письмом секретаря Департамента общих дел МВД и списком бумаг, найденных в кабинете Столыпина после его смерти. Там же, оп. 194, 1911 г., д. 58, л. 6—7.

⁶ А. Я. Аврех. Ленский расстрел и кризис третьеновской системы. — Вопросы истории, 1962, № 4, с. 68—69.

⁷ А. Я. Аврех. Столыпин и Третья дума, с. 300.

⁸ Там же, с. 301.

что создание законодательной Думы не вызовет революцию, а организация волостного земства ее вызовет?

Здесь прежде всего надо помнить, что перспектива революции, которой либералы и крепостники пугали друг друга, казалась и тем и другим значительно более отдаленной, чем она оказалась на деле. Крики о революции были для крайне правых демагогическим приемом, позволяющим провалить негодные им меры; например, октябристский законопроект о начальных училищах был объявлен «новым звеном в той революционной цепи, которую куют на Россию гг. фон Апреп, Ключев, Ковалевский и предводитель дворянства кн. Куракин».⁹ Больше всех разглагольствовавший о неизбежности революции как следствия октябристских и даже правительственных законопроектов Н. Е. Марков 2-й признавался в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (где он в отличие от большинства допрашиваемых не юлил, а вызывающе отстаивал свои черносотенные позиции): «Революции я не мог предвидеть и не предвидел, но смену министров и возможность появления враждебных людей я всегда имел в виду».¹⁰ Вот это-то появление враждебных или просто нежелательных Маркову и ему подобным лиц и законопроектов правые и объявляли «революцией».

Станным образом А. Я. Аврех ставит в приведенных выше рассуждениях знак равенства между интересами царизма, стоявшего в известной мере над обоими элементами третьеновской системы (т. е. и над поместным дворянством), и интересами помещиков. Но суть дела заключалась как раз в наличии известных противоречий между царизмом и поместным дворянством из-за перехода царизма к бонапартистской политике. В. И. Ленин многократно подчеркивал, что «классовый характер царской монархии несколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и „бюрократии“, от Николая II до любого урядника».¹¹ Как ни тесны были узлы между царизмом и поместным дворянством, в недрах царской бюрократии могли при критической ситуации возникать проекты спасения самодержавия даже ценой интересов помещиков. В этом был смысл «крестьянского цезаризма» Витте, который в 1906 г. не только пытался сделать ставку на мужика при выборах в I Думу, но и готов был пойти на отчуждение помещичьих земель в пользу крестьян. Идея «принудительного отчуждения», как известно, не пугала и Д. Ф. Трепова.

Осуществление бонапартистского курса, проводником которого был кабинет Столыпина, тоже означало ослабление политических

⁹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. I. СПб., 1911, стр. 1993.

¹⁰ Падение царского режима. Т. 6. М.—Л., 1926, с. 183.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 32.

позиций крепостников-помещиков, а в аграрном вопросе — готовность определенных элементов в бюрократии пожертвовать частью позиций дворянства ради создания для царизма новой опоры в лице кулака. В 1906 г. под страхом революции даже крайние представители дворянской реакции действительно говорили о невозможности возврата к дореволюционному строю. К этому времени и относятся приводимые А. Я. Аврехом в защиту своей концепции высказывания Горемыкина и Балашова в пользу законодательной Думы.¹² Тогда же Совет объединенного дворянства стал торопить с осуществлением удара по крестьянской общине, которая еще так недавно считалась необходимой опорой самодержавия.

Но уже в 1907 г. положение стало меняться. Бонапартистская политика царизма стала встречать сопротивление легитимистско-крепостнических элементов дворянства, которое, теряя свои экономические позиции, тем упорнее не хотело поступаться ни ценой своих политических привилегий и своего влияния на правительственный аппарат. А. Я. Аврех полагает, будто «мастодонты абсолютизма», ранее вынужденные «смириться с бонапартистским курсом», выступили против Столыпина тогда, когда убедились в неудаче этого курса и «вспомнили о старом монархическом знамени, чтобы сделать его оружием против обанкротившегося премьера».¹³ В действительности легитимистские элементы камарильи, защищавшие интересы крепостников-помещиков и никогда не забывавшие о «старом монархическом знамени», выступали именно против осуществления бонапартистского курса. Поэтому один из лидеров камарильи граф С. Д. Шереметев выражал недовольство недостаточной кардинальностью третьиюньского переворота и тем, что «мы продолжаем цепко держаться почвы 17 октября».¹⁴ Поэтому уже в январе 1908 г. (о чем речь будет идти дальше) не отдельные представители реакции, а большинство московского губернского дворянского собрания приняло адрес, в котором рекомендовало царю лишить Думу законодательных прав. Поэтому упоминаемые А. Я. Аврехом проекты правых, предусматривавшие сохранение законодательной Думы, но дальнейшее ограничение круга лиц, пользующихся избирательными правами, означали изгнание из Думы буржуазных элементов и превращение ее в орган власти помещного дворянства. На таких условиях крепостники действительно готовы были стать «конституционалистами», но этот «конституционализм» означал бы отказ от бонапартистского курса царизма. Для легити-

мистских элементов принципиально важным было положение, что навязанные им в 1906 г. Основные законы не ущемляют ни в коей мере самодержавной власти царя, имеющего право эти законы отменить. Вот почему работа III Думы началась с конфликта из-за титула царя, а «посягательство на прерогативы верховной власти» стало постоянным обвинением в адрес Думы и правительства Столыпина по самым ничтожным поводам.

Если, однако, с отменой все равно не соблюдавшихся Основных законов можно было не спешить, если на Думу была узда в лице Государственного совета, состоявшего из «соседей по имению», то намеченная Столыпиным реорганизация местного управления и самоуправления и местного суда, составлявшая центр всей его программы «реформ», требовала немедленного вмешательства помещного дворянства. Эти реформы не только не угрожали исторической власти, а, наоборот, были направлены на ее укрепление и приспособление к новой обстановке, но именно они больше всего противоречили интересам крепостников-помещиков.

Соглашаясь на столыпинскую аграрную реформу, помещное дворянство имело единственной целью стравить крестьян между собой и отвести угрозу от собственных усадеб. Но за весь период осуществления аграрной реформы, с 1907 по 1915 г., выделившиеся из общины домохозяева продали, очевидно, преимущественно кулакам, 3439 тыс. десятин земли,¹⁵ причем большая часть этих продаж приходилась скорее на последние из указанных лет. За период же 1906—1910 гг. из рук помещного дворянства ушло 6563,3 тыс. десятин земли, что составляло 12,3% всего их земельного фонда на 1905 г., причем 5617 тыс. десятин дворянских земель попало в руки крестьян (кулаков).¹⁶ Экономическая угроза помещикам со стороны кулачества была реальностью, и жалобы на обезземеление дворянства имели под собой явные основания. Как признает и А. Я. Аврех, помещное дворянство и его представители в Государственном совете стали рассматривать кулака как своего экономического и политического конкурента в деревне.¹⁷ И в этой-то обстановке Столыпин своей местной реформой задумал сделать политические выводы из проходящего в деревне экономического процесса. Плоть от плоти русского дворянства, он, елико возможно, старался сохранить за помещиками их привилегированное положение на местах, но в интересах государства считал необходимым предоставить кулаку большую, чем прежде, роль в местном самоуправлении и передать административную власть в уезде из слабых рук дворянского предводителя в руки назначаемого правительством чиновника. Для

¹² А. Я. Аврех. Третьиюньская монархия и образование третьиюньского помещичье-буржуазного блока. — Вести. Моск. ун-та, ист.-филол. сер., 1956, № 1, с. 22.

¹³ А. Я. Аврех. Столыпин и Третья дума, с. 331.

¹⁴ С. Д. Шереметев — Ф. Д. Самарину, 8 июля 1907 г. РО ГБЛ, ф. 265, папка 208, ед. хр. 25.

¹⁵ С. М. Дубровский. Столыпинская земельная реформа. М., 1963, с. 361.

¹⁶ Там же, с. 312; Статистика землевладения на 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907, с. 12—15.

¹⁷ А. Я. Аврех. Столыпин и Третья дума, с. 328.

крепостников-помещиков, привыкших считать, что государство — это они, такая перспектива была невыносима. Поэтому именно по планам местной реформы был нанесен первый удар и мотив борьбы против этой реформы отчетливо звучал в моменты самых острых столкновений легитимистской реакции со Столыпиным и его союзниками по монархистскому курсу.

Реформа местного управления и самоуправления принадлежала к числу тех проблем, необходимость решения которых была осознана в верхах царской бюрократии уже давно, но практическое осуществление откладывалось на неопределенное время в силу неистребимой тенденции царизма оттягивать решение самых назревших вопросов. После долгого перерыва, наступившего вслед за прекращением работ Кахановской комиссии, вопрос о реформе губернского управления был поднят вновь в записке В. К. Плеве от 23 октября 1902 г., в которой тот писал о необходимости «усиления и сосредоточения власти губернаторов» и «упорядочения и упрощения современного губернского управления путем объединения в одном центральном органе местных коллегальных установлений». Записка Плеве получила одобрение Николая II, и для обсуждения вопроса была создана особая комиссия под председательством министра внутренних дел.¹⁸

Однако прежде чем комиссия приступила к работе, царской бюрократии пришлось публично расписаться в том, что дело заключается не только в усилении губернаторской власти и централизации губернских ведомств. 26 февраля 1903 г. Николай II был вынужден признать наличие «смуты» в государстве и пообещать ряд реформ в целях «усовершенствования» государственного порядка. В этих условиях комиссия, открывшая свои заседания 27 февраля и состоявшая из таких столпов охранительности, как В. К. Плеве, П. Н. Дурново, Б. В. Штюрмер, Н. А. Зиновьев, А. Н. Мосолов, граф С. А. Толь, В. В. фон Валь и др., явно вышла за пределы, намеченные в записке Плеве, и пришла к выводу, что для согласования государственного и общественного управления в губернии нужно пересмотреть земское и городское положения в смысле «расширения круга ведения общественных установлений» и осуществить децентрализацию, чтобы местные дела получали разрешение в губернии и даже в уезде.¹⁹

В указе 12 декабря 1904 г., возвестившем «эру правитель-

ственной весны», царизм и в вопросе о местном управлении должен был сделать еще шаг в сторону признания требовавший либеральной оппозиции. В нем, кроме обещания расширить права земств, уже признанного комиссией Плеве, было провозглашено создание не только губернского и уездного земства, но и «общественных установлений по заведованию делами благоустройства на местах в небольших по пространству участках»,²⁰ т. е. «мелкой земской единицы», являвшейся непеременимым пунктом программ либеральной оппозиции. Разумеется, это еще не означало того, что правительство собирается проводить земскую реформу в том объеме, которого добивались либералы.

Однако следующий этап обсуждения реформы в недрах бюрократических канцелярий проходил в резко изменившейся ситуации, когда приходилось всерьез готовиться к таким уступкам, какие еще недавно казались совершенно немыслимыми. Новая комиссия по разработке проекта преобразования местного управления под председательством товарища министра внутренних дел князя С. Д. Урусова начала заседать 8 декабря 1905 г., в момент, когда в стране разгоралось вооруженное восстание. Принимая меры к беспощадному подавлению восстания, правительство Витте еще не отказалось от мысли договориться с либеральными кругами, и это не могло не отразиться и на проекте местной реформы.

Не случайно поэтому в центре внимания комиссии оказались вопросы не местного управления (органов государственной власти), а местного самоуправления — земства. Комиссия, в которой оппозицию справа представляли В. И. Гурко и С. Н. Гербель, а слева — А. А. Лопухин и И. Я. Гурлянд, высказалась за ликвидацию сословного принципа в уезде, ликвидацию сословной крестьянской волости и создание всесословного поселкового управления и участкового земства в территориальных границах участков, подлежавших ранее ведению земского начальника. Комиссия признала желательным (Гурко и Гербель голосовали против) уничтожение должности земского или участкового начальника и передачу его функций, кроме чисто полицейских, выборному председателю участковой управы.

Затронув вопросы административного управления на местах, комиссия предложила объединить различные ведомства в уезде под общим руководством уездного начальника, которому предоставлялись широкие полномочия. Мотивировка этого была чрезвычайно характерна для переживаемого страной момента. Комиссия записала в своем журнале, что «если при прежнем положении дел надо было неизбежно соблюдать известную осторожность при определении границ власти, предоставляемой административным

¹⁸ Записка Департамента общих дел МВД по пересмотру законоположений о губернских учреждениях. 27 февраля 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 194, 1903 г., д. 150, ч. I, л. 150—151.

¹⁹ Журнал комиссии по преобразованию губернского управления 27 февраля—10 июня 1903 г. Там же, л. 188—189.

²⁰ Правительственный вестник, 14 декабря 1904 г., № 283.

лицам, дабы не порождать произвола, то при новом положении вещей — свобода печати, интерpellация в Государственной думе и пр., — представляется, напротив, желательным дать административной власти возможно большие полномочия, так как нет сомнения, что ввиду изменившихся условий применения власти представители ее будут пользоваться ею с должной осмотрительностью».²¹

Деятельность комиссии Урусова не пошла дальше выработки названных выше общих принципов местной реформы, и вопрос о ней оставался открытым в течение всей первой половины 1906 г. Новый толчок к ее разработке был дан лишь с образованием кабинета Столыпина. На этот раз Министерство внутренних дел взялось за подготовку проекта с не свойственной российской бюрократии быстротой, поскольку Столыпин считал местную реформу одним из важнейших составных элементов своей программы. В перечне дел «первостепенной государственной важности», которыми должна будет заняться II Дума, «если ныне прерванное нормальное течение законодательной жизни восстановится», она была поставлена Советом министров непосредственно за пересмотром законоположений о крестьянах.²² Как уже отмечалось, это преобразование, как оно было задумано, представляло собой политический вывод из столыпинской аграрной политики. «Реформа местного управления, — подчеркивалось в подписанном Столыпиным представлении МВД в Совет министров, — если не всецело, то в весьма многих отношениях является не только деловой, но и политической реформой. Едва ли не ясно, что и ныне переживаемая нашим отечеством эпоха коренных изменений государственного строя не является достаточно благоприятной для более или менее законченных работ по преобразованию местного строя. Но, с другой стороны, именно эти особенности времени выдвигают с особенной остротой и на первый план необходимость незамедлительного согласования всех существующих в местном управлении распоряжений с теми новыми

принципами и стремлениями, которые легли в основу вышеуказанных коренных изменений».²³

Внесенные Столыпиным на рассмотрение Совета министров проекты предусматривали реорганизацию системы как местного самоуправления (земства), так и административного управления.

Главным в проекте земской реформы были ликвидация сословного управления для крестьян и создание последовательной цепи бессословных организаций — сельских, волостных, уездных, уездных и губернских. В проекте резонно отмечалось, что «сословная группировка населения России представляет из себя нечто определенное лишь в тех своих частях, где ее деления совпадают с реальными различиями отдельных классовых элементов, оставаясь за этими пределами чисто фиктивной величиной».²⁴ Поэтому вместо сословного принципа МВД предлагало положить в основу земской системы принцип имущественный.

Нижней ячейкой системы местного самоуправления предполагалось сделать сельское общество (округ), включающее в себя земли как общинные, так и частновладельческие. Однако земли крупных помещиков не включались в состав сельского общества, чтобы на них не была переложена вся тяжесть местных сборов. Земельным владениям, составляющим более половины полного земского ценза (т. е. свыше 7500 руб. оценочной стоимости), предоставлялся статут самостоятельных сельских округов.

Следующую ступень составляла волость, охватывающая сплошную территорию, которая включала в себя сельские общества и частные владения, имеющие статут сельских округов. Во главе волости ставился выборный распорядительный орган. Число членов его определялось числом полных земских цензов в волости, причем хозяева полноцензовых владений тем самым являлись членами волостного распорядительного органа. В компетенцию волости входили дела местного благоустройства и местной полиции, а также исполнение поручений правительственных и земских учреждений.²⁵ Иными словами, за волостью сохранялось ее прежнее положение не только (и не столько) хозяйственной, но и административной единицы, несущей на себе бремя полицейских функций, против чего все время выступала либеральная оппозиция. Главное в реформе волости заключалось в том, что в ее состав включались теперь не только крестьянские, но и помещичьи земли, на которые соответственно перекладывалась и часть волостных денежных повинностей. Однако ите-

²¹ Журнал комиссии по разработке проекта преобразования местного управления. 8 декабря 1905 г. — 2 января 1906 г. ЦГА СССР, ф. 1288, оп. 1, 1906 г., д. 3, л. 1—31. В этой мотивировке пикантна прежде всего та «грация», с которой комиссия обходила исключительное законодательство 1881 г., породившее образ действия администрации, при котором, — как признавал сам Дурново, — ни один из местных обывателей не может быть уверен в том, что он обеспечен от произвола обыска или заключения его под арест без видимой подачи с его стороны к тому повода» (Материалы по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений. СПб., 1905, с. 7). Показательно также стремление бюрократии максимально расширить законные рамки своей власти перед лицом возможного вмешательства общественного мнения.

²² Особый журнал Совета министров 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. ЦГА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 4, л. 194.

²³ Представление МВД в Совет министров 7 января 1907 г. Об установлении главных начал устройства губернских учреждений. Там же, оп. 3, д. 18, л. 41.

²⁴ Представление МВД в Совет министров 11 декабря 1906 г. Об установлении главных начал устройства местного управления. Там же, д. 63, л. 9.

²⁵ Там же, л. 2—6.

рессы помещиков охранялись автоматическим предоставлением им прав членов волостного выборного органа в силу владения полнотензовым участком.

Хотя во вступительной части представления МВД и говорилось о необходимости создать участковое земство — промежуточное между волостью и уездом, никаких разработанных предложений по этому вопросу проект не содержал и переходил непосредственно к уездному земству. Предусматривалось создание трех избирательных курий. В первую входили владельцы земельных имуществ (дворяне и недворяне) оценочной стоимостью свыше 7500 руб., во вторую — менее 7500 руб., а в третью — владельцы городских недвижимостей и торгово-промышленных предприятий. Число гласных от каждой курии зависело от оценочной стоимости имуществ лиц, входящих в курию, — по одному гласному на каждые 150 000 руб. оценочной стоимости. Предполагалось также расширение компетенции уездного земства, предоставление ему права образования продовольственных капиталов, заключения займов, издания обязательных постановлений. Оставаясь под контролем властей с точки зрения законности своих действий, земства освобождались от такового в отношении определения их целесообразности, и поэтому отменялась обязательность утверждения постановлений земских собраний административной властью.²⁶ Главными в проекте уездного земства были три момента: ослабление административного надзора, являвшееся уступкой либеральной оппозиции, расширение компетенции, соответствовавшее общему курсу перемещения центра тяжести местного управления из губернии в уезд, и уравнение в правах частных землевладельцев недворянского происхождения с дворянами.

Значительно большие изменения предусматривались в системе административного управления. Поскольку проект не создавал участкового земства, авторы его вернулись к должности участкового начальника, надзирающего над деятельностью волостных управлений. Однако, учитывая однозность этой фигуры, долженствующей заменить земского начальника, вызывавшего постоянную критику даже очень умеренных кругов, представление МВД специально подчеркивало, что «это был бы земский начальник без судебных функций, без дискреционной власти, без сословного ценза (курсив наш. — В. Д.), но с основательной подготовкой по службе».²⁷

Центр тяжести местного управления предлагалось перенести в уезд. Для этого необходимо было создать единую систему правительственных учреждений в уезде вместо разрозненных ведомств, подчинявшихся каждое непосредственно своему губер-

скому начальству. Проект МВД подвергал критике существовавшую практику объединения уездных властей, заключающуюся в том, что формально председателем любых уездных совещаний и межведомственных комиссий являлся предводитель дворянства. «Ни по своему общественному и служебному положению, ни по своей подготовке, — говорилось в проекте, — уездные предводители не могут почитаться органами, удовлетворяющими тем требованиям, которые к ним в этом случае предъявляются».²⁸ Поэтому, сохраняя за уездными предводителями дворянства председательствование в земском собрании и землеустроительной комиссии, попечительство над народными училищами и заведование сословными дворянскими делами, Министерство предлагало освободить их от остальных функций и поставить во главе уезда назначаемое должностное лицо, обладающее по отношению ко всем уездным правительственным учреждениям такой же полнотой власти, какой обладает губернатор в масштабе губернии. Соответственно такое должностное лицо предлагалось именовать вице-губернатором.²⁹

Значительно расширялись полномочия губернатора. Во-первых, ему в качестве постоянного права, а не в силу положения об усиленной охране, как это было до сих пор, разрешалось издавать обязательные постановления для предупреждения нарушений общественного спокойствия и государственного порядка. Во-вторых, он получал по существу полный контроль над деятельностью учреждений всех министерств в губернии, не будучи обязан получать предписания от этих министерств и отчетываться перед ними. В-третьих, он получал право присутствовать на заседаниях земских собраний и городских дум и быть в них выслушанным по первому своему требованию. В то же время губернатору предоставлялось право вносить в МВД предложения о выделении через государственную роспись определенных сумм для пополнения бюджетов земства и городских дум.³⁰ Этим МВД надеялось не только смягчить недовольство земств усилением полномочий губернатора по отношению к ним, но и поставить земства в финансовую зависимость от себя, поскольку размер дотаций безусловно зависел бы от характера взаимоотношений земства и административной власти.

Наиболее важным моментом в задуманной Столыпиным реформе административного управления на местах было, разумеется, то, что вместо выбираемого местным дворянством уездного предводителя в качестве главы уезда назначался правительственный чиновник. Это еще больше увеличивало самостоятельность бюро-

²⁶ Там же, л. 7.

²⁷ Там же, л. 8, 14—19.

³⁰ Представление МВД в Совет министров 7 января 1907 г. Об установлении главных начал устройства губернских учреждений. Там же, д. 18, л. 54—59.

²⁶ Там же, л. 8—13.

²⁷ Там же, л. 6.

кратического аппарата. В том же направлении шла и замена земского начальника (дворянина) участковым начальником без сословного ценза.

При обсуждении представленных им «главных начал» устройства местного и губернского управления в Совете министров Столыпину пришлось столкнуться с возглавленной Коковцовым оппозицией коллег по кабинету, недовольных подчинением их учреждений на местах представителю МВД, какими фактически являлись губернаторы и уездные «вице-губернаторы». В результате сопротивления министров объем власти губернаторов и «вице-губернаторов» по отношению к учреждениям других ведомств был сокращен, а самого главу исполнительной власти в уезде было решено именовать не «вице-губернатором», а начальником уезда.³¹ Из-за резкого противодействия Коковцова был убран из проекта и пункт о праве земств на дотации из государственной росписи, поскольку Коковцов считал, что это право земств превратится в обязанность государства давать субсидии, тогда как Министерство финансов не располагает необходимыми средствами.³²

Но наиболее существенные изменения были внесены в целях сохранения привилегий дворянства. Идея создания сельских обществ (округов) была отброшена вообще, и низшей ступенью управления сделана волость. Предполагалось было лишь выделить из волости в случае необходимости поселки с некрестьянским населением (при железнодорожных станциях, дачные и т. п.) и предоставить им самоуправление упрощенного городского типа. Министерству внутренних дел было рекомендовано изменить предложенную им систему выборов в земские собрания: установить размер минимального ценза, дающего право быть избранным в волостное собрание (а оттуда и в уездное земство), в 750 руб. оценочной стоимости вместо 150 руб., по проекту МВД, и проводить выборы гласных уездного земства отдельно волостными собраниями, собраниями землевладельцев, обладающих участками не менее чем в половину земского ценза, и городскими думами. Такое распределение избирателей по куриям в большей степени отделяло помещиков-дворян от сельской буржуазии.

Чтобы еще больше защитить интересы дворянского землевладения, Совет министров высказал сомнение в целесообразности устанавливать имущественный ценз вместо земельного. Дело заключалось в том, что земская оценка дворянских имений была

обычно занижена по сравнению с оценкой промышленных предприятий и городских недвижимостей, а проект МВД, как указывалось, распределял число гласных между куриями пропорционально количеству цензов, падающих на каждую курию согласно оценочной стоимости имущества. Поскольку окончательного решения о характере ценза не было вынесено, Совет министров специально оговорил в своем журнале, что «во всяком случае элемент землевладельческий ... не должен в будущем земстве быть отодвинут на последний план»,³³ и поэтому установленная в проекте МВД минимальная квота — не менее трех гласных от землевладельцев в составе уездного земства — должна быть увеличена до 1/4 состава гласных.

Недовольство министров вызвало и стремление Столыпина сделать главу уезда независимым от местного дворянства, передав эту роль от дворянского предводителя назначаемому чиновнику. Они записали в журнале Совета, что «умаление значения должности предводителя дворянства было бы выражением как бы недоверия к дворянскому сословию, не вызываемого действительным поведением дворянства, остававшегося верным своим заветам и по-прежнему представляющего оплот порядка в ныне переживаемую империей тяжелую пору». Поэтому Совет министров предложил считать совмещение должностей начальника уезда и уездного предводителя хотя и не обязательным, но желательным и специально оговорить это в проекте.³⁴

Большая часть замечаний Совета министров была учтена МВД, и переработанные в этом направлении проекты поселкового, волостного и уездного управления были внесены во II Думу 20 февраля, а проект губернского управления — 10 марта 1907 г. Но и в переработанном виде план местной реформы не устраивал реакционное дворянство.

Еще на 2-м съезде объединенного дворянства в ноябре 1906 г. предложение послать приветственную телеграмму Столыпину встретило возражение ряда участников, заявивших: «Выражать одобрение программе председателя Совета министров преждевременно, ибо она еще пока является невыясненной. Дальнейшая работа Съезда покажет, признает ли Съезд эту программу заслуживающей одобрения». Смысл этого заявления был с предельной ясностью подчеркнут затем Н. Ю. Шильдер-Шульднером, предсказывавшим, что «наши интересы сословные могут разойтись с интересами правительства».³⁵

³³ На полях журнала возле этой фразы Николай II написал: «Напротив».

³⁴ Особый журнал Совета министров 19 и 22 декабря и 3 и 6 января 1907 г. Высочайше утвержден 11 февраля 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 63, л. 96—111.

³⁵ Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ 31 губернии. 14—18 ноября 1906 г. СПб., 1907, с. 5.

³⁶ Там же, с. 22.

³¹ Особый журнал Совета министров 19 и 22 декабря 1906 г. и 3 и 6 января 1907 г. Там же, оп. 2, д. 63, л. 104; Особый журнал Совета министров 20 и 27 января 1907 г. Там же, оп. 3, д. 18, л. 232—247.

³² В. Н. Коковцов — П. А. Столыпину, 22 января 1907 г. Там же, л. 79—83.

Столкновение интересов стало очевидным, как только дворянские лидеры узнали о плане местной реформы, в котором Шереметев увидел «попытку ускорить переход к иной форме правления» и «правительственный цинизм».³⁷ Где-то в январе-феврале 1907 г. группа правых членов Государственного совета составила записку, в которой выразила недовольство тремя основными положениями предполагаемой реформы: устранением предводителя дворянства от руководящей роли в уезде, образованием всесословной волости и расширением земского избирательного права. В качестве завуалированной формы откладывания дела «до греческих календ» в записке выдвигалось требование передать проекты на обсуждение «местным людям» — земским и дворянским собраниям.³⁸

В то время как правые в Государственном совете составляли свою записку, были приняты меры для координации действий противников местной реформы. 5 января в Москве состоялся съезд губернских предводителей дворянства, на котором петербургский предводитель граф В. В. Гудович сообщил о подготовляемых проектах.³⁹ Возможно, именно этот съезд имел в виду М. В. Родзянко, когда впоследствии говорил, что мысль о созыве съезда для обсуждения предстоящей местной реформы возникла в январе 1907 г. у группы земцев, собравшихся в Москве.⁴⁰ Во всяком случае, по сведениям «Речи», устроителями земского съезда были «дворяне того самого кружка, который вот уже второй год ведет подкоп против основ нашей конституции».⁴¹

Затем борьба против местной реформы была перенесена на 3-й съезд объединенного дворянства, состоявшийся 27 марта — 2 апреля 1907 г. И сам факт разработки реформы и, в особенности, намерение правительства внести этот проект на рассмотрение Думы были расценены участниками съезда как «незаслуженное оскорбление», и ряд дворянских лидеров предложил направить депутацию к Николаю II, чтобы сорвать разработку законопроекта.⁴² В ответ на возражения немногочисленных представителей левого крыла съезда (кадетов и мирнообновленцев),

³⁷ С. Д. Шереметев — Ф. Д. Самарину, 13 января 1907 г. РО ГВЛ, ф. 265, папка 208, ед. хр. 25.

³⁸ Записка без даты, подписи и заглавия. Рукою Столыпина озаглавлена: «Записка гр. Палена». Датирована по содержанию, так как она написана в момент, когда «означенные проекты одобрены в Совете министров и их имеется в виду внести на рассмотрение Гос. думы». Групповой характер записки также виден из самого ее текста. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 3, л. 151—158.

³⁹ Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909, с. 472.

⁴⁰ Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда земских деятелей в Москве. Заседания 10—15 июня 1907 г. М., 1907, с. 1.

⁴¹ Речь, 9 июня 1907 г., № 134.

⁴² Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907, с. 16, 22.

убеждавших съезд не вмешиваться в вопросы законодательства, сам шурин Столыпина А. Б. Нейдгардт заявил: «Раз жизненные основы ... сословия затрагиваются, то не только его право, но обязанность подать свой голос. Мы должны знать и помнить, что дворянством Русь строилась и в дальнейшем без него не может обойтись».⁴³ Против проведения местной реформы высказались Н. Е. Марков, Д. Н. Кованько, В. Н. Ознобишин и другие.

Одновременно (и, вероятно, в том же примерно составе) в Петербурге 31 марта 1907 г. состоялось собрание, в котором участвовало 92 гласных из 27 губерний и где был избран временный совет по созыву земского съезда.⁴⁴ Как затем признавали участники съезда, совет был составлен из противников правительственного проекта.⁴⁵ Их побудительным мотивом был страх, что правительство проведет реформу, невыгодную помещику дворянству. «Под влиянием этого страха, — вспоминал один из правых делегатов, — мы и хлопотали о разрешении нам обсудить проект».⁴⁶

Правительство пошло на созыв съезда с большой опаской. С одной стороны, слишком свежи были в памяти земские съезды 1904—1905 гг. и их роль в консолидации оппозиционных сил; с другой — обсуждение проекта могло закончиться нежелательным для властей результатом. Поэтому МВД не разрешило набравшие делегатов съезда на официальных заседаниях губернских земских собраний и делегаты были выдвинуты на частных совещаниях гласных.⁴⁷ Изменившийся состав земств, куда после выборов 1906 г. пришел испуганный и озлобленный помещик, предопределил и состав съезда, из 124 участников которого, по подсчетам «Слова», 33 принадлежали к крайне правым, 33 — к умеренно правым, 44 — к октябристам, 4 — к мирнообновленцам и 10 — к кадетам.⁴⁸ Для того чтобы как можно демонстративнее отмежеваться от прежних кадетских земских съездов, новый съезд был назван «первым всероссийским».⁴⁹

Заседания съезда проходили с 10 по 15 июня 1907 г. в Москве под председательством М. В. Родзянко. Правые попытались

⁴³ Там же, с. 20.

⁴⁴ Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда, с. 1.

⁴⁵ Стенографические отчеты 2-го Всероссийского съезда земских деятелей в Москве. Заседания 25—28 августа 1907 г. М., 1908, с. 74.

⁴⁶ Там же, с. 5—6.

⁴⁷ Русские ведомости, 12 июня 1907 г., № 132.

⁴⁸ Слово, 14 июня 1907 г., № 173.

⁴⁹ Только октябристский «Голос Москвы» в день открытия съезда, не разобравшись, назвал его 5-м. К сожалению, «Голос Москвы» ввел в заблуждение А. Я. Авреха, пользовавшегося газетными отчетами, а не стенографическими. В результате А. Я. Аврех неверно оценил замысел программы съезда. В результате А. Я. Аврех неверно оценил замысел устроителей съезда, увидев в его несуществовавшем названии («пятый») стремление подчеркнуть связь с либеральными традициями (Вести. Моск. ун-та, ист.-филол. сер., 1956, № 1, с. 51).

прежде всего поставить под сомнение необходимость земской реформы вообще. Н. Е. Марков обрушился на Министерство внутренних дел, назвав его «цехом составителей законопроектов». Признав неизбежность некоторого расширения круга лиц, пользующихся правом голоса при выборах в земства, поскольку «дворян слишком мало, они редкостны и скоро будут так редки, как зубры в Беловежской пушце», он в то же время высказался против сколько-нибудь существенной реформы, открывающей доступ в земство крестьянам, ибо, как утверждал он, «крестьянство в его массе неспособно вести земское дело».⁵⁰ Маркова поддержал и другой реакционный «зубр» — князь Касаткин-Ростовский, заявивший: «То, что предлагает правительство, не отвечает нашим желаниям», и пока аграрные выступления крестьян не прекратились, «спокойно обсуждать реформу невозможно».⁵¹ В том же духе высказывался и орловский помещик Цуриков, назвавший «революционным» выработанный правительством законопроект.⁵²

Все же правые не решились проголосовать против необходимости реформы вообще и предпочли дать бой по вопросу о ее своевременности. Предложение Маркова признать желательным лишь «рассмотрение и разработку» реформы собрало 48 голосов против 50, высказывавшихся за «разработку» ее.⁵³ Это незначительное большинство составилось главным образом из октябристов, выступавших за ускоренное осуществление правительственного плана. Октябристами двигало стремление опередить наступление нового революционного взрыва, укрепив социальный базис режима. Об этом говорил один из лидеров левого крыла октябристов В. М. Петрово-Соловово, предупреждавший, что «если мы своевременно не устроим наш корабль... он не выдержит нового шквала».⁵⁴ Об этом же говорил и граф А. А. Уваров, призывая не бояться пустить в земство кулака, ибо он «есть тот консервативный элемент, та опора, на которую в ближайшем будущем должно опереться правительство, если желает продолжать свое существование», ибо кулак, «прочувствовавши, сколько пота и крови стоят 100 или 50 десятин, будет защищать их крепче, чем мы наши тысячи десятин».⁵⁵

Споры о цензе для выборов в земство сосредоточились вокруг его характера (налоговый или земельный) и размера. Немногочисленные голоса кадетов, предлагавших вообще отменить ценз,

были подавлены правоокейбристиским большинством и вызвали окрик официальной «России», заявившей, что «всякий крутой переход от одних принципов к другим является весьма рискованным опытом» и подлинная демократизация земства (при отмене ценза) привела бы «к устранению от местного хозяйства наиболее привычных к делу и наиболее интеллигентных сил»⁵⁶ (т. е. помещиков).

В стремлении сохранить земство в руках помещиков большинство съезда заходило, однако, значительно дальше правительственного проекта. 60 голосами против 37 (кадеты и часть октябристов) съезд отверг идею введения в поселке и волости налогового ценза вместо земельного.⁵⁷ Противники налогового ценза прямо говорили, что они недовольны им, так как его введение поведет «к появлению безземельных земцев».⁵⁸ «Нельзя, — настаивали они, — отдавать земство в руки неведомых плательщиков налога, а надо сохранить его в руках дворянства».⁵⁹ Согласившись, при условии сохранения земельного ценза, несколько понизить его уровень, правые решительно выступили за создание курий по сословному признаку, откровенно заявляя, что требуют этого во имя защиты интересов помещиков, которых в противном случае могут не выбрать в земские гласные.⁶⁰

Высказавшись в принципе за создание волостного земства (против выступил только Ширинский-Шихматов), участники съезда отказались обсуждать правительственный проект и разъехались, решив продолжить работу в августе.

Состав участников заседаний 25—28 августа 1907 г., получивших название 2-го Всероссийского съезда, значительно отличался от июньского. Убедившись в невозможности отстаивать свои взгляды, на съезд не приехали кадеты и М. А. Стахович. Не приехал и ряд других делегатов, занятых то ли уборкой урожая в своих имениях, то ли подготовкой выборов в III Думу. В результате соотношение сил на съезде несколько изменилось в сторону правых.⁶¹ Они попытались воспользоваться этим и провести резолюцию, вообще отвергавшую создание волостного земства. Против реформы высказались Касаткин-Ростовский, заявивший, что правительственный проект равносителен осуществлению эсеровской программы и приведет к «передаче всего дела охлократии, т. е. черни»,⁶² екатеринславский делегат Карпов, не желавший, чтобы земство попало из рук помещиков в руки

⁵⁰ Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда..., с. 15—18. Пущенное Марковым название «зубров» стало постоянным для реакционных дворян.

⁵¹ Там же, с. 28.

⁵² Там же, с. 42.

⁵³ Там же, с. 54.

⁵⁴ Там же, с. 50.

⁵⁵ Там же, с. 157.

⁵⁶ Россия, 13 июня 1907 г., № 474.

⁵⁷ Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда..., с. 115.

⁵⁸ Там же, с. 103.

⁵⁹ Там же, с. 99.

⁶⁰ Там же, с. 158.

⁶¹ Русское слово, 26 августа 1907 г., № 196.

⁶² Стенографические отчеты 2-го Всероссийского съезда..., с. 24, 82—83.

крестьян и владельцев промышленных цензов,⁶³ Ширинский-Шихматов, предрекавший, что «толпа» «пожрет маленькие культурные единицы».⁶⁴ Марков, призывавший выбросить проект реформы в мусорную корзину,⁶⁵ и др. В выступлениях правых звучал страх перед всесословностью земства, при которой помещик мог оказаться в административном подчинении у крестьянина — волостного старшины. Кроме того, они боялись, как бы волостное управление не переложило на помещиков всю тяжесть местных налогов.⁶⁶

Правительственный проект волостного управления был отвергнут съездом. Но при обсуждении общих принципов устройства мелкой земской единицы большинством голосов, кроме крайне правых, была поддержана идея создания всесословной самоуправляющейся волости, обладающей правом введения местных сборов.⁶⁷ В то же время большинство съезда, включая и правых (против была часть октябристов), высказалось за освобождение волости от административных (главным образом полицейских) функций и превращение ее в чисто хозяйственную единицу, а также за факультативность создания волостных земств в зависимости от решения уездных собраний.⁶⁸ Освобождение волости от полицейских функций мотивировалось правыми тем, что в противном случае ни один помещик не согласится пойти в волостные старшины, а правые явно не хотели отдавать руководство новыми органами в руки крестьян. Принятие факультативности волостного земства давало возможность затягивать его реальную организацию до бесконечности.

Не обсудив вопроса о реформе уездного и губернского управления (19 делегатов правых призывали ее отвергнуть),⁶⁹ съезд закончил свою работу.

Хотя результаты земских съездов были не слишком благоприятны для правительства, Столыпин, по-видимому, счел их сносными. Для него явно было важно, что на съезде решения, как правило, принимались блоком октябристов и умеренных, а крайне правые оставались в меньшинстве. Это давало основания надеяться, что при соответствующем подборе представители земств могут поддержать основные положения его проектов. В конце октября, когда итоги выборов в III Думу тоже показали возможность победы в земских собраниях блока октябристов и умеренных, Столыпин, по сведениям «Речи», циркулярно сообщил гу-

бернаторам о своем намерении передать проект местной реформы на предварительное рассмотрение Совета по делам местного хозяйства при МВД и предложил им поручить губернским земским собраниям наметить лиц, которые могли бы быть приглашены в этот Совет.⁷⁰ 16 ноября Столыпин заявил о передаче проекта на рассмотрение Совета по делам местного хозяйства в своей речи перед Государственной думой.⁷¹ В декабре постфактум это решение Столыпина было утверждено Советом министров,⁷² а в январе 1908 г. правительство взяло проект из Государственной думы.

Но к этому времени стало ясно, что дворянская оппозиция местной реформе не ограничилась выступлениями на земском съезде и, более того, не нашла там своего полного выражения. Состоявшийся в марте—апреле 1907 г. 3-й съезд объединенного дворянства разослал правительственный проект дворянским собраниям для обсуждения и (предполагалось) осуждения. Уже вскоре псковское дворянское собрание объявило проект неудовлетворительным и потребовало «гарантировать представительство дворянских и прочих культурных элементов» в земстве и для того «сохранить выборы в гласные ... по прежней системе выборов от дворянских собраний».⁷³ Голос псковского дворянства был не так уж важен, хотя и симптоматичен, ибо раньше именно псковские делегаты убеждали 2-й съезд объединенного дворянства не выступать с критикой правительства. Но затем выступило московское дворянство, чье мнение всегда считалось наиболее авторитетным в сословии. 27 июля совещание под председательством губернского предводителя П. А. Базилевского обсудило и одобрило записку Ф. Д. Самарина против реформы местного управления.⁷⁴ 8 октября чрезвычайное дворянское собрание одобрило доклад, представленный этим совещанием. Доклад отвергал «с порога» саму идею широкой реформы местного управления и самоуправления. Его авторы считали нужным, лишь «постоянно следя за деятельностью государственных уч-

⁶³ Речь, 27 октября 1907 г., № 254.

⁶⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1908, стр. 309.

⁶⁵ Особый журнал Совета министров 7 и 18 декабря 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 18, л. 52—75.

⁶⁶ Постановление псковского чрезвычайного дворянского собрания. Дата поступления в Департамент общих дел 24 мая 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1906 г., д. 73, ч. II, л. 57—58.

⁶⁷ Русское слово, 28 июня 1907 г., № 147; Слово, 29 июня 1907 г., № 186. Горячо поддерживая эту записку, Шереметев писал Самарину: «Дело первостепенной важности, и велика Ваша заслуга, что Вы взяли на себя отпор преступному проекту, внесенному скондачка сальмочисленными правителями в Г[осударственную] Д[уму] помимо тех законных инстанций, рассмотрению которых они прежде всего подлежат». (С. Д. Шереметев — Ф. Д. Самарину, 8 июля 1907 г. РО ГБЛ, ф. 265, папка 208, ед. хр. 25).

⁶³ Там же, с. 49.

⁶⁴ Там же, с. 53.

⁶⁵ Там же, с. 79—80.

⁶⁶ «Интересы миллионера, — восклицал Марков при обсуждении этого вопроса, — важнее интересов нищего». Там же, с. 197.

⁶⁷ Там же, с. 90, 92, 96, 105.

⁶⁸ Там же, с. 125, 213.

⁶⁹ Там же, с. 105—106.

реждений, вносить в них своевременно те мелкие поправки, на необходимость коих указывает практика».⁷⁵ Доклад отвергал и выдвинутый МВД аргумент о необходимости согласования системы местных органов с новым политическим строем. Активно подкапывавшиеся под основы кудей столыпинской конституции московские зубры откровенно заявляли, что «все эти новые установления еще очень неустойчивы и никто не может сказать, в какие формы они окончательно выльются».⁷⁶

Главные усилия московские дворяне сосредоточили на защите прежних привилегий уездного предводителя. Они заявляли, что уездный предводитель, именно поскольку он избирается только дворянством, является хорошим главой уездной власти, так как «пользуется полной личной независимостью как от административной власти, так равно и от массы местного населения».⁷⁷ Признавая, что дворянское землевладение уменьшается и находить кандидатов в уездные предводители становится все труднее (это было одним из аргументов министерского проекта), авторы доклада подчеркивали: «Государственной власти нет причины приветствовать совершившийся социальный переворот... она должна сознавать свой долг бороться против него».⁷⁸ Попутно доклад задевал и столыпинскую аграрную реформу, объявляя преступным превращение крестьянских земель из наделных в частновладельческие, поскольку из-за этого массы крестьян потеряли бы землю и «революция сделалась бы хроническим явлением».⁷⁹ Выступая с критикой правительственного проекта, московское дворянство откровенно заявляло, что оно апеллирует не к правительству и Думе, а к силам крайней реакции. «Мнение дворянства, — говорилось в докладе чрезвычайному собранию, — будет не столько иметь значение для Государственной думы, сколько для Государственного совета».⁸⁰

Вслед за москвичами «громкий протест» против реформы местного управления постановило вынести тульское дворянское собрание. Оно выразило особое недовольство тем, что авторы проекта «стараясь в корне разрушить сословный строй России», а «подобная ничем не оправдываемая ломка повлечет за собой крайне вредные последствия».⁸¹

Конец 1907 — начало 1908 г. были вообще периодом фронтального выступления крайней реакции против политики Столыпина с целью реставрировать дореволюционный государственный строй.

⁷⁵ Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 382.

⁷⁶ Там же, с. 393.

⁷⁷ Там же, с. 441.

⁷⁸ Там же, с. 444.

⁷⁹ Там же, с. 445.

⁸⁰ Там же, с. 476.

⁸¹ Русское слово, 24 января 1908 г., № 20.

Наиболее откровенное выражение эти попытки нашли в адресе, принятом 31 января 1908 г. московским губернским дворянским собранием по инициативе братьев Самариных. Авторы адреса приветствовали переворот 3 июня как доказательство того, «что на Руси и ныне, как встарь, правда царская выше и сильнее преходящего формального права и что русскою землею по-прежнему правит не мертвая буква измышленного закона, а ответственный лишь перед богом самодержец». Выдвигая едва завуалированное требование ликвидации законодательных прав Думы, авторы адреса настаивали на том, чтобы «сама власть постоянно памятовала, что великих обязанностей, ей присвоенных, и тяжелой ответственности, на ней лежащей, она никому не может передать, если бы того и хотела».⁸² Явное противоречие адреса с содержанием манифеста 17 октября смутило даже губернского предводителя Базилевского, отказавшегося обсуждать его на официальном заседании, и лидера центра в Государственном совете князя П. Н. Трубецкого, подписавшего вместе с большой группой участников собрания протест против принятия адреса. Тем не менее 198 голосами против 122 адрес был принят на частном совещании дворянского собрания, а вслед за тем губернским предводителем вместо Базилевского был избран А. Д. Самарин.⁸³ Сходный по содержанию адрес был представлен Николаю II и от имени курского дворянства.⁸⁴

Какая-то записка, составленная «руководителями кружка правых бюрократов» в духе московского адреса, получила распространение в придворных сферах. В этой записке также утверждалось, что надо вернуться к булыгинскому проекту законодательной Думы, и критиковался Столыпин, который-де цепляется за III Думу.⁸⁵ Наконец, проходивший 10—18 февраля 1908 г. всероссийский съезд «Союза русского народа» тоже обратился к Николаю II с адресом, призывавшим созвать «русских людей», преданных «самодержавию неограниченной царской власти», для обсуждения мер по «сокрушению смуты».⁸⁶

Успех оппозиции дворянства против столыпинского плана реформы местного управления совпало по времени с выступлением Синода (декабрь 1907 г.) против вероисповедной политики правительства. Рассмотрев проекты вероисповедных законов, Синод выразил недовольство их общим направлением и потребовал, чтобы и впредь «право свободного распространения своего учения принадлежало одной православной вере». Синод настаи-

⁸² Адрес московского дворянства, составленный Ф. Д. и С. Д. Самариными. РО ГБЛ, ф. 265, папка 124, од. хр. 13.

⁸³ Русское слово, 1 и 5 февраля 1908 г., № 27 и 29.

⁸⁴ Голос Москвы, 17 февраля 1908 г., № 40.

⁸⁵ Русские ведомости, 6 февраля 1908 г., № 30.

⁸⁶ Адрес съезда «Союза русского народа», 10—18 февраля 1908 г. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 194, 1908 г., д. 18, л. 17—23.

вал на сохранении преград для перехода из православия в другие вероисповедания и карах за «нападки» на православную церковь в печати, в театре и т. п.⁸⁷ Фактически ставился под удар весь курс Столыпина на примирение со старообрядцами.

В январе 1908 г. князь В. П. Мещерский открыл в «Гражданине» кампанию против реформы местного суда. Против нее высказалось также и тульское дворянство, требовавшее сохранения института земских начальников.⁸⁸

Неудивительно, что на этом фоне получили широкое распространение слухи о предстоящей отставке Столыпина, возможно, не лишённые основания. В январе разговоры о падении Столыпина связывались с затруднениями, которые встретил кабинет при проведении в Думе ассигнований на броненосцы.⁸⁹ Эти затруднения были лишь поводом, избранным группой правых во главе со Стишинским, Шванебахом и Дурново, чтобы свалить Столыпина, причем газетные версии приписывали этой группе и инициативу составления адреса московских дворян.⁹⁰ В феврале 1908 г. в Думе вновь стали циркулировать слухи об отставке Столыпина, теперь они связывались с жалобами дворян на подрыв их сословных прав проектом местной реформы⁹¹ и с «высокомилостивым» приемом, оказанным Николаем II председателю «Союза русского народа» А. И. Дубровину.⁹²

Газетные сообщения о попытках свалить Столыпина находят свое подтверждение в дневнике Льва Тихомирова. 6 января 1908 г. со слов Шванебаха и Садовского он записал, что замена Столыпина Дурново должна последовать до пасхи, а 24 февраля передал рассказ Ширинского о том, как в начале февраля Столыпин подавал в отставку в связи с благосклонным приемом, оказанным Николаем Дубровину и депутации тульского дворянства, в адресе которого выражалось недоверие правительству.⁹³

Обеспокоенность Столыпина нападками справа нашла свое выражение в статье «Россия», где критиковалась «анархическая бестолочь крайних правых и истинно русских спасателей России», мечтающих о «сильной власти», под которой они подразумевают свою собственную. Прямо имея в виду противников законодательных прав Думы, «Россия» писала, что «если народное представительство есть единственное человеческое средство,

чтобы привести обращенную в развал Россию в порядок, то у народного представительства есть свои законы развития и действия, которые не признавать нельзя. Никакие соборы ничего не могут сделать там, где ничего не мог сделать парламент».⁹⁴

В конечном итоге Столыпину удалось одержать верх и, по словам начальника Главного совета по делам печати Бельгарда, человек, которого тот считал главой интриги против Столыпина, «напоролся на какой-то чувствительный рожон» и был вынужден публично выразить свою преданность премьеру.⁹⁵ Однако, по мнению прессы, был момент, когда адрес московских дворян мог возыметь практические последствия, а Дубровин и Пуришкевич были ближе к министерским портфелям, чем Милоков в 1906 г., и лишь «крайности» московского адреса помогли Столыпину одержать победу.⁹⁶ Тем не менее Тихомиров видел признаки непрочности премьера в очередном «милостивом» приеме Николаем одного из черносотенных лидеров графа А. Коновницына (с которым Столыпин был не в ладах) и в том, что Николай, не принявший отставку премьера, не простит ему самого этого факта, ибо не любит выражения недовольства собою со стороны министров.⁹⁷

Такова была обстановка, когда на состоявшемся 9—16 марта 4-м съезде объединенного дворянства было предпринято новое широкое наступление на проект местной реформы. Доклад по этому вопросу был поручен Ф. Д. Самарину. И хотя Совет объединенного дворянства решил, что доклад этот будет сделан от имени самого Самарина без официального заключения Совета,⁹⁸ выбор докладчика демонстрировал позицию дворянских лидеров.

Ф. Самарин повторил основные положения записки московского дворянства, вновь подчеркнув, что «из всего множества законодательных предположений, которые внесены правительством на рассмотрение Государственной думы, выделяются по своему первостепенному значению законопроекты, касающиеся двух вопросов: 1) вопроса о крестьянском землевладении и 2) вопроса о реформе местного управления».⁹⁹ Как и в докладе Самарина, в выступлениях участников съезда главное внимание было сосредоточено на защите сословного принципа и прежних prerogative уездного предводителя дворянства. Нижегородский губернский предводитель С. М. Прутченко называл планы Министерства внутренних дел враждебными дворянству, поскольку ими

⁸⁷ Обер-прокурор Синода П. П. Извольский — П. А. Столыпину, 22 декабря 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 10, д. 39, л. 198—202.

⁸⁸ Речь, 23 января 1908 г., № 19.

⁸⁹ Речь, 18 января 1908 г., 15; Голос Москвы, 16 января 1908 г., № 13.

⁹⁰ Голос Москвы, 5 февраля 1908 г., № 29.

⁹¹ Речь, 19 февраля 1908 г., № 42.

⁹² Русское слово, 15 и 16 февраля 1908 г., № 38 и 39.

⁹³ Красный архив, 1935, № 5 (72), с. 133—140.

⁹⁴ Россия, 13 января 1908 г., № 655.

⁹⁵ Красный архив, 1935, № 5 (72), с. 137.

⁹⁶ Русское слово, 8 февраля 1908 г., № 32; Русские ведомости, 20 мая 1908 г., № 116.

⁹⁷ Красный архив, 1935, № 5 (72), с. 140.

⁹⁸ Русские ведомости, 8 марта 1908 г., № 57.

⁹⁹ Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 53.

Министерство «подкапывается под должность уездного предводителя, этой красы всероссийского дворянства».¹⁰⁰ Ему вторил В. М. Пуришкевич, говоривший: «Не время и невместно нам разбираться в пользе или вреде предводителей, а мы просто должны отринуть этот проект, указав, что он является обидным и оскорбительным для того сословия, которое в течение 150 лет являлось носителем чисто русских идеалов: преданности церкви, царю и отечеству». Столь же патетически выступал Пуришкевич и в защиту сословных перегородок, утверждая, что страна, в которой эти перегородки разрушаются, «не может ожидать блестящего будущего и обречена на падение».¹⁰¹ Саратовский делегат, член фракции правых в III Думе Э. А. Исеев заявлял, что введение бессословности «сознательно или бессознательно» ведет Россию к республиканскому строю, поскольку сословность является опорой монархии.¹⁰² Еще более высокую ноту взял в своем выступлении один из лидеров Совета объединенного дворянства Д. Н. Цертелев. «Тридцать лет назад, — восклицал он, — был возбужден вопрос о мелкой земской единице, разрешившийся 1 марта».¹⁰³

За всеми словами о защите монархии и государственных интересов стоял в действительности корыстный интерес помещиков, стремившихся сохранить свои позиции в деревне и во всей системе управления. Это откровенно признавали в своих выступлениях и С. Е. Толмачев, говоривший, что реформы, задуманные правительством, «так велики, так крупны, что ... пережить их у нас не хватит ни сил, ни средств»,¹⁰⁴ и Я. А. Ушаков и Д. Н. Кованько, считавшие совершенно невозможным положение дворян в деревне в случае, если будет создана всесословная волость и «и нас приравняют к членам волостного схода».¹⁰⁵ Не случайно выступления против реформы местного управления сочетались с сетованиями на ускоряющийся процесс потери дворянством его земель, ответственность за который также возлагалась на аграрную политику правительства, и требованиями искусственных мер для сохранения дворянского землевладения.¹⁰⁶

Последовательно выступая за сохранение господствующих позиций помещичьего дворянства, съезд высказался и против реформы местного суда, задуманной на тех же принципах, что и местная реформа. В особенности настойчиво съезд требовал сохранения как волостного суда в качестве исключительно кре-

стьянского учреждения, так и института земских начальников.¹⁰⁷ Съезд поднял также вопрос об увеличении числа членов Государственного совета, избираемых непосредственно дворянскими собраниями. Это требование прямо мотивировалось тем, что земская реформа может изменить социальное и политическое лицо земств и их представители в Государственном совете окажутся либеральными.¹⁰⁸

Принятое съездом постановление объявляло реформу местного управления не только «нежелательной и нецелесообразной», но и «вредной», а устранение сословных привилегий дворянства несовместимым с «правильно понимаемой заботой о сохранении и развитии монархического начала». Постановление требовало сохранить прежнюю роль за уездными предводителями дворянства и земскими начальниками и высказывалось против введения бессословного принципа в организацию местного управления и суда. Иными словами, задуманные Столыпиным реформы отвергались целиком. Наконец, в постановлении выражалось недовольство передачей проекта реформ на обсуждение Совета по делам местного хозяйства, а не непосредственно дворянских и земских собраний.¹⁰⁹

Выпад против Совета по делам местного хозяйства был связан с тем, что Столыпин созвал первую сессию Совета как раз в момент заседаний съезда объединенного дворянства — 11 марта — и передал на ее обсуждение правительственные проекты волостного и поселкового управления и земской избирательной реформы. В состав Совета входили Столыпин в качестве председателя и С. Е. Крыжановский — его заместителя, 20 представителей министерств (из них 17 — от МВД), 10 губернаторов, 10 губернских предводителей дворянства, 12 представителей земств, утвержденных в звании членов Совета на три года, и приглашенные на правах членов Совета 17 представителей от земств, 12 — от городов и 6 губернских и уездных предводителей.¹¹⁰ Такой состав Совета расценивался дворянством как недостаточно обеспечивавший его интересы.

Выступая при открытии заседаний Совета по делам местного хозяйства на следующий день после доклада Самарина на дворянском съезде, Столыпин, явно отвечая на критику справа, говорил: «Я знаю, многие думают, что пока еще нет в деревне полного успокоения, необходимо все оставить по-старому. Но правительство думает иначе и сознает, что его обязанность способ-

¹⁰⁰ Там же, с. 48.

¹⁰¹ Там же, с. 247.

¹⁰² Там же, с. 112.

¹⁰³ Там же, с. 145.

¹⁰⁴ Там же, с. 83.

¹⁰⁵ Там же, с. 145, 196.

¹⁰⁶ Там же, с. 137—138, 241—242.

¹⁰⁷ Там же, с. 156—159, 313, 321.

¹⁰⁸ Там же, с. 21—22.

¹⁰⁹ Свод постановлений I—X съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ. СПб., 1915, с. 48—52.

¹¹⁰ Список личного состава общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1906 г., д. 73, ч. IV, л. 52—53.

ствовать улучшению местного строя». На деле, однако, внесенный на рассмотрение Совета проект свидетельствовал о значительной сдаче позиций под давлением справа. Стремясь показать готовность прислушиваться к голосу «первенствующего сословия», Столыпин в своей вступительной речи специально подчеркнул, что «у правительства существует намерение настаивать на том, чтобы сохранить в земстве влияние и значение наиболее культурного, наиболее образованного элемента, наиболее притом привыкшего к земской работе, а именно класса поместных землевладельцев».¹¹¹

Было изменено распределение уездных избирателей по куриям, в особые курии были выделены полноцензовики (а не владельцы половины ценза, как первоначально), владельцы земельных и иных недвижимых имуществ оценочной стоимостью не ниже 7500 руб. и в качестве третьей курии — волостные собрания. При этом в уездные гласные от волостных собраний могли, однако, избираться только крестьяне. Отказалось Министерство и от пропорционального распределения числа гласных между куриями. Новый проект предусматривал, что число гласных от крестьян устанавливается в размере, составляющем половину того, который приходился бы на их долю при пропорциональном распределении; гласные от землевладельцев должны были составлять не менее $\frac{1}{3}$ от общего их числа, а остальное падало на представителей торгово-промышленных кругов. «Только путем таких искусственных поправок, — формулировал Крыжановский позицию правительства, — можно обеспечить надлежащий состав уездных гласных ... и без крупных потрясений постепенно допустить новые элементы к участию в земском самоуправлении».¹¹²

Проект поселкового управления предусматривал создание органов власти (поселковый сход и поселковый староста) для крупных сел, фабрично-заводских или дачных поселков и т. п. в границах «черты усадебной оседлости селения», т. е. не включая земельные угодья помещиков, даже если они живут в этом поселке. К тому же создание поселковых органов управления объявлялось факультативным и зависело от желания жителей поселка. При выборах поселкового управления сохранялся налоговый ценз.¹¹³

Наименьшим изменениям подвергся проект волостного управления. Правительство по-прежнему настаивало на создании все-

сословной волости, имеющей не только и не столько хозяйственные, сколько административные функции и поэтому вводимой повсеместно, а не в зависимости от решения уездного земства. Подчеркивая примат административных функций над земскими в создаваемом волостном управлении, Столыпин в уже цитированной речи при открытии Совета по делам местного хозяйства говорил: «Министерство настаивает на необходимости иметь крепкую, упорядоченную мелкую административную единицу, хотя и основанную на выборном начале, но ни в коем случае не могло бы помириться с созданием одной мелкой земской единицы, на которую в качестве приходящей функции было бы возлагаемо исполнение некоторых административных поручений».

Новые проекты МВД были подвергнуты в Совете критике с двух сторон. Реакционное дворянство по-прежнему выступало против реформы вообще. М. В. Пуришкевич (отец) риторически вопрошал, не вызовет ли она «нового беспокойства в деревне» и не лучше ли, «не вдаваясь в коренную реформу», «ограничиться частичными улучшениями».¹¹⁴ М. Я. Говорухо-Отрок, граф В. Ф. Дорер и князь А. П. Урусов от имени курского и тульского губернских земств заявили протест против «коренной ломки существующего сословно-корпоративного строя уездной жизни», каковую они видели в создании всесословной волости и расширении контингента избирателей уездного земства. Они предсказывали, что реформа, «не удовлетворив нисколько и не примирив оппозиционные группы населения и подорвав в корне влияние элементов консервативных, ... внесет вновь в начинающую устраиваться местную жизнь новый разлад».¹¹⁵

С другой стороны, часть октябристов и представители городов отстаивали введение налогового ценза как в волости, так и в уезде. Они указывали, что сохранение имущественного ценза лишает избирательных прав лиц, уплачивающих торговые и промысловые сборы.¹¹⁶ Города добивались также большего для себя представительства в уездном земстве — пропорционально сумме земских сборов. Однако большинство Совета решило установить число гласных от городов пропорционально их населению (что уменьшало квоту, так как сборы с городов были более высокими), и притом не свыше $\frac{1}{6}$ от общего числа гласных.¹¹⁷

Изменения, принятия которых добивалось большинство членов Совета, представлявших местное дворянство, и на которые в об-

¹¹⁴ Журнал № 1 комиссии по земской избирательной реформе. Там же, л. 3.

¹¹⁵ Особое мнение М. Я. Говорухо-Отрока и др. к журналу общего присутствия Совета по делам местного хозяйства 1 апреля 1908 г. Там же, л. 17, л. 4—5.

¹¹⁶ Особое мнение Н. Рихтера и др. к журналу общего присутствия Совета по делам местного хозяйства 2 апреля 1908 г. Там же, л. 14.

¹¹⁷ Стенограмма дневного и вечернего заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства 5 апреля 1908 г. Там же, л. 231.

¹¹¹ Речь П. А. Столыпина 11 марта 1908 г. при открытии общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. ЦГИА, СССР, ф. 1288, оп. 1, д. 29, л. 3—4.

¹¹² Журнал № 1 комиссии по земской избирательной реформе Совета по делам местного хозяйства 12 марта 1908 г. Там же, л. 2, л. 1—2.

¹¹³ Журнал № 1 комиссии по поселковому управлению Совета по делам местного хозяйства. Там же, л. 61.

щем соглашались и включенные в Совет чиновники Министерства внутренних дел, были направлены на еще большую защиту интересов помещиков. С этой целью были отвергнуты попытки изменить земельный ценз имущественным, причем было откровенно заявлено, что помещичьи земли оценены ниже промышленных предприятий и отмена земельного ценза нарушила бы «равномерность представительства в земстве класса землевладельцев, с одной стороны, и неземельных собственников, с другой».¹¹⁸ С этой же целью владельцы земельной и неземельной собственности в уезде были распределены по разным куриям, дабы (не дай бог!) хозяева промышленных предприятий не забаллотировали помещиков. В особую курию были выделены и самые мелкие собственники земельных участков. В результате вместо трех курий по министерскому проекту было создано семь — две для полноценовиков (земельных и неземельных), две для владельцев собственности не менее $\frac{1}{10}$ ценза (тоже отдельно земельных и торгово-промышленных), одна для владельцев менее $\frac{1}{10}$ ценза, одна для владеющих недвижимым имуществом в городах и одна для крестьян-общинников.¹¹⁹ После продолжительных споров за крупными землевладельцами было решено зарезервировать половину мест гласных уездного земства, причем некоторые члены Совета считали и эту цифру недостаточной и добивались квоты в $\frac{2}{3}$.¹²⁰ Один из видных октябристов правого крыла, екатеринский помещик С. Т. Варун-Секрет вместе с М. Пуришкевичем призывал не бояться «преобладания в земстве представителей от крупных землевладельцев».¹²¹

Была введена куральная система и при выборах в волостные управления — крестьяне-общинники были отделены от частных землевладельцев, причем полноценовики получили право автоматического включения в число волостных гласных.¹²² В противном случае, говорил А. П. Урусов, мотивируя это требование, «мало того, что их забаллотировуют, но вдобавок будут еще распоряжаться их деньгами».¹²³

Хотя правительство и не обязано было принимать все рекомендации Совета по делам местного хозяйства, являвшегося совещательным органом, давление помещичьей оппозиции явно ска-

¹¹⁸ Журнал № 8 комиссии по земской избирательной реформе. Там же, д. 2, л. 28.

¹¹⁹ Журнал № 13 комиссии по земской избирательной реформе. Там же, л. 43.

¹²⁰ Стенограмма заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства 5 апреля 1908 г. Там же, д. 25, л. 230—236.

¹²¹ Журнал № 15 комиссии по земской избирательной реформе. Там же, д. 2, л. 49.

¹²² Журнал № 7 комиссии по волостному управлению. Там же, л. 105—106.

¹²³ Стенограмма дневного заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства 1 апреля 1908 г. Там же, д. 25, л. 13.

залось на Столыпина. Сразу же после окончания работы весенней сессии Совета он пришел к выводу, что законопроекты МВД «потерпят значительные изменения».¹²⁴ В то же время он еще не считал нужным полностью отказываться от своих планов, рассчитывая на поддержку царя. Во всяком случае в конце марта Николай еще соглашался с позицией Столыпина. Вероятно, именно этим следует объяснить необычную для Николая ноту в его письме к матери от 27 марта 1908 г., как раз в разгар споров дворянских делегатов в Совете по делам местного хозяйства с представителями правительства. «Теперь, когда стало спокойнее, — писал Николай, — дворянство начало жаловаться на разные нововведения и реформы, — но спрашивается, как и чем оно помогло правительству в страшную осень 1905 г. Ровно ничем».¹²⁵

Со своей стороны объединенное дворянство также стремилось оказать давление на царя. 2 апреля депутация дворянского съезда, возглавленная А. А. Бобринским, представила царю письменный обзор деятельности съездов, изложение доклада Ф. Самарина о местной реформе и резолюцию 4-го съезда по этому вопросу, а в устном докладе затронула и вопрос о реформе местного суда.¹²⁶ Николай обещал депутации, что права уездного предводителя не будут умалены.¹²⁷ В июне Гурко вновь представил Николаю доклад о работе 4-го съезда объединенного дворянства, повторив в нем резкую критику правительства и его планов. В докладе утверждалось, что правительство своими реформами подрывает именно те учреждения, которые «отстояли царское самодержавие и русский исторический уклад», и не собирается реформировать те, которые оказались рассадниками мятежа — школу, печать и суд присяжных.¹²⁸

Одновременно активизировались правые в Государственном совете и в церковных кругах. Во главе правых в Государственном совете встали заведомые противники Столыпина — П. Н. Дурново, А. С. Стийнский, Ф. Д. Самарин, А. А. Нарышкин и П. Н. Кобылинский.¹²⁹ Вскоре после этого Государственный совет, по настоянию Шванебаха, отклонил принятый Думой правительственный законопроект о штатах морского генерального штаба,¹³⁰ заложив тем самым фундамент будущего кризиса. В ходе прений по этому вопросу Дурново пока еще в косвенной форме обвинил

¹²⁴ См. резолюцию Столыпина на отношении псковского губернского предводителя дворянства от 8 апреля 1908 г. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1906 г., д. 73, ч. II, л. 243.

¹²⁵ Красный архив, 1932, № 1—2 (50—51), с. 184.

¹²⁶ Голос Москвы, 3 апреля 1908 г., № 78.

¹²⁷ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909, с. 102—103.

¹²⁸ Речь, 25 июня 1908 г., № 150.

¹²⁹ Речь, 13 июня 1908 г., № 140.

¹³⁰ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907—8. годы. Сессия третья. СПб., 1908, стб. 2230.

правительство во вмешательстве в область верховного управления.¹³¹ В июле в Киеве состоялся миссионерский съезд, резко обрушившийся на вероисповедные законы Столыпина. Правые церковники крайне враждебно встретили обер-прокурора Извольского, предлагавшего положить в основу суждений съезда указ 17 апреля о веротерпимости, и решили просить Николая изъять из Думы вероисповедные законопроекты. На съезде было оглашено приветствие от «Союза русского народа», в котором правительство обвинялось в насаждении «конституционных свобод, вторгшихся в недра русского народа под покровом враждебных православию законов».¹³² Правда, Столыпин в беседе с Гучковым заявил, что не собирается брать назад вероисповедные проекты,¹³³ и даже запросил Департамент духовных дел МВД, какие из этих проектов являются спешными, обещая ускорить их прохождение в Думе. Но директор Департамента, видимо учувший направление ветров в сферах, ответил, что ни один из законопроектов не представляется ему спешным.¹³⁴ Да и сам Столыпин уже начал проявлять колебания в этом вопросе, послав проекты для заключения Льву Тихомирову, ответ которого предугадать было нетрудно. В сентябре Тихомиров прислал свои замечания, подвергнув вероисповедные законы резкой критике за умаление преимуществ православной церкви.¹³⁵

В обстановке активизации правых и, вероятно, в связи с приемом Гурко в Царском Селе распространились слухи о том, что противники Столыпина задумали, используя его отсутствие, провести Гурко в состав кабинета и этим вынудить Столыпина выйти в отставку, поскольку тот считал Гурко слишком компрометированным скандальным делом Лидваля.¹³⁶ Это вызвало переполох у октябристов, заговоривших о новом «заговоре реакции». Правда, на сей раз тревога октябристов встретила скептическое отношение либеральной прессы. В октябре, когда кадеты и октябристы попытались поставить на обсуждение Думы судебную реформу, а в Совете по делам местного хозяйства заканчивались приготовления к осенней сессии, где должна была рассматриваться уездная реформа, нападки правых на Столыпина усилились. В придворных кругах была распространена записка, озаглавленная «Накануне государственного переворота». В ней Столыпин и Гучков обвинялись в замыслах, направленных на свержение мо-

нархии. Ряд мест в этой записке текстуально совпадал с передовицей черносотенной газеты «Вече» от 2 сентября.¹³⁷ В сферах опять заговорили о возможной в ближайшем будущем отставке премьера и замене его Дурново или Кривошеинным.¹³⁸

Все это не могло не отразиться на позиции Столыпина на осенней сессии Совета по делам местного хозяйства. Внося на рассмотрение сессии проект уездной реформы, Министерство внутренних дел постаралось подобрать статистический материал, доказывающий, что уездные предводители дворянства физически не в состоянии отирать свои председательские функции во всех тех случаях, которые предусмотрены их прерогативами, а более четверти предводителей вообще бывает в своих уездах лишь изредка.¹³⁹ И все же, выступая с речью на открытии сессии Совета и подчеркивая, что он придает «особое значение» своим планам уездной и губернской реформы, Столыпин вынужден был пойти на уступки дворянской оппозиции. Повторив аргументы о невозможности сохранять уездного предводителя в качестве главы местного управления, Столыпин, однако, заявил: «Правительство не связывает насильственно этой должности (начальника уезда, — В. Д.) с должностью предводителя дворянства, ... но ... первыми кандидатами на должность начальников уезда считает уездных предводителей».¹⁴⁰

Уступки Столыпина не удовлетворили реакционное дворянство. Его представители в Совете выступили против совмещения должностей уездного предводителя и начальника уезда, видя в таком совмещении подрыв авторитета предводителя — а вдруг МВД не утвердит предводителя дворянства начальником уезда и т. п.¹⁴¹ Дворянские делегаты настаивали на сохранении за предводителем председательствования в уездном совете и ограничении начальника уезда «обязанностями исполнительно-административными и полицейскими»,¹⁴² что, по мнению Столыпина, сводило эту должность к роли полицейского исправника.¹⁴³ Секретарь Совета объединенного дворянства С. А. Панчулидзе, С. Т. Варун-Секрет и другие помощники представители выступали и против права начальника уезда ревизовать учреждения дворянской опеки, видя в этом попытку ограничить самостоятельность дворянских учреждений.¹⁴⁴

¹³⁷ Голос Москвы, 17 и 18 октября 1908 г., № 241 и 242.

¹³⁸ Русские ведомости, 23 октября 1908 г., № 246.

¹³⁹ Справка Земского отдела МВД. ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, 1908 г., д. 3, л. 20.

¹⁴⁰ Россия, 22 ноября 1908 г., № 922.

¹⁴¹ Журнал № 2 комиссии по уездному управлению Совета по делам местного хозяйства. ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, 1908 г., д. 3, л. 36.

¹⁴² Журнал № 7 комиссии по уездному управлению. Там же, л. 56.

¹⁴³ Журнал № 5 общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. Там же, л. 90.

¹⁴⁴ Журнал № 3 комиссии по уездному управлению. Там же, л. 39.

¹³¹ Там же, стр. 1718.

¹³² Речь, 16 июля 1908 г., № 168; Голос Москвы, 27 июля 1908 г., № 174.

¹³³ Слово, 31 августа 1908 г., № 550.

¹³⁴ Столыпин — Директору Департамента духовных дел МВД, 29 августа 1908 г. и Директору Департамента духовных дел — Столыпину, 6 сентября 1908 г. ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 10, д. 39, л. 245 и 246.

¹³⁵ Л. Тихомиров — Столыпину, [б. д.] и Замечания на законопроекты о свободе совести, 25 сентября 1908 г. Там же, д. 46, л. 3 и 4—14.

¹³⁶ Речь, 29 августа 1908 г., № 206.

Подводя впоследствии итоги обсуждения уездной реформы в Совете по делам местного хозяйства, И. Я. Гурлянд писал Столыпину, что крики об оскорблении, нанесенном идее дворянства, прикрывали сугубо практические интересы консервативных дворянских кругов. Создание должности начальника уезда подрывало карьеристские устремления уездных предводителей, поскольку правительство стало бы рассматривать впредь не предводителей, а именно начальников уезда как подходящую кандидатуру на освобождающиеся должности губернаторов и вице-губернаторов, а подчинение начальнику уезда местной полиции «с очевидностью меняет всю сущность отношений между помещиками-дворянами и администрацией уезда». Понимая необходимость усиления власти на местах, дворянские делегаты в Совете по делам местного хозяйства тем не менее видели в этом усилении власти «конец дворянства». «Рассчитывая более на правительство, чем на себя, — констатировал Гурлянд, — консервативные группы всегда уверены, что правительство их недостаточно поддерживает, а когда правительство предъявляет к ним требования во имя государственного начала, они первые бросают правительству упрек в излишнем властолюбии и в нежелании считаться с священным принципом общественной самостоятельности».¹⁴⁵

Большинством 13 против 9 комиссия по уездному управлению высказалась против председательствования начальника уезда в уездном совете.¹⁴⁶ Большинство комиссии отвергло также возможность совмещения должностей уездного предводителя и начальника уезда и право последнего ревизовать дворянские учреждения.¹⁴⁷ Правда, общее присутствие Совета по делам местного хозяйства, тоже выступив против совмещения функций начальника уезда и уездного предводителя в одном лице, утвердило 39 голосами против 30 право начальника уезда председательствовать в уездном совете.¹⁴⁸ Но в этом большинстве по данным МВД 9 человек, а по утверждению Панчулидзева 22 были представителями ведомств,¹⁴⁹ что делало большинство очень сомнительным. К тому же представители дворянства приложили к протоколам Совета свои особые мнения в защиту уездных предводите-

лей, считая, что если вместо них во главе уезда окажется правительственный чиновник, «население, естественно, решит, что предводители, а следовательно и все избирающее их помещичье дворянство, лишены доверия царя».¹⁵⁰ В результате Столыпин был вынужден предложить внести на дальнейшее обсуждение как проект МВД, так и проект большинства комиссии по уездному управлению.¹⁵¹

Резкое сопротивление представителей дворянства (а также губернаторов, участвовавших в работе Совета) вызвал и проект губернской реформы, причем наибольшее недовольство вызвало усиление власти МВД над губернаторами. Проект Министерства собрал большинство только благодаря голосам его же собственных чиновников и представителей земств и городов.¹⁵²

Несмотря на ожесточенное сопротивление со стороны дворянства и несмотря на уступки, которые ему пришлось сделать в ходе работы Совета по делам местного хозяйства, Столыпин на рубеже 1908—1909 гг., видимо, еще не считал свое дело проигранным окончательно. 18 декабря 1908 г., сразу по окончании осенней сессии Совета, МВД внесло в Думу проекты волостного и поселкового управления. В соответствии с требованиями помещиков были созданы отдельные курии для крестьян-общинников и землевладельцев при выборах в волостное управление. Внутри землевладельческой курии «отдельным группам избирателей, уплачивающим в совокупности земские сборы в таком размере, который соответствует по расчету избираемого собрания числу гласных одному и более гласным, предоставляется заявить о желании своем произвести выборы гласных между собой». Это давало возможность дворянам-помещикам обособиться от кулаков и провести своих кандидатов. Обладатели полного ценза проходили в гласные без выборов.¹⁵³ Точно так же, без выборов, проходили в гласные поселкового управления обладатели ценза свыше 7500 руб.¹⁵⁴ Но министерский проект сохранял всесословность волостного управления, вызывавшую столь резко нападки на дворянских съездах, и обязательность повсеместного проведения волостной реформы, против чего также возражали правые.

В планы Столыпина входило форсировать проведение первого этапа местной реформы через Думу. Еще в октябре 1908 г., уведомляя Н. А. Хомякова о том, какие из своих законопроектов

¹⁴⁵ [Записка Гурлянда] «Уездная реформа», [б. д. и авт.]. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 3, л. 111—120. Авторство и дата установлены по: Гурлянд — Столыпину, 20 июля 1909 г. Там же, л. 96.

¹⁴⁶ Журнал № 7 комиссии по уездному управлению. ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, 1908 г., д. 3, л. 57.

¹⁴⁷ Основные положения по уездному управлению. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 1, л. 207.

¹⁴⁸ Журнал № 5 общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, 1908 г., д. 3, л. 90—91.

¹⁴⁹ Проект объяснительной записки Департамента общих дел по вопросу об уездной реформе, [б. д., после 1911 г.]. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 3, л. 69; Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 110.

¹⁵⁰ Особое мнение С. А. Панчулидзева. Там же, с. 205.

¹⁵¹ Журнал № 5 общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, 1908 г., д. 3, л. 91.

¹⁵² Справка И. Я. Гурлянда по вопросу о губернской реформе. 27 августа 1909 г. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1906 г., д. 73, ч. VII, л. 178.

¹⁵³ Проект положения о волостном управлении. (Объяснительная записка МВД). 18 декабря 1908 г. ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 6, д. 35, л. 18—48.

¹⁵⁴ Проект положения о поселковом управлении. (Объяснительная записка МВД). 18 декабря 1908 г. Там же, д. 34, л. 21—38.

правительство считает первоочередными, Столыпин на первое место (после бюджета) поставил «законопроекты, регулирующие местную жизнь и прежде всего ее основные ячейки: волость и поселок», подчеркнув при этом, что от принципа, положенного в основу волостного управления, «зависит дальнейшее развитие реформы местного управления» и местного суда.¹⁵⁵ В январе 1909 г. Столыпин беседовал с представителями правых и умеренных в Думе Г. Г. Замысловским и П. Н. Балашовым и заявил им, что правительство очень хочет, чтобы проекты волостного и поселкового управления были рассмотрены еще в эту сессию Думы.¹⁵⁶ Об этом же Столыпин говорил 2 февраля Хомякову.¹⁵⁷ Как будет видно из дальнейшего, Столыпин еще считал возможным провести и свой проект уездной реформы.

Однако начало 1909 г. ознаменовалось новым натиском крайних правых на правительство Столыпина, очень сильно повлиявшим на всю его дальнейшую политику. В ряду причин, вызвавших этот натиск, не последнее место занимало желание Столыпина настоять на реформе местного управления. Много лет спустя один из ближайших помощников Столыпина, защищавший планы МВД в Совете по делам местного хозяйства и разделявший мнение Столыпина об их необходимости, — С. Е. Крыжановский — писал: «Попытка затронуть особое положение дворянства в местном управлении ... подняла против него такой слон, который имели большое влияние у престола; приближенные государя открыто его осуждали».¹⁵⁸

В конце декабря 1908 г. в Петербурге без особой огласки состоялось совещание Совета объединенного дворянства с рядом губернских предводителей. Обсуждался вопрос, как действовать в связи с тем, что большинство Совета по делам местного хозяйства приняло проект уездной реформы в министерском варианте. Хотя идея депутации к царю была отвергнута как не имеющая шансов на успех, дворянские лидеры не теряли надежды не только отвергнуть ненавистный им проект, но и убрать его авторов.¹⁵⁹ Вскоре после этого граф Коновницын заявил в совете «Союза русского народа», ссылаясь на «высокий источник», что в марте в состав правительства будут призваны более правые деятели.¹⁶⁰ Небезосновательность подобного рода заявлений стала очевидной, когда в начале февраля обер-прокурор Синода П. Извольский (считавшийся вместе со своим братом — министром ин-

странных дел самым левым в кабинете) был выпущен уйти в отставку. Газеты отметили значительную активизацию салонов графини Игнатьевой и графа С. Д. Шереметева, вокруг которых группировались наиболее видные представители крайней реакции.¹⁶¹ Шереметев, уже с осени 1908 г. вынашивавший план объединения «чистых» организаций крайних правых (без союзов «Русского народа» и «Михаила Архангела»), надеялся на возможность пересмотра вопроса о форме правления (т. е. ликвидации Думы) с помощью подготовляемого им «призыва ландштурма» — какого-то выступления реакционных сфер в форме «чистого исповедания своего политического credo» и «зрелого патристического порыва» на манер адреса московских дворян.¹⁶²

С 17 по 23 февраля 1909 г. проходил 5-й съезд объединенного дворянства, которому предшествовали совещания в более узком кругу губернских предводителей под председательством А. Д. Самарина, вновь подтвердившие отрицательное отношение к губернской и уездной реформе.¹⁶³ Съезд объединенного дворянства в свою очередь подтвердил прошлогоднее постановление, направленное против местной реформы, и особо оговорил недопустимость совмещения в одном лице должностей начальника уезда и предводителя дворянства, поскольку такое совмещение лишит предводителя «независимости от местной администрации».¹⁶⁴ Хотя съезду было сообщено обещание Николая не урезать права уездных предводителей, это не удовлетворило собравшихся. Марков говорил о необходимости продолжать давление, ибо «мы видим, что здесь существуют трения: с одной стороны, личное желание его императорского величества, с другой стороны, направление правительства».¹⁶⁵ Опасения Маркова были не лишены оснований. «Россия» высказывала явное недовольство съездом и писала, что «едва ли ... если о деятельности съезда мы узнаем подробнее, чем знаем до сих пор, мы будем иметь возможность прикнудить к его настроениям и пожеланиям».¹⁶⁶

Действительно, ход съезда показал, что дворянская реакция все дальше заходит в неприятие политики правительства. Критике была подвергнута финансовая политика, якобы построенная так, чтобы разорить крупных землевладельцев.¹⁶⁷ Все более открыто выступали противники аграрной реформы. А. Я. Ушаков подчеркнул прямую связь аграрной реформы и планов реорганизации

¹⁵⁵ Столыпин — Хомякову, 17 октября 1908 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 4, л. 181—182.

¹⁵⁶ Слово, 16 января 1909 г., № 680.

¹⁵⁷ Речь, 5 февраля 1909 г., № 35.

¹⁵⁸ С. Е. Крыжановский. Воспоминания. [Петрополис], [б. г.], с. 213.

¹⁵⁹ Речь, 2 февраля 1909 г., № 32.

¹⁶⁰ Слово, 8 января 1909 г., № 672.

¹⁶¹ Русское слово, 12 и 28 февраля 1909 г., № 34 и 48.

¹⁶² С. Д. Шереметев — Ф. Д. Самарину, 20 января 1909 г. РО ГБЛ, ф. 265, папка 208, ед. хр. 25.

¹⁶³ Голос Москвы, 17 февраля 1909 г., № 38.

¹⁶⁴ Свод постановлений I—VIII съездов уполномоченных дворянских обществ, СПб., 1913, с. 34—35.

¹⁶⁵ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 117.

¹⁶⁶ Россия, 21 февраля 1909 г., № 996.

¹⁶⁷ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 25.

местного управления, заявив, что они составляют «одну целую систему», в результате осуществления которой «весь наш уклад русской жизни, вся наша старина пойдут насмарку».¹⁶⁸ И хотя один из старейших представителей консервативного лагеря К. Ф. Головин вступился за столыпинскую аграрную реформу, он тоже не хотел делать логических выводов из нее и представил съезду специальный доклад против преобразования волостного управления, утверждая, будто «результатом образования всеословных волостей будет создание из них лишних органов революционной агитации».¹⁶⁹

В выступлении Маркова содержались также и прямые нападки на манифест 17 октября, «смысл которого, — по его словам, — тем и до сих пор не получил утвердительного правильного толкования». Марков выражал надежду, что «это правильное толкование скоро последует».¹⁷⁰

Очередная атака на Столыпина справа, начатая в марте 1909 г., была связана именно с толкованием Основных законов империи. Правые в Государственном совете избрали в качестве предлога для попытки свергнуть Столыпина вопрос о прерогативах верховной власти в связи с законопроектом о штатах морского генерального штаба. Здесь нет необходимости вдаваться в подробности этой проблемы, уже получившей освещение в работах А. Я. Авреха. Надо, однако, подчеркнуть, что параллельно с выступлениями в Государственном совете по поводу закона о морском генеральном штабе продолжалось давление на Николая и по вопросу о местной реформе, причем обе кампании явно переплетались между собой. Где-то в первой половине марта А. А. Бобринский представил личный доклад царю об итогах 5-го съезда объединенного дворянства, причем в дворянских сферах утверждалось, что мнение съезда было встречено сочувственно.¹⁷¹ 13 марта Дурново, Витте и другие открыли кампанию против закона о штатах морского штаба. 17 марта состоялось частное совещание Совета объединенного дворянства, посвященное местной реформе. На нем выражалась уверенность в том, что дело об уездном предводителе еще нельзя считать проигранным, поскольку особое мнение Панчулидзева по этому вопросу (в Совете по делам местного хозяйства) замечено «в сферах» и ему дан ход.¹⁷²

19 марта большинство Государственного совета поддержало законопроект о морском генштабе, а на следующий день «Россия» поместила передовую статью, направленную против сопротивляю-

щихся местной реформе.¹⁷³ Вслед за тем «Россия» обрушилась на правых и по вопросу о морском штабе, заявив, что их выступление является попыткой произвеста «пересмотр коренных начал русского государственного строя»¹⁷⁴ и что такая позиция свидетельствует об усилении у них антигосударственных тенденций, «ибо бороться против Манифеста 17 октября значит бороться прежде всего против государственности».¹⁷⁵ К концу марта, когда, казалось, Столыпин одержал верх над своими противниками в Государственном совете, относится и характерный документ, связанный с уездной реформой. 31 марта Николаю был представлен адрес дворян Дмитриевского уезда Курской губернии, высказывавшихся против реформы. Николай выразил сочувствие адресу, написав на полях: «Много правды в нем сказано». Но, согласно приписке Столыпина, «его величество соизволил указать, что резолюция на настоящем докладе объявлению дворянам Дмитриевского уезда не подлежит».¹⁷⁶ Столыпину удалось, таким образом, оставить вопрос об уездной реформе открытым.

Ситуация, однако, резко изменилась, когда Николай в конце апреля отказался утвердить закон о штатах морского генерального штаба, приняв, таким образом, сторону противников Столыпина. Согласившись остаться на посту премьера и приняв на себя поручение разработать правила, регулирующие применение 96 ст. Основных законов в духе требований правых, Столыпин тем самым признал свое поражение. Пытаясь взять реванш и ослабить позиции крайних правых, Столыпин с мая развернул шумную кампанию против «Союза русского народа», отказав черносотенцам в широком участии на торжествах по случаю 200-летия Полтавской битвы, дав санкции на арест по требованию финляндского суда организаторов убийства Герценштейна и попытавшись поставить во главе Союза новых людей, готовых сотрудничать с правительством. Но для того, чтобы удержаться у власти, Столыпин должен был теперь своими руками проводить политику, на которой настаивали правые. О том, что он отлично понимал сложившуюся ситуацию, свидетельствуют его же слова, обращенные к Николаю в дни апрельского кризиса: «Ваше величество хотите, по-видимому, опираться на крайних правых, имея умеренный кабинет».¹⁷⁷

Сразу же после апрельского кризиса началось отступление Столыпина от вынашивавшихся им проектов. В мае Дума приступила наконец к обсуждению внесенных правительством вероисповедных законов: о старообрядцах, о переходе из одного веро-

¹⁶⁸ Там же, с. 163.

¹⁶⁹ К. Ф. Головин. Предположенные административные реформы. ЦГИА СССР, ф. 899, оп. 1, д. 88, л. 3.

¹⁷⁰ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 116.

¹⁷¹ Речь, 17 марта 1909 г., № 74. Бобринский докладывал о своей поездке к царю на заседании Совета объединенного дворянства 14 марта.

¹⁷² Голос Москвы, 19 марта 1909 г., № 64.

¹⁷³ Россия, 20 марта 1909 г., № 1019.

¹⁷⁴ Там же, 20 марта 1909 г., № 1020.

¹⁷⁵ Там же, 25 марта 1909 г., № 1023.

¹⁷⁶ Былое, 1918, № 12 (книга 6, июнь), с. 144.

¹⁷⁷ А. А. Поливанов. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 гг. М., 1924, с. 70.

исповедного состояния в другое и об отмене ограничений, связанных со снятием сана. Выступая в прениях, Столыпин прямо признал, что на этих законопроектах проверяется, сохранило ли правительство прежний курс, и пытался доказать неизменность своей политики.¹⁷⁸ Однако в действительности выступления Столыпина, Крыжановского и товарища обер-прокурора Синода Роговича показали сползание правительства вправо, «полную готовность признать принцип на словах и столь же полную готовность отступить от него на деле».¹⁷⁹ Более чем умеренные законы, не признававшие и в думской редакции права граждан на внеконфессиональное состояние, сохранявшие юридические ограничения для неправославных и для людей, добровольно снявших с себя священнический сан, законы, в главных своих основаниях повторявшие проекты самого Министерства внутренних дел, были теперь враждебно встречены официальной «Россией», которая заявила, будто в них «содержится определенное нежелание считаться с тем, что законы предположены к осуществлению в русском православном государстве».¹⁸⁰ В сентябре Столыпин рекомендовал Совету министров взять из Думы два других вероисповедных законопроекта — об отношении государства к отдельным исповеданиям и о смешанных браках, поскольку-де они в свое время были внесены без предварительного сношения с Синодом.¹⁸¹ Смысл этого шага был подчеркнут комментариями «России», прямо объяснявшей необходимость пересмотра законопроектов тем, что они нарушают канонические права православной церкви.¹⁸²

Та же судьба постигла и проект уездной реформы. В мае А. А. Бобринский, выступая в Думе и формально отвечая кадету Ф. И. Родичеву, а фактически имея в виду и Столыпина, вновь демонстративно заявил, что «дворянство есть один из тех устоев, на которых зиждется весь наш современный государственный строй», и что покушения на привилегии дворянства ведут к падению монархии.¹⁸³ На протяжении последующих месяцев дворянские собрания различных губерний продолжали кампанию в защиту прерогатив уездного предводителя, попутно нападая на все принципы, положенные в основание местной реформы. Ярославское дворянство заявило, что оно «признает себя и ныне достаточно сильным для сохранения в своих руках этой руководящей

роль» (в осуществлении власти на местах, — В. Д.).¹⁸⁴ Орловское дворянство в своем решении подчеркивало заслуги «старых учреждений» в подавлении революции. «Предводители дворянства, земские начальники, верные своему долгу, — говорилось в докладе комиссии орловского дворянства, — выдерживали непосредственно направленные на них революционные нападения». Опираясь на свои заслуги в подавлении революции, орловское дворянство высказывалось против реформ, проводимых «ради фикции равноправия и все того же предвзятого начала бессловности».¹⁸⁵

В конце сентября в пашумевшем интервью редактору черносотенной газеты «Волга» Столыпин в последний раз попробовал выступить в защиту своего проекта уездной реформы, намеченной по образцу «других благоустроенных государств».¹⁸⁶ Но 2 октября 1909 г. чрезвычайное собрание московского дворянства вновь выступило против реорганизации уездного управления и постановило довести до сведения правительства, что дворянство остается на точке зрения, высказанной в 1907 г.¹⁸⁷ Министерский проект был, по свидетельству Крыжановского, положен под сукно. Вопреки данному в июле заверению к началу очередной сессии Думы не был внесен и проект реформы земского избирательного права. «С этих пор, — писал Крыжановский о провале уездной реформы, — политика Столыпина пошла под гору и стала размываться на бесполезные выступления с мерами борьбы с Финляндией, по проведению Амурской железной дороги и т. п.».¹⁸⁸

1910—1911 гг. характеризовались дальнейшей сдачей позиций Столыпина в рассматриваемых вопросах. В мае 1910 г. Государственный совет провалил принятый Думой закон о старообрядцах, причем Дурново, делавший доклад от имени вероисповедной комиссии Совета, выступил не только против думского закона, но и против первоначального правительственного указа, проведенного в 1906 г. по 87 ст.¹⁸⁹ Критика эта не встретила ответа со стороны Крыжановского, тоже нападавшего на думский законопроект,¹⁹⁰ а «Россия» в эти самые дни поместила статьи А. Лукинского против старообрядцев, которых он снова называл «раскольниками».¹⁹¹ В декабре Государственный совет, опять-таки не встре-

¹⁸⁴ Выписка из журнала чрезвычайного ярославского губернского дворянского собрания 5 августа 1909 г. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 1, л. 260.

¹⁸⁵ Доклад комиссии по обсуждению проектов о местной реформе чрезвычайному орловскому губернскому дворянскому собранию 6 сентября 1909 г. Там же, 1906 г., д. 73, ч. II, л. 285—286.

¹⁸⁶ Цит. по: Голос Москвы, 4 октября 1909 г., № 227.

¹⁸⁷ Речь, 3 октября 1909 г., № 271.

¹⁸⁸ С. Е. Крыжановский, ук. соч., с. 140.

¹⁸⁹ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909—10 годы. Сессия пятая. СПб., 1910, стб. 2795—2796.

¹⁹⁰ Там же, стб. 2832.

¹⁹¹ Россия, 13 и 14 мая 1910 г., № 1373—1374.

¹⁷⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II, ч. II. СПб., 1909, стб. 1763—1764.

¹⁷⁹ Там же, стб. 1785. Из выступления В. А. Маклакова.

¹⁸⁰ Россия, 28 мая, 1909 г., № 1077.

¹⁸¹ Представление МВД в Совет министров 6 сентября 1909 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 6, л. 2—20.

¹⁸² Россия, 13 октября 1909 г., № 1195.

¹⁸³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II, ч. II, стб. 2825.

тив сопротивления правительства, искорежил законопроект об ограничениях, связанных со снятием сана. Тогда же Столыпин пошел на выхолащивание реформы местного суда, заявив в комиссии Государственного совета, что правительство согласно сохранить волостной суд в качестве сословного института, юрисдикция которого распространялась бы только на крестьян.¹⁹²

Весной 1911 г. разразился роковой для Столыпина «министерский кризис», вызванный провалом в Государственном совете законопроекта о западном земстве, избранного правыми для нанесения окончательного удара по премьеру. Наиболее удобным объектом нападения был вопрос о национальных куриях, поскольку против них легче всего было собрать большинство голосов.¹⁹³ Однако вопреки мнению А. Я. Авреха ход прений в Государственном совете показал, что наиболее неприемлемым для правых было в законопроекте понижение земского избирательного ценза. При прохождении проекта через Думу последняя ввела в него те самые положения, которые содержались в столыпинских проектах общей местной реформы, — всесословность и увеличение представительства кулака. Против этого выступил и поддержавший идею национальных курий Стишинский, говоривший, что при понижении избирательного ценза «мелкие землевладельцы, так сказать, задавят крупных и средних».¹⁹⁴ Еще резче выступали против расширения кулацкого представительства в земстве открытые враги законопроекта. По словам Зиновьева, не только в думском, но и в первоначальном варианте МВД законопроект уничтожает крупное и среднее землевладение, причем главную опасность Зиновьев видел в том, что «если мы сведем имущественный ценз до минимума, мы по этому пути должны идти неудержимо вниз, не только на западной окраине, но и на других окраинах и внутри России».¹⁹⁵ Еще более откровенно страх перед созданием прецедента звучал в выступлении одного из главных организаторов заговора против Столыпина —

¹⁹² Голос Москвы, 2 декабря 1910 г., № 278. См. также «Памятный листок» Столыпина. Декабрь 1910 г. ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 320, л. 1.

¹⁹³ В споре о куриях проявилось и различие двух подходов к решению национального вопроса. Столыпин выступал за национальное размежевание с предоставлением преимуществ великорусам, но признавал наличие особых интересов у других национальностей России. Его противники отстаивали курс на насильственную русификацию других народов. Если, как утверждает Крыжановский, Столыпин одобрил его план выделения из состава России ее национальных окраин со статусом колоний и об этом могло стать известно членам Государственного совета, в архиве которого должен был находиться составленный Крыжановским проект (С. Е. Крыжановский, ук. соч., с. 130—132), это должно было сделать отношение традиционных русификаторов к идее национальных курий еще более настороженным.

¹⁹⁴ Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1910—11 годы. Сессия шестая. СПб., 1911, стр. 772.

¹⁹⁵ Там же, стр. 841, 954.

В. Ф. Трепова: «Сегодня на карту ставится консервативное монархическое начало земства — правда, в 6 западных губерниях, но не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что в эту игру будет вовлечено все всероссийское земство».¹⁹⁶ Снова, как и в ходе «министерского кризиса» 1909 г., в ряду причин, вызвавших натиск крайних правых, вопрос о земской реформе играл, таким образом, не последнюю роль.

Это прекрасно понимал и сам Столыпин, занявшийся после пирровой победы над Треповым и Дурново окончательной ликвидацией своего «реформаторского» багажа. В мае 1911 г. Министерство внутренних дел подготовило новый проект положения об уездном управлении, в котором сохранялись в неприкосновенности права уездного предводителя дворянства,¹⁹⁷ а «Россия» обрушилась на принятый Думой на основе правительственного проекта закон о волостном управлении. Пытаясь выйти из затруднительного положения, «Россия» ссылаясь на изменения, внесенные Думой в министерский проект якобы по вине кадетов,¹⁹⁸ хотя в действительности закон был октябристским детищем (в дальнейшем закон был отклонен Государственным советом). Тогда же «Россия» обещала, что правительство выступит при обсуждении в Государственном совете вопроса о переходе из одного вероисповедания в другое против думского законопроекта,¹⁹⁹ а Николай отказался утвердить закон об ограничениях, связанных со снятием сана.²⁰⁰ В итоге ни один из вероисповедных законов и ни один из проектов реформы местного управления не был проведен в жизнь вплоть до февраля 1917 г., и только закон о реорганизации местного суда, увеличивавший сеть органов министерства юстиции, начал осуществляться в ряде губерний накануне первой мировой войны, но сохранение крестьянского волостного суда полностью отрицало ту идею, ради которой закон в свое время проектировался. Столыпинские реформы не состоялись.

Итак, подведем итоги. Самодержавно-крепостнический лагерь не был в политическом отношении однородным. Наряду с группировками, понимавшими, что самодержавие неминуемо должно встать на бонапартистский путь лавирования, сделать еще один шаг в сторону превращения страны в буржуазную монархию, сохранялись легитимистски-крепостнические элементы, временно умолкшие в дни революции и поднявшие голову сразу после ее поражения. Столкновение этих двух группировок и определяло

¹⁹⁶ Там же, стр. 927.

¹⁹⁷ Положение об уездном управлении. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 2, л. 3—31. Датируется по сопроводительному письму Крыжановского 27 мая 1911 г. Там же, л. 1—2.

¹⁹⁸ Россия, 17 мая 1911 г., № 1685.

¹⁹⁹ Там же, 18 мая 1911 г., № 1686.

²⁰⁰ Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1910—1911 гг. СПб., 1911, с. 46—48.

содержание политической борьбы внутри правящего лагеря. При этом соотношение сил складывалось в пользу откровенно крепостнических элементов. Поэтому, сознавая объективную необходимость «известного минимума конституционных реформ», царизм в своих попытках осуществления бонапартистского курса неизменно оглядывался на то, «какую меру реформы способны принять „хозяева“ России, господа крупнейшие помещики».²⁰¹ Не только октябристская, но даже столыпинская программа, в частности планы местной реформы, превысили эту меру и были похоронены объединенным дворянством.²⁰²

Эта борьба в правящем лагере разворачивалась в условиях сохранения общей революционной ситуации в стране, которая обрекала на неудачу бонапартистский курс Столыпина независимо от того, встречал или не встречал он сопротивление справа. Намеченные им реформы не решали коренных проблем, определявших генеральное направление исторического развития России. Но сопротивление справа столыпинской политике вытекало не из понимания ее бесперспективности, а из желания защитить сиюминутные классовые интересы помещного дворянства. Своим противодействием столыпинскому курсу крайняя реакция не обусловила, но ускорила его крах, сузив возможности маневра в поисках соглашения с буржуазией. Этим она оказала влияние на расстановку сил в неумолимо надвигавшихся событиях нового революционного взрыва.

Л. Е. ШЕНЕЛЕВ

ЦАРИЗМ И АКЦИОНЕРНОЕ УЧРЕДИТЕЛЬСТВО В 1870—1910-х ГОДАХ

Законом 6 декабря 1836 г. в России была установлена концессионная (разрешительная) система акционерного учредительства. В соответствии с ней для возникновения акционерной компании было необходимо утверждение ее устава верховной властью (Комитетом министров и царем). Этим преследовались главным образом две цели: во-первых, упрочение правительственного влияния на процесс акционерного учредительства, во-вторых, возможность частного (применительно к каждой компании) решения ряда вопросов, специально переданных общим законом в сферу сепаратного законодательства.¹

²⁰¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 60.

²⁰² Сходная с нашей оценка существа борьбы в верхах вокруг местной реформы дана в диссертации П. Н. Зырянова «Крах внутренней политики третиюньской монархии в области местного управления (1907—1914)». М., 1972.

¹ История создания и содержание закона 6 декабря 1836 г. рассмотрены нами в статье «Из истории русского акционерного законодательства». См.: Внутренняя политика царизма (середина XVI—начало XX в.). Л., 1967, с. 168—197.

Со временем значение уставов еще более возросло. В качестве сепаратных законодательных актов уставы делали возможным отклонения от разного рода ограничительных норм общего законодательства — как акционерного закона 1836 г., так и других общегражданских законов, изданных позднее. Возможность этих отклонений определялась тем, что многие из упомянутых законов, принятых, исходя главным образом из военных соображений и требований национальной и вообще внутренней политики царизма, касались не собственно акционерных компаний, а физических лиц (иностранных подданных, лиц иудейского вероисповедания и в меньшей мере поляков). Только потому, что эти лица могли быть владельцами акций, практикой правительственных органов эти законы распространялись и на акционерные компании.² Интересы акционерного учредительства отстаивались в большинстве случаев Министерством финансов, а с 1905 г. — Министерством торговли и промышленности, на которые была возложена забота о развитии промышленности и торговли в стране.

Важнейшее значение как для акционерного учредительства, так и для экономического развития страны вообще имело решение общим и сепаратным законодательством вопроса об ограничениях состава акционеров и администрации акционерных компаний и о праве последних приобретать недвижимую собственность (земли) и заниматься некоторыми видами производства.

Хотя законом 1836 г. предусматривалась возможность выпуска лишь именных акций (в целях ограничения ажиотажа), он никак не регламентировал персонального состава акционеров. В частности, не запрещалось участие в акционерных компаниях иностранных подданных. В середине XIX в. ради удобства привлечения иностранных капиталов уставами некоторых компаний, в отступление от общего закона, разрешался даже выпуск безымянных (предъявительских) акций. С 1871 г. (который был годом подъема учредительства) сепаратное акционерное законодательство фактически вообще отказывается от запрещения безымянных акций. Именные акции сохранялись лишь для сравнительно немногих в те годы компаний, акционерами которых по закону могли быть только русские подданные, — каботажного судоходства и судоходства по Каспийскому морю (с 1869 г.).³

В 1870-х годах вводятся ограничения в отношении состава администрации сначала железнодорожных, а затем и некоторых

² Вопрос о том, определяет ли состав физических лиц правовую природу юридического лица — акционерного общества, которое они образуют, или последнее есть самостоятельный субъект права, так и не был окончательно решен российским дореволюционным законодательством.

³ ЦГА СССР, ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов), оп. 22, д. 228 (Справка Канцелярии Комитета министров «Об участии иностранцев в управлении делами акционерных компаний», 1899 г.), л. 4.

пароходных акционерных обществ: в уставы вносятся требования о том, чтобы администрация (целиком или в большей части) состояла из русских подданных. Эти ограничения не имели основания в общем законодательстве; они возникли в связи с учреждением отдельных компаний и каждый раз обосновывались конкретными соображениями.⁴

Ограничение прав акционерных компаний по землевладению восходит к 1872 г. В этом году впервые, чтобы предупредить обход законов 10 июля 1864 г. и 10 декабря 1865 г.⁵ (запрещавших лицам иудейского вероисповедания и польского происхождения приобретать землю, первым — в Виленском и Киевском генерал-губернаторствах, а вторым — в девяти западных губерниях⁶), в устав Фабрично-торгового паевого товарищества «Промышленность» было введено запрещение увеличивать общее количество находящейся в его собственности земли в Юго-Западном крае сверх 200 дес. Это ограничение, не будучи законодательно оформлено в общем порядке, с тех пор становится обычным для всех учреждаемых в Юго-Западном крае сахаропромышленных товариществ.⁷ Только законом 27 декабря 1884 г. эта норма землевладения была подтверждена и распространена на все акционерные компании в случае приобретения ими земли в 9 западных губерниях.⁸ А с 1890 г. та же норма землевладения проникает в уставы компаний, действовавших вне указанного района. С 1892 г. на акционерные общества стало распространяться установленное тем же законом 27 декабря 1884 г. ограничение срока аренды земли в 9 западных губерниях 12 годами.⁹ Со временем указанные ограничения приобрели и некоторый противоположный смысл: они стали рассматриваться как установленные законом права акционерных компаний по землевладению в 9 западных губерниях, не распространяющиеся, однако, по букве закона на все другие губернии.

С начала 1880-х годов в связи с изданием ряда законов, ограничивавших в некоторых местностях владение и пользование землей лицами иудейского вероисповедания и иностранными подданными, стало запрещаться участие дискриминируемых лиц в акционерных компаниях, претендовавших на приобретение земли в этих местностях. Для осуществления этого запрета упомянутым компаниям разрешался выпуск лишь именных акций.

Хронологически первым среди этих ограничительных законов был закон 22 мая 1880 г., воспрещавший лицам иудейского веро-

исповедания не только проживать, но и приобретать, напимать или арендовать недвижимую собственность в области Войска Донского.¹⁰ Через два года, 3 мая 1882 г., лицам иудейского вероисповедания было запрещено приобретать в собственность и арендовать недвижимые имущества вне городских поселений черты еврейской оседлости, а также управлять и иным образом распоряжаться этими имуществами.¹¹ Законом 14 марта 1887 г. в десяти губерниях Царства Польского, в западных губерниях (за исключением Могилевской) и губерниях Бессарабской, Курляндской и Лифляндской иностранным подданным были запрещены приобретение и аренда земли и управление недвижимой собственностью вне городских поселений.¹² На этот раз первое из названных ограничений было распространено и на действовавшие в России иностранные компании. Наконец, законом 29 ноября 1893 г. было разрешено приобретение земли в Туркестанском крае только тем компаниям, акционерами которых, согласно уставам, могли быть исключительно русские подданные христианского вероисповедания, нехристиане туземного происхождения и уроженцы сопредельных с Туркестаном государств.¹³

Смысл запрещения выпуска безыменных акций многократно разъяснялся и в представлениях Министерства финансов, и в журналах Комитета министров, причем, заметим, в позиции этих двух учреждений в первый период не обнаруживается никаких расхождений. Тогда же запрещение выпуска предъявительских акций снова было распространено на все вообще акционерные компании, а в уставы большинства их стала вводиться оговорка, что в случае приобретения ими земли в районах, предусмотренных ограничительными законами, их акционерами могли быть лишь лица, имеющие право владения землей в этих районах.¹⁴

В виде исключения право выпуска именных акций с начала 1880-х годов предоставлялось компаниям «крупным или рискованным, где собрание основного капитала путем выпуска одних именных акций могло не осуществиться». В первую очередь к ним относились предприятия горнодобывающей и металлургической промышленности. Однако одновременно в случае приобретения земли в губерниях, подпадавших под действие законов 1882, 1884 и 1887 гг., этим компаниям запрещалось иметь в составе руководящих органов дискриминируемых лиц.¹⁵ Но до середины 1890-х годов последнее правило применялось редко.

С мая 1892 г. в целях предупреждения обхода закона от 3 мая 1882 г. в уставы компаний, владевших или пользовавшихся

⁴ Там же, л. 9.

⁵ ПСЗ II, т. XXXIX, ст. 41039; т. XL, ст. 42759.

⁶ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской, Подольской, Волынской и Киевской.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 228, л. 7 об. — 8 об.

⁸ ПСЗ III, т. IV, ст. 2633; ЦГИА СССР, 1283, оп. 1, д. 4408, л. 509—511.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 228, л. 10—11. При этом лишь с разрешения местных властей.

¹⁰ ПСЗ II, т. LV, ст. 60970.

¹¹ ПСЗ III, т. II, ст. 834.

¹² ПСЗ III, т. VII, ст. 4286.

¹³ ПСЗ III, т. XIII, ст. 10102.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 228, л. 11 об. — 13 об.

¹⁵ Там же, л. 13 об., 18 об. — 23 об.

землей вне городских поселений черты еврейской оседлости (начиная с устава Товарищества Виленской Пушкарной писчебумажной фабрики), стало вводиться дополнительное требование о запрещении лицам иудейского вероисповедания управлять и заведовать этими землями.¹⁶

Железнодорожные, пароходные, страховые, горнопромышленные и некоторые другие акционерные компании с начала 1880-х годов ограничивались (положениями своих уставов) в составе участников и администрации с целью обеспечить исключительное или преобладающее влияние русских. Для нефтепромышленных компаний устанавливалось правило, согласно которому в случае участия в составе их акционеров иностранных подданных приобретение этими компаниями нефтеносных земель должно было особо разрешаться Министерством государственных имуществ. Наконец, акционерным компаниям печатного и издательского дела разрешались лишь именные акции, но без ограничения национального состава акционеров.¹⁷

Таким образом, ограничения общегражданских прав акционерных компаний в части приобретения земли, возможности заниматься некоторыми видами производства, состава акционеров и состава администрации либо основывались на прямом требовании закона, либо вводились главным образом для предупреждения его обхода, либо, наконец, вообще не имели под собой законного основания, а устанавливались по усмотрению административной власти. Все они имели в виду в основном акционерные компании, возникшие и действовавшие на основе утвержденных в России уставов.

1880-е годы вместе с тем были периодом фактического урегулирования деятельности в России иностранных акционерных компаний. Появление в России этих компаний относится к середине XIX в. Их права в то время ничем не определялись. В 1863 г. была подписана первая конвенция о правовом положении в России учрежденных во Франции компаний. Затем такие же конвенции были заключены с Бельгией и Германией (1865 г.), Италией (1866 г.), Австрией (1867 г.), Англией (ранее 1874 г.), Грецией (1887 г.) и с некоторыми другими странами.¹⁸ Значение этих конвенций в 1878 г. было разъяснено Министерством иностранных дел: за иностранными акционерными обществами в России признавалась лишь их правоспособность в качестве юридических лиц. Что же касается их дееспособности, то для производства своих операций в России они должны были получить разрешение российского правительства, которое оформлялось путем утверждения в законодательном порядке так на-

зываемых «условий деятельности».¹⁹ При этом правительство оставляло «за собой право во всякое время ... взять назад выданное разрешение на производство операций в России и потребовать их прекращения без всякого объяснения причин».²⁰ При определении гражданских прав иностранных акционерных компаний предполагалось, что их акционерами могут быть все дискриминируемые в России категории лиц, поэтому они попадали под действие всех ограничительных законов. Но зато во всем, касавшемся их внутренней организации (размера капитала, акций, органов управления, системы решения своих дел и т. п.), они не были стеснены сравнительно жесткими нормами российского акционерного законодательства.

В том же 1887 г. была проведена регистрация всех действовавших в стране иностранных компаний и те из них, которые не располагали утвержденными «условиями деятельности», были обязаны ходатайствовать о их оформлении.²¹

Тогда же в Комитете министров возник вопрос о необходимости принять какое-то общее законоположение, которое определяло бы порядок выдачи разрешений на открытие действий и условия самой деятельности в России иностранных акционерных обществ. Министерство иностранных дел отмечало, в частности, что «фактическое несоответствие в положении разрешенных у нас в разное время иностранных обществ одинаковых категорий, служа поводом ... заключать совершенно неправильно о наших внутренних распоряжениях, может вместе с сим весьма неблагоприятно отражаться на наших международных интересах».²² Однако тогдашний министр финансов И. А. Вышнеградский отклонил это предложение и, как отмечала Канцелярия Комитета министров, «дальнейшая выработка условий для деятельности иностранных обществ в России продолжалась при рассмотрении каждого отдельного случая».²³

Такая позиция И. А. Вышнеградского объяснялась крайне неблагоприятным отношением в тот момент некоторых ведомств к проникновению в страну иностранных акционерных компаний. Так, Министерство юстиции считало возможным допускать к операциям в России «только такие иностранные общества, которые по свойству своего предприятия являлись бы особенно полезными у нас в интересах развития и усовершенствования какой-либо отрасли отечественной промышленности. Предоставлять же право производства у нас операций таким образовавшимся за границей промышленным обществам, цель деятельности коих состоит исключительно в эксплуатации естественных богатств России и которые

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 228, л. 44 об.—45.

²⁰ Там же, л. 47 об.—48.

²¹ Там же, л. 48 об.—49.

²² Там же, л. 50 об.

²³ Там же, л. 50 об.—51.

¹⁶ Там же, л. 21 об.—23.

¹⁷ Там же, л. 25 об.—28 об.

¹⁸ Там же, л. 44 об.; оп. 26, д. 218, л. 86.

являлись бы лишь конкурентами существующих у нас предприятий, едва ли представлялось бы желательным». Министерство же внутренних дел вообще признавало нецелесообразным разрешать деятельность в России иностранных компаний, если они учреждены исключительно с этой целью и не ведут операции на родине.²⁴

В октябре 1888 г. при рассмотрении в Комитете министров вопроса о разрешении операций в России одного из иностранных обществ (Австрийского акционерного общества — фирмы «Фабрика пистонов и патронов, бывш. Селлие и Беллю») И. А. Вышнеградский считал необходимым высказать и обосновать свое принципиальное мнение относительно привлечения в Россию иностранных капиталов вообще и иностранных компаний в частности. «Хотя эксплуатация естественных богатств страны, а затем и ведение всякого торгово-промышленного предприятия посредством национальных капиталов в экономическом отношении представляют несомненные преимущества сравнительно с тем порядком вещей, который создается при привлечении к делу иностранных капиталов, так как в первом случае прибыль от предприятия остается внутри страны, увеличивая национальные капиталы, а во втором прибыль эта обращается за границу, обогащая иностранные государства, — сказал он, — тем не менее, при сравнительном недостатке в России капиталов и существующей вследствие сего дороговизне на них, затруднение доступа иностранным капиталам к производству промышленных предприятий в России представлялось бы нежелательным для дальнейшего развития отечественной промышленности ... При слабом развитии у нас частной предприимчивости и нерешительности, с которой отечественные капиталисты приступают к новым, не укоренившимся еще и потому сопряженным с неизбежным риском и не обещающим верного получения прибылей предприятиям, привлечение к нам иностранных капиталов представляется одним из необходимых условий для развития отечественной промышленности, внося усовершенствования в различные отрасли производства и способствуя распространению в рабочем населении полезных технических знаний, без которых многие отрасли фабрично-заводской деятельности оставались бы для нас малодоступными, что лишило бы беднейшие классы населения источников применения труда. Засим нельзя не признать, что ограничение доступа к нам иностранных капиталов ... будет содействовать лишь большему ввозу к нам иностранных товаров, которые население в силу необходимости и было бы вынуждено покупать, уплачивая иностранцам, помимо издержек по производству, еще и разные накладные расходы».²⁵

Приведенное высказывание Вышнеградского тем более важно, что, по данным Канцелярии Комитета министров, до начала 1890-х годов «общий вопрос о соответствии ... иностранных обществ видам государственного хозяйства не подвергался в Комитете министров особому обсуждению».²⁶

Ставка Министерства финансов на сепаратное законодательство относительно иностранных компаний в конечном итоге себя оправдала. Канцелярия Комитета министров имела основания констатировать, что практика рассмотрения каждого из «условий деятельности» в отдельности «в существе своем привела к исключению в большинстве случаев некоторых более стеснительных для обществ условий». Как это имело место и в отношении русских компаний, льготы в первую очередь были предоставлены горнопромышленным предприятиям. В частности, из «условий деятельности» исключался тот пункт, согласно которому российское правительство оставляло за собой право в любое время прекратить деятельность иностранных компаний без объяснения причин. В общем порядке это правило было изменено лишь 3 декабря 1898 г. вследствие того, как разъясняла та же Канцелярия, «что оно вызывало весьма неблагоприятные толкования в различных промышленных и коммерческих сферах, порождая недоверие к устойчивости правил, определяющих положение иностранных компаний в России».²⁷ В итоге к концу XIX в. сложилось такое положение, когда для деятельности иностранных компаний в России существовали «более льготные условия», чем для отечественных с участием дискриминируемых лиц. В качестве общего подтверждения этого Канцелярия Комитета министров указывала на случаи отказа некоторых иностранных компаний реорганизоваться в российские для освобождения от действия некоторых ограничительных положений общегосударственных законов.

Сменивший И. А. Вышнеградского на посту министра финансов С. Ю. Витте занял ту же позицию относительно иностранных капиталов, отстаивая ее, однако, с гораздо большей настойчивостью. Впервые мнение С. Ю. Витте относительно инвестиций иностранных капиталов в Россию было изложено им в начале 1895 г. Поводом для этого послужило внесение Министерством внутренних дел в Государственный совет законопроекта о порядке принятия иностранцев в российское подданство, имевшего главной целью противодействовать колонизации западных окраин выходцами из Австрии и Германии. Данные за последние пять лет указывали на то, что две трети натурализовавшихся иностранцев «принадлежало к числу лиц, занимающихся промышленною деятельностью». Не без оснований опасаясь, что

²⁴ Там же, л. 49 об.—50.

²⁵ Там же, л. 49.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 51, 53.

принятие нового закона еще более осложнит предпринимательство иностранцев на территории России, С. Ю. Витте выступил против него. В обстоятельной записке от 13 марта 1895 г. на имя Государственного секретаря В. К. Плеве²⁸ он писал для доклада Государственному совету: «Нельзя не иметь в виду, что выработанные ныне правила о натурализации иностранных выходцев являются дальнейшим развитием существующих ограничительных узаконений относительно иностранцев. Признавая всю важность политических соображений, вызвавших необходимость издания означенных узаконений, я не могу, однако, не обратить внимания Государственного совета на то, что упомянутые ограничительные постановления, как показывает опыт, весьма неблагоприятно отражаются на экономической жизни государства и в значительной мере затрудняют осуществление лежащих на Министерстве финансов задач как в отношении подъема народной производительности вообще, так и, в частности, по отношению к развитию фабрично-заводской промышленности и торговли. Не подлежит сомнению, что правильный и устойчивый рост земледельческого промысла, составляющего основу нашего народного хозяйства, может быть вполне обеспечен лишь при условии широкого распространения перерабатывающей промышленности, благодаря чему усилятся спрос на сельскохозяйственные произведения, идущие в фабрично-заводскую переработку, и откроются новые потребительские рынки для хлеба. Преуспевание же фабрично-заводских производств, а с тем вместе и торговли находится в прямой зависимости как от свободного притока капиталов к этим отраслям народного труда, так и от устранения стеснений, ослабляющих в настоящее время проявление личной предприимчивости и личного почина. Какими бы соображениями ни оправдывались этого рода стеснения, они не утрачивают, однако, значения обстоятельств, задерживающих широкое промышленное развитие нашего отечества, и потому я считаю своею обязанностью указать на эти стеснения, дабы можно было составить определенное представление о том, при каких условиях будет совершаться дальнейший поступательный рост русской промышленности».²⁹ Если упростить рассуждение Витте, оказывается, что облегчение иностранных инвестиций было необходимо России в первую очередь для развития сельского хозяйства. Такое построение аргументации было необходимо ему для прикрытия своей позиции от нападков со стороны идеологов помещичьей оппозиции.

Далее С. Ю. Витте подробно указал на последствия каждого из ограничительных законов для акционерного учредительства в России. При этом он приводил несколько эффектных примеров,

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1162 (Гос. канцелярия), оп. XVI, Отделение законов, 1894 г., д. 3, л. 583—596.

²⁹ Там же, л. 588 об.—590.

когда ограничительные узаконения помешали возникнуть компаниям, которые, по замыслам Министерства финансов, должны были, например, в одном случае создать конкуренцию уже действующим предприятиям, в другом — помочь освоению территории, превращенной вследствие вырубки леса в болото. По его мнению, названные им «невыгодные экономические последствия, вызываемые ограничительными постановлениями об иностранцах, приобретают тем большее значение, что правильный хозяйственный рост страны значительно ослаблен существующими стеснениями экономической деятельности большого контингента природных жителей государства ... — евреев и лиц польского происхождения».³⁰

На этот раз Витте не ставил вопроса об отмене этих законов или о нераспространении их на акционерные компании, но не исключал этого и, более того, обращал внимание на возможность такого решения. В заключение он писал: «Не входя в ближайшее обсуждение вопроса о том, насколько было бы возможно привести в соответствие принятые к осуществлению общих политических задач меры с заботами правительства о хозяйственном преуспевании России и не представлялось ли бы своевременным подвергнуть пересмотру вышеупомянутые ограничительные постановления для согласования их с экономическими нуждами страны, я не считаю, однако, себя вправе не довести до сведения высшего государственного установления о тех потребностях жизни, которые на пути экономического роста нашего отечества обнаруживаются все с большею силой».³¹

Законопроекту Министерства внутренних дел не было дано хода, и в 1899 г. он был возвращен в это ведомство. Записка Министерства финансов не имела при этом решающего значения. Но, видимо, она стала известна в правительственных кругах. На это указывает, в частности, то обстоятельство, что С. Ю. Витте ссылаясь на нее в проекте представления Министерства финансов в Государственный совет в апреле 1901 г. «Об изменении и дополнении действующих постановлений об акционерных компаниях».³² Весьма вероятно также, что записка послужила некоторой политико-теоретической основой для последующих изменений в практике сепаратного акционерного законодательства.

Основное значение имело перенесение с 1895 г., и особенно с конца 1896 г., центра тяжести ограничений, налагаемых на русские акционерные компании, с состава акционеров на состав администрации. При рассмотрении в июне 1895 г. устава Тургайского горнопромышленного общества (по представлению Мини-

³⁰ Там же, л. 595 об.

³¹ Там же, л. 596.

³² ЦГИА СССР, ф. 1405 (Министерство юстиции), оп. 82, д. 9803, л. 57 об.

стерства земледелия и государственных имуществ) Комитет министров считал возможным разрешить ему выпуск предъявительских акций и владение ими иностранными подданными, хотя Общество предполагало приобрести земли в Тургайской области, что запрещалось иностранцам. Но это разрешение обуславливалось запрещением участия в администрации Общества нерусских подданных и нехристиан, за исключением туземцев. В журнале Комитета читаем: «Участие в Обществе поименованных лиц только капиталом путем приобретения акций, без ближайшего распоряжения его делами, едва ли возможно признать обходом закона, воспреещающего им владеть землями в степных областях. Напротив, обход этот вероятен, если те же лица будут назначаемы на должность по управлению делами Общества и заведованию его земельными имуществами».³³

Указанная позиция получила дальнейшее развитие в ноябре 1896 г., когда в Комитет министров было внесено представление Министерства финансов об увеличении основного капитала Общества Азовского пароходства. С. Ю. Витте настаивал на том, что «высказываемые против акций на предъявителя возражения основаны на недоразумении». «Прежде всего, — указывалось в представлении, — выпуск только именных акций с ограничением права приобретения их одними русскими подданными при современных условиях кредита не гарантирует еще против участия в деле иностранных капиталов. Такое участие, хотя и косвенное, не подлежит сомнению» в ряде случаев, в частности, «когда акции эти находятся в руках банков», чьи собственные анонимные акции помещены за границей. «С другой стороны, привлечение последнего (иностранного капитала, — Л. III.) не делает еще пользующееся им предприятие иностранным, ибо заграничные владельцы акций в большинстве случаев мало интересуются направлением деятельности самого предприятия и заботятся лишь об извлечении выгод с находящихся в их владении бумажных ценностей. Гораздо существеннее вопрос, в чьих руках находится управление делами компании». «А кто при этом будет получать прибыли и нести убытки по вложенным капиталам, это, с точки зрения закона..., представляется безразличным».³⁴

Такая позиция была принята Комитетом министров. Поэтому в последующем руководящее значение приобрел принцип, который Канцелярией Комитета министров был сформулирован следующим образом: если «компания может владеть недвижимыми имуществами вне городских поселений в губерниях, поименованных в указе 14 марта 1887 г., в администрацию не допускаются иностранцы, если в черте еврейской оседлости, — то евреи; под

администрацией разумеются при этом директоры правления, кандидаты к ним, директоры-распорядители и заведующие и управляющие недвижимыми имуществами». Тогда же был сделан и следующий шаг: стало разрешаться избрание иностранцев и евреев в состав правлений акционерных компаний в меньшинстве.³⁵

Тот же принцип был распространен и на акционерные компании, действовавшие в других местностях, где запрещалось проживание или владение собственностью иностранцам и евреям (в Донской области, Туркестанском крае, Степных областях, Амурской и Приморской областях, в Сибири и на Кавказе), а также на компании, занимавшиеся производствами, не дозволенными для этих лиц.³⁶

Реальное значение ограничения состава администрации акционерных компаний было ничтожно. И Министерство финансов вполне осознавало это. В августе 1906 г. по поводу законопроекта «Об изменении постановлений, касающихся права жительства и гражданских прав евреев», в особой записке в Совет министров оно указывало, что «обязательное включение в уставы акционерных компаний ограничений ... в составе правлений ... в практическом отношении ... не приводит ни к каким результатам, ибо директор правления компании, акции которой находятся в руках евреев, будет всегда исполнителем желаний акционеров, к какому бы вероисповеданию он сам ни принадлежал».³⁷ Но до поры Министерство финансов делало вид, что соблюдение требований ограничительных законов вполне обеспечивается.

В 1898 г., когда необыкновенно возросло учредительство иностранных акционерных компаний, вопрос об иностранных капиталах вновь привлек внимание, причем на этот раз не только правительственных кругов, но и общества, в частности прессы. Позиция Министерства финансов в этой области стала подвергаться ожесточенной критике. Лидером оппозиции справа, выражавшей интересы в основном тех предпринимателей, которые опасались усиления конкуренции на внутреннем рынке, стал черносотенный публицист С. Ф. Шарапов. В дворцовых сферах она возглавлялась шурином царя великим князем Александром Михайловичем. Под влиянием этой оппозиции оказался и Николай II.³⁸ Как свидетельствует член Государственного совета А. А. Половцов, с середины 1898 г. Николай стал на «представляемых уставах иностранных компаний класть резолюции о неже-

³³ Там же, л. 35 об.

³⁴ Там же, л. 36 об.—44.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276 (Совет министров), оп. 2, д. 45, л. 56.

³⁶ С. Ю. Витте отмечает в своих мемуарах, что Николай II «всегда как будто не сочувствовал этой идее», т. е. инвестиции иностранных капиталов в Россию (С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. М., 1960, с. 253).

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1263 (Комитет министров), оп. 2, д. 5129, л. 33.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 228, л. 32.

лательности допущения в Россию иностранных капиталов».³⁹ Позиция царя стала известна в бюрократических кругах и могла оказать неблагоприятное влияние на практику рассмотрения уставов Комитетом министров.

Стремясь противодействовать этому, в начале 1899 г. (в феврале или первой половине марта) С. Ю. Витте представил Николаю II доклад, озаглавленный «О необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торговопромышленной политики империи».⁴⁰ Проблема иностранных капиталов в целом принадлежала в ней основное место. Но Витте занял неожиданно умеренную позицию. Он ставил вопрос лишь о том, чтобы впредь, до предстоявшего в 1904 г. пересмотра торговых договоров с рядом стран, «не делать ... никаких новых, против существующих законоположений, стеснений притоку иностранных капиталов ни путем издания новых законов или распространительного толкования существующих, ни особенно путем административных распоряжений». Последняя часть фразы в оригинале доклада была выделена курсивом. Имелось в виду «выдержать такое отношение к иностранным капиталам неуклонно до 1904 г. с тем, чтобы при их помощи за это время промышленность внутри страны могла настолько развиться и окрепнуть, что стало бы возможным ... допустить существенные понижения некоторых ставок нашего таможенного тарифа».⁴¹

Немного позже С. Ю. Витте разъяснил Николаю II свою постановку вопроса: «Я так убежден в необходимости для России широкого прилива иностранных капиталов, что был склонен в моем всеподданнейшем докладе вашему императорскому величеству предложить, чтобы до 1904 г. их приливу не ставилось решительно никаких преград. Но я этого не сделал, откровенно сознаюсь, считаясь с направлением мысли в некоторых кругах общества. Я всеподданнейше просил ваше императорское величество разрешить мне следовать в течение последних лет установившейся *ligne de conduite*, чтобы постоянными колебаниями и стеснениями не пугать иностранных капиталистов, и без того неохотно идущих в Россию».⁴²

³⁹ Из дневника А. А. Половцова (1895—1900 гг.). — Красный архив, 1931, № 3, (46), с. 119—121.

⁴⁰ На русском языке впервые опубликован И. Ф. Гиндиным в сборнике «Материалы по истории СССР» (т. VI, М., 1959, с. 157—222). В настоящее время известны по меньшей мере три архивных оригинала этого доклада в фондах ЦГИА СССР: Комитета министров (ф. 1283, оп. 4, д. 26, л. 2—13 — подлинник), Общей канцелярии министра финансов (ф. 560, оп. 26, д. 218, л. 110—121 — экземпляр № 3) и А. Н. Куломзина (ф. 1642, оп. 1, д. 85, л. 2—13 — экземпляр № 10).

⁴¹ Материалы по истории СССР, т. VI, с. 194—195.

⁴² Там же, с. 203.

По свидетельству того же А. А. Половцова, Витте представил свой доклад Николаю II и сумел переубедить его. Вместе с тем он настоял, чтобы доклад был рассмотрен на специальном совещании под председательством царя, решение которого стало бы обязательным для Комитета министров.⁴³ Такое совещание с участием наиболее крупных государственных деятелей состоялось 17 марта 1899 г.

Журнал совещания, по-видимому, не был составлен. Но в личном фонде управляющего делами Комитета министров А. Н. Куломзина сохранился черновик протокола (возможно, неполный) с записью выступлений С. Ю. Витте и министра иностранных дел М. Н. Муравьева.⁴⁴ Основная мысль Витте сводилась к тому, «что не следует стеснять притока в страну иностранных капиталов, а, напротив того, надо широко открыть им двери, ибо они влияют необходимые силы в экономический организм страны». Муравьев в общей форме поддержал идеи министра финансов. Но затем он указал на то, «что иностранный капитал, идущий в страну в форме дешевых облигационных займов, существенно отличается по характеру своего экономического влияния от того, который ввозится под видом акционерных предприятий. Насколько первый безличен, настолько последнему свойственны все особенности его происхождения. Вместе с ним проникают в население идеалы и стремления, присущие капиталистическому строю». Из этого делался вывод о необходимости различного отношения к этому капиталу в зависимости от отрасли и района его приложения. «Я думаю, — сказал Муравьев, — что будет совершенно согласно с задачами разумной покровительственной системы и с программой министра финансов, не стесняя ни законом, ни путем административных распоряжений притока иностранных капиталов, допускать их в акционерной форме лишь в области обрабатывающей промышленности».⁴⁵ По данным А. А. Половцова, на совещании выступил и военный министр А. Н. Куропаткин. Он отстаивал «неприкосновенность казачьих территорий», но не возражал в отличие от Муравьева против «допущения иностранных капиталов к разработке подземных богатств».⁴⁶

Подготовка проекта «высочайшего повеления» по итогам обсуждения доклада С. Ю. Витте по предложению последнего была поручена А. Н. Куломзину. Затем проект был согласован с некоторыми участниками совещания, в том числе и с министром финансов. Последнее дает основания заключить, что текст про-

⁴³ Красный архив, 1931, № 3 (46), с. 120.

⁴⁴ Материалы по истории СССР, т. VI, с. 200—205; ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 85, л. 1—7.

⁴⁵ Материалы по истории СССР, т. VI, с. 202, 204.

⁴⁶ Красный архив, 1931, № 3 (46), с. 120.

екта достаточно верно отражал результаты обсуждения. 19 июня царь утвердил этот проект.⁴⁷

По интересующему нас вопросу решение совещания, как это получило отражение в «высочайшем повелении», было сформулировано следующим образом: «1. Сохранить в силе выработанные Комитетом министров — как для разрешения акционерных обществ, образуемых по русским законам, так и для допущения к действию в России учреждаемых заграничной компаний — общие начала, сообразные с действующими у нас особливими ограничениями для руководства промышленными предприятиями и заведования делами на местах как иностранцев, так и определенных категорий русских подданных...». Если бы на этом цитруемый пункт заканчивался, с точки зрения министра финансов все обстояло бы вполне хорошо, ибо этим пунктом в полном соответствии с ходатайством Витте закреплялись достигнутые Министерством финансов с середины 1890-х годов изменения в практике Комитета министров по ограничению прав акционерных компаний с участием иностранцев и лиц иудейского вероисповедания, а именно замена ограничений по владению акциями ограничениями по составу администрации. Но, видимо в соответствии с принятыми на совещании, пункт этот имел продолжение: «...не предпринимая изменений или развития сих начал, когда в том представится по обстоятельствам необходимость».⁴⁸ С учетом этого победа С. Ю. Витте была относительной: он сумел лишь временно устранить угрозу дальнейшего стеснения, а может быть, и полного воспрепятствования инвестициям иностранных капиталов.⁴⁹

Пока же, добившись подтверждения усвоенного Комитетом министров под влиянием Министерства финансов направления при рассмотрении акционерных уставов, С. Ю. Витте попытался достичь второй цели — насколько это будет возможно, сократить ограничения по составу администрации акционерных компаний.

29 марта 1899 г. С. Ю. Витте обратился с официальным письмом на имя управляющего делами Комитета министров А. Н. Куломзина «для доклада» его содержания «Комитету министров и представления засим на высочайшее благоволение».⁵⁰

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 218, л. 5 об., 8; ф. 1263, оп. 4, д. 26, л. 14.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 4, д. 26, л. 18. В публикации И. Ф. Гиндина допущена неточность. Обратив внимание на явно дефектную редакцию этого пункта «высочайшего повеления» вследствие наличия союза «и» между двумя приведенными нами частями его, Гиндин исправил слово «представится» на «представляется» (Материалы по истории СССР, т. VI, с. 208).

⁴⁹ По-видимому, не случайно А. А. Половцов сформулировал итоги совещания так: «Допущение иностранных капиталов к промышленным в России предприятиям решено *дозволить*» (курсив наш, — Л. III.). Красный архив, 1931, № 3, (46), л. 12.

⁵⁰ Материалы по истории СССР, т. VI, с. 209—212; ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 5391, л. 78—84.

Министр финансов обращал внимание на то, что «в последнее время Комитетом министров при разрешении дел об учреждении промышленных акционерных компаний или об изменении уставов уже существующих... вследствие требований некоторых ведомств и местных начальств ставится обыкновенно условие, чтобы в случае выпуска компаниями акций или паев на предъявителя большинство членов правления и кандидатов к ним, а весьма часто и все члены правления и кандидаты были русские подданные». «Приведенное требование является ныне обычным правилом, от введения коего в уставы ставится в зависимость самое разрешение на учреждение компаний или на изменение уставов их». Однако применение такого правила приводит «к совершенно нежелательным как для компаний, так и для интересов правительства последствиям».

«При быстром росте нашей промышленности, — объяснял С. Ю. Витте далее, — в особенности же некоторых специальных ее отраслей (например, горного дела), и при ежегодно увеличивающемся количестве вновь учреждаемых компаний, а также при замечаемом постоянном расширении уже существующих предприятий в нашем деловом мире, как показала практика, не успевает образовываться достаточный контингент лиц, могущих по своей подготовленности быть действительными руководителями предприятий». В этих условиях под влиянием двух обстоятельств — запрещения законом 3 декабря 1884 г. совмещения государственной службы с участием в администрации акционерных компаний⁵¹ и ограничения практикой Комитета министров участия в этой администрации иностранцев и лиц иудейского вероисповедания — «компании, стесненные в выборе состава администрации, вынуждаются брать к себе на должности по управлению лиц, не только совершенно к этому не подготовленных, но иногда и вовсе компаниям не нужных. Причем одни и те же лица весьма часто занимают одновременно должности в целом ряде различных обществ и товариществ, являясь специалистами по управлению самыми разнообразными предприятиями, ... нередко ... по существу своему между собой конкурирующими. Труд подобных номинальных управителей оплачивается по необходимости весьма значительным содержанием, которое или увеличивает собой без всякой надобности накладные расходы по заведованию предприятием ... или ведет к тому, что вызывает в самих предприятиях стремление возместить причиняемые им услугами подобных директоров имущественные невыгоды так называемым проведением дел в разных ведомствах. Это последнее проявление заслуживает особого внимания ... Акционерные предприятия наиболее охотно прибегают для замещения должностей по управлению к отдельным лицам, находящимся в тех или иных близких отношениях к [чиновникам,] занимающим на государ-

ственной службе более или менее высокое положение, направляя усилия их не столько на заведование и распоряжение делами предприятия, сколько на ходатайства о допущении различных облегчений и изъятий в пользу своих предприятий».

Из этого С. Ю. Витте делал два вывода. Во-первых, что «означенный порядок... является по существу возвратом в скрытой форме к имевшим недавно место явлениям совместительства», и, во-вторых, «что описанный порядок не устраняет в существе дела фактического управления иностранцами акционерными и паевыми предприятиями, образованными в России». Мало того, «не связанные своими действительными интересами с судьбой того дела, которое находится в их номинальном заведовании, не обладающие достаточной деловой опытностью и пользующиеся чаще всего даже чужими акциями для права участия в правлении, такие директора из русских подданных являются по необходимости лишь покорным орудием в руках истинных хозяев дела — иностранцев, ускользающих таким образом от непосредственной ответственности перед действием русского закона». Витте высказывал мнение, что «участие в правлениях русских подданных весьма желательно и полезно лишь тогда, когда оно не является номинальным, и, напротив того, оно безусловно вредно и обидно для русского дела, когда назначения эти являются навязанными спонсорами». Основываясь на этом, он рекомендовал Комитету министров «с особой осторожностью предъявлять требование об обязательном назначении русских подданных в состав администрации промышленных обществ».

Обсуждение письма С. Ю. Витте состоялось 1 июня 1899 г. К этому времени Канцелярией Комитета министров была подготовлена обстоятельная справка, обобщавшая практику рассмотрения Комитетом министров акционерных уставов с 1855 по 1899 г.⁵² В справке подробнейшим образом выяснялись вся система ограничительных положений закона и эволюция их применения Комитетом министров. Таким образом, был создан документ, как бы кодифицировавший сепаратное акционерное законодательство почти за столетие. Комитет заслушал объяснения Витте, в общем повторяющие содержание его письма. Однако на этот раз постановка вопроса была несколько иной: министр финансов указывал на «крайнюю желательность установления надлежащих мер к устранению на будущее время всех описанных неблагоприятных явлений», т. е. главным образом подставных администраторов акционерных компаний. Комитет министров «признал продолжение указанного порядка вещей крайне нежелательным». Вместе с тем он счел необходимым «для установления на будущее время в сем отношении большего единообразия... выработать относительно состава администрации акционерных

обществ общие правила, которые подлежали бы внесению во все уставы в установленной раз навсегда редакции вместо отдельных, включаемых ныне для каждой компании постановлений», с тем, в частности, чтобы в отношении выбора лиц для заведования недвижимыми имуществами действующие в стране русские и иностранные компании «были поставлены по возможности в одинаковые условия».⁵³

Постановляющая же часть журнала Комитета министров была сформулирована следующим образом: «Предоставить министру финансов, по соглашению с подлежащими министрами, ... обсудить вопрос о тех необходимых ограничениях личного состава администрации акционерных компаний, которые вызываются требованиями закона ... и по сему подлежали бы включению в ... уставы компаний, а равно в условия, определяющие пределы деятельности в России обществ, образуемых по законам иностранных государств, и свои по сему предмету предположения представить на утверждение в установленном порядке». 11 июня Николай II утвердил это положение Комитета министров.⁵⁴

Как видно, между констатирующей и постановляющей частями журнала есть некоторое несогласование. В первой говорится лишь об известной унификации уже применяемых ограничений; во второй же, т. е. именно в постановляющей части, речь идет о большем — об установлении пределов «необходимых ограничений». Причем и то и другое возлагалось на министра финансов. Поэтому нельзя согласиться с выводом И. Ф. Гипдина о том, что в конечном итоге «вместо частичной отмены ограничений для иностранных капиталистов Витте было предложено заняться кодификацией действующих для них ограничений».⁵⁵

Указанная несогласованность есть результат поспешного изменения под давлением С. Ю. Витте первоначально подготовленного проекта решения Комитета министров. Текст такого проекта, отпечатанный типографским способом, обнаружен нами в фонде А. Н. Куломзина. Он озаглавлен «Проект заключения по делу об участии иностранцев в управлении делами акционерных компаний».⁵⁶ Резолютивной частью этого документа предусматривалось, что вводившиеся до тех пор в уставы русских компаний и «условия деятельности» иностранных обществ «ограничения в правах сих компаний по приобретению, владению и пользова-

⁵² Материалы по истории СССР, т. VI, с. 216; подлинный журнал — ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 5388, л. 185—188.

⁵³ Материалы по истории СССР, т. VI, с. 216.

⁵⁴ Там же, с. 171. Кстати сказать, если иметь в виду именно кодификацию, то в ней просто не было необходимости из-за подготовки к тому времени упоминавшейся выше справки Канцелярии Комитета министров.

⁵⁵ ЦГИА СССР, ф. 1642, оп. 1, д. 86, л. 95—97. В фонде Комитета министров «Проект заключения...» отсутствует.

⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 5391, л. 85—174 (типогр. экз.).

нию недвижимыми имуществами» впредь не должны были в них включаться вследствие «подчинения компаний общим действующим и могущим быть изданным на сей предмет законоположениям». Ограничения же по составу администрации акционерных компаний отныне подлежали внесению в уставы в унифицированной формулировке, приводимой в проекте решения Комитета.

С. Ю. Витте оспорил этот проект, и он не был реализован. Взамен него была включена постановляющая часть, предоставлявшая министру финансов право «обсудить вопрос о ... необходимых ограничениях личного состава администрации акционерных компаний», т. е. о мере этих ограничений. Теперь инициатива пересмотра ограничений состава акционерной администрации, возможность которого предполагалась повелением Николая II от 19 июня 1899 г., передавалась в руки министра финансов. И действительно, почти двумя годами позже Министерство финансов вновь обратилось к этому вопросу.

А до того С. Ю. Витте имел возможность еще раз официально разъяснить линию поведения финансового ведомства в вопросе об иностранных капиталах и продемонстрировать ее изыскательную рациональность. 26 февраля 1900 г. Министерство финансов внесло в Комитет министров проект правил, которыми на этот раз ограничивалась деятельность иностранных подданных и лиц пудейского вероисповедания в области свеклосахарной промышленности. В представлении С. Ю. Витте указывал: «Если Министерство финансов настаивало на допущении к действию акционерных компаний, образовывавшихся при участии иностранных капиталов, то в этом отношении оно руководствовалось исключительно целями развития и упрочения в нашем отечестве тех или других областей промышленности». Приток иностранного капитала необходим и в дальнейшем, и «ставить притоку этих капиталов в нашу промышленность постоянные ограничения и преграды значило бы ... задерживать дальнейший поступательный рост производительных сил страны». Свеклосахарная же промышленность, объяснялось далее, составляет исключение — она не только удовлетворяет внутренний спрос, но и производит избыток сахара, что угнетающе действует на рынок. При этом «в сахарное дело наиболее охотно помещаются еврейские капиталы», на долю которых «приходится до 62 млн руб., т. е. около 66 %» основных капиталов этой отрасли; участие иностранного капитала не превышало к тому времени 1,5 млн руб. Целью Витте было направить часть этих капиталов в другие отрасли промышленности. «В этих видах было бы соответственным не допускать впредь при учреждении акционерных компаний по сахарному производству участие в составе акционеров и администрации евреев и иностранцев и разрешать всем без изъятия вновь возникающим компаниям (независимо от местности, в которой они

имеют действовать) выпуск только именных акций (и притом крупного нарицательного достоинства — не менее 1000 руб.)».⁵⁷

При рассмотрении представления Витте 28 марта Комитет министров имел в виду, что еще в 1895 г. им было принято решение в том смысле, что «постоянное в последнее время перепроизводство сахара, угнетающим образом действующее на цены этого продукта... едва ли может быть устранено при отсутствии ограничений для возникновения новых свеклосахарных заводов и расширения деятельности существующих. В этом отношении весьма неблагоприятное влияние может иметь умножение числа акционерных компаний, учреждаемых для устройства и содержания сих заводов, ввиду сравнительной легкости привлечения ими к свеклосахарному производству значительных капиталов».⁵⁸ Вполне естественно, что Комитет министров одобрил представленные Министерством финансов правила, а 11 апреля Николай II утвердил это решение.⁵⁹

Обобщая в «Воспоминаниях» свою деятельность по расширению притока иностранных капиталов в акционерное дело России, С. Ю. Витте пишет, что он «несколько раз принципиально ставил вопрос» о необходимости «признать, что водворение в России иностранных капиталов для развития торговли и промышленности есть вещь желательная, которую нужно поощрять. По этому предмету были разные совещания в Зимнем дворце под председательством императора Николая II. Мне прямо не говорили: „Нет“. Но не потому, что в правительственных кругах были согласны с его точкой зрения, а «главным образом потому, что не могли представить надлежащих доводов» против. Хотя такая точка зрения никогда не получала принципиального одобрения, именно на ней основывалась вся практическая деятельность финансового ведомства в области акционерного учредительства, несмотря на то что в этом Витте «большей частью всегда встречал те или другие препоны в Комитете министров».⁶⁰

К концу века значение сепаратного акционерного законодательства для обхода ограничительных норм общего законодательства настолько выявилось, что Министерство финансов сочло целесообразным отказаться от разработанного им проекта замены вызывавшей многочисленные парекания буржуазии концессионной системы акционерного учредительства личной (для основной части компаний — русских торгово-промышленных). Такой проект был подготовлен междоветственной комиссией при Министерстве финансов под председательством члена Совета министра финансов профессора финансового права П. П. Цитовича. В се-

⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 5445, л. 464—467.

⁵⁸ Там же, л. 468.

⁵⁹ Там же, д. 5439, л. 383, 386 об.

⁶⁰ С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 2, с. 252, 253.

редине 1898 г. по распоряжению С. Ю. Витте этот проект был опубликован.⁶¹ В декабре же 1899 г., после того как выяснились результаты обсуждения в Комитете министров письма С. Ю. Витте от 29 марта 1899 г., министр финансов созвал совещание из руководящих чиновников своего ведомства и представителей торгово-промышленных кругов для решения вопроса о судьбе проекта комиссии П. П. Цитовича.⁶²

Основным оппонентом выступил директор Департамента торговли и мануфактур (в непосредственном ведении которого находилось акционерное учредительство), один из ближайших сотрудников С. Ю. Витте В. И. Ковалевский. В представленном докладе он писал: «При всей желательности, в принципе, введения по примеру иностранных государств явочного порядка учреждения компаний... — каковой порядок, между прочим, освободил бы правительственные установления от громадного труда по направлению акционерных дел и некоторой нравственной ответственности за успешность разрешаемых предприятий — едва ли принятие явочного порядка было бы своевременным и целесообразным». Дело в том, разъяснялось далее, что «принятие явочной системы не могло бы принести... сколько-нибудь существенной практической пользы в смысле облегчения условий возникновения компаний ввиду существования у нас множества ограничительных узаконений относительно прав отдельных категорий лиц по землевладению, занятию разными промыслами и проч. Огромное большинство акционерных компаний (около 70% общего числа их) учреждается ныне в местностях, в коих действуют означенные ограничительные законы, причем в настоящее время, в отступление от прямого смысла таковых, свободно разрешаются выпуск предъявительских акций и участие, в меньшинстве, в составе администрации предприятий лиц, которым упомянутыми узаконениями воспрещено вообще владение недвижимостью в тех местностях или занятие промыслом, составляющим предмет деятельности компаний... Между тем, в случае введения явочного порядка, невозможны будут какие бы то ни было отступления от приведенных законов и, сообразно смыслу оных, в уставах указанных выше компаний могут быть допущены только импные акции, с оговоркой о непринадлежности их иностранцам, евреям и проч. и с воспрещением участия таковых лиц в управлении делами обществ. Кроме того, не следует упускать из виду и того обстоятельства, что с установлением свободы образования акционерных компаний правительство лишилось бы возможности какого-либо наблюдения за ходом развития акционерного дела.

⁶¹ Вестник финансов, промышленности и торговли, 14 июня 1898 г., № 24, с. 663—678.

⁶² ЦГИА СССР, ф. 22 (Центральные учреждения по части торговли и промышленности), оп. 4, д. 125, л. 47, 50, 73—75.

Ввиду вышеизложенного казалось бы соответственным, — заключал Ковалевский, — сохранить пока разрешительную систему, установив законодательные нормы в изменение и дополнение подлежащих постановлений законов гражданских, не удовлетворяющих выяснившимся практикой акционерного дела потребностям».⁶³

Журнал совещания не сохранился, и мы не можем судить о содержании прений. Но известно главное — конечные результаты совещания, выразившиеся в одобрении позиции, намеченной В. И. Ковалевским.

В апреле 1901 г. Министерством финансов был подготовлен первый вариант нового законопроекта «Об изменении и дополнении действующих постановлений об акционерных компаниях».⁶⁴ Основная его идея заключалась в том, что право утверждения уставов русских торгово-промышленных компаний, которые не претендовали ни на какие льготы и изъятия из общих законов, передавалось министру финансов.

Вместе с тем, как это резюмировал В. И. Ковалевский в особой записке С. Ю. Витте, ставился вопрос о предоставлении министру финансов права «по соглашению с министрами внутренних дел, земледелия и государственных имуществ и военным разрешать торгово-промышленным компаниям, учреждаемым в местностях, где действуют ограничительные постановления относительно прав по землевладению иностранцев и евреев, впредь приобретать исключительно для промышленных надобностей недвижимые имущества в размерах, ограниченных действительными потребностями предприятий, и во всяком случае» не свыше «200 десятин».⁶⁵ Таким образом, по существу речь шла лишь об узаконении той практики, которая была принята Комитетом министров, с передачей, однако, его прав министру финансов. Эта мера оправдывалась в объяснительной записке к законопроекту необходимостью «насаждения» в России «в ближайшем будущем широкой и разнообразной промышленности, которая не только покрыла бы своими продуктами потребности страны, с созданием при этом необходимого внутреннего соперничества, но и дала бы избытки для вывоза по крайней мере в соседние азиатские государства». Между тем, указывалось далее, «промышленность наша не может пока обходиться без содействия иностранных и еврейских капиталов», а приток этих капиталов

⁶³ Там же, с. 76—77.

⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, д. 9803, л. 9—64.

⁶⁵ Там же, л. 171. По-видимому, С. Ю. Витте хотел опереться на итоги обсуждения его доклада от февраля—марта 1899 г. 26 февраля 1901 г. он обратился к управляющему делами Комитета министров с просьбой прислать ему журнал совещания. Поскольку журнал так и не был оформлен, А. Н. Куломзин направил Витте копию повеления Николая II от 19 июня 1899 г. (ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 4, д. 26, л. 26—27).

«встречает весьма большие затруднения» в виде «указанных многочисленных ограничений». ⁶⁶ Ковалевский докладывал министру финансов, что «ослабить действие ограничительных узаконений по землевладению за пределы, поставленные в законопроект, едва ли представлялось бы возможным». ⁶⁷

В случае, если компании с акциями на предъявителя получали право приобретать земли или заниматься производствами, запрещенными в данных губерниях для лиц иудейского вероисповедания и иностранцев, состав их администрации подлежал ограничению. Оно состояло в том, что названным категориям лиц разрешалось занимать лишь меньшинство мест в правлениях акционерных компаний и вовсе запрещалось непосредственно заведовать принадлежащим компаниям недвижимым имуществом. Соответствующие правила были «изложены в редакции, выработанной в свое время Комитетом министров». Имелся в виду «Проект заключения по делу об участии иностранцев в управлении делами акционерных компаний», составленный в Комитете министров в июне 1899 г. Необходимость установления единой редакции правил обосновывалась опять-таки ссылкой на чрезвычайный разноречивый, существовавший до того времени при утверждении частных уставов. «При утверждении уставов торговых промышленных акционерных компаний, — указывалось в объяснительной записке к законопроекту, — в таковые весьма нередко вносятся по требованиям отдельных ведомств или главных местных начальств различные ограничения относительно участия иностранцев и евреев в управлении делами компаний... Часто совершенно однородные в своей деятельности предприятия оказывались поставленными далеко не в одинаковые условия, будучи подчинены различным ограничениям. При этом следует заметить, что для определения размера подобных ограничений не имеется каких-либо твердых руководящих начал, в результате чего на практике замечаются колебания и неустойчивость в предъявляемых требованиях». В отличие от доклада В. И. Ковалевского от 1 декабря 1899 г. здесь названные ограничения рассматривались как следствие административной практики, а не буквального требования закона. ⁶⁸

Министерство финансов опасалось, что Государственный совет и другие ведомства выскажутся за полное запрещение лицам иудейского вероисповедания и иностранцам участвовать в администрации таких компаний. Поэтому в объяснительной записке к законопроекту снова подробно обосновывалась опасность такого решения, которое могло бы отпугнуть от акционерного учредительства в России иностранные и еврейские капиталы. Вместо

с тем высказывался ходовой аргумент, а именно возможность фактического обхода закона путем назначения в правления компаний подставных лиц — российских подданных православного вероисповедания. Ограничение круга лиц, которые могли входить в администрацию акционерных компаний, отмечалось далее, имело следствием «образование у нас особого, весьма немногочисленного круга лиц, которыми замещаются должности по управлению делами промышленных компаний, причем одни и те же лица иногда занимают одновременно должности в целом ряде различных обществ, являясь специалистами по управлению самыми разнообразными предприятиями». ⁶⁹

В упоминавшейся уже записке В. И. Ковалевского на имя С. Ю. Витте справедливо обращалось внимание на то, что в сущности высказанные в представлении «соображения относительно подставных лиц должны бы логически приводить к тому, что не меньшинство, а *весь состав управления* подлежало бы допускать из лиц, вложивших свой капитал, каковыми лицами могут быть в отдельных случаях только иностранцы и евреи». «Едва ли, однако, — заключал Ковалевский, — возможно рассчитывать, чтобы такая постанова вопроса имела бы шансы быть принятой в Государственном совете». ⁷⁰

Законопроект вызвал серьезные возражения ведомств, на заключение которых был послан. Возражения эти в особенности касались положений, определявших право министра финансов разрешать приобретение акционерными компаниями земли. ⁷¹ В результате Министерство финансов снова должно было отказаться от реформы акционерного законодательства.

А годом позже ограничительные положения общегосударственного законодательства, затруднявшие введение явочной системы акционерного учредительства, были еще более усилены. В начале 1903 г. Министерство внутренних дел подготовило законопроект, целью которого было «воспретить евреям повсеместно в империи, как в черте их постоянной оседлости, так и вне этой черты, приобретать какими бы то ни было способами и на каком бы то ни было из допускаемых общими и местными законами оснований в собственность и отдельное владение, принимать в залог и брать в арендное содержание находящиеся вне черты городов, местечек и посадов недвижимые имущества и принадлежащие к ним угодья и оброчные статьи, за некоторыми, в точности перечисленными изъятиями... когда с этим не связано участие их в сельскохозяйственной деятельности». ⁷² Законопроект был предварительно

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, д. 9803, л. 56 об. — 57.

⁶⁷ ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 4, д. 125, л. 170 об.

⁷¹ Там же, л. 175—183, 186—189; ф. 1405, оп. 82, д. 9803, л. 130—158; ф. 1284, оп. 190, д. 206, ч. 1, л. 40—49, 80—86.

⁷² ЦГИА СССР, ф. 1283, оп. 2, д. 5617, л. 508 об. — 509.

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, д. 9803, л. 57 об. — 58.

⁶⁷ ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 4, д. 125, л. 171.

⁶⁸ Там же, л. 170; ф. 1405, оп. 82, д. 9803, л. 56.

рассмотрен на совещании министров внутренних дел, юстиции, финансов и земледелия и государственных имуществ. Совещание «единогласно пришло к заключению, что издание ныне же в законодательном порядке прочных и окончательных постановлений относительно еврейского землевладения и землепользования представляется несвоевременным и едва ли выполнимым», и «признало неостаточно необходимым лишь предупредить дальнейшее приобретение в собственность и владение, а равно некоторые виды особенно прочного пользования евреями недвижимыми имуществами вне городских поселений».⁷³

10 мая 1903 г. Николай II утвердил положение Комитета министров, которым в виде временной меры «воспрещалось в губерниях, не входящих в черту общей еврейской оседлости, совершение от имени или в пользу евреев всякого рода крепостных актов: 1) служащих к укреплению за ними прав собственности, владения и пользования недвижимыми имуществами, вне городских поселений расположенными, и 2) предоставляющих им возможность выдавать под обеспечение сих имуществ денежные ссуды».⁷⁴

Названный закон имел следствием включение в уставы акционерных компаний с акциями на предъявителя запрещения назначать лиц иудейского вероисповедания на должности заведующих внегородскими недвижимыми имуществами, принадлежащими этим компаниям во всех губерниях страны. Первоначально из этого правила делались исключения, но в 1910-х годах оно применялось «в большинстве случаев».⁷⁵

Условия для проведения общей реформы акционерного законодательства стали более благоприятными лишь вследствие революционных событий 1905—1907 гг.

В октябре 1905 г. было образовано самостоятельное Министерство торговли и промышленности, воспринявшее функции Министерства финансов в области акционерного учредительства. Во главе нового министерства в начальный период его деятельности оказался ближайший сотрудник С. Ю. Витте — В. И. Тимирязев. Сам Витте, с 1903 г. возглавлявший Комитет министров, в октябре 1905 г. становится главой правительства, будучи назначен председателем вновь созданного Совета министров. Последний в апреле 1906 г. воспринял функции упраздненного Комитета министров. Несомненно, что в период краткого премьерства С. Ю. Витте (до середины апреля 1906 г.) Министерство торговли и промышленности находилось под значительным его влиянием.

⁷³ Там же, л. 510.

⁷⁴ ПСЗ III, т. XXIII, ст. 22932.

⁷⁵ ЦГИА СССР, ф. 23 (Министерство торговли и промышленности), оп. 14, д. 249, л. 501.

Ко времени создания нового министерства Комитетом министров был в принципе одобрен законопроект Министерства внутренних дел об общем смягчении ограничений прав лиц иудейского вероисповедания. В частности, предусматривалась отмена ограничений по участию лиц иудейского вероисповедания «в управлении ... делами и имуществами» акционерных компаний.⁷⁶ Предполагалось, что как только позволит обстановка, проект будет представлен на утверждение царю. Не дожидаясь этого, В. И. Тимирязев сделал попытку добиться расширения прав акционерных компаний в духе упомянутого законопроекта Министерства внутренних дел. В Комитет министров было внесено представление, в котором ставился вопрос «о невключении в уставы акционерных компаний ограничительных постановлений в отношении участия в них евреев».⁷⁷

В. И. Тимирязев указывал в нем, что, за исключением законов, воспрещавших лицам иудейского вероисповедания приобретать акции торгово-промышленных компаний, владеющих недвижимостью в Туркестане, и свеклосахарных компаний, все другие общегражданские законы, дискриминирующие евреев, не относятся к акционерным предприятиям и распространяются на них лишь практикой Комитета министров. Между тем они «являются, несомненно, существенным стеснением для участия евреев в торгово-промышленных компаниях» и, «как показала практика, неблагоприятно отражаются ... на правильном ходе дел компаний».

Основываясь на том, что Комитет министров при рассмотрении уставов целого ряда компаний в предшествующие годы считал возможным делать отступления от установленного им же порядка, и учитывая реальные потребности акционерного учредительства, министр торговли и промышленности ходатайствовал о разрешении ему, во-первых, «не включать ограничительных для лиц иудейского вероисповедания постановлений относительно участия их в качестве акционеров и пайщиков и в составе правлений» в уставы компаний, «имеющих целью эксплуатацию промысла, недозволенного по закону евреям, или владеющих ... недвижимостью в местностях, закрытых для еврейского землевладения», и, во-вторых, «представлять на уважение Комитета министров об изменении в указанном выше смысле действующих уставов акционерных компаний».⁷⁸ Максимальный размер земельной собственности акционерных компаний не определялся.

Представление министра торговли и промышленности подверглось обсуждению в Комитете министров 24 января 1906 г.⁷⁹

⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276 (Совет министров), оп. 1, д. 107; оп. 2, д. 45, л. 215.

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 5779, л. 91.

⁷⁸ Там же, д. 1780, л. 71—72, 79.

⁷⁹ Там же, оп. 2, д. 5779, л. 91—92 об.

Комитет считал, что большинство ограничений все же основывалось на требованиях закона, хотя «в некоторых случаях ограничительные постановления отдельных уставов и самый объем таких ограничений не вытекали прямо из законодательных требований и являлись скорее результатом нередко изменчивых воззрений отдельных ведомств». Поскольку предоставление министру торговли и промышленности просимых им прав привело бы «к установлению изъятий из действующих законов и, следовательно, к их изменению», а общий пересмотр законодательства о правах евреев выходил за рамки его компетенции и уже был намечен к обсуждению с участием Государственной думы, Комитет «затруднился останавливаться на обсуждении существа представленных министром торговли предположений». Вместе с тем Комитет признал, что «ограничительные постановления относительно евреев, устанавливаемые по отдельным случаям и не обоснованные на требованиях закона, едва ли вызываются настоятельностью и, будучи различны в однородных делах, могут лишь возбуждать повод к нареканиям». Общее заключение сводилось к тому, что «от самого Комитета будет зависеть держаться приведенных суждений при предстоящем рассмотрении проектов отдельных уставов акционерных компаний». 4 февраля это положение Комитета министров было утверждено царем и приобрело тем самым силу обязательного решения.⁸⁰

В соответствии с этим Совет министров, воспринявший функции Комитета министров, с начала 1906 г. до середины 1913 г., как это было признано им впоследствии, придерживался практики, в соответствии с которой «акционерные компании, получившие право приобретения земли в местностях, закрытых для еврейского землевладения, обязывались лишь иметь в качестве заведующих или управляющих этими землями лиц нееврейского вероисповедания; в отношении же членов правления, кандидатов к ним и директоров-распорядителей никаких обязательных ограничений по общему правилу не вводилось».⁸¹ С 1910 г. эти ограничения были еще более сужены: в большинстве уставов лицам иудейского вероисповедания запрещалось быть заведующими и управляющими не всеми вообще недвижимыми имуществами акционерных компаний, а только теми, которые действительно расположены в местностях, где приобретение этих имуществ лицами иудейского вероисповедания воспрещалось законом.⁸² Перспектива этого, видимо, выяснилась уже в ходе заседания 24 января, хотя в его журнале это не получило ясного отражения.

Итак, формально Министерство торговли и промышленности потерпело поражение. Фактически же оно добилося очень важного корректива в правительственной политике относительно акционерного учредительства, значение которого вполне выяснилось к концу 1906 г.

Одновременно (в конце 1905 г.⁸³) в Министерстве торговли и промышленности была подготовлена обстоятельная записка с изложением нового варианта проекта акционерного закона, озаглавленная «Предположения по поводу желательных изменений в действующем законодательстве о торгово-промышленных товариществах». В начальной части «Предположений» в сжатом виде обращалось внимание на те преимущества, которые дает акционерная форма организации капиталистических предприятий, и отмечался тот факт, что «в России, как и за границей, развитие акционерной формы оказало существенное влияние на рост отечественной промышленности, причем в важнейших отраслях ее... на акционерных началах образовались все более или менее обширные предприятия». Реформа акционерного законодательства, — указывалось далее, — представляется в настоящее время неотложной потребностью, ибо сохранение существующих законоположений относительно акционерных товариществ угрожает затормозить нашу промышленность и торговлю на продолжительное время».⁸⁴

«Первым и основным вопросом акционерного законодательства», по мнению Министерства торговли и промышленности, являлся «порядок учреждения акционерных компаний», от которого «зависит самое распространение акционерной формы предприятий». Опираясь на опыт Запада и России, оно решительно отвергало концессионную систему учредительства, как не достигающую ее основной цели — правительственного воздействия на процесс учредительства, и склонялось к явочной системе.

Что же касается «затруднительности уничтожения концессионного начала ввиду существования в нашем законодательстве множества ограничительных постановлений относительно прав отдельных категорий лиц по землевладению и т. п., которые не соблюдаются в настоящее время при выдаче концессий и которые бы неуклонно выполнялись при введении явочной системы...», — указывалось в «Предположениях», — то вполне ясно, что уже одно существование подобного рода невыполняемых правил не может быть терпимо, и раз осуществление их способно лишь затруднять развитие акционерного дела, то они подлежат скорейшей отмене законодательным путем, а не только фактически при выдаче концессий».⁸⁵ Как и в законопроекте 1901 г.,

⁸⁰ Там же, л. 87.

⁸¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 70, л. 16 об. — 17.

⁸² Там же, оп. 9, д. 191, л. 118 об.

⁸³ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 11, д. 797, л. 400; оп. 14, д. 87, л. 282.

⁸⁴ Там же, оп. 14, д. 87, л. 1.

⁸⁵ Там же, л. 5.

в «Предположениях» вопрос об отмене законов, ограничивающих деятельность акционерных компаний, конкретно не ставился. Это было следствием надежд на неизбежную в недалеком будущем общую либерализацию внутренней жизни страны. В одном из позднейших документов для служебного пользования Отдел торговли министерства объяснял, что в конце 1905—начале 1906 г. введение явочной системы представлялось «возможным и своевременным», «в частности ... ввиду ожидавшейся отмены в скором времени ограничений по участию лиц иудейского исповедания в означенных компаниях и вообще касательно прав жительства и торговли евреев в империи».⁸⁶ Имелся в виду упоминавшийся нами законопроект Министерства внутренних дел.

Однако в декабре 1906 г. перспектива реализации явочной системы акционерного учредительства оказалась утраченной. Совершенно неожиданно уже согласованный в Совете министров законопроект Министерства внутренних дел об отмене некоторых ограничений прав евреев был отвергнут Николаем II, «несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по делу», как он сам писал П. А. Столыпину.⁸⁷

Вместе с тем вполне выяснилось важное значение позитивного результата решений, принятых Комитетом министров 25 января 1906 г. При сохранении законодательных ограничений предпринимательской деятельности лиц иудейского вероисповедания от позиции Совета министров во многом стала зависеть судьба акционерного учредительства. Поскольку эта позиция оставалась благоприятной, постольку менее остро ощущалась необходимость формальной отмены указанных ограничений и менее целесообразным был переход к явочной системе учредительства.

Вследствие этого, в частности, обсуждение «Предположений» состоялось только в конце 1911—начале 1912 г. Участвовавшие в организованном Министерством торговли и промышленности совещании представители буржуазии категорически отвергли законопроект на том основании, что сохранение существовавших «ограничений гражданских прав акционерных компаний ... может уничтожить все выгоды» предусматривавшейся «Предположениями» явочной системы акционерного учредительства.⁸⁸ Министерство торговли и промышленности должно было в конце концов обратиться к идее смешанного, явочно-разрешительного порядка акционерного учредительства. Согласно разработанному предварительному варианту нового законопроекта «О главных основаниях пересмотра действующего акционерного законодательства», разрешительная система учреждения торгово-промышлен-

ных акционерных компаний подлежала «по общему правилу замене явочным порядком», за исключением «компаний, по отношению которых признана будет необходимость сохранения концессионного порядка по соображениям общегосударственным или ввиду существования относительно этих компаний особых ограничительных постановлений закона».⁸⁹

Таким образом, разрешительная система снова сохранялась главным образом для того, чтобы по возможности нейтрализовать действие тех «ограничительных правил», «отмена или ослабление» которых вместе с тем признавались невозможными. Так это и объяснялось в письме министра торговли и промышленности С. И. Тимашева председателю Совета министров В. Н. Коковцову от 21 июля 1912 г.⁹⁰

Учреждаемым явочным порядком компаниям намечалось предоставить право повсеместного приобретения до 200 дес. земли. Если бы для некоторых компаний эта норма оказалась недостаточной, такие компании подлежали учреждению в концессионном порядке. Право выпуска ими акций на предъявителя не ограничивалось; иначе говоря, акционерные компании могли использовать капитал людей любой национальности. Но те из них, которые воспользовались правом владения землей, должны были иметь управляющих недвижимыми имуществами исключительно из лиц неиудейского вероисповедания, а компании, подпадающие под действие закона 14 марта 1887 г. об ограничении иностранного землевладения в ряде губерний России, могли иметь директоров-распорядителей и большинство членов правлений только из числа российских подданных. Это вполне согласовывалось с практикой рассмотрения акционерных дел Советом министров. При этом в проекте оговаривалась возможность изъятий из последнего правила с санкции того же Совета министров.⁹¹

Но и этот проект акционерного закона не был реализован. Весной 1913 г. неожиданно изменилось отношение Совета министров к правам акционерных компаний на приобретение земли, что задержало продвижение законопроекта; а затем начавшаяся первая мировая война была формальной причиной того, что он был положен в долгий ящик.

Вопрос о праве акционерных компаний с акциями на предъявителя приобретать земельные имущества возник в Совете министров 9 апреля 1913 г. Как позднее разъяснялось в официальных документах, причиной этого послужили многочисленные представления Министерства торговли и промышленности «об учреждении новых акционерных компаний с правом приобрете-

⁸⁶ Там же, оп. 11, д. 797, л. 399—400.

⁸⁷ Красный архив, 1924, № 15, с. 105.

⁸⁸ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 14, д. 205, л. 123—138, 228—237, 156—176; Промышленность и торговля, 15 декабря 1911 г., № 24, с. 534—536.

⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 14, д. 249, л. 33.

⁹⁰ Там же, л. 52 об., 63.

⁹¹ Там же, л. 53—55. На возможность исключений еще более отчетливо указывалось в последующем варианте законопроекта (там же, л. 104 об.).

ния крупных внегородских недвижимостей, а также о предоставлении сего права существующим компаниям». При обсуждении уставов трех из таких компаний⁹² товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием А. А. Риттих⁹³ сделал устное заявление, в котором обратил внимание Совета министров на возрастание числа «образуемых преимущественно для эксплуатации лесных богатств акционерных обществ, которые при сравнительно незначительных основных капиталах получают, согласно уставам, право приобретать обширные внегородские недвижимые имущества, достигающие нескольких тысяч, а иногда и десятков тысяч десятин». Было высказано опасение, что «расширение акционерного землевладения создаст в сельских местностях новую экономическую силу, влияние которой как на существующее землевладение, так и на сельскохозяйственный труд и промысел вообще весьма гадательно, судя же по опыту некоторых западных стран (напр. Румынии), — прямо вредно». По мнению А. А. Риттиха, нельзя было также «не считаться с тем, что учреждение некоторых акционерных обществ направлено исключительно к возникновению, путем обхода ... запретительных правил, в различных губерниях империи обширных еврейских землевладений».⁹⁴

Таким образом, Главное управление землеустройства и земледелия ставило на усмотрение правительства фактически два, хотя и связанных друг с другом вопроса: об условиях приобретения акционерными компаниями внегородских недвижимых имуществ и о соблюдении при учреждении акционерных компаний законодательства, ограничивавшего еврейское землевладение.

Для возникновения второго вопроса имелся еще один повод. 28 марта 1913 г., т. е. за несколько дней до упомянутого заседания Совета министров, с телеграммой на имя его председателя В. Н. Коковцова обратился бывший старший начальник Акционерного отделения Отдела торговли Министерства торговли и промышленности Н. С. Добровольский.⁹⁵ Он указывал «на вошедший в широкую практику обход лицами иудейского исповедания ограничительных законов относительно еврейского землевладения» посредством учреждения акционерных компаний, получающих «право приобретать десятки тысяч десятин лесной и пахотной земли в Европейской России». Копия с телеграммы немед-

ленно была переслана Коковцовым С. И. Тимашеву. В ответном письме от 26 апреля Тимашев постарался успокоить Коковцова и уверил его, что требования закона относительно ограничения прав евреев по землевладению вполне учитываются при утверждении уставов соответствующих компаний, а эти уставы согласовываются с Главным управлением землеустройства и земледелия. Между тем 27 апреля, 3 июня и 18 октября 1913 г. Добровольский вновь обратился к Коковцову с тремя докладными записками, в которых более подробно высказывал и обосновывал свои опасения, изложенные в телеграмме.⁹⁶

Формально Совет министров отнесся к поставленным на заседании 9 апреля 1913 г. вопросам довольно спокойно. Было отмечено, что «при всей бесспорности отрицательного значения еврейского землевладения в христианских государствах вообще, и особенно в нашем отечестве, борьба с этим явлением представляется, по мнению Совета министров, весьма затруднительною и требует самого тщательного соображения соответствующих мер противодействия, дабы не стеснить напрасно деятельности вполне добросовестных акционерных предприятий, нуждающихся для правильной постановки своего дела в приобретении внегородских земельных имуществ».⁹⁷ Для предварительного изучения этих вопросов Совет министров признал необходимым созвать при Министерстве торговли и промышленности Особое межуведомственное совещание в составе представителей министерств Торговли и промышленности, Финансов, Внутренних дел и Юстиции, Главного управления землеустройства и земледелия и Государственного контроля. Но вместе с тем впредь до принятия окончательного решения Совет министров приостановил рассмотрение уставов компаний, претендовавших на приобретение земли.⁹⁸ Позже, когда акционерных уставов накопилось большое количество, их рассмотрение было возобновлено, но при этом, согласно положению Совета министров от 28 июня 1913 г., разрешалось приобретать недвижимость в местностях, закрытых для еврейского землевладения, лишь компаниям с именными акциями и тем, в которых не только управляющие недвижимыми имуществами, но и все директоры-распорядители, и большинство членов правлений в соответствии с уставами должны были быть христианами.⁹⁹ Это означало, что Совет министров возвратился

⁹² Речь шла об акционерных обществах «Ель», «Александровское лесопромышленное» и «Невское лесопромышленное» (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 1—4).

⁹³ А. А. Риттих известен как доверенное лицо главноуправляющего А. В. Кривошеина, который в это время был болен.

⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 2.

⁹⁵ Там же, д. 160, л. 15—17. Н. С. Добровольский занимал этот пост с 1898 по 1908 г. и был прекрасно осведомлен и в политике правительства, и в практике акционерного учредительства. Не исключено, что выступление А. А. Риттиха в Совете министров 9 апреля 1913 г. было подсказано телеграммой Добровольского.

⁹⁶ Там же, л. 18, 26—27, 24—25, 34—35, 36—37.

⁹⁷ Там же, д. 191, л. 3 об.

⁹⁸ Там же, л. 4.

⁹⁹ Это решение было принято вследствие конфликта, возникшего между Советом министров и Министерством торговли и промышленности. При рассмотрении дела об учреждении Всеобщей строительной компании (одним из учредителей которой был бывший министр торговли и промышленности М. М. Федоров) 2 мая и 1 июня 1913 г. Совет министров высказал ряд принципиальных суждений по вопросу о тех условиях, которым должны удовлетворять акционерные общества, получающие

к практике, от которой он отказался еще в 1906 г.¹⁰⁰ и которая находилась в противоречии с предположениями, намечавшимися Министерством торговли и промышленности в проекте представления «О главных основаниях пересмотра действующего акционерного законодательства» от августа 1912 г.

Попытки правительства поставить под сомнение право акционерных обществ приобретать недвижимую собственность подверглись критике в Государственной думе. Выступая там 8 июня 1913 г., один из лидеров московской буржуазии А. И. Коновалов доказывал преимущества явочной системы и вред всяческих ограничений для акционерного учредительства. Непизбежные последствия новой политики Совета министров он расценивал как губительные для экономики России: «Дело развития производительных сил страны в сильнейшей степени будет приостановлено. Я бы сказал, что это будет сильнейшим ударом, тормозом и разгромом самой идеи нашего экономического возрождения».¹⁰¹

Особое междуправительственное совещание было созвано 30 мая 1913 г. под председательством товарища министра торговли и промышленности П. Л. Барка, который руководил и предыдущими совещаниями по акционерному законодательству.¹⁰²

После того как П. Л. Барк подробно изложил предысторию вопроса, слово было предоставлено представителям Главного управления землеустройства и земледелия, которые еще раз пояснили позицию своего ведомства.

В ходе совещания управляющий Отделом торговли Министерства торговли и промышленности В. Д. Сибилев счел необходимым напомнить, что Комитет и Совет министров «всегда относились с особой осторожностью к возбуждавшимся иногда предположениям о внесении в уставы компаний ограничительных, в указанных выше отношениях, постановлений; при этом особо отмечалось, что подобного рода излишние стеснения могут отразиться неблагоприятно на притоке к нам также иностранных капиталов, без-каковых мы пока обойтись не можем. Особенную важность этот последний вопрос приобретает в настоящее время, когда при замечаемом у нас подъеме промышленной деятель-

ности и значительном числе возникающих новых предприятий, а также расширении уже существующих, представляется большая надобность в содействии иностранного капитала».¹⁰³ Эти соображения, а еще больше сама обстановка биржевого подъема того времени были приняты во внимание совещанием, большинство участников которого выступило в поддержку интересов акционерного учредительства.

Было отмечено важное экономическое значение акционерных компаний. «Акционерной форме предпринимательства предостит будущность, — заявил представитель Министерства финансов, — она является наиболее совершенной формой привлечения капитала в промышленность и при современных условиях техники становится единственной ввиду громадных требуемых ею средств».¹⁰⁴ В связи с этим евреи характеризовались им как «очень умелые организаторы и руководители торгово-промышленных предприятий», в чьих руках «бездоходные дела нередко становятся прибыльными».¹⁰⁵

По основному вопросу — о самом праве акционерных компаний на приобретение и владение недвижимыми имуществами — мнения участников совещания разделились. Представители Главного управления считали возможным в виде общего правила разрешить акционерным компаниям приобретать до 200 дес. внегородской земли; сверх этой нормы компании могли приобретать землю лишь в арендное пользование; приобретение в собственность более 200 дес., но не свыше 12 тыс. рекомендовалось допускать «в особо исключительных случаях» и только «при наличии согласия Министерства внутренних дел, Главного управления землеустройства и земледелия и Министерства торговли и промышленности». Большинство же членов совещания «полагало, что какие-либо ограничения в указанном выше отношении были бы вообще нежелательны».¹⁰⁶

Единодушным было мнение совещания о том, что «установление каких-либо ограничений в праве выпуска акций на предъявителя или ограничение состава участников акционерных компаний русскими подданными и лицами нееврейского вероисповедания представлялось бы нежелательным, так как, с одной стороны, явилось бы излишним стеснением для иностранного и иностранного капитала, затрудняя прилив такового к русским предприятиям, а с другой стороны, не достигло бы цели, ибо акции именные легко могут быть на практике обращены в бумаги на предъявителя».

Признавалось «неприемлемым» и «ограничение лиц еврейского вероисповедания в составе правлений компаний, владеющих

¹⁰³ Там же, л. 74, Курсив наш, — Л. III.

¹⁰⁴ Там же, л. 64.

¹⁰⁵ Там же, л. 65.

¹⁰⁶ Там же, л. 81.

¹⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 91 об., 120.

¹⁰¹ Промышленность и торговля, 1 июля 1913 г., № 13, с. 6—7.

¹⁰² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 50—89 (Журнал совещания).

внегородскими недвижимостями в местностях, подлежащих действию исключительных законов». Собрание сочло, что «существующая практика, ограничивающая евреев лишь в праве завладения и распоряжения недвижимостями, является целесообразной и не требующей изменения во избежание ущерба для торгово-промышленной жизни страны». Лишь представители Главного управления землеустройства и земледелия и Государственного контроля выразили «пожелание об установлении известной процентной нормы участия ... лиц христианского исповедания» в управлении компаниями, имеющими целью арендовать или покупать земли.¹⁰⁷

В заключение собрание признало необходимым, чтобы уставы акционерных компаний, задержанные Министерством торговли и промышленности вследствие указаний Совета министров, были наконец рассмотрены, причем «в прежнем порядке, т. е. не внося в уставы каких-либо ограничений, выходящих за пределы ныне принятой практики».¹⁰⁸

Вероятно, в связи с летним временем журнал собрания вместе с особым представлением Министерства торговли и промышленности («По вопросу об условиях приобретения акционерными компаниями крупных, главным образом лесных, недвижимостей»)¹⁰⁹ был передан С. И. Тимашевым на рассмотрение Совета министров лишь 22 августа 1913 г. Представление имело гриф «Весьма нужное. Доверительно». В преисполнительной Тимашев просил «заслушать настоящее дело в ближайшем заседании Совета» министров.¹¹⁰

Министр торговли и промышленности должен был признать, что «чрезмерное скопление сельскохозяйственных и лесных имуществ в руках акционерных компаний, которыми они приобретаются нередко для целей спекулятивных, представляется нежелательным».¹¹¹ Но предварительно он указал на два обстоятельства, которые, как он выразился, «быть может, несколько ослабляют ... опасения Главного управления» землеустройства и земледелия. Прежде всего на то, что земельный вопрос в России стоит не столь остро, как в Румынии (С. И. Тимашев привел данные относительно того, что только в европейской части России на душу населения приходится вдвое больше годной к обработке земли, чем в этой стране); затем на тот факт, что в отличие от Румынии Россия не только сельскохозяйственная, но и промышленная страна. Интересы же развития промышленности настоятельно требуют «не ставить стеснений» в приобретении земли, в которой «она нуждается во многих случаях».

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, л. 89.

¹⁰⁹ Там же, л. 7—49; ф. 1276, оп. 9, д. 232, л. 1—15, 16—27.

¹¹⁰ Там же, д. 191, л. 6.

¹¹¹ Там же, л. 17.

По главному из обсуждавшихся собранием вопросов С. И. Тимашев по существу присоединился к мнению меньшинства. По второму вопросу он солидаризировался с заключением собрания, считая необходимым «сохранить существующий порядок выпуска торгово-промышленными акционерными компаниями акций на предъявителя». Но в противоречии с тем, что Министерство торговли и промышленности намечало в проекте представления «О главных основаниях», Тимашев высказался «в пользу восстановления на будущее время существовавшей до 1906 г. практики б. Комитета и Совета министров в смысле допущения евреев лишь в меньшинстве в состав правлений акционерных компаний, владеющих внегородской недвижимостью». Свою позицию министр обосновал ссылкой на то, что «в противном случае законы относительно физических лиц — евреев не достигли бы своей цели и нарушались бы путем образования акционерных предприятий». Ясно, что это обоснование находится в противоречии с объяснениями самого С. И. Тимашева в связи с телеграммой Н. С. Добровольского на имя В. Н. Коковцова.

Несмотря на заявленную С. И. Тимашевым срочность, журнал Особого междведомственного собрания от 30 мая 1913 г. и представление Министерства торговли и промышленности от 22 августа 1913 г. подверглись обсуждению в Совете министров лишь 3 января 1914 г.¹¹² Прения приобрели острый характер. Около трех месяцев ушло на подготовку журнала обсуждения — уточнение изложения мнений участников и их мотивировку.¹¹³ Чтобы окончательно согласовать все вопросы, на 27 марта 1914 г. было назначено дополнительное обсуждение дела в Совете министров.

К этому времени внутриполитическая ситуация серьезно изменилась. В. Н. Коковцов должен был уйти в отставку. Председателем Совета министров стал престарелый И. Л. Горемыкин. Более же важно, что во главе Министерства финансов был поставлен П. Л. Барк. В связи с его назначением был опубликован рескрипт Николая II, текст которого был подготовлен Горемыкиным и главноуправляющим землеустройством и земледелием А. В. Кривошеинным. Рескриптом провозглашались безотлагательные «коренные преобразования» в области экономической политики. Имелось в виду прежде всего более активное содействие экономическому развитию страны.¹¹⁴ И И. Л. Горемыкин, и П. Л. Барк приняли участие в заседании 27 марта, но воздержались

¹¹² Одной из причин этого, возможно, было обострение болезни А. В. Кривошеина — главы ведомства, по инициативе которого возникло все дело.

¹¹³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 126 сл.

¹¹⁴ Правительственный вестник, 31 января 1914 г., № 25.

лись от участия в решении вопроса (ссылки на участие в заседании 3 января В. Н. Коковцова были из журнала исключены).¹¹⁵

Все это время ход обсуждения дела тщательно скрывался.¹¹⁶ Экземпляры журнала Совета министров имеют гриф «доверительно». Тем не менее назначение повторного обсуждения на 27 марта получило огласку. Сейчас же Совет съездов представителей промышленности и торговли направил И. Л. Горемыкину докладную записку, в которой прежде всего оспаривал юридическую обоснованность намечаемых мер, а затем указывал на их губительность для «отечественной промышленности». По мнению Совета съездов, ставились под удар достижения предшествующих лет: «Отсутствие особенных стеснений в утверждении уставов акционерных компаний создавало благоприятные условия для привлечения в Россию иностранных капиталов и для обращения на промышленные цели разрозненных капиталов, находящихся в руках людей среднего достатка. Ценой огромных усилий удалось русскому торгово-промышленному классу убедить иностранных капиталистов, что в России наконец настало время для спокойной и успешной производительной деятельности. И в последнее время действительно можно было усмотреть признаки благоприятного для нашей промышленности настроения иностранного денежного рынка».¹¹⁷ Однако на этот раз ходатайство Совета съездов не оказало решающего воздействия на позицию правительства, а приведенные в нем аргументы и без того имелись в виду Советом министров.

В заседании 3 января и 27 марта 1914 г. Совет министров в общем поддержал позицию министра торговли и промышленности.¹¹⁸ Он признал, что скупка земель акционерными компаниями производится и «в расчете на извлечение прибыли путем последующей распродажи приобретенных земель, по мере возвышения рыночной их стоимости»; это, «несомненно, будет способствовать искусственному ускорению и без того стремительного за последние годы роста земельных цен, что в свою очередь может нанести существенный ущерб интересам земледельческого населения, затруднив вместе с тем и осуществление проводимых ныне правительством землеустроительных мероприятий». Отсюда делался вывод, «что крупное акционерное землевладение представляет серьезную опасность и в конечном итоге скорее вредно для государства, чем полезно». Решение Совета министров свелось к тому, чтобы вопреки мнению большинства междуправительственного совещания ограничить право акционерных компаний

на приобретение земли в качестве общего правила размером в 200 дес. Разрешение на приобретение акционерными компаниями больших площадей земли могло быть дано Министерством торговли и промышленности по соглашению с Министерством внутренних дел и Главным управлением землеустройства и земледелия, а в некоторых случаях — и с Военным министерством.

Вместе с тем в журнале Совета министров отмечалось, что «дальнейшее расширение отечественной промышленности является одной из насущнейших государственных потребностей, от правильного и своевременного удовлетворения которой зависит возможно полное и дешевое снабжение внутреннего рынка изделиями русского производства». Эта цель может быть достигнута «лишь путем открытия свободного доступа капитала к нашей промышленности. А так как сколько-нибудь крупные предприятия действуют теперь в виде акционерных компаний, то указанная цель сводится ... к облегчению притока капитала именно к акционерным предприятиям». В соответствии с этим было принято решение не стеснять участия лиц иудейского вероисповедания в капиталах акционерных компаний, владеющих земельной собственностью, но ограничить их права по руководству деятельностью этих компаний. Однако в отличие от практики, существовавшей до 1906 г., это ограничение было усугублено: в акционерных компаниях, имевших право приобретения земли с целью ее эксплуатации, лица иудейского вероисповедания вообще не допускались «к участию в составе администрации» (и к непосредственному заведованию земельными имуществами в частности); в тех же случаях, когда компании получали право приобретения земли исключительно для возведения необходимых сооружений, они допускались лишь «к занятию меньшинства должностей членов правления». Это решение было принято, несмотря на предсказывавшуюся Министерством торговли и промышленности (как и при обсуждении акционерного законопроекта 1901 г.) опасность обхода закона и появления компаний «с правлениями не из действительных руководителей предприятий, а из подставных лиц».¹¹⁹

18 апреля 1914 г. это положение Совета министров было утверждено царем.¹²⁰ Однако оно не было опубликовано, как это практиковалось в других случаях, и сведения о вступлении его в силу стали известны неофициальным путем лишь к концу

¹¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 252—267 и 268—283.

¹¹⁶ Там же, л. 292—293.

¹¹⁷ Там же, л. 200—206.

¹¹⁸ Оппозиционное меньшинство составили министры внутренних дел Н. А. Маклаков, юстиции И. Г. Щегловитов и народного просвещения Л. А. Кассо.

¹¹⁹ Заметим, что во все это время вопрос о землевладении акционерных компаний с участием иностранных подданных, т. е. компаний, подпадающих под действие закона 14 марта 1887 г., особо не поднимался. Приобретение земли в перечисленных в этом законе районах разрешалось этим компаниям при условии, что большинство членов их правлений и все директора-распорядители будут российскими подданными.

¹²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 7, 8.

апреля. Немедленно последовала волна критических статей в прессе и докладных записок разного рода предпринимательских организаций в правительственные учреждения.

29 апреля московская газета «Новь» характеризовала новые правила как «невыгодный национализм» (таков был заголовок статьи). В этот же день представители ряда акционерных коммерческих банков посетили управляющего Министерством финансов П. Л. Барка и имели с ним беседу. «Петербургский курьер» в большой статье «Дальше некуда», опубликованной 1 мая, писал, что в правилах 18 апреля необходимо видеть «весьма существенные ограничения, долженствующие нанести нашему акционерному учредительству, следовательно нашей промышленности, непоправимый удар».¹²¹ Орган Совета съездов представителей промышленности и торговли назвал вновь вводимые ограничения «незаконными» и как «неизбежный результат» их введения предсказывал «затруднения в возникновении компаний и стеснения в деятельности существующих». Ссылаясь на мнение специалистов, журнал усматривал в правилах 18 апреля причину имевшего в то время «резкого падения ценностей на бирже». «Вряд ли можно сомневаться в губительности последствий осуществления этих ограничительных проектов, если уже одни слухи о них вызывают такую реакцию», — замечалось в статье.¹²²

Критика была настолько активной, что правительство оказалось вынужденным выступить с официальным разъяснением. В конце апреля по инициативе П. Л. Барка Канцелярией Совета министров был подготовлен текст сообщения в «Торгово-промышленную газету» — официальный экономический орган.¹²³ Со ссылкой на «совершенно компетентный источник» (сообщение предполагалось дать без всякого указания на его официальный характер) в нем делалась попытка убедить публику, что «положение Совета министров не только не устанавливает новых ограничений в отношении права акционерных обществ на владение недвижимостью, но, напротив того, несколько облегчает приобретение этого права, ставя его в известных пределах вне зависимости от заключений отдельных ведомств»; точно так же и «правила об участии евреев в акционерных компаниях, приобретающих недвижимость в сельских местностях, не могут почитаться дальнейшим стеснением участия лиц иудейского вероисповедания в ... акционерных обществах, так как тождественные или даже еще более строгие ограничения содержатся в большинстве разновременно утвержденных уставов». В сообщении дважды отмечалось, что правила 18 апреля введены временно,

«впредь до общего пересмотра действующего акционерного законодательства». Между тем в самом положении Совета министров об этом ничего не говорилось. Тогда же это сообщение появилось на страницах частных газет.¹²⁴

Однако давление на правительство со стороны буржуазии продолжалось.

В начале мая 1914 г. названные правила 18 апреля стали предметом обсуждения VIII очередного съезда представителей промышленности и торговли, который в особой резолюции констатировал, что они «значительно усиливают ограничения, усвоенные до настоящего времени практикой Совета министров ... и что такое усиление ограничений представляется прямой преградой развитию производительных сил страны и угрожает серьезными последствиями русской промышленности, значительно затрудняя приток в нее необходимых капиталов».¹²⁵ В пространной телеграмме, посланной 5 мая председателю Совета министров, съезд, в частности, указывал на то, что «устанавливаемые ... новые ограничения в деятельности акционерных компаний, долженствующие привести к неизбежному ослаблению притока капиталов в промышленность, ставят ее в совершенно невозможное положение» и «отдаляют дальнейшее развитие промышленности на неопределенное время». 12 мая аналогичная телеграмма поступила от съезда лесопромышленников и лесоторговцев, а 21 мая — от Всероссийского общества сахарозаводчиков.¹²⁶

21 июня 1914 г. с обстоятельной докладной запиской на имя председателя Совета министров И. Л. Горемыкина обратился Совет съездов представителей промышленности и торговли.¹²⁷ Более определенно, чем когда-либо раньше, этот орган претендовал на выражение мнения буржуазии в целом, во всяком случае — мнения всех предпринимательских организаций. В записке отмечались «ослабление промышленной энергии и предпримчивости и понижение биржевой расценки бумаг», вызванные, «помимо общих политических причин, некоторыми проявлениями экономической политики, поселаящими в торгово-промышленной сфере неуверенность в завтрашнем дне». На первое место выдвигалось то обвинение, что «развитие частной предпримчивости парализуется все более и более расширяющимся казенным предпринимательством, не ограничивающимся удовлетворением потребностей государственной обороны, а стремящимся к соперничеству с частной промышленностью на народном рынке». Затем с элементом демонстрации указывалось, что «тревожное настроение поддерживается все растущим рабочим движением, которое питается в значительной мере причинами, находящимися вне сферы

¹²¹ Там же, л. 285, 288, 292.

¹²² Промышленность и торговля, 1 мая 1914 г., № 9, с. 462.

¹²³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 294.

¹²⁴ Там же, л. 295—300, 301.

¹²⁵ Промышленность и торговля, 15 мая 1914 г., № 10, с. 527—528.

¹²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 312—320.

¹²⁷ Там же, л. 356—362; ф. 32, оп. 1, д. 56, л. 60—63.

воздействия торговли и промышленности». Жаловался Совет съездов и на судебные преследования предпринимателей в связи с нарушением санитарного законодательства. Основное же содержание записки было посвящено критике правил 18 апреля 1914 г., которые, по мнению Совета съездов, «не только препятствуют развитию промышленности, но в корне подрывают всякую инициативу и самостоятельность в этой области». «На основании своего опыта и знания условий русской промышленности представители самых разнообразных отраслей ее единодушно пришли к заключению, — указывалось далее, — что введение указанных правил самым тяжелым образом отразится на условиях привлечения капиталов в промышленность и может угрожать ей весьма резкими потрясениями, чему некоторым признаком является происходящее в настоящее время и упорно не прекращающееся, несмотря на все меры, стесненное положение биржи». Заканчивалась же докладная записка традиционной формулой: «Совет съездов считает своим долгом почтительнейше ходатайствовать перед вашим высокопревосходительством о пересмотре и отмене всех указанных выше мероприятий, препятствующих развитию производительных сил нашей родины».

В той же записке Совета съездов представителей промышленности и торговли, в частности, указывалось: «По категорическому заявлению представителей горной промышленности, в развитии которой особенно нуждается сейчас Россия, введение новых правил совершенно прекратит возникновение новых предприятий этой отрасли». А 28 июня Совет съездов горнопромышленников Юга России обратился к И. Л. Горемыкину с особой докладной запиской. 12 июля с аналогичной запиской обратился Совет съездов представителей лесной промышленности. Помимо обычных рассуждений о зависимости развития лесной промышленности России от условий акционерного учредительства, в ней делался акцент на то, что рациональное лесное хозяйство вообще возможно только в крупной акционерной форме.¹²⁸

24 июня министра торговли и промышленности посетила делегация от Совета съездов представителей промышленности и торговли в составе Н. С. Авдакова, В. В. Жуковского и Г. Х. Майделя. С. И. Тимашев разъяснил, что при введении правил 18 апреля имелась в виду «задача борьбы с развившейся земельной спекуляцией, а ни в коем случае [не] с акционерными компаниями», и высказал мысль о возможности опубликования разъяснений, которые исключили бы расширительное толкование этих правил.¹²⁹

Учитывая создавшуюся обстановку, и в первую очередь реальную угрозу сокращения прироста акционерных капиталов

(как отечественных, так и иностранных), правительство должно было пойти на попятный. В середине июля 1914 г. сам председатель Совета министров по согласованию с Министерством торговли и промышленности представил Николаю II «всепопдавший» доклад, в котором предлагал временно приостановить действие правил 18 апреля. «Кратковременный опыт применения... ограничительных правил, — говорилось в докладе, — уже успел... выяснить с достаточной очевидностью, что правила эти отразились весьма стеснительным образом на положении акционерного дела в стране. О создавшихся вследствие сих правил серьезных неудобствах для успешного развития деятельности акционерных компаний свидетельствуют многочисленные заявления и ходатайства различных торгово-промышленных организаций. Последовавшее за последние дни осложнение международных отношений не могло не вызвать, само по себе, ощутительного замешательства в торгово-промышленной и вообще экономической жизни нашего отечества. При таких условиях отмеченное выше стесненное состояние акционерного дела еще более обострилось. Наиболее удобным выходом из создавшегося положения было бы, хотя бы временное, возвращение к прежней по отношению акционерных предприятий практике Совета министров, согласно коей не было установлено для акционерных компаний ограничений в приобретении земельных имуществ, а евреи допускались в таких компаниях к занятию меньшинства должностей членов правлений при условии, однако, воспрещения им быть директорами-распорядителями и заведующими и управляющими принадлежащими компаниям недвижимыми имуществами».¹³⁰ Очевидна неточность, допущенная в докладе: в 1906—1913 гг. евреи допускались к занятию должностей членов правлений и директоров-распорядителей без ограничений.

16 июля 1914 г. доклад И. Л. Горемыкина был утвержден царем. Немедленно были приняты спешные меры к распространению сообщения об отмене правил 18 апреля. Временный характер этой отмены современниками не был отмечен, может быть, из-за уверенности, что новый возврат к практике, существовавшей до 1906 г., невозможен.

Начавшаяся первая мировая война серьезно изменила условия экономического развития России. Намного возросли и значение экономического потенциала страны, и роль буржуазии. Не случайно поэтому, что вскоре же после образования буржуазной Центрального военно-промышленного комитета (август 1915 г.) им была направлена записка в Совет министров «о желательности в связи с обстоятельствами переживаемого военного времени отменить содержащиеся в действующих уставах акционерных компаний ограничительные в отношении приобретения недвижимых

¹²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 251—355, 342—345.

¹²⁹ Промышленность и торговля, 1 июля 1914 г., № 13, с. 43.

¹³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 191, л. 370—371.

имущества постановления». Однако Совет «не усмотрел» никаких оснований «к принятию подобной меры». Вместе с тем было сочтено возможным удовлетворить ходатайство нового министра торговли и промышленности князя В. Н. Шаховского о предоставлении ему на время войны права разрешать приобретение земли сравнительно немногим акционерным компаниям, эвакуируемым из западных губерний в глубь страны, «в мере действительной, не превышающей нужд каждого производства, потребности». Было поставлено лишь условие, что о каждом таком разрешении будет доводиться до сведения Совета министров. 21 сентября соответствующее положение Совета министров было утверждено Николаем II.¹³¹

А в октябре 1915 г. В. Н. Шаховской выступил с более общим проектом: он ставил вопрос о предоставлении министру торговли и промышленности права утверждать уставы акционерных компаний, вполне соответствовавшие специально разработанному в его ведомстве «Нормальному уставу торгово-промышленных акционерных обществ (товариществ на паях)».¹³² Во втором параграфе «Нормального устава» оговаривалось, что акционерные общества имеют право приобретать недвижимые имущества, «соответственные целям учреждения общества» (предельные нормы не устанавливались). В случае их нахождения «в местностях, где таковое приобретение воспрещается по закону иностранцам или лицам иудейского вероисповедания», осуществление этого права допускалось «не иначе, как с особого в каждом отдельном случае разрешения министра торговли и промышленности» (в качестве прецедента Шаховской ссылаясь на положение от 21 сентября). При этом, разъяснялось в примечании к уставу, большинство директоров правления общества и кандидатов к ним, а также все директоры-распорядители, поверенные по делам горной промышленности и заведующие и управляющие означенными недвижимыми имуществами должны были быть в первом случае русскими подданными, а во втором — лицами неиудейского вероисповедания.

Совет министров в ноябре 1915 г. передал этот проект на заключение ведомств, а в мае 1916 г. вследствие поступивших возражений отклонил его.¹³³

Не дожидаясь окончательного решения дела, в декабре 1915 г. В. Н. Шаховской письмом на имя И. Л. Горемыкина поставил вопрос о распространении предоставленного министру торговли и промышленности 21 сентября права на все акционерные ком-

пании, работающие на нужды государственной обороны. Совет министров 16 декабря передал этот вопрос на рассмотрение организованного осенью того же года для предварительного согласования акционерных уставов Постоянного межуведомственного совещания по делам торгово-промышленных акционерных компаний. Большинство этого совещания высказалось за положительное решение вопроса с тем, чтобы максимальная площадь приобретаемой земли ограничивалась 3 тыс. дес. для лесо- и горно-промышленных компаний и 200 дес. — для остальных.

2 января 1916 г. письмо Шаховского снова рассматривалось Советом министров вместе с поступившим новым ходатайством Центрального военно-промышленного комитета о разрешении «вновь учреждаемым акционерным предприятиям, впредь до общего пересмотра законодательства об акционерных компаниях, приобретать для устройства фабрик, заводов и складов земельные имущества вне городов и местечек в размере не свыше 50 десятин без каких бы то ни было установленных в отношении личного состава правлений такого рода компаний ограничений». Однако Совет «не мог... прийти к единогласным заключениям», и дело было отложено до 11 марта, когда вновь подверглось «подробному соображению» «во всей его совокупности». Основные возражения в январе были высказаны товарищем министра внутренних дел Н. В. Плеве, который указывал, что положительное решение дела может «в значительной степени свести на нет многолетние заботы правительства об ограждении масс русского народа от вредного влияния еврейства», а потому являлось бы «безусловно неприемлемым».

Совет министров, «не отрицая необходимости всемерного ограждения интересов земледельческого населения в экономической борьбе с еврейским засильем», считал все же, «что исключительные условия переживаемого военного времени повелительно указывают на настоятельность установления возможно льготных условий для расширения и возникновения предприятий», обслуживающих нужды государственной обороны. «А так как сколько-нибудь крупные предприятия действуют теперь в виде акционерных компаний, нуждающихся для сооружения, переноса в новые места и развития своих фабрик, заводов и других подобных сооружений прежде всего в земельных участках, то и надлежит, по мнению Совета министров, принять меры к возможному упрощению и облегчению существующего порядка приобретения соответствующими компаниями необходимых для указанных целей недвижимостей». В конечном счете это выразилось в предоставлении министру торговли и промышленности права по соглашению с министром внутренних дел разрешать акционерным компаниям приобретать до 50 дес. земли для сооружения в течение не более двух лет предприятий, обслуживавших нужды обороны (кроме территории Области Войска Донского и Приамурского генерал-

¹³¹ Там же, оп. 20, д. 94, л. 47.

¹³² ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 13, д. 497, л. 11—52; ф. 1276, оп. 11, д. 428, л. 1—17.

¹³³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 110, л. 105, 107.

губернаторства). 13 мая 1916 г. Николай II утвердил это решение.¹³⁴

Как видим, политика царизма относительно акционерного учредительства (в том аспекте, в каком она рассмотрена в данной работе) складывалась в противоборстве правительственных ведомств, причем торгово-промышленное ведомство довольно последовательно отстаивало буржуазную по существу свободу акционерного предпринимательства. Архаичная разрешительная система учредительства сохранялась исключительно для контролируемого правительством обхода ограничительных положений общегосударственного законодательства. Фактически вследствие систематически проводимых Министерством финансов мер эти ограничительные положения со временем все более утрачивали свое значение, особенно если учесть возможность негласного обхода их акционерными компаниями. Санкционируемый правительством обход ограничительного законодательства контролировался правительством в целом (Комитетом, а затем Советом министров), и все попытки торгово-промышленного ведомства присвоить исключительное право такого контроля кончились неудачей. Сохранявшаяся возможность административного произвола при определении прав акционерных компаний вызывала основное беспокойство буржуазии.

Законодательство, ограничивавшее гражданские права акционерных компаний, было отменено лишь после свержения царизма в марте 1917 г.¹³⁵

В. Н. ГИНЕВ

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС У ЭСЕРОВ

(Соотношение программы и тактики)

«Аграрный вопрос — это наш центральный вопрос. Если мы провалимся в аграрном вопросе, то тогда нам будет крышка»,¹ — такое заявление прозвучало с трибуны III съезда эсеровской партии 30 мая 1917 г. Эти слова можно считать пророческими. Аграрный вопрос (наряду с вопросом о войне) действительно стал в 1917 г. для эсеров тем камнем преткновения, споткнувшись о который

¹³⁴ Там же, д. 402, л. 3, 5—7, 11, 12.

¹³⁵ См.: Л. Е. Шепелев. Акционерное законодательство Временного правительства. В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 369—381.

¹ Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров, состоявшегося в Москве 25 мая—4 июня 1917 г. Степнографический отчет. Пг., 1917, с. 258.

они постепенно утратили влияние в крестьянстве, дискредитировали себя как правящую партию и в конечном итоге сошли с исторической сцены.

Однако в начале 1917 г., казалось, ничто еще не предвещало такого близкого конца. На III съезде докладчик по аграрному вопросу Н. И. Ракитников с апломбом утверждал, что основные особенности русской революции были в свое время определены настолько правильно, что нет никакой нужды вносить в программу какие-либо значительные изменения. VI совет партии, готовя этот съезд, сказал докладчик, «поставил вопрос об аграрной политике и полагал, что основная наша программа останется неприкосновенной, что опыт нашего революционного движения не выдвинул никаких серьезных проектов, обоснованных положений, чтобы нужно было пересмотреть основания нашей программы».²

Программа партии эсеров, включавшая и аграрную часть, была принята на I партийном съезде в январе 1906 г. Она действительно формально осталась без изменений и в 1917 г. Но дело в том, что многие принципиальные положения в программе были сформулированы в такой общей форме, настолько широко, что, очевидно, поэтому III съезд и не стал принимать новую программу, ограничившись только отдельными резолюциями. Толкование программы было очень различным в разные годы и у разных группировок внутри эсеровской партии. Считая с определенным основанием, что они остаются в рамках партийной программы, те или другие эсеровские лидеры доходили иной раз до противоположных крайностей.

В 1917 г. эти споры уже самым непосредственным образом влияли на аграрную политику эсеров. Данная статья имеет целью выяснить, как различные руководители эсеровской партии теоретически обосновывали свою тактику в аграрном вопросе в первые месяцы после Февральской буржуазно-демократической революции. Нас в данном случае интересует прежде всего аргументация эсеровских лидеров, те доводы, которыми они обосновывали свою практическую деятельность, ибо именно эта аргументация, эти доводы оказывали, пусть временно, большое влияние и на крестьян, и на рядовых членов партии. Их надо было убедить в правильности партийной политики, в том, что новейшее толкование партийной программы отвечает создавшимся политическим условиям.

Объявив в 1906 г. своей конечной целью «обобществление труда, собственности и хозяйства», социалисты-революционеры главное внимание тогда уделили разработке программы-минимум. Предполагалось, что в «революционный момент» задачей партии яв-

² Там же, с. 242.

ляется прежде всего «расширение и углубление» различных «социальных, имущественных перемен» в положении трудящихся. Была выдвинута целая система политических и экономических требований, которые эсеры собирались в этот период «отстаивать, поддерживать или вырывать».³

Эсеры считали, что после февраля 1917 г. наступил благоприятный момент для претворения в жизнь именно программы-минимум. Прежде всего это относилось к аграрной части программы, к широко разрекламированной социализации земли. Вот что об этом было записано в 1906 г.: «В вопросах переустройства земельных отношений П[артия] С[оциалистов]-Р[еволюционеров] стремится опереться, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства... Все земли поступают в заведование центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями».⁴

В приведенном программном тезисе обращает на себя внимание равноправное упоминание не только общинных, но и трудовых воззрений, традиций и форм жизни русского крестьянина.

Сопоставляя этот отрывок из программы эсеров с теоретическими построениями русского утопического социализма в целом, следует напомнить, что ему начиная с середины XIX в. был присущ общинный характер. Наиболее прямой путь к социализму лежит через крестьянскую поземельную общину — таково было убеждение Герцена, Чернышевского, народников 70—80-х годов. Положение несколько изменилось в следующем десятилетии. Развитие капитализма в деревне, хотя и отрицалось в народнических журналах, все же заставило неонародников 90-х годов, а затем и эсеров делать те или иные оговорки относительно общины. В такой обстановке появилась и постепенно стала теснить старонароднический общинный социализм теория мелкого трудового крестьянского хозяйства, успешно противостоящего капитализму и склонного к социализму независимо от того, входит ли данное трудовое хозяйство в общину или нет. В начале XX в. опора только на одни общинные традиции и формы жизни деревни казалась эсерам уже недостаточной. Поэтому в помощь им в программе появились еще и трудовые традиции и формы.

Однако в период разработки программы, как до съезда, так и в дискуссии на I съезде эсеров, четкого разграничения общинных и трудовых традиций не проводилось, они как бы существовали неотделимо друг от друга. Большинство эсеров по-прежнему

главным образом с общиной связывали свою убежденность в безусловной социалистической природе русского крестьянина.

Можно себе представить, какой переполох в стане «общинников» произвела Столыпинская аграрная реформа. По выражению одного из авторов, она вызвала у них «идейный столбняк». «Да, идейный столбняк, состояние растерянности и недоумения охватило многих из тех, кто еще так недавно не ведал ни колебаний, ни сомнения».⁵ В связи со Столыпинской реформой появилась необходимость вновь заняться теоретическими проблемами эсеровского социализма с тем, чтобы доказать правильность эсеровской программы и в новых условиях. Эту задачу взял на себя выходивший в 1910—1911 гг. под редакцией В. Чернова неперIODический эсеровский журнал «Социалист-революционер». «Социалист-революционер» решительно восстал против того, чтобы связывать «судьбу социализации земли как программы-минимум» с «судьбой общины».⁶

Изменения во взглядах эсеров на роль общины, происшедшие после 1905—1907 гг., представляют немалый интерес и в определенной степени объясняют некоторые стороны их тактики в аграрном вопросе 1917 г.

Н. И. Ракитников, писавший в «Социалисте-революционере» под псевдонимом Н. Максимов, не отрицал проходящего после 1906 г. активного процесса перехода общинных земель в частную собственность. И даже, объясняя с радостью некоторые замедления темпов осуществления Столыпинской реформы в 1910 г. приверженностью крестьян к общинному землевладению, он тем не менее не обольщал себя и других надеждой на полное прекращение выходов из общины.⁷ «Разрушение общины указом 9 ноября, — говорилось в статье, — факт огромного общественного значения». Он «меняет радикально всю обстановку современной деревни, а стало быть, условия нашей революционно-социалистической работы в ней». Это, по мнению автора, конечно, требовало определенной переоценки «некоторых ценностей», но отнюдь не должно было привести к радикальному пересмотру программы и тем более «миросозерцания».⁸

Статьи Ракитникова в «Социалисте-революционере», оставляя в тени вопрос о частичных теоретических уточнениях, выполняли как раз вторую задачу: доказать друзьям и врагам незыблемость основных эсеровских теоретических положений, несмотря на все

³ С. Р. Крайний. Социализация земли как тактическая проблема. — Социалист-революционер, 1911, № 3, с. 162.

⁴ Н. М[аксимов]. Социализация земли и наша программа-минимум. — Социалист-революционер, 1911, № 3, с. 238.

⁵ Н. Максимов. Разложение общины и наша программа. — Социалист-революционер, 1910, № 1, с. 131—135; Н. М[аксимов]. Социализация земли и наша программа-минимум, с. 281—282.

⁶ Н. Максимов. Разложение общины и наша программа, с. 135—136.

³ Программа партии социалистов-революционеров. Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. [Б.м.], 1906, с. 360—361.

⁴ Там же, с. 363.

действия правительства против общины. Делалось это путем обоснования тезиса, что еще со времен выработки программы община вовсе не играла во взглядах эсеров «роли того краеугольного камня, на котором все держится и с выпутнем которого все рушится».⁹

С этой целью Ракитников провел развернутое сравнение классических народнических взглядов на общину и — более широко — на пути перехода России к социализму с тем новым, что было внесено в эти вопросы в начале XX в. социалистами-революционерами. Для Герцена, по словам Ракитникова (и это действительно так), славянская община являлась «чуть ли не единственным якорем спасения для социализма». Прав он и в том, что «воззрение Чернышевского на отношение общины к социализму выражено в более умеренных терминах, чем это сделал Герцен, но оно несомненно очень близко к герценовскому». Народники 70-х годов жили в мучительной тревоге «за судьбу драгоценных зародышей социалистического будущего» и звали крестьян к революции, пока еще правительство и нарождающаяся буржуазия не разрушили общину и вместе с ней возможность для России миновать капиталистическую фазу развития.¹⁰

Но время шло. Постепенно споры о том, может или не может Россия избежать капитализма, прекратились. Даже эсеры вынуждены были признать, что русский капитализм, по крайней мере в городе, стал фактом, действительностью. В этих условиях старая народническая идея о скором вступлении в социализм, минова капитализм, в результате победоносной крестьянской революции и через посредство общины трансформировалась у эсеров в утверждение возможности «в каждый момент прервать» развитие капитализма, «в каждый данный момент положить конец капиталистической эксплуатации, не дожидаясь боя часов, приводимых в движение производительными силами».¹¹ Но теперь не община давала им такую уверенность. Увлечение ею, «идеализация ее, свойственные семидесятым годам, постепенно выветривались». В начале XX столетия она казалась «гораздо более прозаической особой», чем представлялась ранее.¹² После всего сказанного уже не таким неожиданным выглядит следующее заявление: «Основные принципы социализации земли ... ни в какой связи с сохранением общинного землевладения не стоят».¹³ Эсеры считали, что их программа социализации земли одинаково пригодна и для общинных районов, и для тех мест, где преобладает подворно-наследственная система землевладения. Обращение земли в общенародное достояние, осуществление прин-

ципов демократического самоуправления при организации землепользования и гарантия индивидуальных трудовых земельных прав — вот что, по утверждению эсеровского теоретика, составляло теперь основу эсеровской аграрной программы-минимум.¹⁴

Попытки умалить роль общины в аграрной программе эсеров, особенно активно предпринимавшиеся после 1907 г., были связаны, как уже говорилось, со стремлением выйти из идейного кризиса в партии, вызванного активным проведением в жизнь Столыпинской реформы. Но даже и в это время тот же «Социалист-революционер» предостерегал от шарахания из одной крайности в другую. Теперь, когда судьбы общины в опасности, говорилось в одной из статей, «очень соблазнительно сводить к минимуму связь, существующую между нашими программно-тактическими построениями и общинным духом крестьянства».¹⁵

Конечно, теория мелкого трудового крестьянского хозяйства, которое впоследствии предполагалось охватить различными формами кооперации, в какой-то степени ослабила значение общины в аграрных взглядах эсеров сравнительно со старонроднической теорией общинного социализма. Тем не менее община все же не перестала играть в эсеровской социализации важную роль. Для многих она продолжала оставаться если не единственным ее условием, то во всяком случае очень существенным фактором, облегчающим аграрные преобразования в духе эсеровской программы. Это двойственное отношение к общине, характерное для эсеров в межреволюционный период: для одних — благовоющее, для других — полубезразличное, наложило свой отпечаток и на их тактику в аграрном вопросе после февраля 1917 г., а также и на теоретическое обоснование этой тактики.

Ярко выраженную прообщинную позицию занимал после Февральской революции видный деятель эсеровской партии, редактор «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» Н. Я. Быховский. На II Петроградской городской конференции эсеров в апреле 1917 г., делая доклад по аграрному вопросу, он заявил: «Существование русской общины и веками выработавшихся в народном сознании уравнилельно-передельных традиций и навыков рассматривалось нами всегда как один из могучих факторов народно-правового сознания для осуществления социализации земли».¹⁶ Ту же мысль он развивал и на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов в мае. Перподические переделы земли в общине являлись, по его словам, «самым показательным аргументом» в пользу того, что крестьяне «способны воспринять социалистическую идею». Конечно, и при

⁹ Там же, с. 138.

¹⁰ Там же, с. 150, 152, 160—161.

¹¹ Там же, с. 161, 164.

¹² Там же, с. 165.

¹³ Там же, с. 167.

¹⁴ Социалист-революционер, 1911, № 3, с. 195.

¹⁵ Там же, с. 187.

¹⁶ Дело народа, 13 апреля 1917 г., № 23, с. 2.

переделах бывають обижелные и обделенные, но важен принцип переделов. Само по себе стремление к равномерному распределению благ есть уже начало того, к чему стремится социализм.¹⁷

В обоих докладах, приводя цифры и расчеты, Быховский стремился доказать, что община, несмотря на Столыпинскую реформу, в основном устояла и способна по-прежнему быть основой эсеровских аграрных преобразований. Хотя за время действия Столыпинского законодательства 2,5 млн крестьян (23%) вышли из общины, это далеко еще не был ее конец: отвалился лишь угол здания, а самый массив остался почти нетронутым. Быховский утешал себя и других также тем, что община больше всего разрушалась там, где и раньше не было прочных общинно-передельных традиций — в местах новой колонизации на юге и юго-востоке страны, на слабо общинном северо-западе; наконец, в промышленных губерниях, в которых земледелие не имело большого значения. На эти районы (14 губерний), по его подсчетам, приходилось 57% (доклад на Петроградской конференции) или 63% (доклад на съезде Советов крестьянских депутатов) выделившихся. В остальных 34 губерниях Европейской России Быховский насчитывал только полмиллиона единоличных хозяйств и отсюда делал оптимистический вывод: «... в исконно общинных губерниях единоличное крестьянское землевладение представляет собой незначительные островки в общинном море»¹⁸ или даже «ничтожные острова среди огромного океана русского общинного крестьянского землевладения».¹⁹

Не менее оптимистично в его изложении выглядел и общий итог подсчета единоличных и общинных хозяйств для всей Европейской России — 4,5—5 млн единоличных из общего количества в 20 млн. Таким образом, резюмировал докладчик, три четверти дворов остаются общинными и для них «лозунг обобществления земли и теперь является самым желанным и понятным лозунгом».²⁰

Для Быховского характерно стремление не только предотвратить дальнейшее разрушение общины, но вообще ликвидировать все последствия столыпинской деятельности. «Наша задача, — говорил он на съезде крестьянских Советов, — должна заключаться в том, чтобы всех вышедших из общины снова вернуть в нее». Даже в южных губерниях, которые Быховский считал «сравнительно неблагоприятными», было возможно, по его мнению, «оживить общинный порядок». «До известной степени» это оказывалось достижимым и на Украине, несмотря на то что

там вообще не существовало общины.²¹ Таким образом, Быховский, хотя и не утверждал, что без общины социализация земли совершенно невозможна, настолько был уверен в огромных преимуществах, которые дадут общинные навыки в планируемых эсерами аграрных преобразованиях, что проектировал насаждение общины даже в тех местах, где ее никогда раньше не было.

Однако не все придерживались таких крайних убеждений. В газетных статьях и в выступлениях ораторов на конференции петроградских эсеров и на съезде Советов крестьянских депутатов если и упоминалось об общине, то это выглядело не более как общим местом, обычной эсеровской фразеологией, и было бы преувеличением придавать ей какое-то злободневное принципиальное значение. Большинство эсеровских теоретиков в это время, очевидно, было согласно с упоминавшимся выше тезисом «Социалиста-революционера» о почти одинаковой пригодности для социализации любого типа крестьянского хозяйства — как общинного (это лучше), так и подворного. В этом духе выступал на съезде Советов крестьянских депутатов В. Чернов. Он пытался обрисовать общую картину будущего землеустройства и исходил при этом из наличия различных форм землепользования в России, не предлагая преобразовывать подворное в общинное.²² Свою точку зрения, высказанную еще в 1911 г. в «Социалисте-революционере», повторил на III съезде эсеров Ракитников.²³ Орган петроградской организации эсеров газета «Земля и воля» предполагала три возможных типа пользования общенародной землей после осуществления земельной реформы: общинное, подворно-наследственное и хуторское. Причем при обращении земли в общенародное достояние два последние вида землевладения нуждались «только в переименовании в подворно-наследственное и хуторское землепользование»; община также оставалась той же русской передельной общиной, только приспособленной к национализации земли «путем сохранения общинного землепользования при уничтожении общинного землевладения».²⁴

Если от 1917 г. вновь ненадолго вернуться к 70-м годам XIX в., то следует сказать, что и в то время общинный народнический социализм не связывал осуществление земельных преобразований только и исключительно с общиной.²⁵

²¹ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 26 мая 1917 г., № 15.

²² Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 19 мая 1917 г., № 10.

²³ Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров, с. 245.

²⁴ Земля и воля, 27 мая 1917 г., № 52. (Курсив наш. — В. Г.).

²⁵ В программе общества «Земля и воля» (1878 г.) было записано: «... мы должны требовать перехода всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного ее распределения. (Мы убеждены, что две трети России будут владеть землею на общинном начале)». Сходная

¹⁷ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 26 мая 1917 г., № 15, с. 2.

¹⁸ Дело народа, 13 апреля 1917 г., № 23.

¹⁹ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 26 мая 1917 г., № 15.

²⁰ Дело народа, 13 апреля 1917 г., № 23.

Землепользование какой-то части крестьянства (у землевладельцев — одной трети) мыслилось в иных, необычных формах. И когда эсеры через несколько десятков лет после этого заявляли, что их проект социализации земли «не враждебен хуторам как определенному способу разделения земли на хозяйственные единицы», а «принципиально враждебен только частной собственности на землю», то здесь можно, на наш взгляд, говорить о каких-то самых общих народнических теоретических основах, о теоретической нити, протянувшейся от 70-х к 1910-м годам. Но то, что у народников 70—80-х годов существовало лишь в форме едва намеченной возможности, у эсеров после революции 1905 г. становилось равноправным вариантом решения аграрного вопроса. И что самое важное, усилившаяся тенденция к признанию подворного и хуторского крестьянского землепользования таким же полусоциалистичным, как и общинное, велась к усилению правых взглядов в эсеровской партии. Таким путем в разряд «трудовых» хозяйств под вполне приличной «социалистической» оболочкой попадали не только крепкие середняцкие хозяйства, но и хуторские — полукулацкие, а то и прямо кулацкие. Правое крыло и центр эсеров постепенно по ряду пунктов сближались с энесами. Это особенно сказывалось в таких злободневных после февраля 1917 г. вопросах, как социализация крестьянских наделных и купчих земель, размеры трудовой нормы землепользования, выкуп земель, обрабатываемых в народное достояние.

Судьба крестьянских земель при проведении социализации волновала делегатов еще I эсеровского партийного съезда в 1906 г. Во время обсуждения программы уже тогда высказывалось опасение, что «принципы социализации могут столкнуться... с собственническими тенденциями части крестьянства».²⁵ Принятая на I съезде программа, однако, не заостряла внимания особо на крестьянских землях, указав лишь в общей форме, что «все земли поступают в заведование центральных и местных органов народного самоуправления». Не определяла программа и нормы землепользования. Провозглашенный принцип уравнительности выглядел очень неопределенно. «Пользование землей, — говорилось в программе, — должно быть уравнительно-трудовым, т. е. обеспечивать потребительскую норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товарище-

идея содержится и в одном из основных народнических документов — «Программе рабочих, членов партии „Народной воли“». «Вся земля переходит в руки рабочего народа и считается народной собственностью. Каждая отдельная область отдает землю в пользование общинам или отдельным лицам, но только тем, кто сам занимается обработкой ее». — Революционное народничество семидесятых годов XIX века. Т. II. М. — Л., 1965, с. 30—31, 188.

²⁶ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров, с. 184, 208—210.

стве». Такая формулировка допускала различные толкования. Оставалось неясным, действительно ли авторы программы предполагали последовательно проводить строго уравнительное перераспределение земли между крестьянами или обещали обеспечить только потребительскую норму-минимум, оставляя в тени возможность других, более высоких «трудовых норм».²⁷

После Февральской революции вопрос о нормах землепользования из сферы теории перешел в область практики и приобрел тем самым особую остроту. В литературе неоднократно отмечалось сползание эсеров, особенно их правого крыла, на позиции защиты интересов зажиточных слоев крестьянства. Действительно, резко отрицательное отношение к мироеду-кулаку, характерное для классического народничества и даже для значительной части социалистов-революционеров начала XX в., постепенно сменялось примиренческими настроениями, стремлением не обострять классовую борьбу внутри крестьянства. Прикрытый утопической социалистической оболочкой, эсеровский буржуазный демократизм становился все более умеренным. Особенно значительную роль в этом процессе сыграли изменения в социальной структуре деревни после Столыпинской реформы.

Даже Н. Я. Быховский, занимавший сравнительно радикальную позицию в аграрном вопросе, говорил на II Петроградской конференции эсеров в апреле 1917 г., что существующие, помимо общинников, «4,5 миллиона мелких собственников-крестьян заставляют призадуматься». «Междоусобная борьба» между ними и бедняками, «между деревенской беднотой и более зажиточными элементами, между общинниками и отрубниками», «такая междоусобица внутри деревни» теперь, по мнению Быховского, «была бы, конечно, только на руку вдохновителям контрреволюции».²⁸

Сходное настроение мы видим и у редактора петроградской «Земли и воли» В. Е. Зюрюкина. В статье «Крестьяне и земля» (6 мая 1917 г.) он выразил сожаление по поводу того, что «начавшееся движение среди крестьянского населения по самовольному захвату частновладельческой земли с помещиков переходит и на более мелких земельных собственников, на хуторах и отрубников».²⁹

Депутат II Петроградской конференции эсеров Дидусенко сетовал по тому же поводу: «Вбит клин в общину, имеется класс собственников. Если бы у всех из них количество земли соответствовало трудовой норме, вопрос упрощался бы, но некоторые имеют сверх нее. Пока мы останемся на точке зрения I съезда,

²⁷ Предложение изложить соответствующее место о нормах таким образом, чтобы было четко указано, что «размеры наделения землей не должны превышать трудовой нормы и нарушать потребительной», было отвергнуто большинством съезда. См.: Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров, с. 252.

²⁸ Дело народа, 14 апреля 1917 г., № 24.

²⁹ Земля и воля, 6 мая 1917 г., № 36.

а детали разработаем после».³⁰ Обращает на себя внимание это словечко «пока». Дидусенко был явно готов к пересмотру некоторых основных положений аграрной программы своей партии. Для него это являлось только вопросом времени и обстоятельств.

Претендуя на то, чтобы быть выразителями интересов всего так называемого трудового крестьянства, и оказавшись в то же время перед фактом усилившейся в результате Столыпинского законодательства поляризации деревни, эсеровские лидеры стали на скользкий путь лавирования, скатываясь все более и более вправо, к энесам. Интересно в этом отношении сравнить речи представителей той и другой партии на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов.

Один из основных докладчиков на съезде энес Н. П. Огановский, произведя подсчеты общего количества удобной земли в европейской части России и разделив полученную цифру на общее число крестьянских хозяйств, нашел, что в среднем на одно хозяйство придется 11 десятин — чуть выше потребительской нормы. Поделить так землю означало затронуть интересы тех, у кого имелось свыше 11 десятин на двор. На это энес Огановский пойти не мог. «Всеобщее разделение земли признается большинством нашей партии невозможным, — заявил он, — потому что оно восстановило бы против себя значительную часть, если не большинство, крестьян». Естественно, тут же возникал вопрос о верхних границах не подлежащего отчуждению надела, о той самой «трудовой» норме, не переступая которую хозяйство могло считаться трудовым. Цифры эти имели принципиальное значение, и у Огановского они очень высоки — для разных районов от 25 до 75 десятин на двор. «В пределах этих норм, — по его мнению, — земля должна быть оставлена в пользовании отдельных хозяйств».³¹

Такая позиция не была новой для партии народных социалистов. Еще со времени первой русской революции они выражали, по словам В. И. Ленина, интересы «хозяйственных мужичков», боявшихся «произвести слишком крутой переворот» в земельных отношениях, желавших взять землю у помещика, но отнюдь не собиравшихся делиться ею с бедняком.³² Любопытно другое. Огановский заявил на съезде об определенной согласованности в деле подготовки земельной реформы энесов, эсеров и трудовиков. «Мы — все три народнические партии, — сказал он, — считаем возможным и необходимым произвести отчуждение не свыше трудовой нормы».³³

³⁰ Дело народа, 14 апреля 1917 г., № 24.

³¹ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 18 мая 1917 г., № 9.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 287.

³³ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 18 мая 1917 г., № 9.

Сближение энесов и эсеров (правого крыла и центра) в аграрном вопросе после февраля 1917 г. (и даже еще ранее) несомненно. Но было бы неправильным, на наш взгляд, игнорировать и различия, хотя бы эти различия касались не существа, а деталей.

От имени эсеров на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов с докладами выступали, кроме Н. Я. Быховского, С. Л. Маслов и В. М. Чернов. Последний, представив себя не как министра земледелия, а как «делегата крестьянского», подробно остановился на проблеме потребительской и трудовой норм землепользования. Как и Огановский, Чернов считал необходимым иметь две нормы, но в отличие от энесов предпочел обойти щекотливый вопрос об абсолютных размерах наделов, заявив, что это должны определить местные земельные комитеты. Чернов признал также, что само наличие двух норм в принципе противоречит эсеровской программной идее уравнительности, но это тем не менее необходимая первая ступень к грядущему земельному «поравнению», к некоей средней всероссийской норме. Переход ко второму этапу земельной реформы, однако, не мыслился им как новый всеобщий передел земли. Он предлагал совершенно другой путь, а именно усиленное налогообложение участков, превышавших новую среднюю норму. Средства, полученные от налоговых поступлений, должны были, с одной стороны, пойти на улучшение хозяйства тех, у кого земли по-прежнему будет меньше, а с другой, — сделать не столь соблазнительным владение земельными излишками. Таким путем, «без ломки землепользования», Чернов планировал ликвидировать то, мягко говоря, «недостаточное равенство» крестьян, которое, как он и его единомышленники отлично сознавали, продолжало бы сохраняться в деревне и после так называемого обращения земли в общенародное достояние с потребительской и трудовой нормами.³⁴

Характерная для лидеров эсеров в послефевральский период боязнь обострения классовой борьбы в деревне, и в частности розни между различными группами крестьянства, в мае — июне 1917 г. наглядно проявилась в рекомендациях, даваемых Черновым по вопросу о казачьих землях. Проходивший в это время общеказачий съезд решительно высказался против ликвидации казачьих земельных привилегий. Сама мысль о том, что, может быть, придется делиться землей с «пшгородними», вызвала у представителей зажиточного казачества резкий протест. Со своей стороны беднота, жившая в казачьих областях, требовала обещанного обращения земель в общее достояние. В создававшейся обстановке надо было хотя бы словесно как-то продемонстрировать свою верность программным принципам. На помощь

³⁴ Там же, 19 мая 1917 г., № 10.

вновь пришла идея постепенной, двуступенчатой социализации. Успокаивая делегатов на съезде крестьянских Советов, Чернов применительно к казачьим землям рекомендовал ту же постепенность, как и вообще в отношении всего земельного вопроса. «Было бы неосторожно, — говорил он, — сразу грубым манером отрезать весь излишек и вызвать то, что новые пришельцы и старые сойдутся и пойдут друг друга в колья». ³⁵ Так, в мае 1917 г. эсеровский министр земледелия конкретизировал выработанное за одиннадцать лет до этого при самом активном его участии программное положение об уравнильно-трудовом землепользовании.

В 1917 г. подверглась «уточнению» не только эта часть программы. Не менее остро стоял вопрос и о выкупе земли. Еще на I съезде партии эсеров некоторые делегаты не исключали возможности частичного выкупа помещичьих земель. ³⁶ Но это было правое крыло съезда, будущие энесы. Однако, когда речь заходила о крестьянских купчих землях, превышавших вместе с наделными трудовую норму, то здесь проявляли колебание и некоторые правоверные социалисты-революционеры, предлагая, чтобы «земли, приобретенные на трудовые деньги», были выкуплены. ³⁷

Правда, в 1906 г. эти мнения не нашли поддержки у большинства съезда. В окончательном тексте программы было записано: «Земля обращается в общенародное достояние без выкупа». По-видимому, это относилось ко всем разрядам земель. Во всяком случае о выкупе крестьянских земель нигде в программе особо не упоминалось. Но мысль о допустимости выкупа все же не умерла. Напротив, она получила дальнейшее развитие, поскольку этому, естественно, способствовало появление сотен тысяч новых хозяйчиков на отрубных и хуторских землях. Уже упоминалось о том, что наличие 4,5 млн мелких собственников заставляло «призадуматься» даже представителя левого течения в эсеровской партии Н. Я. Быховского. На II Петроградской городской конференции эсеров напоминалось, что, «признавая конфискацию без выкупа, партия с.р. и ранее в литературе указывала, что трудовые хозяйства отчуждаются с выкупом». ³⁸

В некоторых статьях велась речь о «вознаграждении» даже помещиков. Хотя партия социалистов-революционеров «стоит вообще на той точке зрения, что национализация и социализация должны быть проведены в интересах трудового крестьянства без выкупа, — писала «Земля и воля» 3 июня 1917 г., — пока вопрос о том, будет ли у нас экспроприация класса землевладельцев возмездная или безвозмездная, остается открытым», «события не решились его ни в ту, ни в другую сторону», но «вообще есть основа-

ния ожидать частичного вознаграждения нынешних землевладельцев и держателей закладных листов». ³⁹ Разумеется, сторонники выкупа понимали, что крестьяне на выкуп не согласятся и не допустят обложения себя для этого каким-либо новым налогом. Поэтому они выдвигали проекты проведения выкупной операции за счет государства, путем выпуска займов, обложения имущих классов и т. п. ⁴⁰

Министр земледелия В. Чернов о выкупе, так же как и о нормах землепользования, высказывался уклончиво. Вместо ясного и твердого определения своей и записанной в партийной программе точки зрения он демагогически апеллировал к крестьянским массам, заявив на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов: «Вопрос о том, что должно быть положено в основу земельной реформы, какое начало, по всем этим вопросам о собственности на землю, выкупе или невыкупе — по всем этим вопросам, решите дело вы, в земельных комитетах, без всякой в этом отношении указки, всякого стремления продиктовать вам какую-нибудь волю». ⁴¹ По существу такое выступление означало, что Чернов хочет оставить за собой свободу выбора действий в зависимости от обстоятельств. Более откровенно говорил об этом несколько ранее на петроградской эсеровской конференции Быховский: «Сейчас мы стоим на точке зрения, что выкупа не должно быть; что будет дальше — увидим. Если мы увидим, что отрицание выкупа может грозить резней между большинством и меньшинством крестьянства, мы, может быть, пойдём и на уступки». ⁴² И хотя и I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, и III съезд партии эсеров в своих резолюциях высказали безоговорочно отрицательное отношение к выкупу, это, как видно, все же не означало окончательного решения вопроса даже для самих эсеров. Многие из них продолжали склоняться в пользу выкупа, и все зависело от того, каково будет реальное соотношение сил в партии и стране в решающий момент.

До сих пор речь шла о различных толкованиях некоторых принципиальных программных положений, делавшихся эсеровскими теоретиками в межреволюционный период и в первые месяцы после февраля 1917 г. Но существовала еще и обширная область тактики. Темпы, сроки, способы осуществления аграрной про-

³⁵ Земля и воля, 3 июня 1917 г., № 58.

³⁶ Земля и воля, 3, 7 июня 1917 г., № 58, 61; Дело народа, 14 апреля 1917 г., № 24.

³⁷ Там же, с. 192, 202, 205.

³⁸ Там же, с. 192, 202, 205.

³⁹ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 26 мая 1917 г., № 15.

⁴⁰ Дело народа, 14 апреля 1917 г., № 24.

⁴¹ Дело народа, 14 апреля 1917 г., № 24.

⁴² Дело народа, 14 апреля 1917 г., № 24.

³⁵ Там же.

³⁶ Протоколы первого съезда социалистов-революционеров, с. 90—92.

³⁷ Там же, с. 192, 202, 205.

³⁸ Дело народа, 14 мая 1917 г., № 24.

граммы-минимум были поставлены в зависимость от множества обстоятельств, и это вызывало не менее острые споры в партии, чем вопросы об общине, земельных пормах и выкупе.

Тактика эсеров в аграрном вопросе в 1917 г. также требовала определенного теоретического обоснования и находилась в тесной связи с их отношением к государственным учреждениям, которые должны были образоваться в стране после свержения самодержавия. У эсеров никогда не было четких представлений о классовой основе политического строя России после свержения самодержавия. В их программе «класс крупных промышленников и торговцев» безоговорочно заносился в союзники монархии. Но одновременно подразумевалось, что осуществление программы-минимум все же будет происходить «в пределах буржуазного государства».

Борьбу с царизмом наряду с пролетариатом, трудовым крестьянством и революционно-социалистической интеллигенцией вела, по утверждению эсеров, еще и довольно неопределенная «либерально-демократическая оппозиция», охватывающая «преимущественно промежуточные в классовом отношении элементы образованного общества». К этой либерально-демократической оппозиции, очевидно, и должна была перейти власть, поскольку рабочим, крестьянам и социалистической интеллигенции программой отводилась после победы революции роль «революционного меньшинства», способного «оказывать лишь частичное влияние на изменение общественного строя и ход законодательства».⁴³ И хотя либерально-буржуазная оппозиция и оказывалась, таким образом, оторванной от какого-либо класса, в этом программном положении уже содержался зародыш будущего сотрудничества с так называемыми «живыми силами» русской буржуазии, которым в 1917 г. было доверено, правда под контролем и давлением Советов, руководство страной в революционный период.

Поэтому, когда в феврале—марте 1917 г., имея реальную возможность взять власть, эсеры (совместно с меньшевиками) не воспротивились образованию буржуазного Временного правительства, они, можно сказать, в общем действовали в соответствии с утвержденной на своем I съезде программой.

Поскольку социализация земли входила в программу-минимум и, следовательно, ее осуществление предполагалось при буржуазном правительстве, возникал вопрос, какова будет реальная роль государственных учреждений в этом процессе. Судя по программе, эсеры собирались после свержения самодержавия вести политику «частичных завоеваний», которые должны были постепенно, особенно в деревне, подрывать буржуазный строй. От правительства под нажимом «революционного меньшинства» следо-

вало добиваться соответствующих постановлений, которые бы не препятствовали или даже способствовали осуществлению в возможно полной мере всех пунктов программы-минимум. Отношение к должностному приходу на смену самодержавию правительству было, таким образом, в эсеровской программе двойственным и противоречивым. С одной стороны, это была сила, враждебная социализму, которая только под нажимом могла провести какие-либо мероприятия в пользу трудящихся; с другой, — строились определенные расчеты на государственную помощь той же социализации.⁴⁴

Это двойственное отношение к приходящему на смену самодержавию буржуазному государству сказалось, в частности, на самом понятии социализации земли. Однозначного представления об этом у эсеров никогда не было. В период революции 1905 г. социализация земли большей частью противопоставлялась национализации, которая понималась как переход земли в собственность государства. Поскольку же предполагалось, что государство будет поначалу буржуазным, отношение к национализации было отрицательным, ибо в этом случае буржуазное правительство получало, по мнению эсеров, дополнительные возможности для давления на трудящихся. Преимущество социализации в их глазах как раз и заключалось в том, что она, объявляя землю общенародным достоянием,⁴⁵ отдавала ее непосредственно в уравнительно-трудовое пользование крестьянам и пробивала этим брешь в отечественном капитализме. В то время эсеры соглашались поддерживать национализацию земли только при условии сосредоточения власти «в руках рабочего класса». В этом случае она, по их понятиям, совпадала с социализацией.⁴⁶

После Февральской революции так занимавшая ранее партийных теоретиков проблема соотношения социализации и национализации почти не затрагивалась на страницах эсеровской печати. Былую страстность споров сменило благодушное примирительное настроение. Говоря о возможном объединении народнических партий и групп (трудящихся, народных социалистов и социалистов-революционеров), «Дело народа» в основу обязательной объединительной платформы, не подлежавшей обсуждению, ста-

⁴⁴ Так, например, в программе говорилось, что партия социалистов-революционеров «будет стоять ... за коммунальную, земскую, а равно и государственную политику, благоприятствующую развитию коопераций на строго демократических началах». Был внесен также пункт об организации «земских и областных органов самоуправления при помощи общегосударственных средств широкого кредита для развития трудового хозяйства».

⁴⁵ Термин «достояние» эсеры противопоставляли понятию «собственность». Подробнее об этом см.: В. И. Гинев. Из истории разработки аграрной программы социалистов-революционеров. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IV. Л., 1972, с. 244—245.

⁴⁶ Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве. — Революционная Россия, 1903, № 15.

⁴³ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров, с. 359—380.

вило только «республику и социализм». «Другие вопросы — социализация или национализация земли, выкуп или конфискация» — могли, по мнению центрального органа эсеров, «вполне мирно и безболезненно обсуждаться и в пределах одного течения». ⁴⁷ В некоторых статьях социализация земли, ранее резко противопоставлявшаяся буржуазной национализации, из альфы и омеги эсеровской аграрной программы превращалась всего лишь в один из возможных видов «землепользования при национализации». ⁴⁸ Так незаметно исчезало отрицательное отношение эсеров к национализации земли российским буржуазным государством, конкретно — той Российской республикой, которую, по их убеждению, должно провозгласить Учредительное собрание.

Подготовка национализации и проведение ряда неотложных переходных мер доверялись под контролем Советов Временному правительству. А всякие как бы чисто словесные манипуляции терминами «национализация» и «социализация» служили мостиком, по которому рядовой эсеровской массе предлагалось перейти от настороженного отношения к буржуазному государству, какое было характерно для социалистов-революционеров периода первой русской революции, к доверию и поддержке аграрной политики «революционного» Временного правительства с участием «министров-социалистов».

Таким образом, отношение эсеров к Временному правительству не было случайным, стихийно сложившимся после февраля 1917 г. Теоретические основы взаимоотношений социалистов-революционеров и буржуазных государственных учреждений были заложены еще во времена оформления эсеровской партии. Соответствующая теория обусловила при определенных исторических обстоятельствах поддержку конкретного — Временного — правительства, а это в свою очередь послужило основой стремления решить аграрный вопрос в стране не революционно, а постепенно и компромиссно, и уже отсюда проистекало резко отрицательное отношение эсеровского правого крыла и центра к революционному захвату земель крестьянскими организациями.

...

Конкретный вопрос о захватах помещичьих земель — как предварительное условие социализации — не впервые возник перед эсерами после февраля 1917 г. Он также имеет свою предысторию, и началась она еще до I съезда их партии. Один из проектов эсеровской программы предусматривал два возможных варианта проведения социализации земли в зависимости от соотношения революционных и контрреволюционных сил: немедленный и по-

степенный, через ряд переходных этапов. На I съезде часть делегатов считала, что «осуществление социализации земли может быть мыслимо лишь при очень высокой температуре общественного настроения», поэтому она «осуществима или сейчас, или лишь при социализме». ⁴⁹ Другие полагали, что «нечего бояться затяжного характера революции».

После февраля, сравнивая современную тактику эсеров с их лозунгами 1905 г. (перед созывом I Думы), Чернов считал правильными в принципе призывы к массовому «захватному» движению в период первой русской революции, но отрицал их необходимость в 1917 г. Тогда, говорил Чернов, Дума была безвластна и эсеры считали, что только народное движение будет точкой опоры для борьбы с властью. Теперь же «наш лозунг — разрешение аграрного вопроса через Учредительное собрание — естествен, безусловен, единственно приемлем, тем более что этот лозунг есть лозунг, по самой природе своей глубоко организующий». ⁵⁰

Стремление предотвратить захваты крестьянами помещичьей земли проявилось у эсеров буквально в первые же дни революции. Уже 4 марта 1917 г. Петроградская городская и областная конференция эсеров приняла резолюцию о «конфискации земли». В резолюции подчеркивалось, что указанная конфискация «может быть проведена только законодательным путем через Учредительное собрание, которое даст народу и землю, и волю». ⁵¹ Социализация земли и самовольные захваты ее не имеют ничего общего, — разъясняло «Дело народа». Захваты, по словам «Дела народа», в отличие от социализации направлены «не на уничтожение частной собственности на землю, а только на насильственную замену одного собственника другим». ⁵²

Однако в 1917 г. ни одна политическая партия (за исключением, может быть, анархистов) не призывала крестьян к самовольным беспорядочным захватам. Буржуазная и мелкобуржуазная печать обвиняла в этом большевиков. Но это было ложью. Право окончательно решить земельный вопрос большевики в это время признавали за Учредительным собранием. ⁵³ Не по вопросу о прерогативах и роли Учредительного собрания расходились они с эсерами и меньшевиками в первые месяцы после Февральской революции. Основу разногласий составляло различное определение, во-первых, тех временных изменений в земельных отношениях, которые следовало провести в жизнь сразу же, не дожидаясь Учредительного собрания, во-вторых, того, чьими руками, кто будет эти изменения проводить. Наконец, принципиально

⁴⁹ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров, с. 316.

⁵⁰ Дело народа, 12 апреля 1917 г., № 22.

⁵¹ Дело народа, 15 марта 1917 г., № 1.

⁵² Там же, 16 марта 1917 г., № 2.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 174.

⁴⁷ Дело народа, 17 марта 1917 г., № 3.

⁴⁸ Земля и воля, 27 мая 1917 г., № 52 (статья «Социализация земли»).

различным было определение того пути, который вел российскую деревню «из капитализма в социализм».⁵⁴ Но это уже особый вопрос.

В. И. Ленин в своей речи на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов 22 мая 1917 г. рекомендовал крестьянам немедленно брать помещичью землю во временное пользование. Такая мера отнюдь не означала закрепления временного перераспределения земель в постоянное и тем более перехода ее в собственность отдельных крестьян или групп. Арендная плата за землю помещикам, разумеется, при этом отменялась. Брать землю Ленин советовал крестьянам организованно, через свои крестьянские организации. В отличие от эсеров большевики отдавали предпочтение крестьянским Советам, а не образовывавшимся по решению Временного правительства местных земельным комитетам. Беднейшие крестьяне и батраки должны были организоваться в самостоятельные группы. Из крупных помещичьих имений рекомендовалось создавать образцовые хозяйства с общей обработкой земли. Таков был ленинский план временного распоряжения землей до Учредительного собрания.⁵⁵ План большевиков был направлен на немедленную ликвидацию помещичьего землевладения и на создание условий для последующих социальных преобразований в сельском хозяйстве.

Необходимость срочного принятия каких-то мер для ослабления напряженности в деревне прекрасно сознавалась и эсерами. Впрочем, это понимали не только эсеры, но и энесы. Иной раз энесы ставили вопрос о переходных мерах резче некоторых эсеров. «Процесс разрушения старых норм и отношений и замена их новыми не может быть отсрочен до Учредительного собрания и тем более до создания новых законодательных учреждений», — писал лидер энесов А. Пешехонов. Учредительному собранию «вероятнее всего придется лишь оформить и санкционировать то, что будет совершено и достигнуто в процессе революции». Правда, Пешехоновым в данном случае владела не столько забота о немедленном удовлетворении земельного голода малоимущих крестьян, сколько боязнь стихийного нарастания крестьянского движения, которое, если его вовремя не ввести в организованные рамки и не успокоить уступками, может не ограничиться помещичьими землями, а затронуть и тех, кто имел земли свыше трудовой нормы или слишком большую «трудовую» норму. Аграрную революцию «отсрочить, отложить ... повторю, немисливо, — предупреждал Пешехонов. — Весь вопрос в том лишь, пойдет ли она дальше анархическим путем или в организованных формах». «Нужны не подготовительные совещания, не теоретическая под-

готовка и разработка законопроектов, а быстрые и логичные распорядительные и исполнительные действия».⁵⁶

Как бы то ни было, пусть со своей точки зрения, но Пешехонов дал эсерам предметный урок, показав, к чему может привести их медлительность и нерешительность. Эсеровское «Дело народа», напечатавшее статью Пешехонова, урок этот приняло, сопроводив статью таким редакционным примечанием: «А. В. Пешехонов ставит чрезвычайно важный вопрос, заслуживающий, несомненно, самого пристального внимания».

На I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов эсеры поставили специальный доклад С. Л. Маслова «Временные правила пользования землей». В нем повторялась выдвинутая еще раньше идея о запрещении всех товарных сделок на землю. Эсеры придавали этой мере чрезвычайно большое значение. Они проводили ее под лозунгом сохранения в неприкосновенности всего земельного фонда до Учредительного собрания. Но под тем же лозунгом они выступали и против организованного захвата помещичьих земель. По существу вопрос ставился так: крестьяне должны прекратить захваты, а помещики — продажу земли, дарения, отдачу в залог и т. п., и таким образом обе стороны, ставившиеся эсерами на одну доску, как бы одинаково поступались частью своих интересов.

Конечно, крестьян волновало стремление крупных землевладельцев продать землю, раздробить ее на мелкие участки путем фиктивных сделок, отдать в залог в банк и вообще тем или иным способом запутать земельные отношения. Поэтому, учитывая эти настроения, другой лидер эсеров В. М. Чернов и призывал Временное правительство скорее совершить этот «акт высокой государственной мудрости», ибо, «если этого не сделает власть, то, хотим мы того или не хотим, а в этот вопрос самочинно вмешаются сами крестьяне, и не одни крестьяне тыла, но и крестьяне фронта».⁵⁷

Однако эсеры понимали, что одно только запрещение сделок на землю не сможет удовлетворить крестьян и заставить их спокойно ждать решения Учредительного собрания. Поэтому дополнительно они предлагали упорядочить аренду и заставить помещиков несколько понизить арендные цены. Разумеется, эти меры подавались крестьянам под острой приправой выпадов против помещичьего «частного производства», резких слов о срочной необходимости изменить «кабальные условия аренды» и т. п. По существу же дела имелось в виду, судя по речи С. Маслова на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, отменить торги на аренду, заменив их распределением подлежащих аренде земель (небольшими участками) между наиболее нужда-

⁵⁴ Там же, с. 183.

⁵⁵ Там же, с. 165—189.

⁵⁶ Дело народа, 23 марта 1917 г., № 8.

⁵⁷ Дело народа, 12 апреля 1917 г., № 22.

ющимися крестьянами из соседних деревень. Обязательной сдаче в аренду подлежали только пустующие помещичьи земли. Арендная плата, установленная в спорных случаях по согласованию с примирительными камерами или местными земельными комитетами, шла помещикам. Все это на языке С. Маслова и В. Чернова называлось ликвидацией «злоупотреблений» в земельных отношениях, уничтожением «монополии собственников» и расширением «трудового землепользования» без преждевременного вторжения в острый вопрос о земельной собственности.⁵⁸

Однако требования крестьян выходили далеко за рамки предлагаемых эсеровскими лидерами полумер. Это ярко показали прения по аграрному вопросу на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов. В подавляющем большинстве выступлений, опубликованных эсеровской газетой, делегаты из крестьян высказались за немедленную передачу всех помещичьих земель в полное распоряжение местных земельных комитетов, которые распределили бы ее во временное пользование между крестьянами. Арендная плата за землю должна была, по мнению крестьян, идти не помещикам, а на местные нужды или в казну. Простые, бесхитростные речи крестьян на Всероссийском съезде удивительно напоминали по своему классовому подходу к земельному вопросу и даже по форме выступления крестьянских депутатов в I и II Государственной думе.

«Товарищи, я тот самый пахарь земли, который 300 лет спал и теперь проснулся, — заявил на съезде делегат Терехин, представлявший Казанский округ. — И я скажу громкое и веское слово всем социалистам, которые прислушивались ко мне на трудовой ниве и проводили свои идеи. . . Товарищи, не надо нам примирительных камер. Мы добились права на землю, мы и разделим ее в лучшем виде».⁵⁹ Делегат Бунашков выражал искреннее недоумение, зачем надо оставлять землю до Учредительного собрания у помещиков: «Почему нужно, чтобы помещики хранили, а не сам народ до Учредительного собрания — тут весь сыр-бор».⁶⁰ Мы не можем оставлять такое опасное оружие, как хлеб, в руках у помещиков, говорил делегат Зайцев.⁶¹ Сходные мысли мы видим у Шарапова: «Я присоединяюсь к тем товарищам, которые говорят, что землю нужно взять сейчас же, но взять ее нужно организованным путем».⁶² Будто сговорившись, выступали член сибирской делегации Нестеров и представитель южных областей России Никитин: «Товарищи, ведь мы не хотим

каких-то основных законов, чтобы земля на вечные времена перешла к нам; мы только говорим, что крестьянам необходима земля, и поэтому промедление с этой передачей земли — смерти подобно» (Нестеров).⁶³ Нам нужно не обещание или декрет, отрицающий частную собственность, «а нам нужно только именно то, чтобы мы получили право распоряжаться всеми землями, какие есть на местах, чтобы наши комитеты были вправе пользоваться ими в общенародных целях» (Никитин).⁶⁴

Те, кто выступал за немедленную ликвидацию помещичьего землеустройства, были единодушны и в вопросе об арендной плате. По мнению Евсеева (Поволжская область), арендная плата должна устанавливаться местными земельными комитетами и поступать на нужды местных самоуправлений, а по удовлетворении их — в государственное казначейство.⁶⁵ Арендная плата не должна идти помещикам, ее нужно переправлять через волостные комитеты в казну (Зайцев, Центральная область).⁶⁶ Доходы от аренды следует отдавать в местные земельные комитеты (Кузьмин, Приозерская область).⁶⁷ Арендная плата за землю должна поступать «в крестьянскую комиссию для нужд страны, а отнюдь не в карманы помещиков» (Лаврентьев, Кавказская армия).⁶⁸

Подобные выступления прямо перекликались с речью на съезде В. И. Ленина. «Защищая немедленный и бесплатный переход помещичьих земель в руки местных крестьян, — говорил он, — мы никоим образом не защищаем захвата этих земель в собственность, мы никоим образом не защищаем раздела этих земель. Мы предполагаем, что земля должна быть взята под один посев местным крестьянством по решению, принятому большинством местных крестьянских делегатов». И далее: «Пусть крестьянин знает, что он берет помещичью землю, пусть, если он платит, то платит в крестьянские, уездные кассы, пусть он знает, что эти деньги пойдут на улучшение сельского хозяйства, на мостовые, дороги и т. п. Пусть он знает, что берет не свою землю, но и не помещичью, а землю общенародную, которой Учредительное собрание окончательно распорядится».⁶⁹

Предложения В. И. Ленина были созвучны настроению большинства рядовых крестьянских делегатов. Эсеровскому руководству так и не удалось повернуть аграрные прения в нужное русло. Крестьяне внимательно слушали выступления министров и

⁵⁸ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 19 мая 1917 г., № 10; Дело народа, 12 апреля 1917 г., № 22.

⁵⁹ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 26 мая 1917 г., № 15.

⁶⁰ Там же, 27 мая 1917 г., № 16.

⁶¹ Там же, 3 июня 1917 г., № 22.

⁶² Там же, 27 мая 1917 г., № 16.

⁶³ Там же, 9 июня 1917 г., № 27.

⁶⁴ Там же, 10 июня 1917 г., № 28.

⁶⁵ Там же, 26 мая 1917 г., № 15.

⁶⁶ Там же, 3 июня 1917 г., № 22.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, 28 мая 1917 г., № 17.

⁶⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, с. 169, 174.

партийных вождей, аплодировали, но когда получали слово, стихийно продолжали гнуть свою крестьянскую линию, требуя землю немедленно. Трудности, возникшие в связи с этим на съезде, признавали сами эсеры. Аграрный вопрос, писали в передовой статье, подводящей итоги съезда, «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», «отнял больше всего рабочих дней съезда. Решения намечались с трудом, и призрак раскола все время витал над съездом в атмосфере страстных прений и тревожных настроений. В самом характере прений сказалась вековая тяга русского крестьянства к земле, и вот почему мнения и положения оказались такими непреложными».⁷⁰

Однако, когда дело дошло до голосования, большинство делегатов все же не решилось открыто пойти против пользующихся еще большим авторитетом «своих» «министров-социалистов», тем более что в ход была пущена угроза их коллективной отставки. В итоге съезд почти единогласно принял предложенную эсерами резолюцию. «Заслугу разрешения вопроса» эсеровская печать относилась «в значительной мере на долю исторического выступления перед съездом „мужицкого министра“ В. М. Чернова».⁷¹

Конечно, речи Чернова, Маслова, Пешехонова и других оказали определенное воздействие на крестьян. Но не только в этом заключалась причина принятия указанной резолюции. Немаловажное значение, помимо всего прочего, имел тот факт, что некоторые спорные положения в ней были сформулированы так, что допускали различное толкование. И подача голоса за резолюцию «мужицким министром» Черновым и настоящим мужиком из деревни еще не означала, что все пункты в ней они понимают одинаково. Прежде всего это относится к разделу о правах и круге обязанностей земельных комитетов, особенно местных. Здесь не было согласия и внутри самой эсеровской партии.

В этом отношении определенный интерес представляют резолюция II Петроградской городской конференции эсеров, прошедшей незадолго до открытия Всероссийского съезда крестьянских Советов, и выступление на этой конференции с докладом по аграрному вопросу Н. Я. Быховского. Выше уже подробно говорилось о его взглядах на крестьянскую общину. Превознося общину, Быховский сдержанней, сравнительно со своими коллегами по партии, относился к подворному и тем более к отрубному и хуторскому землевладению и землепользованию. Думается, предпочтение им общинного пути к социализму в определенной сте-

пени явилось теоретической основой его более радикальных предложений относительно принятия ряда временных изменений в земельных отношениях. Быховский выступил за «немедленное изъятие всего подлежащего отчуждению земельного фонда», хотя бы и на «временных условиях», поскольку «немедленное изъятие всего подлежащего отчуждению земельного фонда поставит землевладельческий класс перед свершившимся фактом и сделает этот класс более уступчивым при выработке Учредительным собранием окончательных условий перехода всей земли в руки трудового народа».⁷²

В менее решительных выражениях, но в целом выдержанная в духе доклада резолюция постановляла, что местные земельные комитеты должны заведовать всем земельным фондом и распределять его во временное пользование среди местного земледельческого населения. Местные земельные комитеты, согласно резолюции, должны были иметь право устанавливать временную трудовую норму, а также минимуму земельной площади, не подлежащей отчуждению. Кроме того, они могли определять размеры обложения земли.⁷³ Все это шло значительно дальше тех временных мер, которые считало необходимым провести центральное руководство эсеровской партии.

В резолюции, принятой I Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, также говорилось о переходе всех земель в ведение земельных комитетов. Но под этим эсеровский центр подразумевал только регулирование земельными комитетами взаимоотношений между крестьянами и помещиками. Местные земельные комитеты могли оказывать некоторое влияние на определение арендных цен и порядок предоставления земли в аренду, но изъятие помещичьей земли допускалось лишь в исключительных случаях и с разрешения Главного земельного комитета. В определении задач земельных комитетов эсер С. Маслов солидаризировался на съезде с энесом Пешехоновым.⁷⁴

Различный подход к аграрной проблеме внутри эсеровской партии, проявившийся уже в первые месяцы после Февральской революции, не остался незамеченным и для самих эсеров. Петроградская «Земля и воля» во второй половине мая перед открытием III партийного съезда уже была тревогу по поводу правого уклона в партии. «С чувством значительной тревоги» газета отмечала, что в партию «начинают просачиваться некоторые совершенно чуждые ей взгляды». Появилось много трезвых практиков и людей малых дел, приличествующих трудовикам или энесам, но

⁷⁰ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 30 мая 1917 г., № 18.

⁷¹ Там же.

⁷² Дело народа, 13 апреля 1917 г., № 23.

⁷³ Дело народа, 6 апреля 1917 г., № 17.

⁷⁴ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 18 мая 1917 г., № 9, 10.

никак не социалистам-революционерам.⁷⁵ «Земля и воля» призвала «во всей чистоте» сохранить революционную и социалистическую силу партии и предостерегала как от ослепляющего фанатизма, так и еще больше — от «той компромиссности, которая слишком часто сводит политическую работу уклоном, зачастую незаметным, с прямого и верного, хотя и труднейшего пути на путь наименьшего сопротивления — далеко в сторону от первоначальных, целостных задач движения».⁷⁶

По-видимому, определенная часть членов эсеровской партии ожидала, что на предстоящем съезде состоится дискуссия о задачах партии в новых условиях, и в этой связи даже ставила задачу произвести «всесторонний анализ» недостаточно полных программных положений, предполагая определенный пересмотр их с левых позиций.⁷⁷ Но на состоявшемся в конце мая — начале июня 1917 г. в Москве III съезде партии эсеров принципиального разговора не получилось. Съезд проходил в обстановке спешки, многие видные деятели партии под предлогом занятости министерской работой на съезд не приехали или появлялись очень ненадолго.

Аграрный вопрос на съезде оказался также скомканным. Это явилось вполне логичным следствием отношения эсеровского руководства к положению в партии. Оно, видимо, нашло целесообразным по возможности избежать открытого столкновения различных течений. Разногласия между центром, правым и левым крылом эсеров в аграрном вопросе на съезде резко не проявились.

Между тем обстановка в деревне с каждой неделей делалась все более напряженной. Эсерам становилось все труднее уговаривать крестьян отложить решение всех коренных земельных проблем до Учредительного собрания, а закон о земле, который они готовились предложить там, все более явственно приобретал черты сделки с цензовыми элементами. В крестьянстве смутно зрела тревога за благополучный исход дела, и уже в сентябре недовольство стало кое-где переходить в открытые волнения. Наряду с этим быстро усиливалось влияние большевиков, предлагавших немедленные радикальные преобразования. В стране складывались условия для решения аграрного вопроса властью Советов. В создавшейся ситуации левые эсеры стали склоняться к соглашению с большевиками как наиболее последовательными защитниками крестьянских интересов. Однако развитие взглядов и эволюция тактики эсеров в аграрном вопросе после III съезда требуют специального исследования.

Р. Ш. ГАНЕЛИН

ВОКРУГ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ РОССИИ РЕСПУБЛИКОЙ (Март—сентябрь 1917 г.)

Когда 1 сентября 1917 г. Временное правительство одновременно с созданием Директории провозгласило Россию республикой, фельетонист «Нового времени» А. Пилленко позволил себе с некоторым злорадством отметить, что событие это произошло «среди единогласного равнодушия».¹ В сущности он был прав, а отмеченное им обстоятельство несколько не было удивительным: к сентябрю спор о монархическом или республиканском образе правления представлялся настолько невозможным и бессмысленным, что политиканский маневр Керенского не привлек к себе значительного внимания.

Иначе обстояло дело в дни Февральской революции, когда судьба монархии и будущая форма правления являлись предметом горячих дискуссий на многочисленных массовых митингах, различных собраниях и заседаниях. Однако в бурном вихре революционных событий, последовавших за крахом монархии, обстоятельства, связанные с практическим осуществлением лозунга республики и с позициями буржуазных и соглашательских лидеров в этом вопросе, оказались «за кадром» политической хроники того времени, прения по этому поводу прошли как бы «вторым планом», оставшись недостаточно выявленными как для современников, так и для историков.

В специфических условиях первых революционных дней не велось сколько-нибудь регулярных и полных записей речей и докладов. Возможность такой записи исключалась самим ходом тогдашних митингов и собраний, которые чаще всего не носили правильного и организованного характера.

Впрочем, насколько можно судить на основании всей совокупности источников, несмотря на широкую распространенность в февральско-мартовские дни требования демократической республики, возможность ее провозглашения обычно изображалась соглашательским руководством Петроградского Совета как нереальная. А затем революция в своем развитии как бы перешагнула через этот лозунг, который так и не приобрел большого практического значения. В. И. Ленин с предельной ясностью выразил это в «Апрельских тезисах», противопоставив парламентарной республике республику Советов. Лозунг республики буржуазно-парламентского типа очень скоро потерял свою популярность в массах. Одна из причин этого состояла в том, что после свержения царизма и срыва планов конституционной монархии установление республики представлялось фактически совершив-

⁷⁵ Земля и воля, 17 мая 1917 г., № 44 (статья В. Трутовского).

⁷⁶ Там же, 20 мая 1917 г., № 47 (передовая).

⁷⁷ Там же, 17 мая 1917 г., № 44 (передовая).

¹ Новое время, 9 (22) сентября 1917 г., № 14867.

шимся. В этих условиях обещание созыва Учредительного собрания, которое-де одно правомочно решить вопрос о форме правления, служило представителям буржуазных и соглашательских партий удобным средством избегать обсуждений этого вопроса по существу.

Как известно, к моменту свержения царизма требование республиканской формы правления в программах буржуазных партий отсутствовало. Кадеты объявили себя республиканцами лишь в конце марта 1917 г. И среди мелкобуржуазных партий и групп, считавших себя социалистическими, республиканизм в дофевральский период не был единогласным: народные социалисты стояли в этом вопросе, как и в некоторых других, в сущности на кадетских позициях. Однако обе главные партии послефевральской «революционной демократии» — эсеры и меньшевики — пришли к февралю, имея в числе своих программных требований установление демократической республики (что касается меньшевиков, мы имеем в виду соответствующее положение программы-минимум РСДРП).

Известно, что в процессе образования Временного правительства П. Н. Милюков, лидировавший в тот момент не только в собственной партии, но и в пределах политического представительства всей ценовой России, с пеной у рта отстаивал конституционную монархию с сохранением на троне романовской династии. При этом и сам Милюков, и его менее, чем он, активные сторонники следовали своему партийному программному принципу относительно формы правления.

Известно также, что при сдаче власти буржуазии руководители Исполнительного комитета Петроградского Совета, закладывая основы своей будущей соглашательской политики, отказались от требования провозглашения демократической республики. Однако в литературе нет единого взгляда по поводу того, были ли исполкомовские лидеры вынуждены сдать свои позиции под непреодолимым давлением Милюкова и других думцев в ходе переговоров с ними или сами решили не включать этого требования в перечень своих условий, предъявленных Думскому комитету.

До того как 3 марта была опубликована декларация Временного правительства, в которой пункт о форме правления оказался попросту опущенным, вопрос о провозглашении республики фигурировал или должен был фигурировать на нескольких заседаниях и собраниях — на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета 1 марта, на происходившем почти что одновременно с заседанием Исполкома собрании Совета, при встречах делегации Исполкома с членами Временного комитета Государственной думы в ночь с 1 на 2 марта и в следующую ночь, а также на собрании Совета 2 марта.

Введенные до сих пор в научный оборот материалы не содержат сколько-нибудь полных и совершенно достоверных сведений

обо всем, что говорилось на каждом из этих заседаний и собраний. В ряде существенных вопросов, среди которых и нас интересующий, известные нам источники противоречат друг другу. Поэтому точно установить исходную позицию лидеров Исполкома относительно формы правления после свержения царизма можно лишь путем сопоставления и разбора всех существующих данных.

Условия, на которых Совет передавал формирование правительства Думскому временному комитету, были выработаны, как известно, на заседании Исполкома, шедшем в течение почти всего дня 1 марта. Судя по воспоминаниям Суханова, выдвигал эти условия он, Суханов, а председательствовавший Стеклов записывал их на листе бумаги по мере утверждения Исполкомом. Этот лист, которого в нашем распоряжении сейчас нет, и следует считать наиболее достоверным источником по интересующему нас вопросу. Вообще о том, что происходило на этом заседании, мы можем судить лишь на основании сообщений его участников, сделанных на последующих собраниях или содержащихся в изданных впоследствии воспоминаниях. В точно таком же положении находится исследователь по отношению к собранию Совета 1 марта и двум почным встречам исполкомовцев с думцами.

Иначе обстоит дело с собранием Совета 2 марта, отчет о котором на следующий день появился в «Известиях».² Из нескольких фраз, посвященных в нем докладу Ю. М. Стеклова о ходе переговоров делегации Исполкома с думцами, явствовало, что среди условий, предъявленных Исполкомом Думскому комитету, фигурировало и требование демократической республики, но думцы настояли на отклонении этого пункта.³

Относительно условий, предъявленных Исполкомом думцам, в исторической литературе существует лишь одно разногласие, и касается оно именно того, что представлял собой пункт о форме правления — требование демократической республики или непредрешиения формы правления. Сторонники первого ответа на этот вопрос опираются на доклад Стеклова, сторонники второго — на сообщение Н. Н. Суханова, о котором нам предстоит сказать ниже. Что же касается доклада Стеклова, то он долгое время был известен лишь по газетному отчету. Недавно, однако, Ю. С. Токарев подтвердил газетную версию этого доклада на основании произведенного им разбора черновика протокола заседа-

² Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 3 марта 1917 г., № 4.

³ Нельзя не отметить, что в отчете «Известий», озаглавленном «Из протокола заседания Совета рабочих и солдатских депутатов 2 марта», фамилия Стеклова как докладчика Исполкома названа не была, хотя большое число участников прений перечислено поименно. Не забудем, что главную роль в «Известиях» играл тогда сам Стеклов.

ния Совета 2 марта.⁴ Следует, впрочем, отметить, что в достоверности газетного изложения сказанного Стекловым сомневаться не приходилось и ранее: вряд ли возможно было при всей тогдашней сумятице на следующий же день напечатать в «Известиях» противоположное публично заявленному накануне в Совете.

Итак, нет сомнений в том, что Стеклов в своем докладе действительно говорил о требовании провозглашения республики как предъявленном Исполкомом Думскому комитету, но отклоненном думцами с крайней энергичностью, в ультимативной форме. Суханов же, напротив, утверждал, что на заседании Исполкома 1 марта «было решено требовать, чтобы правительство „не предпринимало никаких шагов, предвещающих будущую форму правления“, с тем, чтобы Учредительное собрание свободно решило вопрос о республике или монархии».⁵ Суханов не скрывал при этом, что на заседании Исполкома «немедленное объявление республики, не в пример другим пунктам, было выдвинуто с особой остротой». Но Суханов (который еще до заседания Исполкома требование «немедленного объявления республики» «считал излишним») и его коллеги-соглашатели «после интенсивных поисков надлежащей формулировки» провели «компромиссное решение» — требование не предвещать формы правления.⁶

Так Стеклов, по словам Суханова, и прочитал этот пункт думцам по своему листу при первой почной встрече. В соответствии с этим изображал Суханов и окончательные итоги почных переговоров с думцами. «В конце концов, — писал он, — вопрос

⁴ Ю. С. Токарев. 1) Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и образование Временного правительства. — В кн.: Научная сессия, посвященная 50-летию свержения самодержавия в России. Секция III. М.—Л., 1967, с. 14—21; 2) Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и образование Временного правительства. — В кн.: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1967, с. 43. Ю. С. Токарев придерживается того мнения, что Исполком выдвинул требование демократической республики, но вынужден был от него отказаться под давлением думцев. Такова же точка зрения Э. Н. Бурджалова (Вторая русская революция. М., 1987, с. 315—316). Г. И. Злоказов (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции. М., 1969, с. 63), наоборот, утверждает, что требование, выдвинутое Исполкомом и отклоненное думцами, заключалось в том, чтобы создаваемое Временное правительство не предвещало формы правления.

⁵ Н. Суханов. Записки о революции. Изд. 4-е. Кн. I. Берлин—Пг.—М., 1922, с. 258.

⁶ Н. Суханов. Записки о революции, кн. I, с. 236, 258—259. В предвидении переговоров с Милюковым Суханов и Стеклов, чтобы не создавать для Милюкова «психологических импульсов», которые могли оказать для него «непреодолимые», решили не настаивать на торжестве «Учредительное собрание» и согласиться на «национальное», «законодательное» или что-нибудь в этом роде. Линия Суханова состояла в том, чтобы не только снять все препятствия на пути создания правительства «сеназовиков», но и придать ему «большую устойчивость перед лицом стихийно ползущих влево масс» (там же, с. 221).

о „третьем пункте“ (по словам Суханова, в исполкомовском перечне обязательство непредвещения содержал именно третий пункт, — Р. Г.) был решен таким образом: мы согласились не помещать в правительственную декларацию официального обязательства „не предпринимать шагов, предвещающих форму правления“. Мы согласились оставить вопрос открытым и предоставить правительству, или, вернее, его отдельным элементам, хлопотать о романовской монархии. Но мы категорически заявили, что Совет со своей стороны развернет широкую борьбу за демократическую республику».⁷

Как видим, исходной точкой торга между исполкомовскими представителями и думцами является у Суханова требование непредвещения формы правления, а не провозглашения республики. И уступка, сделанная делегацией Исполкома Думскому комитету, подчеркивал Суханов, заключалась в том, что в декларацию Временного правительства не был включен именно пункт с обязательством непредвещения формы правления, обязательством, которого вначале требовали от думцев исполкомовцы. Что же касается республики, то разговор о ней на первой почной встрече шел, по Суханову, лишь в плане, так сказать, теоретическом: сдав свои позиции в споре о судьбе монархии, делегация Исполкома удовлетворилась своим собственным, чисто словесным заявлением о том, что Совет развернет борьбу за республику.

Вероятно, именно в этом заявлении Милюков усмотрел основание, чтобы утверждать впоследствии, будто, отклоняя формулу непредвещения, он срывает возможность провозглашения республики. Однако при всей заинтересованности в преувеличенном изображении размеров и значения своей личной победы над делегатами Исполкома он не утверждал, что они предъявили требование республики. «По настоянию Милюкова, — писал он о себе в третьем лице, — делегаты совета согласились отказаться от пункта, согласно которому „вопрос о форме правления оставался открытым“ (в ту минуту в этой скромной форме обеспечивалась возможность разрешения этого вопроса в смысле республики, тогда как временное правительство принимало меры к обеспечению регентства Михаила)».⁸ Сообщение Милюкова совпадает, таким образом, с сообщением Суханова.

Известные нам воспоминания других участников заседания Исполкома 1 марта, на котором утверждался перечень требова-

⁷ Там же, с. 340.

⁸ П. Н. Милюков. История второй русской революции. Т. I, вып. 1. София, 1921, с. 46. В изданных посмертно воспоминаниях Милюкова соответствующее место имеет тот же смысл: «Шаг за шагом я отводил у делегации то, что было в их тексте неприемлемого. Так, я не согласился считать „вопрос о форме правления открытым“ (они хотели тут провести республиканскую форму)» (П. Н. Милюков. Воспоминания. 1859—1917. Т. II. Нью-Йорк, 1955, с. 307).

ний, и прочих собраний и встреч, где он обсуждался, интересующих нас сведений не содержат.

Получается, таким образом, что утверждение о наличии среди требований Исполкома пункта о провозглашении республики содержится лишь в докладе Стеклова 2 марта. Установив это, мы должны отметить, что по дошедшим до нас сведениям никто из деятелей Исполкома, находившихся в гуще событий, участвовавших в заседании 1 марта и переговорах с думами, не опровергал заявления Стеклова ни тогда, когда оно было сделано на собрании Совета, ни тогда, когда оно появилось в «Известиях». В наиболее полной мере это относится к Суханову, игравшему в те дни, наряду со Стекловым, весьма заметную роль на так называемой «советской половине» Таврического дворца. Однако то обстоятельство, что заявление Стеклова не было тотчас же опровергнуто другими исполкомовскими лидерами, еще не может рассматриваться как аргумент в пользу его достоверности. Напротив, трое из участников этих событий, бывших 2 марта на собрании Совета, несомненно, знакомых с отчетом о нем в «Известиях» и отнюдь не заинтересованных в том, чтобы обнаружить один из первых тактических приемов соглашательства, тем не менее в своих воспоминаниях поставили стекловский доклад в целом под серьезное сомнение. Д. О. Заславский и В. А. Канторович — они оба выступали на собрании Совета 2 марта, — назвав доклад Стеклова «дипломатическим и уклончивым по своему стилю», писали: «С его слов выходило, что одержана была большая победа над буржуазией, которая долго не хотела сдаваться, что уступки были необходимы, но они незначительны и что в сущности никакой поддержки правительству не обещано и серьезные обязательства не даны».⁹

С еще большей определенностью отзывался о докладе Стеклова Суханов. «„Программу“ Исполнительного комитета, предложенную „цензовикам“, Стеклов излагал, по его словам, „до крайности популярно, пространно, водянисто“. Беря грех на себя, Суханов прямо писал, что доклад Стеклова был по его, Суханова, инициативе умышленно затянут, чтобы не оставить времени для прений и тем содействовать протаскиванию через Совет соглашения Исполкома с Думским комитетом.

Если верить Суханову, для него «воспоминание о том, как пришлось испытать на себе власть „грязного дела“ политики», прибегая к «подобным приемам», было очень «печально», но нарочитость этой «печали» не перечеркивает значения его признания.¹⁰

Вернемся, однако, к источникам, максимально по отношению к Стеклову благоприятным, к его собственным сообщениям по ни-

⁹ Д. О. Заславский и В. А. Канторович. Хроника Февральской революции. Т. I. Былое. Пг., 1924, с. 44.

¹⁰ Н. Суханов. Записки о революции, кн. I, с. 310—313.

тересующему нас вопросу. Дело в том, что переговоры Исполкома с думами явились предметом не одного, а двух докладов Стеклова. Менее чем через месяц после заседания Петроградского Совета 2 марта Стеклов 30 марта выступил с докладом об отношении к Временному правительству перед Всероссийским совещанием Советов. У него в руках был тот самый писанный его рукой перечень утвержденных Исполкомом условий, который имел бы для нас значение наиболее достоверного источника.

«Вот, товарищи, — говорил Стеклов, — этот знаменитый исторический документ на клочке плохой писчей бумаги, содержащий наших 9 требований, которые мы выработали в Исполнительном комитете и с которого почти буквально, — что, вероятно, неизвестно ни большинству русского населения, ни тем более всей европейской и вообще заграничной прессе, — вот этот документ, с которого почти буквально Временное правительство списало свою знаменитую программу. Я не пушу его в ход, так как он может пропасть, а мы представим его в музей истории. Если вы хотите, я его оглашу, но тогда я превышу назначенные мне полчаса. (Голоса: «Просим, просим».) Когда я оглашу этот документ, вы увидите, что Думский комитет отвергал из наших пожеланий и что изменял».¹¹ И Стеклов принялся оглашать пункт за пунктом, перебивая свое чтение некоторыми пояснениями. Третий пункт был им прочитан так: «Воздержание от всех действий, предпрещающих форму будущего правления». (Напомним, что в изложении Суханова пункт этот был также третьим по порядку и имел тот же смысл.) «Ниже я вам скажу, что это значит и почему они этого не приняли», — добавил Стеклов.

Перечислив все требования, он сейчас же перешел к «знаменитому пункту 3-му». Прочитав его еще раз, он стал пространно описывать «ту борьбу, которая вокруг него разгорелась». Объяснения его были довольно противоречивы (заявив, что отношение народа к демократической республике еще не было выяснено, он через несколько фраз утверждал, что республика — единственная форма правления, приемлемая для народа). Сводились они к тому, что кадеты, которых он относил к «сравнительно прогрессивным политическим партиям», оказались в тот момент непоколебимыми сторонниками конституционной монархии. Именно они в лице Миллюкова, а не националисты или октябристы, от которых Стеклов

¹¹ Известия, 5 апреля 1917 г., № 32. Стенографический отчет о совещании был размножен на ротаторе. Один из оттисков послужил впоследствии для издания «Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографич. отчет» (Подг. к печ. М. Н. Цапенко. Пролетарские депутаты. М.—Л., 1927. Что касается интересующей нас части доклада Стеклова, то тексты «Известий» и книжного издания (с. 108—110) совпадают. Напомним роль Стеклова в издании «Известий» и добавим, что он принимал близкое участие в деятельности Централхива, издавшего стенографический отчет.

готов был ждать этого, настаивали на провозглашении императором Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. В этих условиях, — стремился убедить аудиторию Стеклов, — немыслимо было добиться не только провозглашения демократической республики («чего мы не хотели насильно им тогда навязывать»), но и обязательства Временного правительства не предпринимать формы правления. «Тщетно мы заявляли им, — говорил Стеклов, — что мы простираем свое политическое благоразумие до того, что, несмотря на имеющуюся в наших руках физическую силу, не заставляем их немедленно эту республику провозгласить и просим только не провозглашать монархию впредь до того, как выскажется русская земля, несмотря на все это, по этому пункту соглашение не состоялось, и они этот пункт отказались включить, т. е. отказались обязаться перед нами не предпринимать никаких шагов, предпрещающих форму правления, т. е., другими словами, устанавливающих монархию и навязывающих ее стране и Учредительному собранию».

Итак, два доклада Стеклова в интересующем нас вопросе решительно противоречат друг другу. Целый месяц прошел, прежде чем Стеклов решился рассказать о «политическом благоразумии» исполкомовских лидеров, проявленном ими в процессе передачи власти буржуазии. Что же касается первого доклада Стеклова, то по всем обстоятельствам дела приходится признать, что 2 марта Стеклов при соучастии или сочувствии своих коллег-соглашателей слухавил. Их страх перед возможностью отказа буржуазных лидеров от власти, при всей его бессосновательности и догматичности связанных с ним представлений, был для руководителей Исполкома достаточно сильным побудительным мотивом, чтобы пойти на уступки лидерам буржуазии, особенно на такие уступки, которые могли быть рассматриваемы как тактические.¹² Напомним, что среди «уступленных», т. е. вовсе не упомянутых, оказались и требования, связанные с вопросом о войне, улучшении положения трудящихся.¹³ В этих условиях небольшой трюк вокруг вопроса о форме правления выглядел почти невинно. Меншевицкий догматический взгляд на характер революции — поскольку революция буржуазная, у власти непременно должна стать буржуазия, и надо избегать всего, что может помешать этому, —

¹² Взятия власти Советом его меньшевистско-эсеровские руководители, и в частности председатель Н. С. Чхеидзе, боялись едва ли не сильнее всего.

¹³ Отрицая в своих воспоминаниях, что эти уступки были сделаны по тактическим соображениям, А. Керенский прикрывал соглашательство рассуждениями о том, что книжные формулы в революционном угаре значили не больше, чем клочки бумаги. «Я вообще не принимал участия в этих академических догматических спорах», — писал он, имея в виду переговоры делегации Исполкома с думами (А. Kerenski. 1) *Eingungen*. Dresden. 1928, S. 96; 2) *The crucifixion of Liberty*. N. Y., 1934, p. 279).

пришел в противоречие с одним из программных принципов социал-демократии, и догма сейчас же одержала верх, причем не только в действиях двух «внефракционных социал-демократов», как называли себя Суханов и Стеклов, но и в воззвании меньшевистского Организационного комитета, помещенном в «Известиях» 1 марта. Воззвание это было проникнуто стремлением сдержать революционный порыв масс, облеченным в форму призывов к организованности, в нем содержался и явный намек на необходимость уступчивости по отношению к буржуазии («нужно дорожить каждым отрядом революции, как бы ни скромна была его роль во всенародном движении»). Вопросу о будущем государственном строе в меньшевистском воззвании была посвящена намеренно лишенная определенности формула: «образование Временного правительства, которое создаст условия для организации новой свободной России». Для Милюкова это означало, что утром в день начала переговоров он получил в сущности полную свободу рук в том самом пункте, к которому относился с кровной заинтересованностью.

Совсем иной характер носил большевистский Манифест ЦК РСДРП, изданный 27 февраля и напечатанный 28 февраля в прибавлении № 1 «Известий». Он содержал революционно-демократическую программу социальных преобразований, был нацелен на закрепление результатов революции и дальнейшее ее развитие. Не останавливаясь здесь на характеристике Манифеста, во многом основанного на установках 1905 г., отметим лишь, что в нем вопрос о республиканской форме правления был поставлен в ясной и недвусмысленной форме: «Задача рабочего класса и революционной армии создать Временное Революционное Правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя».

Сопоставление с большевистским Манифестом делает уклончивость меньшевистского воззвания в вопросе о форме правления особенно очевидной. Связь между этой уклончивостью, за которой крылась готовность к компромиссу с буржуазией, и формулой «непредрешения», проведенной лидерами Исполкома на его заседании в тот же день, 1 марта, несомненна. А ночью ценой уже осуществленного компромисса стал отказ исполкомовской делегации и от этой формулы. Но исторический момент был таков, что революционное настроение масс изменялось от часа к часу, и на следующий день, 2 марта, исполкомовским соглашателям стало просто страшно рассказать перед собранием Совета обо всех обстоятельствах своего соглашения с Думским комитетом. Самый факт передачи власти дензювикам, к тому же делавшим все для сохранения на троне романовской династии, вызывал негодование рабочих и солдат. В Таврическом дворце это ощущалось вполне явственно, и перед открытием собрания Совета Суханов, по собственному его признанию, «опасался осложнений или затяжки дела в случае

„долгого парламента“¹⁴. Между тем на собрании этом предстояло еще «делегирование» Керенского в состав кабинета после того, как он уже вступил в число членов Временного правительства без всяких полномочий Совета. (Как известно, Керенский сам добился утверждения Советом своего шага с помощью эксцентрических выходов, примененных им сейчас же после доклада Стеклова).

Могли ли исполкомовские соглашатели в этих условиях правдиво изложить Совету свою позицию в вопросе о форме правления? Ведь для этого надо было сначала сознаться в том, с какой готовностью и легкостью они еще до переговоров с Думским комитетом решили поступиться требованием провозглашения демократической республики, а затем рассказать, как в ходе переговоров отказались и от формулы непредрешиения, дав Милюкову возможность продолжать борьбу за сохранение монархии. Простое желание оградить себя от упреков в изначальной уступчивости заставило Стеклова (и претендовавшего на соучастие Суханова) передернуть карты в докладе Совету, представив думцев более твердыми и упорными, чем они были на самом деле.

Суханов, как мы видели, настаивал на том, что уступка Исполкома Думскому комитету в вопросе о форме правления практического значения иметь не могла. Милюков же смотрел на это иначе. Выторгованную им у исполкомовской делегации свободу рук он стремился до последней возможности использовать в своих целях сохранения монархии.

Ночь со 2 на 3 марта, в течение которой были продолжены переговоры между Исполкомом Петроградского Совета и будущими министрами Временного правительства, была для Милюкова очень тревожной.

Реакция представителей революционных масс на его речь в Екатерининском зале, несмотря на все увертки «старого профессора, привыкшего читать лекции», как называл себя Милюков, ясно показала всю иллюзорность его расчетов на сохранение монархии и династии. Именно это обстоятельство само по себе было для Милюкова источником беспокойства. Возобновленные было при второй встрече попытки исполкомовских делегатов включить в декларацию будущего правительства пункт 3 своих условий мало его задевали. Он явственно ощущал заинтересованность лидеров соглашательства во взятии власти буржуазией и в нем самом как организаторе цензового кабинета. Он, конечно же, не забыл, что Суханов довольно прямо выразил ему это еще 27 февраля, а Стеклов расцеловался с ним на рассвете 2 марта после первой ночи переговоров. Даже ссылки исполкомовцев на происшедшее в Екатерининском зале в их устах звучали для него не очень-то убедительно, так как и Суханов, выступавший перед толпой у Таврического дворца вскоре после митинга в Ека-

¹⁴ Н. Суханов. Записки о революции, кн. I, с. 340—341.

терининском зале, был в вопросе о монархии и династии более чем уклончив.

И когда Милюкову был задан вопрос, неужели он надеется на то, что Учредительное собрание оставит Россию монархией, кадетский лидер выложил на стол свою козырную карту. «Учредительное собрание, — заявил он, — может решить, что угодно. Если оно выскажется против монархии — тогда я могу уйти. Сейчас же я не могу уйти. Сейчас, если меня не будет, то и правительства вообще не будет. А если правительства не будет, то... вы сами понимаете...»¹⁵.

Заняв эту ультимативную позицию по отношению к представителям Исполкома, Милюков был всецело поглощен решением вопроса о престолонаследии. Формула отречения, которую руководство прогрессивного блока передало, по словам Милюкова, царю через генерала М. В. Алексева, предусматривала переход престола к Алексею при регентстве Михаила Александровича. Тревожное для Милюкова ожидание отречения завершилось пришедшим около трех часов ночи известием о том, что Николай отрекся в пользу Михаила Александровича. Между тем с точки зрения русского законодательства о престолонаследии царь мог отречься только за себя, но не имел права отречься за сына. Акт Николая был, таким образом, незаконным, и вскоре Милюков, как он утверждает в своих воспоминаниях, пришел к убеждению в том, что поступок Николая был умышленным.¹⁶ Но на рассвете 3 марта отнюдь не соображения еще не распознанной нелегальности царского акта были кошмаром Милюкова. С каждым часом становилось все очевиднее, что революционный народ не допустит сохранения монархии. Уже передана была во Псков по прямому проводу просьба Родзянко генералу Рузскому спрятать манифест с отречением, так как оглашение его «подольет масла в огонь»; Милюков и сам то и дело звонил по телефону на вокзал, пытаясь перехватить Гучкова и Шульгина сразу же после возвращения в Петроград и предупредить их, что оглашать манифест нельзя.¹⁷

С одной стороны, он все еще никак не мог расстаться с надеждой на сохранение монархии, а с другой, — уже искал виновников ее гибели, и первым среди них оказывался у него сам Николай, не принявший предложенной ему формулы отречения.

¹⁵ Там же, с. 239.

¹⁶ Через несколько дней военное ведомство устроило завтрак в честь Временного правительства, на котором Милюков восседал рядом с великим князем Сергеем Александровичем. От него-то он и узнал, что все великие князья сразу же поняли незаконность николаевского отречения. «Если так, то, надо думать, закон о престолонаследии был хорошо известен и венценосцу», — заключил Милюков (П. Н. Милюков. Воспоминания, т. II, с. 314).

¹⁷ См.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 1. Л., 1967, с. 99.

«Замена сына братом была, несомненно, тяжелым ударом, нанесенным самим царем судьбе династии — в тот самый момент, когда продолжение династии вообще стояло под вопросом», — так позже сформулировал Миллюков свое обвинение. Аргументировал он его тем, что мысль о наследовании престола Алексеем была для «публики» привычной и связывалась «с возможностью эволюции парламентаризма при слабом Михаиле».¹⁸ На самом деле, однако, старая формула отречения имела не больше шансов на успех, чем новая: реакция на миллюковскую речь в Екатерининском зале достаточно ясно это показала. Миллюков был едва ли не единственным, кто сожалел о старой формуле (хотя он тут же стал ревностным сторонником принятия престола Михаилом), и причина этого сожаления была не в том, что он считал ее более практичной, а в том, что очень связал себя с нею: он не только уже успел публично объявить о переходе трона к Алексею при регентстве Михаила Александровича, но и расхваливал этот вариант перед исполкомовской делегацией как вполне для нее приемлемый («один больной ребенок, а другой совсем глупый человек»).

Передача трона Михаилу, помимо того, что она ставила Миллюкова в неловкое положение, создавала ему новую трудность в борьбе за сохранение монархии и династии: Михаил ведь мог в создавшейся ситуации отказаться от власти, и тогда судьбе монархии был бы нанесен новый удар, с каких бы легалистских позиций ни смотреть на вещи. . .

В кучке думцев и исполкомовцев, смешавшихся друг с другом в эту ночь, как и в предыдущие, одни были за принятие престола Михаилом, другие — против. Миллюкову казалось, что «за этим разногласием стоял принципиальный вопрос — о русском государственном строе», но он ошибся: республиканизм его противников был столь небольшой глубины и силы, что вопрос о провозглашении республики после отречения Михаила так и не был поднят.

Впрочем, одно моментальное и экстравагантное выступление «за республику» Миллюкову пришлось тут же отразить, не потратив почти никаких усилий. На сей раз, после получения известия об отречении в пользу Михаила, требование провозглашения республики выдвинули на несколько мгновений Керенский и Н. В. Некрасов. Сделали они это в самой неожиданной форме, обратившись к Миллюкову как наиболее влиятельному из присутствовавших, тайком от остальных. Очевидно, уловив некоторую неловкость и сложность того положения, в котором он оказался, они выбрали именно этот момент для своего маневра. Керенский, по всей вероятности, продолжал поиски демагогических мер, с помощью которых хотел загладить свое вступление в состав

¹⁸ П. Н. Миллюков. Воспоминания, т. II, с. 315.

цензового кабинета без ведома Совета. За несколько часов до того, добиваясь одобрения своего шага, он в театральной речи, которую произнес перед Советом, вскочив на стол, между прочим прокричал, что, войдя в состав Временного правительства, остался республиканцем,¹⁹ и оказаться инициатором какой-либо меры республиканского характера ему было очень к стати.

Что касается Некрасова, то Миллюков неожиданный для себя республиканизм своего коллеги по кадетской партии относил на счет его принадлежности к масонам.²⁰ «Мы сидели втроем в уголке комнаты: я, Керенский и Некрасов, — вспоминал Миллюков. — Некрасов протянул мне смятую бумажку с несколькими строками карандашом, на которой я прочел предложение о введении республики. Керенский судорожно ухватился за кисть моей руки и напряженно ждал моего ответа. Я раздраженно отбросил бумажку с какой-то резкой фразой по адресу Некрасова. Керенский грубо оттолкнул мою руку».²¹ В возникшем «первом» споре была достигнута договоренность о том, что Михаилу Александровичу будет высказано два мнения — Миллюкова, настаивавшего на его вступлении на престол, и Керенского — на отказе от престола.

Вскоре, утром 3 марта, в доме княгини О. Б. Путятиной на Миллионной ул., где в комнате рядом со столовой еще 27 февраля скрытно поселился великий князь, оказавшийся теперь императором, начались переговоры о судьбе престола. Существуют весьма выразительные описания той почти исторической сцены,

¹⁹ Известия революционной недели, 2—3 марта 1917 г., № 6—7.

²⁰ П. Н. Миллюков. Воспоминания, т. II, с. 311—312. Миллюков причислял к масонам также Керенского, М. И. Терещенко, А. И. Копылова и И. Н. Ефремова. Вообще следует отметить, что кадетские лидеры в своих мемуарах, желая на всякий случай принизить роль кадетского руководства в организации Временного правительства, в решении судьбы монархии и т. п., охотно отдавали дань шедшим из краин правых эмигрантских кругов указаниям на влияние масонов в дни Февральской революции. Так, И. В. Гессен писал: «По-видимому, масонство сыграло некоторую роль при образовании Временного правительства. Недоуменно я спрашивал Миллюкова, откуда взялся Терещенко, никому до того неизвестный чиновник при императорских театрах, сын миллионера, — да и притом еще на посту министра финансов, на который считал себя предназначенным Шингарев, смертельно предпочтением Терещенко обиженный. Миллюков отвечал: „Нужно было ввести в состав правительства какую-нибудь видную фигуру с юга России“, а потом эта видная фигура вытеснила Миллюкова и сама заняла его место министра иностранных дел. А когда это случилось, Миллюков говорил: „При образовании Временного правительства я потерял 24 часа (а тогда ведь почва под ногами горела), чтобы отстоять князя Г. Е. Львова против кандидатуры М. В. Родзянко, а теперь думаю, что сделал большую ошибку. Родзянко был бы больше на месте“. Я был с этим вполне согласен, но ни он, ни я не подозревали, что значение кандидатуры как Терещенки, так и Львова скрывалось в их принадлежности к масонству» (И. В. Гессен. В двух веках. Берлин, 1937, с. 216—217).

²¹ П. Н. Миллюков. Воспоминания, т. II, с. 315.

которую закатил там Миллюков, пытаясь при поддержке одного только А. И. Гучкова продлить существование монархии, хотя всем присутствовавшим было ясно, что она погибла безвозвратно. «Белый, как лунь» Миллюков, по словам В. В. Шульгина, «каркал как ворон». «Монарх — это ось. . . Единственная ось страны!» — твердил он, предвещая гибель России без монархии.²² «Это была как бы обструкция! — рассказывал другой очевидец. — Миллюков точно не хотел, не мог, боялся кончить. . . никому не давал говорить, он обрывал возражавших ему, обрывал Родзянко, Керенского, всех».²³ Любопытно, что Миллюков-мемуарист в сущности подтвердил эти зарисовки, отметив лишь, что Шульгин «немного преувеличил». «В моем „карканьи“ была все-таки система», — с гордостью добавил он.

Хотя все мемуаристы и историки сходятся в том, что у Миллюкова не было ни малейших шансов на успех, в его собственных мемуарах содержится недвусмысленное признание относительно тех расчетов, которые у него в тот момент были. План кадетского лидера состоял в том, чтобы немедленно на автомобилях бежать в Москву и открыть вооруженную борьбу за монархию против революционного народа. «Может быть, тот же Рузский отнесся бы иначе к защите нового императора, при нем поставленного, чем к защите старого», — так выразил Миллюков свою надежду на вооруженную помощь фронта монархической контрреволюции.²⁴

Однако Михаил заявил о своем отказе от престола, и Миллюкову оставалось ограничиться такими формами протеста, как демонстративный отъезд с завтрака, устроенного княгиней Путятиной, и заявление об отставке, взятое к вечеру обратно. Но даже несколько десятков лет спустя он все еще утешал себя тем, что в манифесте об отречении Михаила допускалась возможность принятия трона по решению Учредительного собрания и, «таким

образом, форма правления все же оставалась открытым вопросом».²⁵

Вплоть до июльских событий лозунг республики был в полном забвении у соглашательских лидеров революционной демократии.²⁶ Как известно, в период между Февральской революцией и июльскими событиями борьба за развитие революции протекала в мирной форме.²⁷ Лозунгом большевиков в этой борьбе был переход всей власти к Советам со сменой правящих партий внутри них. При этом большевики, как позже отмечал В. И. Ленин, выставляя требование созыва Учредительного собрания, неоднократно подчеркивали, что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием.²⁸ Эффективность большевистской агитации в массах, несомненно, еще более политически обесценивала и без того педерогого стоявшую в тот исторический момент идею буржуазно-демократической республики.

Идея эта вновь возникла было в июльские дни, когда провозглашение республики вместе с роспуском Думы и Государственного совета и аграрными реформами оказалось намеченным в проекте правительственной декларации, подготовленном министрами-социалистами. Как известно, несогласие с этим проектом министра-председателя Г. Е. Львова явилось поводом к его отставке. Однако и Керенский, возглавивший правительство, и И. Г. Церетели, ставший министром внутренних дел, стремясь к коалиции с кадетами, с большой легкостью отказались и от провозглашения республики, и от роспуска Думы и Государственного совета.²⁹ Впоследствии, когда обострились разногласия внутри эсеровской партии, «Дело народа» возложило вину на Керенского, заявив, что вопрос возник «по предложению Церетели и других левых членов кабинета», но Керенский, стремясь «к расширению состава кабинета, к новому блоку с кадетами», «пришел к заключению, что потребности коалиции заставляют отказаться от этого акта».³⁰ «Было как раз наоборот», — возражал Керенский. По его словам выходило, что предложил провозгласить республику именно он, принимая пост председателя, а Церетели и «другие левые члены кабинета» его попросту обманули: предложение на словах приняли, но, воспользовавшись его отъездом на фронт, не включили в текст правительственной декларации 8 июля, в чем он, Керенский, к своему «удивлению», убе-

²² Октябрьское вооруженное восстание. . . кн. 1, с. 99.

²³ М. Алданов. Третье марта. — В кн.: П. Н. Миллюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859—1929. Париж, [б. д.], с. 31. Не объяснялся ли «республиканизм» Родзянко его надеждой на то, что с упразднением монархии посетителем верховной власти окажется Думский комитет под его председательством? Во всяком случае такое представление сложилось после свидания с Родзянко у посла США Франсиса (D. R. Francis. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 66—71). Но если Родзянко и увидел перед собой подобие президентского кресла, то видение это должно было сейчас же исчезнуть. В тот самый день 3 марта, когда было сообщено о создании Временного правительства и отречениях Николая и Михаила, ЦК кадетов, ощущавших себя правящей партией, постановил, что законодательная власть, как и исполнительная, должна принадлежать Временному правительству, а Временный комитет Государственной думы «следует оставить в бездействующем состоянии», «не упраздняя его, а также не изменяя ни в чем нынешнего состояния законодательных палат» (Вестник партии народной свободы, 11 мая, 1917 г., № 1, стр. 13).

²⁴ П. Н. Миллюков. Воспоминания, т. II, с. 317—318.

²⁵ Там же, с. 319.

²⁶ Едва ли не единственной защитницей буржуазно-республиканского принципа оказалась провозгласившая себя таковой бульварная газета «Российская республика» выходившая в Петрограде с 20 марта до 31 мая 1917 г.

²⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 5.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 102.

²⁹ Октябрьское вооруженное восстание. . . кн. 1, с. 370—371.

³⁰ Дело народа, 3 сентября 1917 г., № 145.

дился, получив декларацию в вагоне.³¹ Правда, вопрос о республике фигурировал в резолюции ЦИК,³² но двоевластие уже ушло в прошлое, и резолюция эта не очень-то связывала Временное правительство.

Тем не менее именно после июльских событий республиканским министрам-соглашателям получает новый импульс. Несколько забегаю вперед, отметим, что в официальном сообщении Временного правительства провозглашение республики мотивировалось «единодушным и восторженным признанием республиканской идеи на Московском государственном совещании».³³ Казенное объяснение это, поддержанное меньшевистской «Рабочей газетой».³⁴ Было мало состоятельно: на Московском совещании в речи Чхеидзе в весьма неопределенной форме была упомянута республика, которую должно-де закрепить Учредительное собрание, а министр внутренних дел эсер Н. Д. Авксентьев о республике вовсе не упомянул.³⁵ Действительное объяснение следует искать в конкретных особенностях политического кризиса, выход из которого Керенский усмотрел в одновременно проведенных установлении Директории и провозглашении республики. Нам представляется, однако, что объявление республики становилось неизбежным и в связи с некоторыми чертами политического развития после июльских событий и этот шаг Временного правительства был до некоторой степени обусловлен, как это ни странно, логикой его карательной политики.

Правительство Керенского начало преследовать участников июльских событий, не успев завершить юридической подготовки к этому. «Охранительное» законодательство царской власти, политически сокрушенное революционным народом, официально еще не было отменено. Собственно, речь шла не об отмене, а о замене его. Существовавшая комиссия по пересмотру уголовного уложения выделила специальную подкомиссию для переработки постановлений о государственных преступлениях. К июлю ничего еще не было готово, и июльские события, как выразился один тогдашний правовед, «заставили Временное правительство в спешном порядке восполнить пробел».³⁶ Так появилось постановление Временного правительства 6 июля, предусматривавшее заключение в тюрьму или крепости на срок до 3 лет за публичный призыв к неисполнению законных распоряжений власти (призывы, обращенные к воинским чинам, приравнивались к государствен-

ной измене и в том случае, если они носили непубличный характер).³⁷ Но юридическое несовершенство нового акта, отмеченное даже в лагере сторонников карательной политики, создавало для его применения «весьма существенные затруднения».³⁸

Затем 12 июля последовало постановление Временного правительства, предоставляющее министрам военному и внутренних дел право закрывать издания, содержавшие призывы к неповиновению военным властям, к гражданской войне и т. д., с привлечением редакторов к судебной ответственности. В тот же день была, как известно, восстановлена на время войны смертная казнь для военнослужащих за некоторые «тягчайшие» преступления. 28 июля военный министр и министр внутренних дел получили право закрывать съезды и собрания. Наконец, по постановлению Временного правительства от 2 августа эти министры могли арестовать или выслать из России любое лицо, которое будет ими признано «угрожающим обороне государства, его внутренней безопасности и завоеванной революцией свободой».³⁹ Слова о революции и свободе придавали постановлению благозвучие, а формула «внутренняя безопасность» делала сферу его применения теоретически неограниченной.

Не следует думать, что все эти новые нормы стали сейчас же применяться в сколько-нибудь широком масштабе на практике: Временное правительство в своей карательной политике испытывало множество стеснений, в основе которых был страх перед революционным народом. Да и сами новые законы, по-видимому, представлялись их творцам недостаточно эффективными. И когда после июльских дней были привлечены к суду большевики, то им было предъявлено обвинение по старой ст. 100 царского Уголовного уложения, предусматривавшей каторгу за «насильственное посягательство на изменение в России установленного Основными законами образа правления». Юридическая бессмысленность этого была очевидна и многообразна. Прежде всего, хоть Временное правительство и осуществляло как исполнительную, так и законодательную власть (издавая даже указы), вряд ли было возможно трактовать его как «образ правления». А потому, с неотразимой логичностью заключал на страницах «Рабочего пути» юрист-большевик П. И. Стучка, «требование изменения его состава, хотя бы даже насильственное, конечно, ни один серьезный юрист не подведет под ст. 100».⁴⁰

Главный конфуз, однако, был даже не в этом. Принятые в 1906 г. Основные законы, естественно, устанавливали в качестве

³⁷ Вестник Временного правительства, 7 (20) июля 1917 г., № 98 (144).
³⁸ Н. С. Тимашев, ук. соч., стб. 1209.
³⁹ Право, 22 августа 1917 г., № 33—34, стб. 1222—1223.
⁴⁰ С. [П. Стучка]. Революционные кляузы. — Рабочий путь, 5 (18) сентября 1917 г., № 2.

³¹ Воля народа, 5 сентября 1917 г., № 110.

³² Речь, 9 (22) июля 1917 г., № 159 (3901).

³³ Вестник Временного правительства, 3 (16) сентября 1917 г., № 145 (190).

³⁴ Рабочая газета, 5 сентября 1917 г., № 152.

³⁵ Речь, 15 (28), 13 (26) августа 1917 г., № 190 (3932), 189 (3931).

³⁶ Н. С. Тимашев. Преступные призывы по повелю 6 июля 1917 г. Право, 22 августа 1917 г., № 33—34, стб. 1209.

образа правления в России монархию, и теперь по точному смыслу ст. 100, примененной Временным правительством против большевиков, подлежал суду чуть ли не каждый, кто выступал за свержение монархии и установление республики. Чтобы выйти из неловкого положения, в которое оно само себя завело, Временное правительство своим постановлением 4 августа изменило редакцию ст. 100. Вместо «установленного Основными законами образа правления» в ней говорилось о «существующем государственном строе в России».⁴¹ Не говоря уже о неприменимости этой статьи к июльским событиям, было совершенно неясно, какой именно государственный строй в России существует.

Формально-юридическое решение этого вопроса становилось необходимым условием для эффективного применения разрабатывавшегося Временным правительством законодательства о государственных преступлениях. Эта необходимость усиливалась еще и критикой по адресу Временного правительства со стороны эсеро-меньшевистских лидеров за то, что оно «слабо борется» с опасностью справа. Как раз 4 августа ЦИК принял по этому поводу предложенную Церетели специальную резолюцию, в которой отмечалось усиление черносотенных элементов в связи с преследованиями большевиков.⁴² В. И. Ленин в статье «За деревьями не видят леса» показал всю бессмысленность требований борьбы с контрреволюцией, предъявляемых Временному правительству, являвшемуся инструментом в руках империалистической буржуазии.⁴³ Критика эта лишь усиливала постоянное стремление Временного правительства создавать видимость, будто оно ведет борьбу не только с большевистской партией, но и с правыми силами. В подтверждение этого теоретически можно было сослаться на законы, предназначенные для защиты существовавшего государственного строя, но, чтобы использовать их в таком качестве, не доставало опять-таки юридического определения этого строя.

Эта «неопределенность государственного строя», хоть Временное правительство и утверждало, что она была лишь «внешней», продолжалась до корниловского мятежа. Только после его разгрома, в организации которого сыграли решающую роль большевистская партия и Советы, республиканская идея ожила у Керенского. Она стала теперь элементом его бонапартистской политики, так называемой «керенщины», играя роль противовеса созданию Директории для осуществления чрезвычайной власти. В ходе правительственного кризиса, возникшего в связи с выступлением Корнилова, против Директории были кадеты, угрожавшие уходом из правительства; лидеры ЦИКа склонялись к поддержке Керенского и принятию его условий, но под давлением обстановки

высказывались против участия кадетов в правительстве. Керенский лавировал между теми и другими.⁴⁴

Центральный Комитет большевистской партии совместно с другими большевистскими организациями в разгар кризиса, 31 августа, принял резолюцию-декларацию, которая требовала создания власти из «представителей революционного пролетариата и крестьянства» и содержала программу этой власти. Хотя в этом документе вопрос о форме власти не выдвигался, существовали другие признаки предстоявшего возобновления большевиками на новой основе лозунга «Вся власть Советам!». Не менее грозное значение имел для Керенского общий рост политического влияния большевистской партии, особенно проявившийся в ходе заседания Петроградского Совета в ночь с 31 августа на 1 сентября.

В этих условиях провозглашение республики было со стороны Керенского, вероятно, не только средством удовлетворения меньшевистско-эсеровского ЦИКа, но и попыткой заслона против нарастающего влияния большевиков. И если второй роли этот акт Керенского не выполнил, то фактическому одобрению ЦИКом Директории трюк Керенского в немалой степени содействовал.⁴⁵ А в том, что это был именно трюк, мало кто усомнился. «Как нам передают, на объявление республики Временное правительство смотрит исключительно как на акт декларативный, не предполагая впредь до Учредительного собрания создавать какие-либо новые органы управления», — таким откликом ограничилась стоявшая на правом фланге печати «демократии» газета «День».⁴⁶ О декларативном характере этого акта едва ли не первым написал «Дело народа», представлявшее центральные круги эсеровской партии, с которыми у Керенского были неприязненные отношения. Провозглашение республики и коалиция с кадетами, рассуждала эта газета, вещи друг друга исключают. Поставив разрушение коалиции в заслугу своей партии, «Дело народа» писало о провозглашении республики как о «ярком и создающем популярность акте», с помощью которого «сокращенное правительство» расчищает себе «дорогу к сердцам демократии».⁴⁷

⁴⁴ См.: Октябрьское вооруженное восстание, кн. 2, с. 134—180.

⁴⁵ Существует взгляд, согласно которому провозглашение республики явилось первым актом Директории. Текст официального сообщения «Действия правительства. От Временного правительства», помещенного в «Вестнике Временного правительства» 3 (16) сентября 1917 г., заставляет, однако, считать, что Керенский провел оба своих акта — создание Директории и провозглашение республики — как решения правительства старого состава. В сообщении сначала говорится о провозглашении республики, а затем — о создании Директории. Оно подписано не только Керенским, но и министром юстиции А. С. Зарудным, который в состав Директории не вошел.

⁴⁶ День, 5 сентября 1917 г., № 16114 (155).

⁴⁷ Дело народа, 3 сентября 1917 г., № 145.

⁴¹ Вестник Временного правительства, 10 (23) августа 1917 г., № 127 (173).

⁴² Октябрьское вооруженное восстание, кн. 2, с. 106—107.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 82—83.

Без всяких оговорок и подомолвок поддержала шаг Керенского «Воля народа», орган преданного министру-председателю правого эсеровского крыла с Е. К. Брешко-Брешковской во главе. «Воля народа» усмотрела в провозглашении республики даже практический смысл, найдя, что это поможет недопущению монархической пропаганды.⁴⁸ Однако и в среде самых рьяных сторонников Керенского, по-видимому, понимали, что политический эффект провозглашения республики незначителен, что революционные массы в отличие от официальной «демократии» декларативной подачкой удовлетворить не удастся. И уже в следующем номере «Воли народа» в фельетоне Питирима Сорокина «Заметки социолога. Об обывателе и обывательщине» среди примеров якобы обывательских высказываний, от которых-де «гибнет Россия», на первом месте стояла язвительная фраза: «Республика, республика, а мясо-то подорожало, вот тебе и республика».⁴⁹

Кроме правоэсеровской «Воли народа», полную поддержку акту Керенского оказала меньшевистская «Рабочая газета», которая обрушилась на отклики «сверхрадикалов» из «Новой жизни», отнесшихся к провозглашению республики пронически.⁵⁰

Из всех откликов как «цензовой», так и «демократической» печати кадетская реакция на провозглашение республики была наиболее характерной и выявляла самые сокровенные политические установки этой партии. Кадетская «Речь» посвятила теме республики статью В. Д. Набокова, наиболее деятельного и откровенного сторонника военной диктатуры из числа членов кадетского ЦК. Вызывающим был уже самый выбор автора — кандидата в министры корниловского кабинета. Прекрасно сознавая это, Набоков писал не только с уверенностью в своей безнаказанности, но и с чувством превосходства над Керенским, казалось бы, только что подавившим корниловский мятеж. «Если признать, что 3 сентября Россия „проснулась республикой“, то приходится тут же прибавить, что едва ли она это обстоятельство особенно сильно ощутила. Пожалуй, она его даже вовсе не заметила», — злорадствовал Набоков совершенно в духе нововременца Пилленко. Приняв позу республиканца, Набоков отвергал республику без республиканских учреждений, народного представительства, конституции. Существовавший строй он определял как «дикта-

туру, умеряемую бессилем власти».⁵¹ Эта выразительная формула допускала только одно толкование — кадетам-корниловцам была нужна сильная власть, надежды на которую они связывали с установленным военной диктатурой, а то и с восстановлением монархии, ничуть не смущаясь при этом падавшим введением пункта о республике в программу своей партии.⁵²

Любопытно, что провозглашение республики в России было воспринято с гораздо большей серьезностью английской печатью, чем русской. Английские газеты, не представляя себе сколько-нибудь отчетливо ни особенностей политического положения в Петрограде, ни истинного смысла маневра Керенского, глубоко-мысленно обсуждали его значение. «Таймс» надеялась, что провозглашение республики устранил в России политическую «неустойчивость», а Директория будет работать «над восстановлением ее военной устойчивости». «Таким образом, — заключала газета, — по-видимому, существуют надежды на сосредоточение всех усилий в пользу продолжения войны, и это является единственным средством, благодаря которому Россия может выполнить свою роль, обеспечивая победу союзникам».⁵³ Еще яснее антантовский взгляд на форму правления в России был выражен в «Морнинг пост». «Насколько это касается союзников, они готовы приветствовать всякую форму правления, которая, по мнению России, больше всего отвечает ее потребностям, однако под условием, чтобы это правление основывалось на элементах, обеспечивающих свою собственную устойчивость», — писала «Морнинг пост».

«Манчестер гардиан» рассматривала провозглашение республики как создание пьедестала для фигуры Керенского. «В России, — писала эта газета, — нет другого человека, обладающего достаточной силой и властью, чтобы обуздать безумие революционного увлечения и противостоять тайным течениям. Покуда он будет на своем посту, наша страна обязана оказать ему всю поддержку, которую мы можем дать». «Дейли пьюс», более других осведомленная о политическом положении в Петрограде, призвала ЦИК (именуемый Советом) к умеренности, объявляла недемократичным требование исключения представителей буржуазии из правительства. Как и другие английские газеты, «Дейли пьюс» возлагала надежду на то, что меры Керенского ока-

⁴⁸ Воля народа, 5 сентября 1917 г., № 110.

⁴⁹ Воля народа, 6 сентября 1917 г., № 111.

⁵⁰ Рабочая газета, 5 сентября 1917 г., № 152. Один из этих откликов гласил: «Безымянное дитя февральских дней, до сих пор уклончиво именовавшееся „державой российской“, официально наречено республикой» (Свободная жизнь, 3 (16) сентября 1917 г., № 2. «Новая жизнь» сменила заголовок на «Свободная жизнь» после того, как была закрыта вместе с центральным органом большевистской партии газетой «Рабочий», обвиненная в сочувствии большевикам. Произошло это одновременно с созданием Директории и провозглашением республики).

⁵¹ Речь, 5 (18) сентября 1917 г., № 208 (3950).

⁵² В. А. Маклаков в дни корниловского мятежа добивался от генерала М. В. Алексеева, чтобы «военная власть» возвела на трон Михаила, сколько ни доказывал ему Алексеев немислимость этого (Г. А. Дамович. Василий Алексеевич Маклаков. Париж, 1959, с. 204). Маклаков даже в 1954 г. в своих воспоминаниях не мог простить «лояльным, монархическим, конституционным партиям», входившим во Временный комитет Государственной думы, того, что они 3 марта 1917 г. «убедили» Михаила отречься. (В. А. Маклаков. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954, с. 378).

⁵³ Воля народа, 6 сентября 1917 г., № 111.

жуются эффективными («приятно во всяком случае, что эти решения были достигнуты как раз в нужную минуту»)⁵⁴ Поддерживали Керенского в своих откликах на провозглашение республики и французские газеты.

Центральный орган большевистской партии «Рабочий путь» был единственной газетой как в России, так и за границей, которая полностью раскрыла смысл акта Керенского, выявила причины «долгих увиливаний и открытого сопротивления Временного правительства»,⁵⁵ показала юридические препятствия для карательной политики Временного правительства, проистекавшие из неопределенности государственного строя. Последнему вопросу была посвящена уже упоминавшаяся нами статья П. И. Стучки «Революционные кляузыники», в которой, в частности, было доказано, что произведение Временным правительством 4 августа изменение текста ст. 100 Уголовного уложения вплоть до провозглашения республики не имело ни смысла, ни юридической силы.⁵⁶

На следующий день, 6(19) сентября, в редакционной статье «Сделаем выводы» был поставлен вопрос: почему Временное правительство «так долго отказывалось» от провозглашения республики? Ответ «Рабочего пути» состоял в том, что Временное правительство до последней возможности избегало нарушения Основных законов 1906 г. и даже после того, как вынуждено было их нарушить, не закрывает Государственной думы, а тем же установленной, и т. д.

Это была мало известная сторона соглашательской политики, и ее установление на страницах «Рабочего пути» имело несомненное значение в момент, когда в рядах большевиков обсуждались поставленные В. И. Лениным вопросы о компромиссе с меньшевиками и эсерами, о возвращении к лозунгу «Вся власть Советам!», когда конфликт Директории с ЦИКом по поводу коалиции с кадетами привлек к себе пристальное внимание большевиков.

Что же касается практического значения объявления республики для политики Керенского, то он попытался еще раз использовать свой маневр, создав на основе блока с «цензовиками» предпарламент — «Временный Совет Российской республики». Однако, как известно, и эта попытка не принесла ему удачи.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Рабочий путь, 6 (19) сентября 1917 г., № 3.

⁵⁶ Рабочий путь, 5 (18) сентября 1917 г., № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
часть первая	
Д. И. Раскин, И. Я. Фроянов, А. Л. Шапиро. О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв.	5
Н. Е. Носов. О двух тенденциях развития феодального землевла- дения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. (К поста- новке вопроса)	44
Ю. Г. Алексеев. Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в.	71
А. И. Копанев. Крестьянское землевладение Подвыньи в XVI в.	103
часть вторая	
В. Г. Чернуха. Проблема политической реформы в правительст- венных кругах России в начале 70-х годов XIX в.	138
Т. М. Китанина. Программа экономического освоения Севера и тарифная политика С. Ю. Витте (К оценке Челябинского тарифа)	191
Ю. Б. Соловьев. Печать о политической роли дворянства в конце XIX в.	210
В. С. Дякин. Столыпин и дворянство (Провал местной реформы)	231
Л. Е. Шенелев. Царизм и акционерное учредительство в 1870— 1910-х годах	274
В. Н. Гинев. Февральская буржуазно-демократическая революция и аграрный вопрос у эсеров (Соотношение программы и тактики)	318
Р. Ш. Ганелин. Вокруг провозглашения России республикой (Март—сентябрь 1917 г.)	343

**ПРОБЛЕМЫ КРЕСТЬЯНСКОГО
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ**

Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР

Редактор издательства Г. А. Щербакова
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор И. М. Кашеварова
Корректоры Э. В. Коваленко, Н. В. Лихарева и Т. Г. Эдельман

Сдано в набор 10/VII 1972 г. Подписано к печати
25/X 1972 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Печ. л. 23=23
усл. печ. л. Уч.-изд. л. 26.51. Изд. № 4965, Тир. зак.
№ 1222. М-51063. Тираж 1350. Бумага № 2.
Цена 2 р. 89 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
193034, Ленинград, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

**В магазинах конторы «Академкнига»
имеются в наличии книги:**

А. А. Романов. Социально-экономическая история Северо-Вос-

ИСПРАВЛЕНИЕ И ОПЕЧАТКА

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
56	22 сверху	с конца XIV в.	с конца XVI в.
65	3 "	особенностью	собственностью

Зак. № 1222

Исследования по социально-политической истории
России. (Сборник статей памяти Б. А. Романова). 1971.
398 стр. Цена 1 р. 98 к.

Кабузан В. М. Изменения в размещении населения
России в XVIII—первой половине XIX в. (по материа-
лам ревизий). 1971. 190 стр. Цена 1 р. 02 к.

Крестьянское движение в России. Июнь 1907—
июль 1914 гг. Сборник документов. 1966. 677 стр.
Цена 2 р. 87 к.

Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения кре-
стьянского движения в России XIX в. 1967. 127 стр.
Цена 56 к.

ПРОБЛ
ЗЕМЛИ
РОССИИ

Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР

Редактор издательства Г. А. Щербакова
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор И. М. Кашеварова
Корректоры Э. В. Коваленко, Н. В. Лихарева и Т. Г. Эдельман

Сдано в набор 10/VII 1972 г. Подписано к печати
25/X 1972 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Печ. л. 23—23
усл. печ. л. Уч.-изд. л. 26,51. Изд. № 4965. Тип. зак.
№ 1222. М-51063. Тираж 1350. Бумага № 2.
Цена 2 р. 89 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В магазинах конторы «Академкнига»
имеются в наличии книги:

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Том III. 1964. 687 стр. Цена 3 р. 85 к.

Анапьев П. В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Очерки истории финансовых отношений. 1970. 316 стр. Цена 1 р. 62 к.

Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. 1960. 497 стр. Цена уц. 50 к.

Гинев В. Н. Народническое движение в Среднем Поволжье. 70-е годы XIX века. 1966. 154 стр. Цена 52 к.

Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII веке. Русское население и земледельческое освоение. 1965. 267 стр. Цена 1 р. 58 к.

Исследования по социально-политической истории России. (Сборник статей памяти Б. А. Романова). 1971. 398 стр. Цена 1 р. 98 к.

Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. (по материалам ревизий). 1971. 190 стр. Цена 1 р. 02 к.

Крестьянское движение в России. Июнь 1907—июль 1914 гг. Сборник документов. 1966. 677 стр. Цена 2 р. 87 к.

Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. 1967. 127 стр. Цена 56 к.

Новикова Н. Н. Революционеры 1861 года. «Великорусы» и его комитет в революционной борьбе 1861 г. 1968. 343 стр. Цена 1 р. 62 к.

Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина В. И. Морозова. 1967. 229 стр. Цена 99 к.

Революционная ситуация в России 1859—1861 гг. 1970. 376 стр. Цена 2 р. 28 к.

Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. 1963. 392 стр. Цена 1 р. 82 к.

Экономическое положение России накануне Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Часть 3. Сельское хозяйство и крестьянство. 1967. 540 стр. + 2 вкл. Цена 3 р. 09 к.

Заказы просим присылать по адресу:

117463, Москва, Мичуринский пр., дом № 12
Магазин «Книга — почтой» «Академкнига».

197110, Ленинград, Петрозаводская ул., дом № 7
Магазин «Книга — почтой» Северо-Западной
конторы «Академкнига».